

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан)	2
Волков П.В., Жамбалгарова Е.Д. Кинжалы фофонового могильника (из коллекции музея Бурятского научного центра СО РАН): экспериментально-трасологический аспект	22
Навасо М., Алонсо-Алькальдо Р., Бенито-Кальво А., Диес К., Перес-Гонсалес А., Карбонелл Э. Хундидеро – неандертальская стоянка открытого типа периода морской кислородно-изотопной стадии 4 (Сьерра де Атапуэрка, Испания)	29
Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников неолита Кулунды	42

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья	51
Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шаропова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино)	61
Федорова Н.В. Серебряное блюдо со сценами борьбы из Нижнего Приобья	75
Чистякова А.Н. Анализ лаковых чашек эпохи Западная Хань по иероглифическим надписям (Ноин-Ула, Монголия)	83
Митько О.А., Ступан Ю.С. Огниво с китайской надписью	90
Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов	96
Маточкин Е.П. Красные маралы Сагакулара (Республика Алтай)	107
Добжанский В.Н. «Киргизский рубеж» и порубежные волости Томского уезда в XVII веке: постановка проблемы и историография	113

ЭТНОГРАФИЯ

Миссонова Л.И. Сакральное пространство и искусство его изображения в этнической культуре Северной Азии: артефакты Сахалина	119
Петрова Н.Ю. Гончарное производство жителей села Балхар в Дагестане	130
Воронина Т.А. Рацион питания сибирских крестьян в дни поста (XIX век)	136

АНТРОПОЛОГИЯ

Пошехонова О.Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.)	142
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	156
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	157
СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2011 ГОДУ	159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.2

К.А. Колобова¹, А.И. Кривошапкин¹, А.П. Деревянко¹, У.И. Исламов²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: kolobovak@yandex.ru

E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

²Институт археологии АН Республики Узбекистан

ул. Академика В. Абдуллаева, 3, Самарканд, 140051, Узбекистан

E-mail: utkur_islamov@mail.ru

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ДОДЕКАТЫМ-2 (УЗБЕКИСТАН)*

Верхний палеолит на территории северо-запада Центральной Азии представлен неравномерно. Количество обнаруженных стоянок, относящихся к данному периоду, невелико, и в большинстве случаев это объекты с поверхностным залеганием каменных артефактов. Малочисленность верхнепалеолитических стоянок ряд исследователей объясняет депопуляцией, вероятно имевшей место в интервале 40–25 тыс. л.н. В результате работ археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, действующей в Узбекистане с 1998 г., стало возможным утверждать, что даже в условиях повышенной аридизации климата заселение древним человеком предгорных и среднегорных районов региона полностью не прекратилось. В статье подведен итог пятилетним исследованиям стоянки Додекатым-2, которые дают основание для изменения сложившихся представлений о верхнепалеолитической эпохе региона и позволяют по-новому взглянуть на культурные параллели между уже известными палеолитическими памятниками Узбекистана.

Ключевые слова: палеолит, Центральная Азия, стратиграфия, культура каменного века.

Введение

Несмотря на интенсивные археологические исследования второй половины XX в., верхний палеолит на территории северо-запада Центральной Азии изучен неравномерно [Ранов, Каримова, 2005; Vishnyatsky, 1999]. Верхнепалеолитических стоянок обнаружено немного, причем в большинстве случаев речь идет о статистически недостоверных выборках с местонахождений с поверхностным за-

леганием каменных артефактов [Davis, Ranov, 1999; Vishnyatsky, 1999]. Причину их малочисленности ряд исследователей видит в возможной депопуляции региона 40–25 тыс. л.н. Фиксируемая по палеоэкологическим данным значительная аридизация климата во второй половине верхнего неоплейстоцена могла привести к резкому уменьшению животных и растительных ресурсов на рассматриваемой территории и вследствие этого к сокращению популяций древних охотников и собирателей [Davis, Ranov, 1999; Ранов, 1972].

До настоящего времени вся верхнепалеолитическая эпоха столь обширной территории характеризовалась лишь на основании материалов двух стратифицированных памятников – Шугноу в Восточном Таджикистане и Самаркандской стоянки в Узбеки-

*Работа выполнена в рамках ГК № 02.740.11.0353 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проекта программы РАН № 28.1.9 «Культура первобытного населения Северной Азии на рубеже среднего и верхнего палеолита» и проекта РФФИ № 11-06-12003 офи-м.

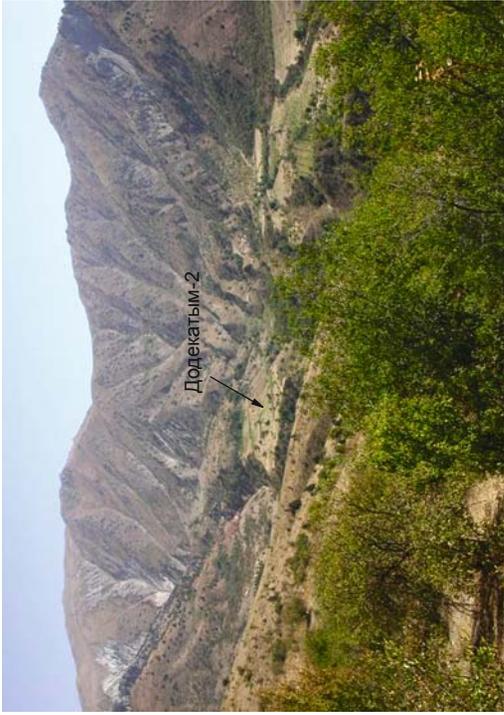
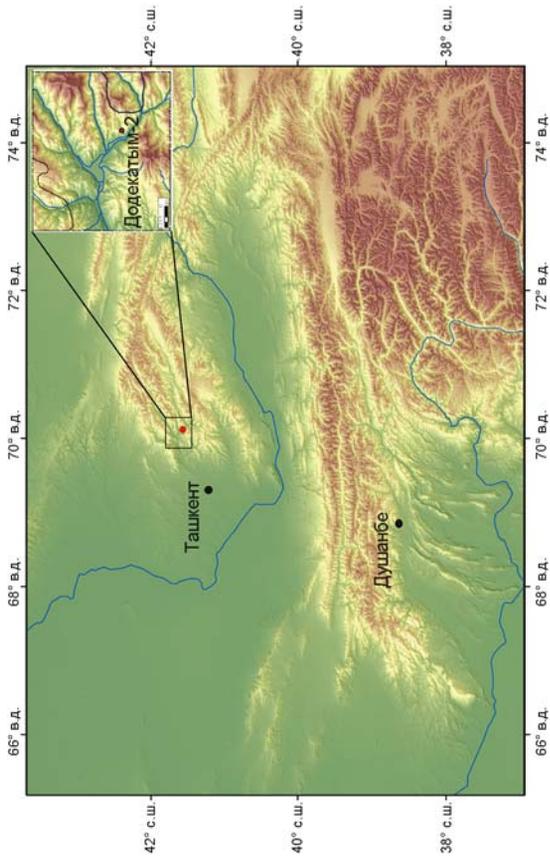
стане, – исследование которых проводилось в течение XX в. [Коробкова, Джуракулов, 2000; Джуракулов, 1987; Ранов, 1973]. Из-за недостаточности фактических данных были определены только общие черты этой эпохи в Средней Азии. Во-первых, главной особенностью верхнего палеолита региона, по мнению исследователей, является его мозаичность, препятствующая объединению стоянок в полноценные культуры и их дальнейшему культурно-хронологическому ранжированию. Единственное исключение – «самаркандская» культура, выделенная на основе материалов со стоянок Самаркандская, Сиабча и Ходжимозгиль [Ранов, Несмеянов, 1973; Коробкова, Джуракулов, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. Во-вторых, несмотря на разрозненность данных, общей характеристикой всех верхнепалеолитических комплексов Средней Азии считалась их архаичность. Нуклеусы и орудия среднепалеолитических типов (прежде всего дисковидные нуклеусы, галечные варианты скребел и рубящих орудий) составляют, по мнению большинства исследователей середины и конца XX в., значительную, а то и большую часть технокомплексов [Ранов, 1966; Абрамова, 1984; Коробкова, Джуракулов, 2000]. В-третьих, постулировался непластинчатый характер индустрий верхнего палеолита и отмечались нетипичность, а чаще полное отсутствие орудий, выполненных на пластинках или микропластинах. Верхнепалеолитические комплексы региона соотносились преимущественно с индустриями Западной и Восточной Сибири, и именно в этом контексте строились гипотезы, объясняющие генезис верхнего палеолита Средней Азии [Абрамова, 1984; Коробкова, Джуракулов, 2000].

Изыскания международной археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, работающей в Узбекистане с 1998 г., показали, что, несмотря на повышенную аридизацию климата в финале верхнего неоплейстоцена, древний человек не покинул предгорные и среднегорные районы региона. После открытия ряда новых многослойных верхнепалеолитических местонахождений в Ташкентском оазисе, в частности Кызыл-Алма-2 [Колобова и др., 2010] и Додекатым-2 [Кривошапки и др., 2005], и возобновления исследования ранее известных палеолитических памятников, прежде всего раскопок на стоянке Кульбулак [Деревянко и др., 2007], «верхнепалеолитическая лакуна» региона стала интенсивно заполняться.

Данная работа подводит итог пятилетнему изучению стоянки Додекатым-2. Результаты исследования вносят коррективы в сложившиеся представления о верхнепалеолитической эпохе региона и позволяют по-новому взглянуть на культурные параллели между уже известными палеолитическими памятниками Узбекистана.

История открытия и место расположения стоянки

В августе 2005 г. сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН К.И. Милютин и В.С. Славинский провели разведочное обследование территории в среднем течении р. Пальтау (правый приток р. Чаткал, Ташкентская обл., Республика Узбекистан) (рис. 1, 1). В 10 км выше устья реки на правом ее берегу на субгоризонтальной террасовидной площадке, находящейся на высоте ок. 30 м над уровнем реки и ограниченной с двух сторон р. Пальтау и ее левым притоком (рис. 1, 2), в выемке полевой дороги были обнаружены два пункта с подъемным археологическим материалом, удаленные друг от друга на 140 м. Они получили общее название Додекатым, по господствующей в бассейне реки горной вершине, с цифровым обозначением 1 и 2 (рис. 1, 4). В местах концентрации подъемного материала в 2005 г. были заложены разведочные шурфы, врезанные в обращенный к левому притоку реки склон террасовидного уступа. Культурные остатки, обнаруженные при исследовании пункта Додекатым-1, были включены в один литологический слой, сильно перемещенный склоновыми процессами. Каменные артефакты представлены нуклеусами (демонстрирующими одноплощадочную пластинчатую и мелкопластинчатую параллельную стратегию утилизации), концевыми скребками на пластинах и отщепях, скребками с ретушью по периметру, фрагментами пластин и отщепами с ретушью [Кривошапки и др., 2005]. Разведочный шурф площадью 6 м², заложенный на местонахождении Додекатым-2 (41°34'20,4" с.ш., 70°09'48,9" в.д., абсолютная высота 1 496 м), продемонстрировал наличие нескольких относительно ненарушенных культурных слоев, содержащих артефакты верхнепалеолитического облика [Там же]. Первоначально было выделено восемь уровней залегания культурных остатков, однако детальные планиграфические и стратиграфические наблюдения в ходе полевых исследований 2006–2007 гг. показали, что более обоснованно можно говорить о пяти культуросодержащих слоях, верхний из которых, включенный в дерново-почвенный горизонт, в значительной степени нарушен и содержит помимо палеолитических артефакты более позднего времени. В 2006 г. к разведочному шурфу прирезали раскоп площадью 9 м², где вскрыли первый смешанный горизонт (слой 1) и второй культуросодержащий слой. Тогда же для выявления нижележащих культурных отложений, уточнения стратиграфии и генезиса самого террасообразного уступа была заложена траншея, рассекающая борт террасовидной площадки до уровня долины. Культурных отложений, залегающих ниже археологического слоя 5, не обнаружено. Работы на раскопе 2006 г. продолжались в полевые сезоны 2007,

2

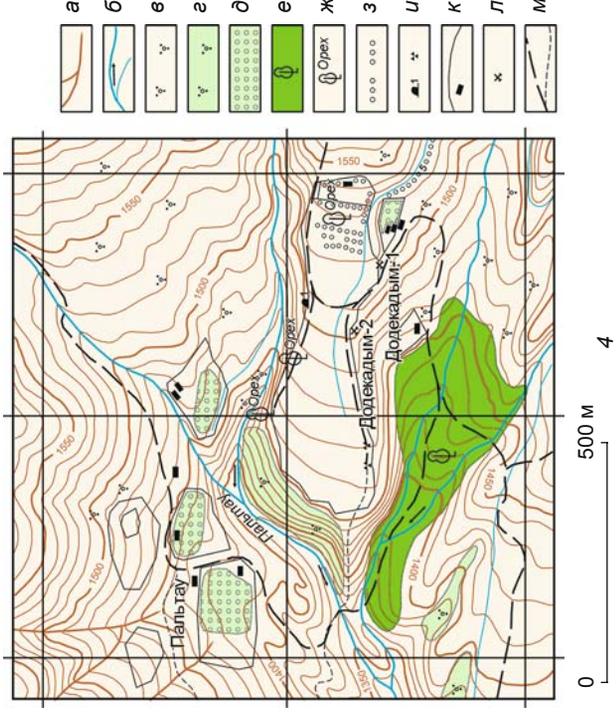
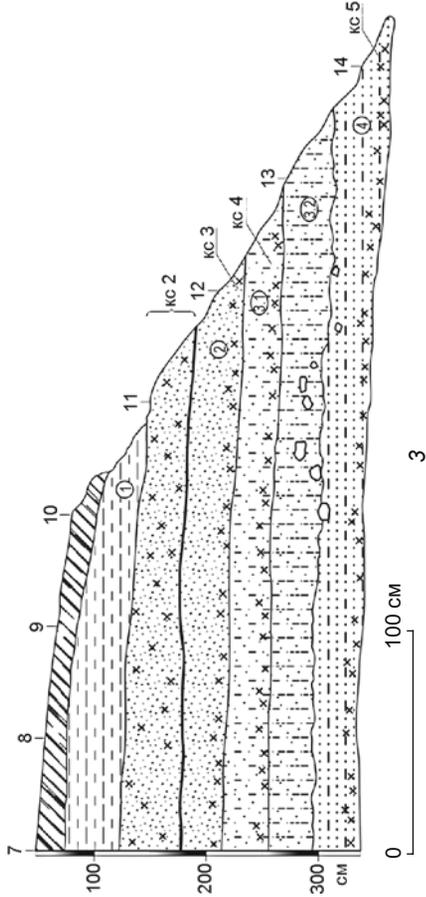

Рис. 1. Географическое положение стоянки Додекатым-2 (1), вид на памятник с запада (2), стратиграфия культуросодержащих отложений (3), ситуационный план (4) памятника. а – эрозионные рывтины; б – реки и арки; в – отдельные кусты и группы кустов; г – заросли кустарника; д – сады; е – лесная растительность (береза); ж – отдельные деревья – ориентир (грецкий орех, высота 10 м); з – полосы деревьев; и – отдельные камни и кучи камней; к – проволочные и деревянные ограды и отдельные строения; л – горные выработки; м – полевые грунтовые дороги и вывозные тропы.

2008, 2010 гг. В результате были раскопаны все культурные слои (2–5) памятника. В данной статье анализируются археологические материалы, полученные при раскопках стоянки Додекатым-2 в 2005–2010 гг. (6 754 каменных артефакта).

Стратиграфия памятника

Стратиграфия стоянки Додекатым-2 (рис. 1, 3) обусловлена делювиально-пролювиальным генезисом предгорного шлейфа (террасовидного уступа). Его основу составляет крупное оползневое тело, в середине разреза ясно прослеживаются отложения древних периодических грязекаменных (селевых) потоков, а сверху – делювиальные и эоловые осадки, в которые и вмещены археологические слои. Раскопом вскрыты следующие стратиграфические отложения, содержащие культурные остатки (сверху вниз)*:

Слой 1. Светло-серый лессовидный суглинок эолового (с делювиальной составляющей) генезиса. Первичная текстура отложений в целом массивная, но из-за множества биотурбаций (ходы землеройных животных) имеет пятнистый облик. Кровля (современная почва) представляет собой прослой (0,2–0,3 м) светлого коричневатого-серого суглинка, пронизанного корнями современных растений. В нижней половине слоя (особенно на контакте с подстилающими осадками) встречаются Са-конкреции неправильных форм, а также многочисленные раковины гастропод. Подошва нечеткая, слабоволнистая, отложения плавно переходят в нижележащие, что говорит, возможно, о согласном залегании. Однако ходы землеройных животных редко проникают в более плотные отложения слоя 2, это может указывать на некоторый перерыв и смену условий седиментогенеза. Истинная мощность слоя 0,95–1,10 м. В отложениях встречаются каменные артефакты палеолитического облика и разновременная керамика (культурный слой 1), что свидетельствует об активном био- и антропогенном перемешивании слоя.

Слой 2. Плотный светло-коричневый суглинок с желтовато-серыми, темно-серыми, иногда черно-серыми пятнами. Темный оттенок обусловлен обогащением осадков гумусовым веществом и золой, линзы которой имеют длину от 10 до 20 см и истинную мощность до 1,5 см. В средней части слоя четко прослеживается уровень окислов Fe в виде рыже-черной полосы (истинная мощность до 3 см), падающей по азимуту 260–300°. В отложениях встречаются остатки гастропод и млекопитающих. Отмечены редкие ходы землеройных животных. В подошве слоя встречаются окатыши Са-конкреций, дресва и мелкий (до 3 см) щебень, а непосредственно на поверхности напла-

тования с отложениями слоя 3 – сильно выветренные полуокатанные плоские гальки, крупный щебень и валуны серого гранита. Контакт слоев слегка размыт, однако свидетельств значительного перерыва осадконакопления не наблюдается. Генезис отложений, вероятно, пролювиально-делювиальный. Пористость практически отсутствует, что говорит и о некоторой водной переработке осадков (возможно, с высокой ролью эолового накопления). Истинная мощность слоя от 0,3 до 0,5 м. В нем содержатся два археологических уровня – слои 2 (верхняя часть стратиграфического подразделения) и 3 (подошва).

Слой 3. Состоит из двух прослоев. Первый представляет собой светлый желтовато-серый (во влажном состоянии желто-коричневый с рыжим оттенком из-за окислов Fe) плотный суглинок, в нижней части замечен зеленоватый или голубоватый оттенок. Текстура массивная, пористость минимальная. Генезис, вероятно, пролювиально(?) - делювиальный, с определенной долей эолового материала. Истинная мощность прослоя от 0,15 (западная стенка раскопа) до 0,40 м (восточная стенка), разница обусловлена, возможно, размывом кровли. Подошва нечеткая, неясная, но субгоризонтальная, отложения плавно переходят в нижележащие. На контакте с нижним прослоем зафиксированы редкие дресва и щебень гранита. К подошве прослоя приурочено залегание археологического слоя 4. Второй прослой представляет собой светло-коричневый (во влажном состоянии темный зеленовато-коричневый) плотный суглинок, в самом низу отложения приобретают темно-серый цвет со слабым зеленоватым оттенком. Текстура массивная. В нижней половине прослоя нередко дресва и мелкий щебень гранита. Сортировка отсутствует, что может указывать на пролювиальный или коллювиальный генезис, возможно, с определенной ролью делювиальных процессов. Истинная мощность прослоя в восточной части раскопа 0,4 м, в центре – 0,5, в западной части – 0,7 м. Увеличение мощности происходит из-за снижения уровня подошвы. Последняя весьма неровная, с западинами. Отложения, вероятно, с перерывом перекрывают подстилающие. В археологическом отношении данный прослой стерилен.

Слой 4. В основном это пролювиальные отложения, но местами (особенно в кровле) представлены прослой делювиального генезиса с примесью осыпного и обвального материала (в зоне тылового шва оползня, составляющего основу террасовидного уступа). В кровле слоя дресва и мелкий щебень гранита. Ниже залегает очень неровный прослой (истинная мощность 0,2–0,4 м) темной серо-коричневой глины с большой примесью грубозернистого песка, дресвы и мелкого щебня гранита. Его подстилают слойчатые слабосортированные отложения, представленные пестрыми прослоями, линзами и слойками, состоящими из плохо окатанных обломков гранита (до 0,05–0,10 м). Заполнителем вы-

*Описание выполнено С.В. Лещинским.

ступает разнородный неокатанный песок и в меньшей степени светло-коричневый (в сухом состоянии) суглинок. Среди обломков встречается темный серо-зеленый среднезернистый песчаник. Истинная мощность прослоев со щебнем до 0,2 м (доля таких прослоев до 20 %). Основная масса слоя состоит из светло-коричневых, розовато-коричневых и светло-серых (со слабым зеленоватым оттенком) прослоев существенно песчано-глинистого состава (мощность 0,05–0,20 м), в которых большой объем занимают окатыши глин и суглинков (до 1 см). Сортировка материала внутри прослоев плохая, но поверхности напластований диагностируются уверенно. Видимая мощность всего слоя по стенке раскопа составляет 1,55–1,80 м. Нижняя его часть содержит культурный слой 5.

Каменный инвентарь

Сырьевой базой индустрии стоянки примерно в равной степени служили как местные (кремень по известняку, кремненые брекчии), так и приносные (кремень, халцедон, песчаники, кварциты, кварц, диабаз из бассейна р. Чаткал, расстояние ок. 10–15 км) материалы (определение Н.А. Кулик). Наиболее массово использовались кремень (местный и приносной), халцедон, песчаники и кварциты.

Описание каменного инвентаря приводится согласно выделенным пяти культуросодержащим слоям, начиная с нижнего. В категорию отходов производства включены обломки, осколки, чешуйки и мелкие отщепы (менее 2 см в наибольшем измерении); при расчетах процентного соотношения арте-

фактов внутри слоев они не учитывались. Мы решили отказаться от распространенного в русскоязычной литературе деления мелких пластинчатых заготовок на пластинки (ширина от 6 до 12 мм) и микропластины (ширина до 6 мм) [Абрамова, 1979а, б]. На наш взгляд, подобное разграничение имеет смысл для индустрий с выраженной дифференциацией производства мелких заготовок на уровне как первичного расщепления (различные типы нуклеусов и техники расщепления), так и вторичной отделки (например, «мелкопластинчатые» и «микропластинчатые» варианты верхнепалеолитических комплексов Северо-Восточной Азии [Лисицын, 2000; Акимова, Стасюк, Мотузко, 2005]). В материалах всех слоев местонахождения Додекатым-2 мелкие пластинки и микропластины изготовлены по одной и той же технологической схеме. Зачастую длина и ширина заготовок зависели лишь от степени сработанности нуклеуса. Более того, анализ характера вторичной обработки и типов оформляемых на пластинках и микропластинах орудий не выявил принципиальных различий, обусловленных метрическими ограничениями. При описании каменного инвентаря мелкие пластинки и микропластины объединены в одну категорию – «пластинки» (*bladelet, lamelle*), т.е. сколы, длина которых больше ширины в 2 раза и более, а ширина не превышает 12 мм [Leroi-Gourhan, 1997, p. 627]. Тем не менее название «микропластина» используется нами с целью подчеркнуть миниатюрность ряда изделий и стандартизацию вторичной отделки, не зависящую от размеров скола.

Индустрия культурного слоя 5. Всего обнаружено 357 каменных артефактов, из которых 177 – от-

Таблица 1. Распределение каменных артефактов по слоям

Категория первичного расщепления	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Нуклеидные изделия*	31	4,0	3	1,8	28	6,0	20	11,1
Технические сколы*	56	7,2	2	1,2	50	10,7	11	6,1
Остроконечники*	8	1,0	–	0,0	–	0,0	1	0,6
Отщепы*	205	26,5	60	36,6	144	30,8	59	32,8
Пластинчатые отщепы*	43	5,5	9	5,5	31	6,6	7	3,9
Пластины*	111	14,3	27	16,5	39	8,3	22	12,2
Пластинки*	321	41,4	63	38,4	176	37,6	60	33,3
<i>Итого</i> (без отходов производства)**	775	26,4	164	21,4	468	17,4	180	50,4
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки)**	2 161	73,6	601	78,6	2 229	82,6	177	49,6
<i>Всего</i>	2 936	100,0	765	100,0	2 697	100,0	357	100,0

*Указан процент от количества артефактов из слоя без отходов производства.

**Указан процент от общего числа артефактов из слоя.

ходы производства (табл. 1). Стратегии первичного расщепления были направлены преимущественно на получение разноразмерных пластинчатых заготовок с призматических и торцовых нуклеусов.

Нуклевидные изделия включают нуклевидные обломки и типологически выраженные нуклеусы (табл. 2). Торцовый принцип расщепления использовался для производства как пластин, так и пластинок (рис. 2, 12). Комбинаторный (сочетание плоскостного и торцового) представлен одним нуклеусом. Среди ядрищ, демонстрирующих призматический принцип расщепления, наибольшую серию составляют кареноидные нуклеусы на массивных сколах поперечной системы снятий с широким фронтом (рис. 2, 3, 4, 5).

Заготовки снимались с неподготовленной ударной площадки на вентральной плоскости сколов таким образом, что полезный объем ядрища истощался между вентральной и дорсальной плоскостями. Фронт расщепления оформлялся широким, выпуклым, подковообразным в плане. В результате получаемые заготовки имели четырехугольную форму, часто со слегка закругленным дистальным окончанием с изогнутым либо пропеллерообразным профилем. Лишь у одного нуклеуса (рис. 2, б) использовались две ударные площадки (вентральная плоскость первоначальной массивной заготовки и противоположная плоскость естественного разлома); снятие заготовок производилось во встречном направлении, но в разных плоскостях. Сня-

Таблица 2. Распределение нуклеусов по слоям

Тип	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Плоскостное расщепление*	4	18,2	–	–	2	10,5	1	10,0
Одноплощадочный монофронтальный для отщепов	1	–	–	–	–	–	–	–
Одноплощадочный монофронтальный для пластин	1	–	–	–	–	–	1	–
Одноплощадочный бифронтальный для отщепов	1	–	–	–	–	–	–	–
Двухплощадочный монофронтальный для пластин	1	–	–	–	1	–	–	–
Двухплощадочный монофронтальный для отщепов	–	–	–	–	1	–	–	–
Торцовое расщепление*	3	13,6	–	–	8	42,1	2	20,0
Одноплощадочный монофронтальный для пластинок	3	–	–	–	4	–	2	–
Одноплощадочный бифронтальный для пластинок	–	–	–	–	1	–	–	–
Клиновидный для пластинок	–	–	–	–	3	–	–	–
Комбинаторные нуклеусы*	–	–	–	–	–	–	1	10,0
Призматическое расщепление*	15	68,2	1	100,0	9	47,4	9	60,0
Одноплощадочный для отщепов	3	–	–	–	–	–	–	–
Одноплощадочный для пластин	2	–	1	–	3	–	2	–
Одноплощадочный для пластинок	5	–	–	–	2	–	–	–
Двухплощадочный для пластин	–	–	–	–	1	–	–	–
Конусовидный для пластинок	2	–	–	–	–	–	–	–
Кареноидный для пластинок	3	–	–	–	3	–	7	–
<i>Итого</i> (типологически выраженных)**	22	68,7	1	33,3	19	59,1	13	65,0
Истощенные нуклеусы**	3	9,4	–	–	5	22,7	–	–
Нуклевидные обломки**	7	21,9	2	66,7	4	18,2	7	35,0
<i>Всего</i>	32	100,0	3	100,0	28	100,0	20	100,0

*Указан процент от количества типологически выраженных нуклеусов из слоя.

**Указан процент от общего числа нуклевидных изделий из слоя.

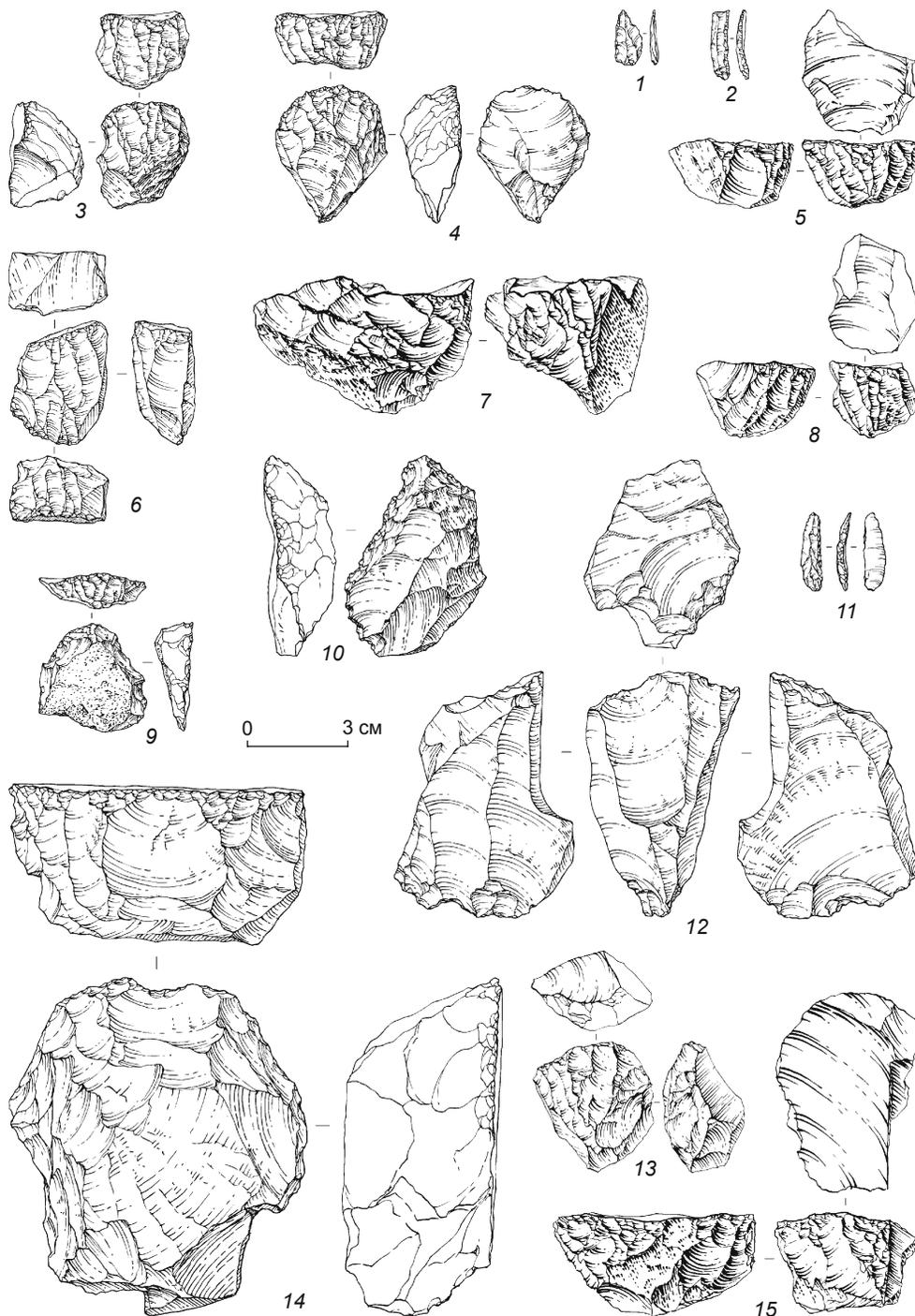

Рис. 2. Каменный инвентарь из культурных слоев 5 (3–15) и 4 (1, 2).

тые с первой площадки пластинки имели изогнутый профиль, а со второй – прямой. Интересны кареноидные нуклеусы с узким фронтом, который создавался и поддерживался латеральными снятиями (рис. 2, 7, 8). Проведенный трасологический анализ* показал пол-

*Трасологический анализ артефактов со стоянки выполнен Е.Ю. Гирия.

ное отсутствие каких-либо следов использования этих изделий в качестве орудий, лишь одно из них было переоформлено впоследствии в скребло (рис. 2, 15). Близкую к вышеописанной категории ядрищ позицию занимают одноплощадочные призматические нуклеусы для получения пластин (2 экз.), напоминающие скребло типа «рабо» (рис. 2, 14) [Leroi-Gourhan, 1997, p. 919]. В коллекции представлен один плоскостной

нуклеус, с единственной ударной площадки которого конвергентно снимали сколы с параметрами пластинок (рис. 2, 13).

Технические сколы (11 экз.) характеризуют преимущественно первоначальный этап раскалывания отдельностей сырья (краевые сколы), два экземпляра относятся к редукционной стадии подживления фронта скалывания, один скол получен в результате латеральной подправки кареноидного нуклеуса.

Доля пластинчатых сколов (пластины и пластинки) составляет 49,4 %, а сколов с пропорциями отщепов – 32,8 %.

Орудийный набор насчитывает 13 экз. (табл. 3). Микроинвентарь представлен пластинками с притупленным краем (рис. 2, 11) и с ретушью функционального происхождения.

Из имеющихся в коллекции двух скребел одно продольное прямое одинарное (рис. 2, 10), другое – одинарное продольно-выпуклое (рис. 2, 15). У концевой скребка рабочее лезвие оформлено дорсальной крутой субпараллельной ретушью (рис. 2, 9).

Типологически невыраженные орудия представлены пластинами с ретушью (5 экз.) и отщепом с ретушью утилизации.

Индустрия культурного слоя 4. Коллекция насчитывает 2 697 каменных артефактов, из них 2 229 – отходы производства (см. табл. 1).

Нуклеидные изделия (см. табл. 2) представлены нуклеидными обломками, истощенными ядрищами и типологически выраженными нуклеусами. Плоскостной принцип расщепления в параллельной системе скалывания использовался для получения как отщепов

Таблица 3. Распределение орудий по слоям

Тип	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Слой 5	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Скребло	–	–	–	–	1	1,1	2	15,4
Зубчатое орудие	–	–	–	–	1	1,1	–	–
Резец	2	1,7	–	–	1	1,1	–	–
Шиповидное орудие	5	4,2	1	3,0	4	4,6	–	–
Нож	–	–	2	6,1	–	–	–	–
Скребок	9	7,5	2	6,1	14	16,1	1	7,7
Проколка	9	7,5	–	–	7	8,0	–	–
Долотовидное орудие	5	4,2	4	12,1	7	8,0	–	–
Комбинированное орудие (скребок-долото)	–	–	1	3,0	2	2,3	–	–
Остроконечник с базальной выемкой	1	0,8	–	–	–	–	–	–
Отщеп с ретушью	5	4,2	4	12,1	7	8,0	1	7,7
Пластина с ретушью	11	9,2	5	15,2	6	6,9	5	38,5
Чоппер	–	–	1	3,0	–	–	–	–
Микроинвентарь	73	60,8	13	39,4	34	39,1	4	30,8
Микроострие	7	–	–	–	2	–	–	–
Треугольный микролит	29	–	3	–	1	–	–	–
Сегмент	1	–	–	–	–	–	–	–
Трехгранный микролит	–	–	1	–	–	–	–	–
Пластинки и микропластины с притупленным краем	28	–	1	–	2	–	3	–
Пластинки и микропластины с ретушью	1	–	3	–	9	–	1	–
Пластинки и микропластины с утилизационной ретушью	7	–	4	–	16	–	–	–
Пластинки с ретушью и подтеской основания	–	–	1	–	4	–	–	–
Тронкированный скол	–	–	–	–	2	2,3	–	–
Обломок орудия	–	–	–	–	1	1,1	–	–
<i>Всего</i>	120	100,0	33	100,0	87	100,0	13	100,0

пов, так и мелкопластинчатых заготовок. Все торцовые нуклеусы – одноплощадочные монофронтальные и бифронтальный, клиновидные (рис. 3, 26) – служили для производства пластинок. Призматический

принцип расщепления представлен одно- и двухплощадочными ядрищами для снятия пластин, одноплощадочными для получения пластинок и кареноидными нуклеусами (рис. 3, 23, 25).

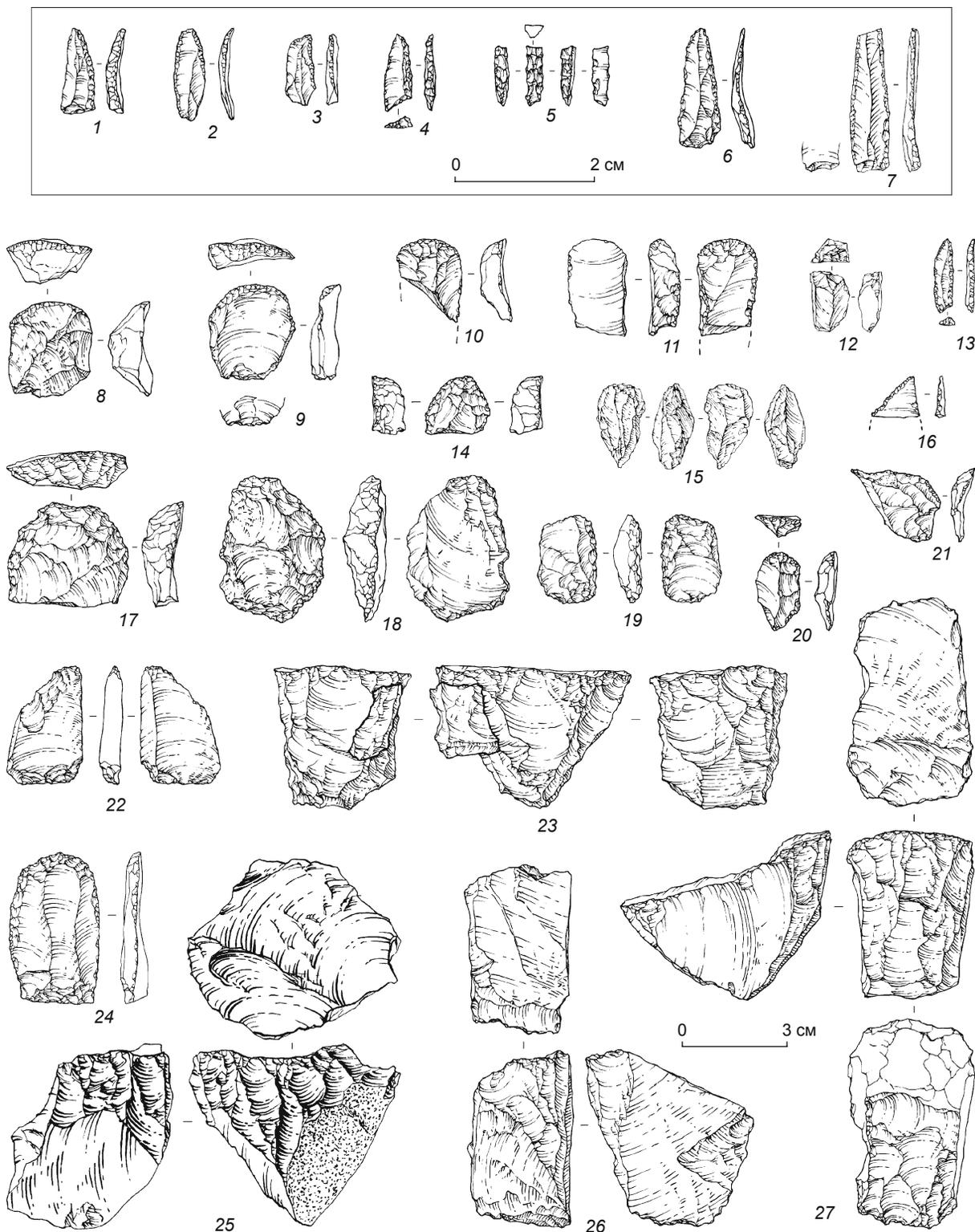

Рис. 3. Каменный инвентарь из культурных слоев 4 (1-3, 8-12, 14-19, 21-26), 3 (4-7, 13, 20) и 2 (27).

Доля пластинчатых заготовок составляет 52,6 %, отщепов – 30,8 %.

Большинство технических сколов краевые, однако имеются реберчатые и полуреберчатые, а также два скола подправки ударной площадки («таблетки»).

Орудийный набор (см. табл. 3) насчитывает 87 экз. Наиболее важными его компонентами являются изделия, относящиеся к микроинвентарю, скребки и долотовидные орудия. В группе микроинвентаря наиболее интересной находкой является треугольный микролит (рис. 3, 1), оформленный на притупленной по правому продольному краю микропластине. Основание диагонально тронкировано. Необработанный длинный край имеет следы утилизации. В коллекции представлены также микроострия, выполненные на притупленных микропластинах (см. рис. 2, 1), пластинки с притупленным краем (см. рис. 2, 2), пластинки и микропластины с ретушью (см. рис. 3, 2), бипродольно ретушированные пластинки с подтесанным основанием. Помимо преднамеренно оформленных орудий, в коллекции микроизделий имеются и пластинки с ретушью утилизации.

Большинство скребков (11 экз.) концевые (см. рис. 3, 8–12, 24), один с шипом (см. рис. 3, 17) и два ногтевидные, один из которых типологически может быть определен как скребок высокой формы (см. рис. 3, 14). Комбинированные орудия сочетают рабочие лезвия скребка и долота. Выделенное в коллекции одинарное продольно-выпуклое скребло (см. рис. 3, 18) также имеет долотовидное лезвие, созданное в дистальной части заготовки. Долотовидные орудия изготовлены преимущественно из отщепов и обломков кварца и горного хрусталя. Четыре из них однолезвийные (см. рис. 3, 19, 22), три двулезвийные (см. рис. 3, 15). Проколки (см. рис. 3, 3, 21) могут быть подразделены на две категории: с рабочим элементом, заданным в процессе первичного расщепления (2 экз.), и с острием, оформленным модифицирующей ретушью (5 экз.). У массивных шиповидных орудий рабочие элементы созданы ретушированием углов между плоскостью поперечного слома скола-заготовки и его продольным краем. В коллекции представлены также тронкированные сколы (пластина и пластинка), двойной многофасеточный угловой резец и зубчатое изделие.

Типологически невыраженные орудия включают пластины с ретушью (2 экз.), пластины и отщепы с ретушью утилизации (соответственно 4 и 7 экз.). Имеется также обломок орудия неясной типологии (см. рис. 3, 16).

Индустрия культурного слоя 3. Всего найдено 765 каменных артефактов, большинство из которых (601 экз.) составляют отходы производства (см. табл. 1).

Нуклеидные изделия (см. табл. 2) представлены нуклеидными обломками и единственным типологически выраженным нуклеусом призматического

принципа расщепления. Одноплощадочное ядрище было предназначено для получения пластин и пластинчатых отщепов с ударной площадки, созданной на поверхности естественного разлома отдельности сырья.

Доля пластинчатых заготовок составляет 60,4 %, отщепов – 36,6 %.

Все имеющиеся в коллекции технические сколы краевые.

Орудийный набор (см. табл. 3) насчитывает 33 экз. К микроинвентарю отнесено 13 орудий. Наиболее интересны треугольные микролиты (см. рис. 3, 4, 13), изготовленные из дистальных фрагментов мелких пластинок и микропластин, тронкированных под тупым углом к правому продольному краю, который притуплен отвесной постоянной сильномодифицирующей дорсальной ретушью. Противоположный край несет следы немодифицирующей ретуши утилизации. Среди других категорий микроинвентаря выделяется фрагмент трехгранного микролита (см. рис. 3, 5), созданного крутым ретушированием обоих продольных краев. Представлены также пластинки с ретушью (см. рис. 3, 6), с притупленным краем, с ретушью утилизации и пластинка с ретушью продольных краев и базальной подтеской (см. рис. 3, 7).

Долотовидные орудия оформлены на отдельностях горного хрусталя (3 экз.) и кремневого известняка (1 экз.). Все они однолезвийные, рабочие лезвия созданы при помощи сколов подтески и бифасиальной ретуши. Скребки представлены концевой (см. рис. 3, 20) и боковой (рис. 4, 4) разновидностями. В базальной части последнего изделия фиксируются следы утончающей вентральной подтески. У ножей в качестве обушка выступают остаточные гладкие ударные площадки, а рабочие лезвия (продольный край заготовки) подправлены дорсальной чешуйчатой ретушью. Комбинированное орудие имеет скребковое рабочее лезвие, оформленное в дистальной части заготовки, и два долотовидных, которые расположены напротив друг друга на продольных краях. Единичными экземплярами представлены шиповидное орудие и чоппер, выполненный крутой оббивкой на плоской гальке.

Типологически невыраженные орудия включают отщепы (4 экз.) и пластины (5 экз.) с ретушью, преимущественно утилизационного характера.

Индустрия культурного слоя 2. Эта коллекция наиболее многочисленна – 2 936 каменных артефактов, из них к отходам производства отнесен 2 161 (см. табл. 1).

Нуклеидные изделия (см. табл. 2) включают 22 типологически выраженных ядрища. Доминируют нуклеусы призматического принципа расщепления: одноплощадочные, у которых фронт скалывания занимает 3/4 периметра заготовки (рис. 5, 29), для получения отщепов; с фронтом, занимающим весь

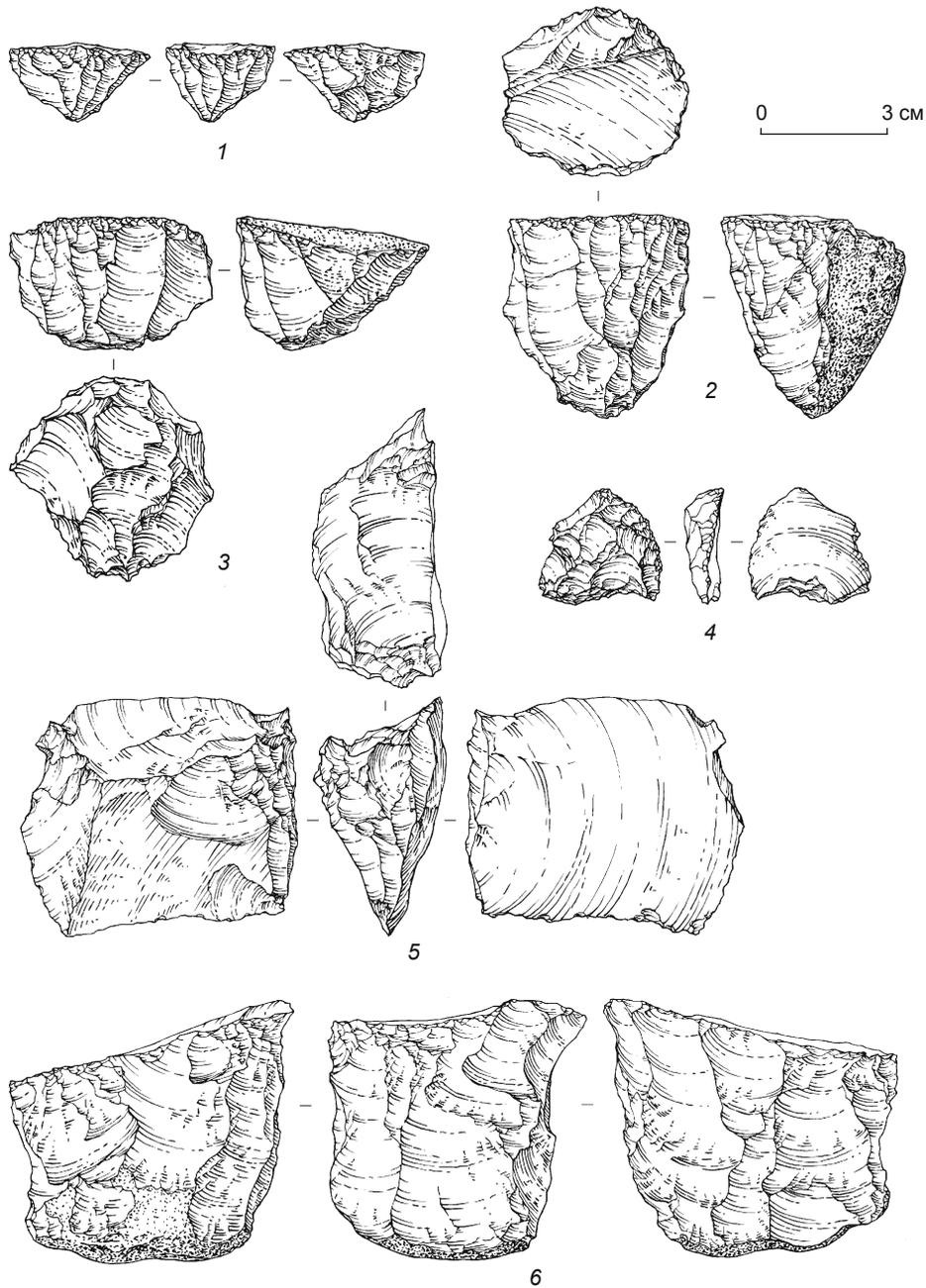

Рис. 4. Каменные артефакты из культурных слоев 3 (4) и 2 (1–3, 5, 6).

периметр (см. рис. 4, 3, 6), для снятия пластин и с фронтом, занимающим 1/2 периметра (см. рис. 5, 31), для производства пластинок и микропластин; конусовидные ядрища для получения пластинок и микропластин (см. рис. 4, 1, 2); кареноидные бифронтальные (см. рис. 3, 27) из заготовок ладьевидной в профиле формы; нуклеус-скребок (см. рис. 5, 22), у которого фронт скалывания занимает весь периметр. Плоскостной принцип расщепления представлен одноплощадочными монофронтальными ядрищами для получения отщепов и пластин, одноплощадочным бифронталь-

ным для производства отщепов и двуплощадочным монофронтальным для снятия пластин. Торцовые нуклеусы одноплощадочные монофронтальные (см. рис. 4, 5), оформлены на крупной пластине и массивных отщепах. Фронтом скалывания в двух случаях служили большие остаточные ударные площадки сколов-заготовок, что задавало им клиновидную форму.

Доля пластинчатых заготовок составляет 61,3 %, отщепов – 26,5 %.

Достаточно высок процент технических сколов, большинство из которых краевые. Присутствуют так-

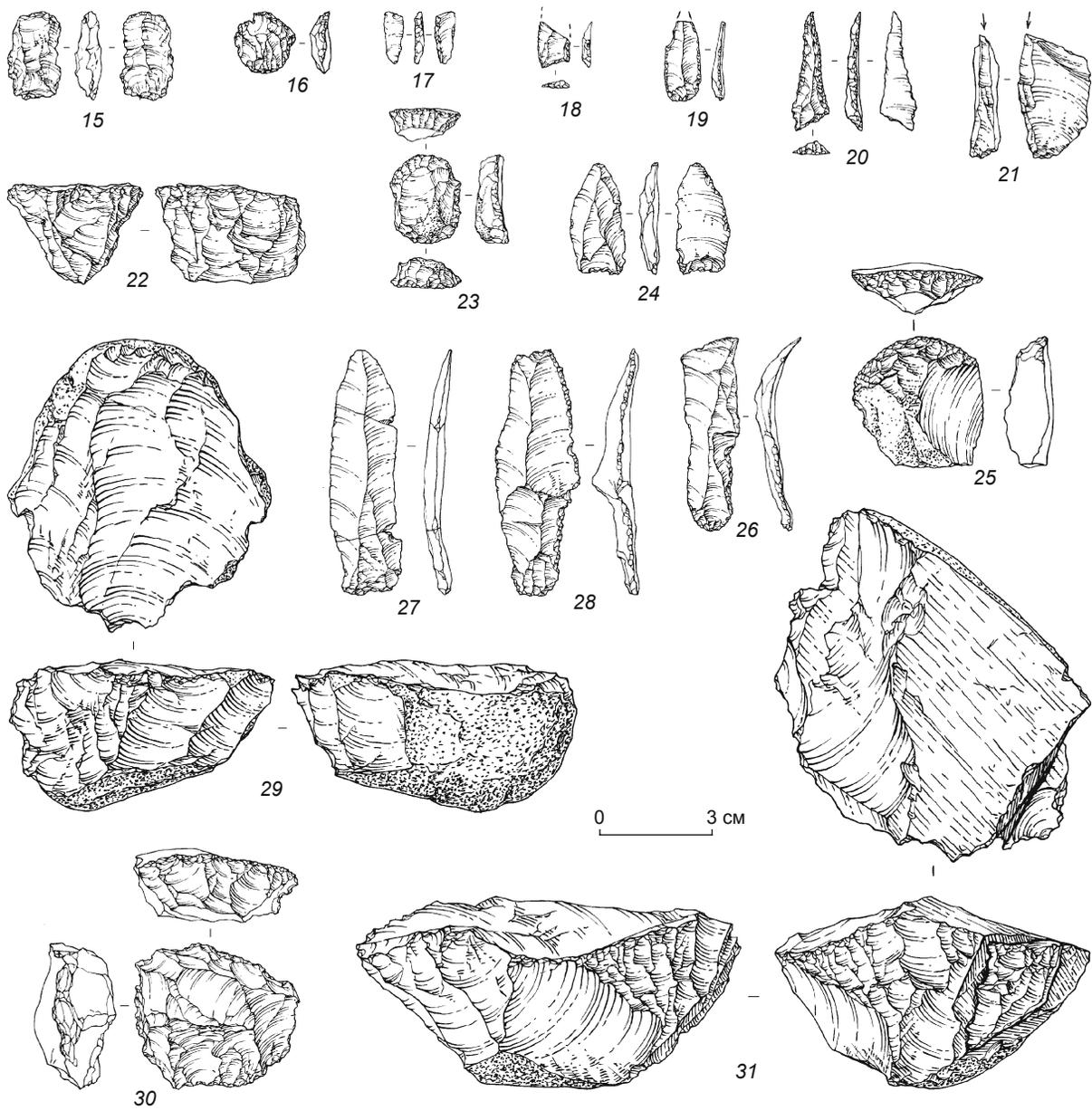
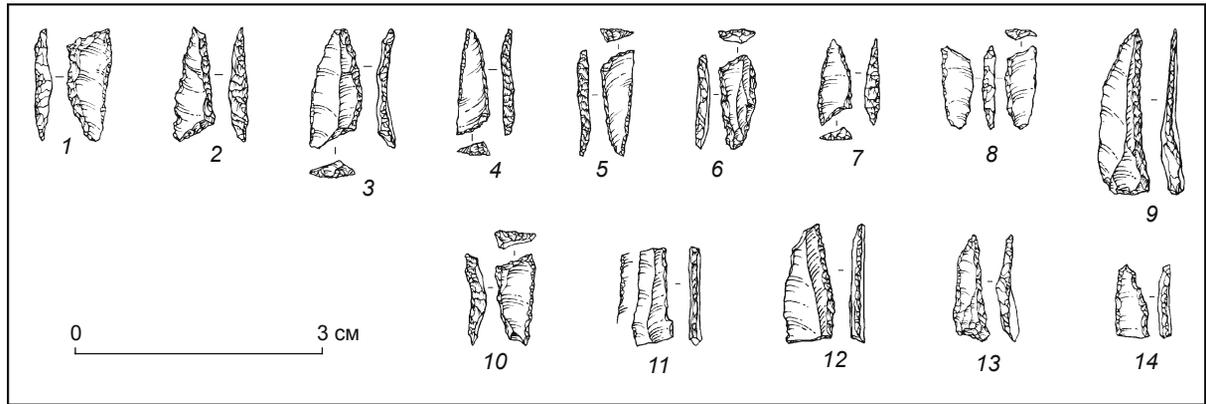

Рис. 5. Каменный инвентарь из культурного слоя 2.

же полуреберчатые (8 экз.) и реберчатая пластины, сколы подправки ударных площадок, в т.ч. «таблетки» (5 экз.).

Орудийный набор включает 120 изделий (см. табл. 3). Большинство орудий относится к микроинвентарю. Среди них доминируют треугольные микролиты: 19 целых (см. рис. 5, 1–8, 10) и 10 фрагментированных (см. рис. 5, 17, 18). Обращает на себя внимание высокая степень стандартизации этих орудий. Они одинаковы по размеру, выполнены на дистальных фрагментах микропластин с конвергентными в дистальной части продольными краями, правый обработан постоянной дорсальной отвесной сильномодифицирующей параллельной ретушью. Пластинки тронкированы под тупым углом к этому краю, и лишь одна – под прямым. Противоположный длинный край заготовок имеет следы очень мелких разреженных дорсальных слабо модифицирующих фасеток ретуши утилизации. Трасологический анализ показал, что эти изделия использовались в качестве вкладышей пазовых орудий. Столь же многочисленная категория орудий – пластинки с притупленным краем (см. рис. 5, 9, 11, 12). Меньшую серию составляют микроострия (см. рис. 5, 13, 14), оформленные модифицирующей вторичной подправкой на дистальных фрагментах микропластин. Единичными экземплярами представлены ретушированная пластинка (см. рис. 5, 19) и сегмент из треугольной в поперечном сечении пластинки. Форму последнему придает постоянная дорсальная ретушь на одном из продольных краев, плавно переходящая на плоскость поперечного излома заготовки. Трасологический анализ показал, что сегмент использовался в качестве вкладыша пазового орудия. Остальные микроизделия – пластинки и микропластины с ретушью утилизации.

Вторую по многочисленности категорию орудийного набора составляют пластины с ретушью (см. рис. 5, 26–28). Заметную роль играют проколки, среди которых выделяется одно орудие, оформленное на треугольной в поперечном сечении пластинке (см. рис. 5, 20). Изделие представляет собой неравносторонний треугольник, короткая сторона которого образована поперечным тронкированием заготовки под тупым углом к длинному краю, обработанному дорсальной отвесной постоянной сильномодифицирующей ретушью, а другой длинный край несет следы прерывистой немодифицирующей разноразмерной утилизационной ретуши. Как морфологически, так и по типу вторичной отделки данное изделие аналогично треугольным микролитам, однако значительно превосходит их по размерам (длина орудия 32 мм). Трасологический анализ показал, что этим орудием прокалывали шкуры, причем использовались оба острых конца изделия. Среди скребков наиболее многочисленны концевые (см. рис. 5, 23, 25). Единичными экземплярами представлены боковой и скребок высокой формы с небольшим шипом,

оформленным на углу пересечения продольного края с дистальной частью заготовки (см. рис. 5, 30). Трасологический анализ показал, что последнее орудие использовалось для обработки дерева. Один из имеющихся в коллекции ногтевидных скребков (см. рис. 5, 16) был выполнен из горного хрусталя. Долотовидные орудия подразделяются на три типа, различающиеся количеством лезвий, характером вторичной отделки и размерами: однолезвийные (3 экз.), двулезвийное (см. рис. 5, 15) и однолезвийное микродолотовидное. В коллекции имеются также шиповидные изделия и угловые многофасеточные резцы (см. рис. 5, 21). Уникальный для верхнепалеолитических комплексов региона тип орудия представлен остроконечником с базальной выемкой. Он оформлен на мелком удлиненном остроконечном сколе с конвергентной ограниченной дорсальной поверхностью. Оба продольных края несут разрозненные фасетки функциональной ретуши. Базальная часть заготовки подверглась интенсивной подработке вентральной модифицирующей чешуйчатой подтеской, в результате чего образовалась выемка (см. рис. 5, 24). Учитывая морфологию и размер орудия, можно предположить, что оно служило наконечником легкого метательного оружия типа дротика. Немногочисленные отщепы с ретушью представляют собой неформальные орудия, имеющие лишь фасетки эпизодической утилизационной ретуши.

Индустрия культурного слоя 1. Коллекция немногочисленна и рассматривается нами как смешанный материал, объединяющий в себе как палеолитические артефакты, так и предметы гораздо более позднего времени. Причины смешения культурных остатков – продолжительная сельскохозяйственная деятельность (глубокая вспашка) и активность грызунов.

Значительную часть коллекции составляют фрагменты керамики (14 экз.) печного обжига. Сосуды были сформированы на гончарном круге. Точная культурная и хронологическая привязка данного материала затруднительна, поскольку подобные способы изготовления керамических изделий практиковались в изучаемом регионе с раннего железного века вплоть до средневековья.

Каменные артефакты (37 экз.) имеют палеолитический облик и близки к обнаруженным в нижележащих культурных слоях. Первичное расщепление представлено галькой со следами утилизации, отщепами (13 экз.), краевыми сколами (4 экз.), пластиной и чешуйками (18 экз.); орудия – двумя концевыми скребками, оформленными на небольших отщепах.

Функциональный характер стоянки

Основываясь на стратиграфических наблюдениях, можно сделать следующие выводы: 1) археологический

слой 1 является смешанным, содержащим верхнепалеолитические артефакты и культурные остатки более позднего времени, в силу антропогенной деятельности и активности землероев; 2) культурные слои 2–4 находятся в относительно ненарушенном состоянии, что подтверждается также планиграфическими наблюдениями, данными технико-типологического и аппликационного анализа; при этом слой 2 объединяет в себе материальные остатки нескольких достаточно продолжительных периодов заселения стоянки, а слои 3 и 4 отражают, видимо, краткие эпизоды присутствия древнего человека; 3) каменные артефакты, относящиеся к культурному слою 5, по всей видимости, подверглись как горизонтальному, так и вертикальному смещению, тем не менее они принадлежат к одному эпизоду/периоду функционирования стоянки, о чем свидетельствуют также результаты технико-типологического анализа и наличие апплицируемых изделий.

Принимая во внимание геоморфологические данные по изучаемому району (узкая горная долина с резкими и глубокими врезами), можно сделать вывод о том, что геометрия обживаемой площадки и ее гипсометрическое положение по отношению к базису ручья значительно изменялись во времени. Соответственно, вскрытые раскопом участки археологических слоев могли представлять собой функционально различные зоны обживаемой древним человеком поверхности, пространственная организация которых во время каждого эпизода обитания определялась существовавшими на тот момент границами и относительной высотой площадки.

С целью определения функциональной специфики отдельных культурных подразделений памятника был проведен анализ технокомплексов, включающий изучение структуры орудийного набора и эффективности деятельности по расщеплению нуклеусов и производству орудий по методике, представленной в работе Е.П. Рыбина и К.А. Колобовой [2005]. Для характеристики структуры орудийного набора мы разделили его на две группы: формальные и неформальные орудия. К первой отнесены изделия, подвергшиеся значительным изменениям при оформлении или использовании и обладающие специфическими чертами подготовки орудия либо аккомодации. Артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении или использовании, не имеют специфичных морфологических признаков и не образуют устойчивых серий, определены как неформальные. Для отнесения изделия к той или иной группе его типологическая принадлежность не имеет большого значения, в данном исследовании применялся подход, учитывающий специфику вторичной обработки конкретной вещи. Определялись однородность/неоднородность и интенсивность такой обработки: степень модифицирования ретушью поверхности заготовки, протяженность ретуши. В результате было выявлено преобладание в ин-

дустриях стоянки Додекатым-2 формальных орудий, доля которых варьирует от 54 % в слое 5 до 65,7 % в слое 2. При этом большая часть изделий обработана при помощи сильно- и среднемодифицирующей ретуши (от 57,1 до 68 %), многие несут на своих поверхностях более одного элемента вторичной обработки (от 30 до 47,5 %). Таким образом, можно заключить, что заготовки модифицировались достаточно сильно. Орудия часто служили для нескольких целей. Данные факты говорят об интенсивном использовании каменного сырья и о его возможной транспортировке из относительно удаленных источников.

Для оценки эффективности деятельности по расщеплению нуклеусов и производству орудий нами использовались следующие критерии: число орудий, приходящихся на одно ядрище; отношение количества орудий к численности неретушированных сколов и нуклеусов; соотношение ядрищ, с одной стороны, и орудий и неретушированных сколов – с другой [Там же]. В результате были выявлены определенные различия в активности древнего человека на разных этапах заселения стоянки. Материалы слоя 5 демонстрируют наименее интенсивную деятельность по производству орудий (на один нуклеус приходится 0,65 орудия) и высокую степень утилизации нуклеусов (на одно ядрище приходится 12,8 сколов). Также здесь было обнаружено наименьшее количество отходов производства (49,7 %). Полученные результаты позволяют заключить, что данная площадка эксплуатировалась в качестве мастерской для первичного расщепления нуклеусов и изготовления сколов-заготовок без дальнейшего их преобразования в орудия. Материалы слоя 3 свидетельствуют о кратковременном разовом посещении раскопанного участка стоянки. Такой вывод сделан на основании малочисленности артефактов, исключительно высокой доли орудий (на один нуклеус приходится 11 орудий), малого количества сколов-заготовок (на одно орудие приходится 3,9 сколов) и непропорционального соотношения нуклеусов и сколов в сравнении с таковым ядрищ и орудий (на один нуклеус приходится 53 скола). Таким образом, расщепление проводилось не на раскопанной площадке слоя 3, а на другом участке стоянки либо вообще в другом месте, и сколы были принесены на стоянку Додекатым-2, где основным видом деятельности было изготовление орудий (подправка), о чем свидетельствует и большая доля отходов производства (78,6 %).

Комплексы слоев 2 и 4 в большой степени сходны между собой и демонстрируют полный цикл производства каменных орудий. На один нуклеус здесь приходится 3,1 (слой 4) и 3,6 (слой 2) орудия, а на одно орудие – соответственно 4,3 и 5,6 сколов-заготовок. Показатели интенсивности утилизации ядрищ высокие (на один нуклеус приходится 15,7 и 23,25 сколов соответственно). Принимая во внимание сравнитель-

ную многочисленность данных комплексов, большую долю отходов производства, интенсивную утилизацию нуклеусов, средние показатели по сколам-заготовкам, значительный удельный вес орудий, можно сделать вывод, что в эти периоды функционирования стоянки она могла использоваться как базовый лагерь, относительно удаленный от источников каменного сырья. Доминирование в орудийном наборе изделий, отнесенных к микроинвентарю (прежде всего треугольные микролиты и пластинки с притупленным краем, служившие вкладышами пазовых орудий), позволяет предположить преобладание специализированной добывающей деятельности (сезонная охота?), а наличие еще и обрабатывающих орудий (скребки, резцы, проколки), видимо, указывает на то, что мы имеем дело с долговременным охотничьим лагерем.

Абсолютные даты памятника

На настоящее время имеются три абсолютные даты для нижней части слоя 4, полученные радиоуглеродным методом (AMS) в лаборатории NSF Аризонского университета (г. Тусон, США). Два образца показали очень близкий возраст: $23\,800 \pm 190$ (AA-69073, датированный материал – уголь) и $23\,600 \pm 330$ (AA-69075, датированный материал – кость) лет. Третья дата (по углю) более поздняя – $21\,850 \pm 180$ л.н. (AA-69074). Два образца, отобранные из слоя 2, показали финальносредневековой возраст: 431 ± 33 (AA-69071) и 433 ± 36 (AA-69072) лет, что обусловлено наличием многочисленных биотурбаций верхней части отложений памятника.

Обсуждение результатов

В целом для первичного расщепления на стоянке Додекатым-2 характерно преобладание подпризма-

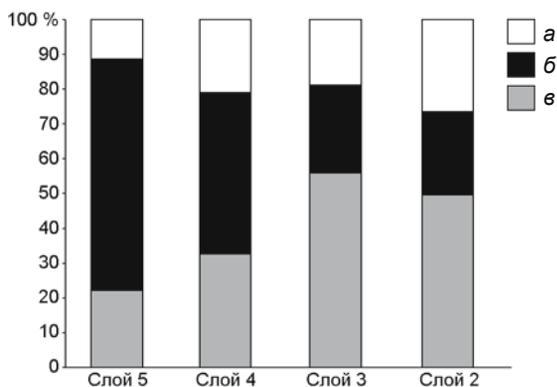

Рис. 6. Соотношение пластинчатых сколов с разным профилем.
а – закрученный; б – изогнутый; в – прямой.

тического и торцового скалывания, нацеленного преимущественно на получение мелких пластинок, использовавшихся в дальнейшем в качестве вкладышей для составных орудий. Призматический принцип расщепления эволюционирует от доминирования кареноидных нуклеусов для получения пластинок с изогнутым и пропеллерообразным профилем в нижнем слое 5 к превалированию в вышележащих слоях одноплощадочных нуклеусов для снятия пластинчатых заготовок с прямым профилем. Анализ профилей самих пластинчатых сколов подтверждает данное наблюдение: в 5-м слое наибольшее количество сколов с непрямым профилем (77%), в 4-м их доля снижается (66%), а в 3-м преобладают изделия с прямым профилем (55,9%). В слое 2 они составляют 49% (рис. 6).

Индустрия стоянки Додекатым-2 имеет явный мелкопластинчатый характер. Доля пластинчатых сколов незначительно увеличивается от слоя 5 (49,4%) к слою 2 (61,35%), причем за счет возрастания роли пластинок. Большинство неретушированных пластинчатых сколов (учитывая только целые) имеет длину от 10 до 30 мм, ширину от 5 до 13 мм при доминировании изделий шириной 7–9 мм (рис. 7).

Анализ метрических характеристик пластинчатых сколов и негативов снятий на нуклеусах показал, что для получения микропластинок, пластинок и пластин не использовались специальные, зависящие от типа желаемой заготовки, приемы расщепления либо нуклеусы определенного типа. С одних и тех же ядрищ снимали заготовки с параметрами микропластинок, пластинок и пластин. Единственный специализированный тип нуклеусов – кареноидные, предназначенные исключительно для производства мелких пластинок. В частности, именно со значительным преобладанием таких ядрищ связано доминирование в слое 5 мелких пластинчатых заготовок шириной от 3 до 6 мм (рис. 7).

Основной заготовкой орудий выступали пластинчатые сколы, доля которых варьирует от 62% в слое 4 до 87% в слое 2 (рис. 8). Это отражает явную направленность индустрии на микролитизацию, поскольку значительное возрастание удельного веса пластинчатых сколов среди заготовок орудий напрямую связано с увеличением количества микроизделий (треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью) (рис. 9).

Основным приемом вторичной обработки было ретуширование. Ретушь преимущественно дорсальная, крутая и полукрутая, постоянная, сильно- и среднемодифицирующая, образующая волнистый рабочий край, чешуйчатая и субпараллельная по форме фасеток. Вентральная достаточно редка, ее показатель не превышает 10%. Прослеживаются некоторые предпочтения в технике вторичной обработ-

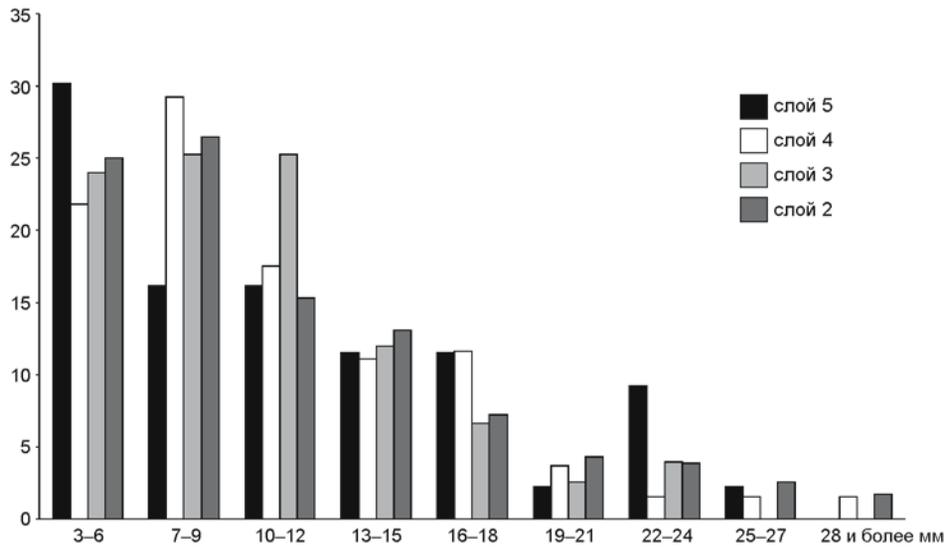

Рис. 7. Распределение пластинчатых сколов по слоям в зависимости от ширины.

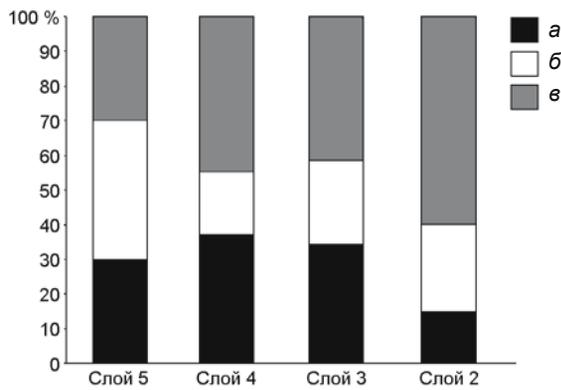

Рис. 8. Соотношение типов заготовок орудий. а – отщепы; б – пластины; в – пластинки.

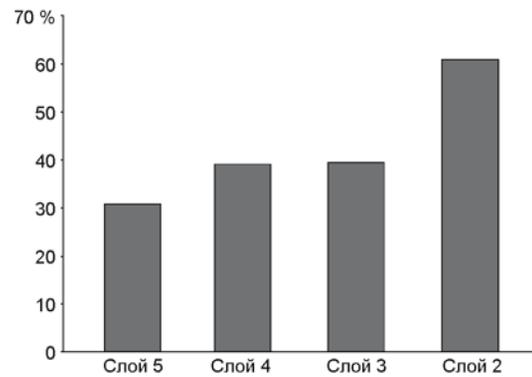

Рис. 9. Доли микроинвентаря в орудийных наборах.

ки для определенных видов орудий. Так, для треугольных микролитов и пластинок с притупленным краем свойственно преимущественное притупление правого продольного края (более чем в 85 % случаев). Вторым по значимости приемом является тронкирование сколов, часто применявшееся при изготовлении шиповидных изделий и пластинок с ретушью. Для треугольных микролитов характерна также метрическая стандартизация: подавляющее большинство целых изделий имеет длину от 10 до 14 мм и ширину 4–5 мм (рис. 10).

О культурном родстве индустрий выделенных археологических слоев говорит и устойчивое присутствие специфиче-

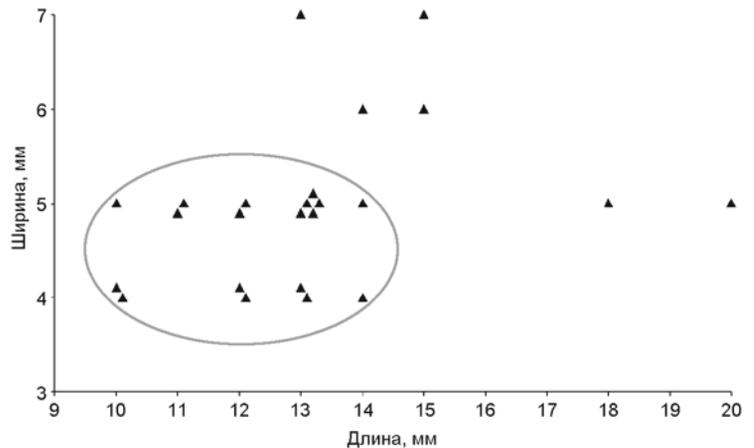

Рис. 10. Распределение целых треугольных микролитов в зависимости от длины и ширины заготовки.

ских типов орудий. Во всех коллекциях есть пластинки с притупленным краем. Треугольные микролиты появляются в слое 4 и достигают максимального количества в слое 2. Устойчив основной тип комбинированных орудий (скребла-долота), встречающихся в слоях 4, 3. В этих же комплексах были выделены достаточно редкие изделия – пластинки с подтеской основания.

Обращает на себя внимание то, что начиная с самого нижнего слоя микропластинчатая индустрия предстает в полностью сложившемся виде. Технология получения заготовок, приемы вторичной отделки и морфология основных категорий орудийного набора в значительной степени стандартизованы, существенных эволюционных скачков не прослеживается, за исключением большого увеличения количества треугольных микролитов в слое 2, что, на наш взгляд, объясняется планиграфическими (функциональными?), а не культурно-эволюционными факторами. Учитывая результаты проведенного технико-типологического анализа, индустрии всех слоев памятника можно отнести к одной культурной традиции, носителем которой присутствовали на изучаемой территории ок. 23–21 тыс. л.н. (некалиброванная дата).

Наиболее близкие аналогии додекатымской индустрии прослеживаются в археологических материалах верхних слоев стоянки Кульбулак (Ташкентская обл., Узбекистан), открытой и интенсивно изучавшейся в 60–80-х гг. XX в. [Касымов, 1990]. В 2007 г. полевые исследования памятника возобновлены [Деревянко и др., 2007]. Первичное расщепление верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак было ориентировано на производство мелких пластинок с призматических и торцовых ядрищ, а также микропластин с кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе доминируют пластинки и микропластины с ретушью, долотовидные орудия и концевые скребки, включая микроформы. Очень интересно обнаружение абсолютно аналогичных изделий на стоянках Додекатым-2 и Кульбулак. Так, додекатымские узкофронтальные кареноидные нуклеусы из слоя 5 (см. рис. 2, 5, 8) полностью соответствуют кульбулакским из слоя 2 [Колобова и др., 2009]. Кроме того, в индустриях обоих памятников присутствуют типологически идентичные специфичные виды орудий: ортогональные двулезвийные долотовидные изделия, в т.ч. экзотического типа (см. рис. 3, 15); концевые микроскребки (см. рис. 3, 12), микродолотовидные орудия и вентральные боковые скребки. Пластинки с ретушью со стоянки Кульбулак аналогичны обработанным пластинчатым заготовкам из нижних слоев местонахождения Додекатым-2 и также использовались в качестве вкладышей составных орудий. В обеих индустриях есть пластинки с притупленным краем. Наибольший интерес пред-

ставляет обнаружение в верхнем слое Кульбулака треугольного микролита, по технике изготовления и морфологии абсолютно идентичного геометрическим микроорудиям со стоянки Додекатым-2. Еще один треугольный микролит был выявлен нами в неопубликованных материалах раскопок Т.Ю. Гречкиной кульбулакских верхнепалеолитических слоев. С учетом такого количества аналогов отнесение верхнепалеолитических индустрий стоянок Кульбулак и Додекатым-2 к единой культурной общности выглядит обоснованным. При этом, несмотря на отсутствие на настоящий момент результатов абсолютного датирования верхнепалеолитических слоев Кульбулака, можно предположить, что они древнее додекатымских. В пользу такого предположения, в частности, говорит практически полное отсутствие в кульбулакской индустрии отжимной техники расщепления и ретуширования камня, в то время как на стоянке Додекатым-2 она представлена. Кроме того, микроинвентарь в комплексе Кульбулака занимает менее значимое место, чем в додекатымском; например, в нем имеется лишь несколько пластинок с притупленным краем, а на стоянке Додекатым-2 это один из ведущих типов орудийного набора, отличающийся морфологической стандартизацией. Также следует обратить внимание и на то, что наибольшее сходство с индустрией Кульбулака обнаруживает додекатымский комплекс нижнего слоя 5, содержащий узко- и широкофронтальные кареноидные нуклеусы. В вышележащих слоях стоянки Додекатым-2 прослеживается отказ от таких нуклеусов и переход к использованию одноплощадочных призматических ядрищ, позволявших получать заготовки с прямым профилем.

К еще более раннему этапу становления культурной традиции, представленной в развитом виде на стоянке Додекатым-2, вероятно, можно отнести материалы, полученные в 2008 г. при раскопках нового памятника-мастерской Кызыл-Алма-2, расположенного на выходах кремневого сырья в непосредственной близости от Кульбулака [Колобова и др., 2010]. Каменные артефакты, обнаруженные в значительно потревоженном склоновыми процессами стратиграфическом контексте, имеют ранневерхнепалеолитический облик. При доминировании технологии скалывания среднеразмерных пластин с подпризматических и плоскостных нуклеусов прослеживаются и стратегии получения мелких пластинок с торцовых ядрищ, близких таковым в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак. В немногочисленном орудийном наборе преобладают концевые и боковые скребки. Основываясь на предварительных данных по индустрии памятника Кызыл-Алма-2, следует обратить внимание на использование в ней технологических решений

(комбинаторные торцово-плоскостные нуклеусы и ядрища резцового типа скалывания), характерных и для индустрии грота Оби-Рахмат, являющейся на настоящий момент в изучаемом регионе единственным претендентом на роль «переходной» (от среднего к верхнему палеолиту).

Что касается сопоставления материалов Додекатыма-2 с наиболее полно (для территории Узбекистана) исследованными и опубликованными археологическими комплексами Самаркандской стоянки [Джуракулов, 1987; Коробкова, Джуракулов, 2000], то можно также отметить ряд аналогов среди типологически выраженных изделий. В первую очередь это касается кареноидных нуклеусов-скребков для производства мелких пластинок, пирамидальных ядрищ и концевых скребков на мелких сколах. В то же время наличие в материалах Самаркандской стоянки значительного числа архаичных макроорудий (являющихся, по мнению многих исследователей, специфической чертой верхнего палеолита Средней Азии) при отсутствии развитого микроинвентаря заставляет осторожно подходить к включению указанных памятников в единую культурную общность. Однако необходимо отметить, что и присутствие архаичных рубящих орудий в развитой верхнепалеолитической индустрии, и отсутствие микропластинчатых продуктов расщепления (при наличии нуклеусов для их производства) на Самаркандской стоянке могут быть объяснены как до сих пор вызывающим вопросы стратиграфическим контекстом культурувмещающих отложений памятника, так и применением при его раскопках методологических подходов, отличных от используемых в настоящее время.

В поисках более широких (географически) аналогий обратимся к индустриям финальноверхнепалеолитической зарзийской культуры в горах Загроса на территории Ирака, прежде всего к наиболее показательным комплексам стоянок Варваши, Шанидар, Зарзи и Палегвара [Olszewski, 1993; Wahida, 1999]. Первичное расщепление в этих индустриях основано на использовании одноплощадочных призматических нуклеусов для получения пластинок, также отмечается и заметное присутствие широкофронтальных кареноидных ядрищ. В орудийном наборе доминирует микроинвентарь, включающий неравносторонние треугольники (изделия, морфологически близкие додекатымским треугольным микролитами), пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью. Присутствуют угловые резцы, концевые скребки, зубчатые и выемчатые изделия. Исходя из косвенных данных (абсолютные даты отсутствуют), исследователи датируют зарзийскую культуру в широких хронологических рамках от 20 до 12 тыс. л.н. Причем на финальных этапах в этой индустрии появляются новые виды микролитов – трапеции и сег-

менты. Близкие зарзийским финальноверхнепалеолитические комплексы отмечены и на территории Леванта. Речь идет прежде всего о стоянке Охало-2, материалы которой интерпретируются исследователями как переходные от верхнего палеолита к эпипалеолиту. Первичное расщепление на стоянке было направлено на получение пластинок с одноплощадочных призматических нуклеусов, названных торцовыми, пирамидальных ядрищ, отмечено присутствие изделий «рабо». Последние схожи с кульбулакскими и додекатымскими кареноидными нуклеусами. Пирамидальные ядрища также находят аналогии в материалах Додекатыма-2 и Самаркандской стоянки. В орудийном наборе с памятника Охало-2 доминируют микроизделия: пластинки с притупленным краем, с ретушью и с ретушью «очтата», остроконечные пластинки с ретушью, пластинки дюфур и неравносторонние треугольники. Кроме того, широко распространены пластины с ретушью, резцы, зубчатые орудия, проколки. Отмечено присутствие бифасиальных изделий. По результатам интенсивного радиоуглеродного датирования памятника (45 дат, полученных в четырех различных лабораториях), его возраст 19 500 лет (калиброванные даты в диапазоне 23 500–22 500 л.н.) [Nadel et al., 2006]. На территории Леванта подобные индустрии были обнаружены также на памятниках Эйн Гев I, Фаззел IIIA, IIIB и X [Nadel, 2003]. Бесспорно, говорить о прямых культурных связях в интересующий нас период верхнепалеолитической эпохи между Левантом и Загросом, с одной стороны, и Средней Азией – с другой, учитывая географическую удаленность регионов и различную степень изученности, достаточно затруднительно. Тем не менее значительное технико-типологическое сходство хронологически близких индустрий этих регионов может свидетельствовать, на наш взгляд, если не о явлениях культурной диффузии (прямой или опосредованной), то, как минимум, о схожих траекториях развития, причины конвергентности которых еще предстоит установить.

Немаловажное значение имеют результаты исследования стоянки Додекатым-2 для изучения истории последующего этапа каменного века на территории Средней Азии – эпохи мезолита, и в частности обширской культуры. Опубликованные материалы мезолитических памятников Ферганской долины [Исламов, 1980] позволяют говорить о их генетической связи с индустрией стоянки Додекатым-2. Поскольку на настоящий момент полностью отсутствуют точные хронологические определения исследованных в конце XX в. мезолитических памятников, а ряд комплексов отнесен именно к этому периоду каменного века на основании наличия микропластинчатого расщепления и орудий-микролитов, обнаружение на стоянке Додекатым-2 развитого

производства геометрических микролитов требует переоценки имеющихся данных по мезолиту региона, предпочтительно с проведением работ по точному датированию изученных памятников. Не исключено, что подобные исследования приведут к удревнению микролитической традиции в регионе и заставят изменить культурно-периодизационную интерпретацию некоторых объектов. Это, в свою очередь, позволит более обоснованно говорить о локальном генезисе мезолитических культур на базе верхнепалеолитической додекатымского облика.

Заключение

Исследование стоянки Додекатым-2 в контексте изучения других палеолитических памятников региона (грот Оби-Рахмат, стоянки Кульбулак и Кызыл-Алма-2) позволяет сделать вывод о том, что высказывавшаяся ранее гипотеза о депопуляции региона в интервале 40–20 тыс. л.н. требует уточнения. По всей видимости, несмотря на повышенную аридизацию климата в финале верхнего неоплейстоцена, древний человек не покинул Среднеазиатский регион, а изменил адаптационные стратегии освоения ландшафта. Использование естественных убежищ (гrotы и пещеры), расположенных в среднегорном поясе, сменилось предпочтением открытых пространств предгорной зоны и межгорных котловин, в которых сохранялись постоянные водные потоки (Самаркандская стоянка, Додекатым-2) и/или восходящие источники предгорного коллекторного типа (Кульбулак, Кызыл-Алма-2). Возможно, в новых экологических условиях древний человек был вынужден радикально изменить и охотничьи стратегии. Необходимость охоты на более мелкую и мобильную дичь, вероятно, потребовала использования более легкого и/или дистанционного оружия. Это и привело к переориентации каменного производства на получение мелких пластинок и микролитизации орудий, что наблюдается на стоянке Додекатым-2.

Результаты изучения памятника Додекатым-2 в совокупности с характеристикой индустрий стоянок Кульбулак, Кызыл-Алма-2 [Колобова и др., 2009, 2010], а также предварительными данными по комплексу Шугноу [Ранов, 1973] дают основания для переоценки тенденций развития верхнего палеолита на территории Средней Азии. Материалы этих памятников свидетельствуют о мелкопластинчатом характере верхнепалеолитических индустрий региона. Проиллюстрированные технологические и типологические связи между группой комплексов верхнего палеолита позволяют говорить о выделении новой мелкопластинчатой культуры на территории Средней Азии.

Благодарности

Рисунки каменных артефактов выполнены ведущими художниками ИАЭТ СО РАН А.В. Абдульмановой и Н.В. Вавилиной. Абсолютные даты памятника Додекатым-2 определены в лаборатории NSF Аризонского университета (г. Тусон, США) при активном содействии П.Дж. Ринна и Т. Джала. Детальная характеристика геологической, геоморфологической и стратиграфической ситуации стоянки и окружающей территории стала возможной благодаря сотрудничеству с д-ром геол.-мин. наук И.С. Новиковым (Институт геологии СО РАН) и канд. геол.-мин. наук С.В. Лещинским (лаборатория микропалеонтологии Томского государственного университета). Авторы признательны своим коллегам из ИАЭТ СО РАН и ИА АН РУз за критику и плодотворные дискуссии во время полевых исследований и подготовки статьи.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979а. – 158 с.
- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея: Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979б. – 200 с.
- Абрамова З.А.** Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 302–346.
- Акимов Е.В., Стасюк И.В., Мотузко А.Н.** К проблеме изучения «мелкопластинчатых индустрий» в палеолите Средней Сибири // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Межрегион. ин-т обществ. наук, 2005. – Ч. 1. – С. 15–20.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А.** Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13, ч. 1. – С. 131–246.
- Джуракулов М.Д.** Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1987. – 172 с.
- Исламов У.И.** Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980. – 172 с.
- Касымов М.Р.** Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.
- Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И.** Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 111–123.
- Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Кривошапкин А.А., Павленок К.К.** Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 114–140.
- Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д.** Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Центральной Азии

(специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // *Stratum plus*. – 2000. – № 1. – С. 85–162.

Кривошапкин А.И., Милютин К.И., Славинский В.С., Рыбин Е.П., Колобова К.А., Новиков И.С., Высоцкий Е.М., Мухаммадиев А.Г. Новые стоянки каменного века в бассейне реки Пальтау // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 131–246.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 232 с.

Ранов В.А. Галечные орудия и их роль в палеолите Средней Азии // VII Междунар. конгр. доисториков и протосториков: докл. и сообщ. археологов СССР. – М.: Наука, 1966. – С. 3–5.

Ранов В.А. К проблеме выделения локальных культур в Средней Азии // Каменный век Средней Азии и Казахстана. – Ташкент: Фан, 1972. – С. 34–47.

Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях реки Яхсу (раскопки 1969–1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1973. – Вып. 10. – С. 23–33.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Дониш, 2005. – 250 с.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1973. – 162 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических

памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 380–395.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. – 1999. – Vol. 8. – С. 186–193.

Leroi-Gourhan A. *Dictionnaire de la préhistoire*. – P.: Quadrige/Presses Universitaires de France, 1997. – 1277 p.

Nadel D. The Ohalo II Flint Assemblage and the Beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley // More than meets the eye: Studies on Upper Paleolithic Diversity in the Near East. – Oxford: The Short Run Press, 2003. – P. 216–230.

Nadel D., Grinberg U., Boaretto E., Werker E. Wooden objects from Ohalo II (23,000 cal BP), Jordan Valley, Israel // *J. of Human Evolution*. – 2006. – N 50. – P. 644–662.

Olszewski D. The Zarzian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran by Deborah // *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*. – Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania, 1993. – P. 207–236.

Vishnyatsky L. The Paleolithic of Central Asia // *J. of World Prehistory*. – 1999. – Vol. 13(1). – P. 69–122.

Wahida G. The Zarzian Industry of the Zagros Mountains // *Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic: Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe*. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 181–208.

Материал поступил в редколлегию 15.03.11 г.

УДК 903.074

П.В. Волков¹, Е.Д. Жамбалтарова²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: volkov100@yandex.ru²Музей Бурятского научного центра СО РАН
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: dashieva@yandex.ru

КИНЖАЛЫ ФОФОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СО РАН: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

С привлечением результатов экспериментально-трасологического и технологического анализа реконструируются технологии производства, значимые для определения особенностей культуры, которую представляют кинжалы из коллекции Фофоновского могильника (Западное Забайкалье). Вкладышевые орудия функционально определены как наконечники кинжалов для закалывания пойманных крупных животных. Эти очень тщательно обработанные наконечники, при изготовлении которых использовались передовые технологические достижения эпохи, предназначались, возможно, для совершения ритуальных действий.

Ключевые слова: неолит, микропластины, вкладышевые орудия, реконструкция технологии, кинжалы, особенности охоты.

Введение

Количество микропластин, изготовленных человеком на рубеже плейстоцена – голоцена, огромно. Производство микропластин в Северной и Центральной Азии было поистине массовым. Этот феномен ставит перед исследователями вполне естественный вопрос о назначении данных изделий. По морфологическим характеристикам это вкладыши. Но не ясно, во что их вкладывали. Предполагается, что вкладышевые орудия универсальны. Как показали эксперименты, универсальные мясные ножи эффективны в работе, если ширина их каменных вкладышей составляет не менее

5–7 мм. Такие же пластины могут использоваться при изготовлении наконечников копий охотников. Для работы с деревом или костью удобны ножи с пластиной шириной ок. 15 мм. Однако большинство изготовленных в период позднего палеолита – неолита микропластин значительно меньше по размерам. Ширина многих серий изделий не превышает 2 мм.

Статистический анализ коллекций памятников позднего палеолита Селемджинского комплекса [Деревянко, Волков, Ли, 1998] и многослойного неолитического памятника Громатуха [Окладников, Деревянко, 1977] показал, что на поселениях и в мастерских доля микропластин непропорционально мала по сравнению с аналогичным показателем нуклеусов, с которых они сняты. Удельный вес определенных на основе трасологического анализа узких микропластин утилизированных изделий в тех же коллекциях еще меньше. Очевидно, что микропластины использовались человеком, как правило, за пределами мест их изготовления.

*Работа выполнена в рамках проекта ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (госконтракт 02.770.11.0353), программы Президиума РАН (проект 25.1.3: «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (эпоха неолита и раннего металла) и проекта РГНФ (№ 09-01-00368 а).

Обнаружить скопления использованных микропластин интересующего нас типа на местах охоты нереально. Удача может ожидать нас только при изучении инвентаря погребений.

Фофоновский могильник – один из крупнейших и древнейших погребальных комплексов Байкальского региона – включает три группы погребений: раннего неолита, бронзового века, средневековья [Окладников, 1950, 1955; Герасимов, Черных, 1975]. Могильник расположен в 0,5 км выше д. Фофонов Кабанского р-на Республики Бурятии, на правом берегу р. Селенги, на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофоновской горы.

Памятник открыт в 1926 г. А.П. Окладниковым [1928, с. 64–68]. Работы на могильнике проводились М.М. Герасимовым в 1931, 1934–1936, 1959 гг. [Герасимов, Черных, 1975, с. 23], А.П. Окладниковым – в 1948 и 1950 гг. [1955, с. 14], В.П. Коневым – в 1987–1991 и 1996 гг. [1996; Жамбалтарова, Конев, 2001; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008, с. 54–60], Е.Д. Жамбалтаровой – в 2007–2008 гг. [2008].

Актуальность предлагаемого исследования определена накоплением обширного археологического материала (более сотни погребений) Фофоновского могильника, необходимостью изучения находок с позиций комплексного подхода на качественно новом уровне. В прошлом на данном могильнике проводились ширококомасштабные раскопки, но сами материалы исследованы пока недостаточно. Нами проведен трасологический анализ ранее не изученных археологических материалов погребений Фофоновского могильника. Предметом предлагаемой работы являются три составных вкладышевых орудия из ранне-неолитических погребений 11 (1991 г.), 3, 4 (2007–2008 гг.), хранящиеся в музее Бурятского научного центра СО РАН.

Описание находок

Изделие 1 (рис. 1). Орудие (инв. № 347кв) найдено в коллективном погр. 11; по кости получена радиоуглеродная дата $6\ 660 \pm 100$ л.н. (ГИН-7113) [Мамонова, Сулержицкий, 2008, с. 135]. Составное вкладышевое орудие представляет собой длинную костяную основу, которая равномерно утончается к одному концу и образует острие. На другом конце изделия – насаде – видны следы двух сколов. Длина предмета 24,8 см, ширина 0,1–2,5, толщина 0,1–0,9 см. По бокам орудие имеет пазы для размещения пластинок, образующих лезвие (глубина паза 0,1–0,2 см). В пазах орудия сохранилось 14 микропластинок со следами неравномерной зубчатой ретуши, изготовленных из кремнистого материала серовато-бежевого цвета (размеры: $(0,7\text{--}3,0) \times (0,3\text{--}0,4) \times 0,1$ см).

Рис. 1. Изделие 1 из погр. 11.

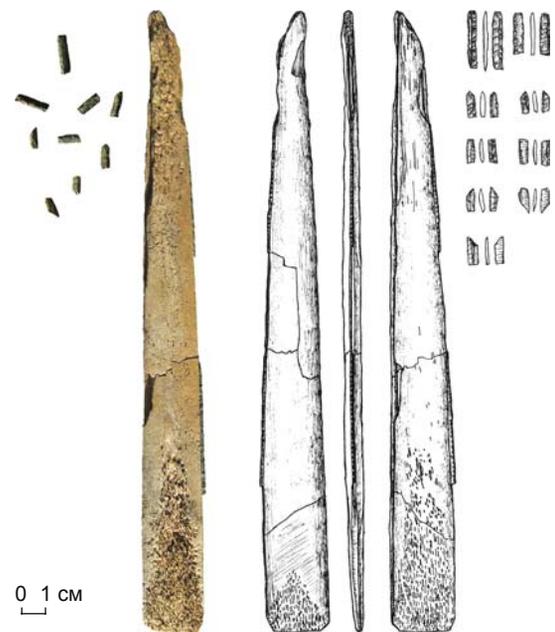

Рис. 2. Изделие 2 из погр. 3 (2008 г.).

Изделие 2 (рис. 2). Составное вкладышевое орудие (артефакт № Фф08 п. 3/16) найдено в погр. 3 (2008 г.); его основа изготовлена из метаподиальной кости крупного оленя, благородного или сохатого*.

*Определение фаунистических материалов выполнено канд. геогр. наук А.М. Клементьевым (Институт земной коры СО РАН).

Основа вкладышевого орудия представляет собой длинный симметрично суживающийся к острию клинок, насад которого уплощен, в нем имеется отверстие. Длина изделия 30 см, ширина 0,2–2,5, толщина 0,2–0,6 см. По бокам орудие имеет пазы (глубина до 0,2 см). В пазах кинжала находились 11 ретушированных микропластинок (размеры $(1,0–2,5) \times (0,3–0,4) \times 0,1$ см), изготовленных из халцедона и кремнистого материала светло-коричневого цвета. Прослеживаются следы неравномерной ретуши – зубчатой, ступенчатой, субпараллельной и разнофасеточной краевой. Вторичной обработке подвергался в основном один край микропластинок с лицевой и брюшковой стороны.

Изделие 3 (рис. 3). Двухлезвийный вкладышевый кинжал (артефакт № ФФ08 п. 4/3) из диафиза трубчатой кости крупного копытного ($25,6 \times (0,5–2,5) \times (0,4–0,7)$ см); входил в состав сопроводительного инвентаря коллективного погр. 4 (2008 г.). Острию основы орудия намеренно придана асимметричная форма, насад уплощенный. В пазах орудия зафиксированы три микропластинки из кремнистого материала черного (длина 5,5 см) и серого (длина 6,5 см; $2,3 \times 0,4 \times 0,1$ см) цвета и шесть фрагментов микропластинок ($1,6 \times 0,4 \times 0,1$; $0,9 \times 0,4 \times 0,1$; $1,0 \times 0,3 \times 0,1$; $0,9 \times 0,3 \times 0,1$; $0,9 \times 0,3 \times 0,1$; $0,7 \times 0,3 \times 0,1$ см). Вкладыши покрыты неравномерной ретушью – покрывающей, дополненной краевой, и разнофасеточной краевой.

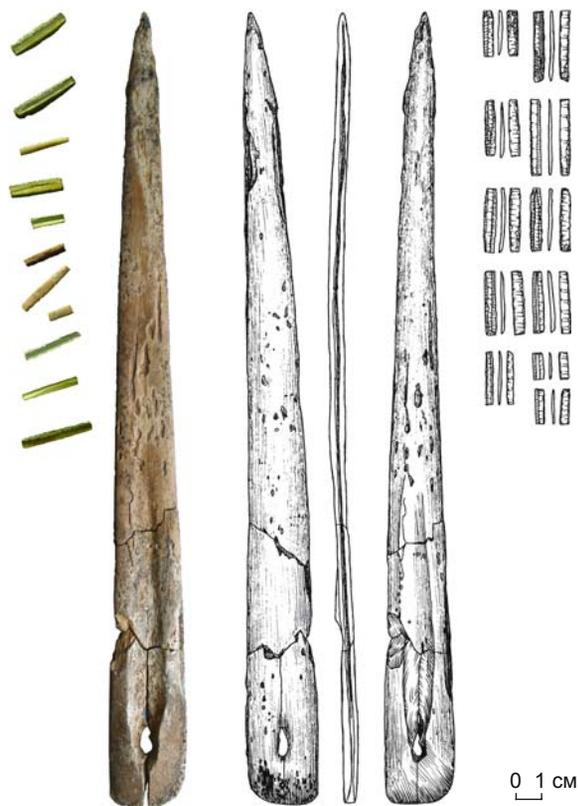

Рис. 3. Изделие 3 из погр. 4 (2008 г.).

Все описанные орудия плоские в сечении; у изделий 2 и 3 в отличие от изделия 1 узкие боковые ребра клинков прямо срезаны. Плоскости изделия 1 превосходно отшлифованы и образуют четкие края.

Методы исследования

Функциональные и технологические исследования артефактов коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Korobkova, 1999; и др.]. Использовался также опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999].

При обследовании материалов применялся бинокляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и дискретным рабочим режимом увеличения 8–56. Для сравнительного анализа следов обработки и изношенности на древних орудиях использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Микроскопические исследования поверхности изделий проводились с учетом опыта изучения аналогичных материалов [Дервянко, Шуньков, Волков, 2008; Волков, Лбова, 2009]. Экспериментально-технологический метод позволил определить основные этапы изготовления кинжалов и специфику их утилизации.

Изделие 1. В ходе технологического анализа выявлена последовательность работы человека с изделием. Первоначально для выпрямления заготовки кость была, вероятно, увлажнена и подвергнута тепловой обработке. На поверхности изделия фиксируются отчетливые следы формообразующей пришлифовки (рис. 4) и последующей полировки (рис. 5) поверхности. В результате таких действий была подготовлена основа изучаемого вкладышевого инструмента.

С помощью пришлифовки подготавливались края основы, место для прорезания пазов для установки вкладышей (рис. 6). Формирование паза изделия производилось с особой тщательностью. Перед прорезанием паза по его намеченным краям было высверлено костное основание (рис. 7). Углубление имело конический профиль (рис. 8), благодаря чему обеспечивалась точность и прочность фиксации вставляемых крайних вкладышей.

Паз делали резчиком. Резчик подобно ножу *расчленяет* обрабатываемый материал. Резец производит удаление, *выемку* части материала, часто в виде стружки. При работе резчиком по краям образующегося канала-углубления происходит уплотнение обрабатываемого сырья. После аналогичного прохода

Рис. 4. Следы шлифовки на широкой плоскости изделия 1.

Рис. 5. Следы полировки на широкой плоскости изделия 1.

Рис. 6. Линейные следы, оставшиеся после шлифовки узкого края изделия 1.

Рис. 7. Следы сверления на крае паза изделия 1.

Рис. 8. Углубление конической формы, высверленное на крае паза изделия 1.

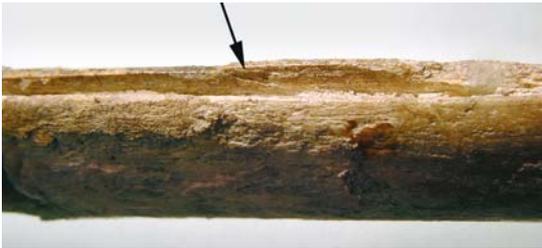

Рис. 9. Следы работы резчика и характерный заусенец (помечен стрелкой) на борту желоба изделия 1.

Рис. 10. Остатки клеящего вещества внутри паза изделия 1.

резца плотность по всему объему материала остается практически прежней. Орудия имеют определенную специализацию. Резчик удобнее использовать для сложных, можно сказать, ювелирных работ по дереву, кости, рогу, камню; резцом сподручнее делать более грубую работу [Волков, 1999, с. 20–21]. Резец чаще, чем резчик, используется при изготовлении пазов для вкладышевых орудий. Применение резчика (оно фиксируется по характерному профилю дна канала и заусенцам на его бортах (рис. 9)) при формировании паза исследуемого изделия 1 – случай сравнительно редкий, свидетельствующий о том, что мастер работал с особой тщательностью.

После того, как паз был прорезан, его заполнили клеящим, вероятно органическим, веществом, ос-

татки которого сохранились на некоторых участках (рис. 10). Вероятно, «закрепителя» было сравнительно немного – конфигурация и глубина паза почти идеально подогнаны под форму и размер каменных вкладышей.

Микропластины-вкладыши имеют признаки «зубчатой» (рис. 11), преимущественно односторонней (рис. 12) ретуши. Ретуширование оптимизировало форму изделий для их крепления в пазах.

Обнаружены следы весьма специфического способа ретуширования вкладышей. Микропластины ретушировались после их закрепления в костной основе изде-

лия, свидетельством чего являются негативы микро- снятий, сформированные сразу на двух сопряженных торцами вкладышах (рис. 13).

Выводы о характере утилизации артефакта основаны на результатах трасологического анализа микро- следов на поверхности каменных вкладышей, изучения поверхности костной основы на краях и анализа формы изделия. Заполировка сформирована на относительно широкой площади и прослежена на наибольшем удалении от кромки лезвия инструмента и вдоль всего рабочего края (рис. 14). Она в незначительной степени заглаживает рельеф на рабочем участке, плавно повторяет складки поверхности и проникает почти во все углубления микрорельефа. Граница зон заполировки и непо потревоженных участков поверхности камня размыта, неясна, выделяется нечетко. Переход от матового фона неизношенной зоны к участкам неразвитой заполировки почти незаметен. Поверхность заполировки имеет тусклый блеск, который заметен на фоне матовой поверхности непо потревоженных участков естественной структуры камня. В целом характер износа характерен для инструментов, контактировавших с относительно мягким органическим материалом – мясом [Там же, с. 32].

Отчетливые следы, позволяющие определить кинематические характеристики инструмента, в зонах

износа микропластин не зафиксированы. Однако линейные следы обнаружены на поверхности фрагментов клея, использовавшегося для крепления пластин в пазах (рис. 15), и даже на поверхности костной основы изделия (рис. 16). Степень износа рабочих участков каменных вкладышей относительно интенсивная, что свидетельствует о длительном использовании орудия. По совокупности трасологических данных исследуемое изделие можно уверенно определить как нож, контактировавший с относительно мягким органическим веществом (вероятно мясом).

Установлено, что при контакте с «обрабатываемым материалом» инструмент совершал весьма однообразные поступательные движения. Для обычного мясного ножа это не характерно. При разделке туши или подготовке мяса к приготовлению нож двигается по весьма сложным траекториям. В результате образуются линейные следы относительно хаотичной ориентации. На исследуемом орудии практически все линейные следы параллельны его длинной оси, что свидетельствует об однообразном, проникающем в «материал», поступательном движении. Весьма вероятно, что изучаемый инструмент использовался преимущественно для забоя, закалывания животных.

Орудие, учитывая его относительную хрупкость, должно было двигаться сравнительно медленно. Та-

Рис. 11. Следы ретуши на рабочем крае вкладыша изделия 1.

Рис. 12. Элемент ретуши на рабочем крае вкладыша и линейное распространение следов клеящего вещества на изделии 1.

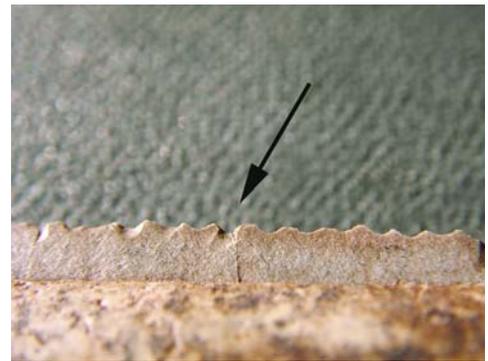

Рис. 13. Чешуйка ретуши, сформированная сразу на двух вкладышах изделия 1.

Рис. 14. Заполировка следов износа на вкладышах изделия 1 вследствие контакта с мясом.

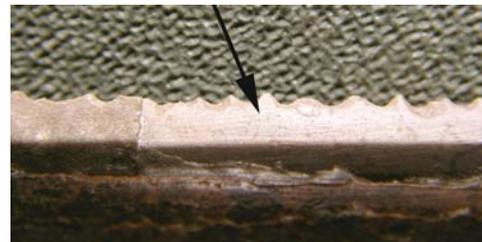

Рис. 15. Линейный характер заполировки следов износа на слое клеящего вещества изделия 1 вследствие контакта с мясом.

Рис. 16. Линейная заполировка следов износа на костной основе изделия 1.

кое возможно лишь при добывании раненого или пойманного в ловушку зверя. Наличие данного орудия в инструментарии может косвенно свидетельствовать о том, что у носителей изучаемой культуры были доместифицированные животные.

Нельзя не отметить еще одну особенность рассматриваемого инструмента – для прямого выполнения производственных задач ему не требовалась тщательная отделка. Однако при изготовлении кинжала использовались, вероятно, наивысшие технологические достижения эпохи. Тщательность обработки инструмента поразительна и необычна. Не исключено, что изделие, на создание которого было потрачено времени больше, чем на изготовление обычного кинжала, могло быть особым орудием, предназначенным, вероятно, не для обычного забоя животных, а для действий, связанных с религиозным культом.

Особенности кинжала четко прослеживаются в ходе сравнительного анализа с функционально аналогичными орудиями из археологической коллекции Фофановского могильника. Изделия 2 и 3 отделаны не столь тщательно, как предыдущий кинжал, технологические особенности их производства свидетельствуют о применении более простых приемов. Паз для каменных вкладышей прорезался не резчиком, а резцом (рис. 17). Его применение упрощает процесс, однако не обеспечивает высокого качества проработки паза. Он формируется более широким; вкладыши не закрепляются столь прочно, как в узкой прорези от резчика. Край паза заранее не высверливался (рис. 18), поэтому при рабочей нагрузке было возможно «проскальзывание» вкладышей орудия. На каменных вкладышах прослежены следы ретуши, преимущественно двусторонней (рис. 19), не слишком регулярной (рис. 20) и не очень тщательно выполненной.

В целом изделия 2 и 3 можно отнести к ординарным орудиям, инструментам для закалывания, добывания добытых на охоте животных. На хорошо сохранившемся изделии 2 имеются следы аккомодации основания под рукоять кинжала путем шлифовки (рис. 21, 22). Очевидно, что изучаемый артефакт являлся только частью, наконечником орудия. Судя по

Рис. 17. Дно канала паза со следами обработки резцом на изделии 3.

Рис. 18. Край паза для вкладышей на изделии 2.

Рис. 19. Следы ретуши на вкладыше изделия 2.

Рис. 20. Ретушь, формирующая рабочий край, на одном из вкладышей изделия 2.

Рис. 21. Сужение основания изделия 2.

Рис. 22. Следы аккомодационной шлифовки изделия 2 в зоне основания.

Рис. 23. Реконструкция кинжала с могильника Фофоново.

размерам могильных ям и специфике расположения в них исследуемых предметов, длина рукояти кинжалов не превышала полуметра (рис. 23).

Планиграфический анализ погр. 4 свидетельствует о том, что вкладышевое оружие было помещено в него без рукояти: оно примыкало к стенке могильной ямы. Изделие 2, возможно, использовалось и как наконечник копья, и как кинжал. А.П. Окладников не исключал, что некоторые вкладышевые орудия бытовали в качестве не только наконечников копий, но и кинжалов [1950, с. 216].

Заключение

Проведенные исследования позволяют определить рассматриваемые изделия из Фофоновского могильника как наконечники кинжалов, которыми закалывали раненых крупных животных. Не исключено, что особо тщательно обработанные наконечники, при изготовлении которых использовались, вероятно, передовые технологии того времени, предназначались для совершения ритуальных действий либо принадлежали людям высокого социального статуса.

Эти выводы подтверждаются археологическим контекстом. Изучаемые орудия находились в захоронениях, выделенных особыми признаками погребального обряда. Два из трех орудий обнаружены в коллективных погребениях. Все кинжалы входили в состав богатого сопроводительного инвентаря. Следует подчеркнуть, что сопроводительный инвентарь в раннеолитических погребениях Фофоновского могильника беден или вовсе отсутствует. Таким образом, можно предположить, что вкладышевые орудия могли применяться по своему прямому назначению (закалывание), а также подчеркивать особый статус их владельца. Для уточнения предложенных выводов необходимы дополнительные исследования. В дальнейшем на материалах Фофоновского могильника планируется изучение культурно-технологических традиций изготовления орудий с позиций комплексного подхода в контексте археологических культур раннего неолита – бронзового века Западного Забайкалья.

Список литературы

- Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.
- Волков П.В., Лбова Л.В.** Технология изготовления нательных украшений на ранней стадии верхнего палеолита (по материалам Западного Забайкалья) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Археология и этнография. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 62–73.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н.** Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23–48.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон.** Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В.** Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.
- Жамбалгарова Е.Д.** Фофоновский могильник: перспективы исследований // Тр. II (VIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – Москва: Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 212–215.
- Жамбалгарова Е.Д., Конев В.П.** Фофоновский могильник: материалы 1987–89 и 1996 года // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 171–172.
- Конев В.П.** Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – Ч. 1. – С. 114–116.
- Лбова Л.В., Жамбалгарова Е.Д., Конев В.П.** Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.
- Мамонина Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Радиоуглеродная хронология голоценовых погребений Прибайкалья и Забайкалья по остеологическому материалу из могильников // Человек, адаптация, культура. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 127–139.
- Окладников А.П.** Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. – 1928. – Т. 3. – С. 63–69.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 373 с. – (МИА; № 43).
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 211 с.
- Семенов С.А.** Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 241 с. – (МИА; № 54).
- Korobkova G.F.** Narzedzia w pradziejach. – Torin: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.

Материал поступил в редколлегию 25.02.10 г.

УДК 903-03

**М. Навасо¹, Р. Алонсо-Алькальде², А. Бенито-Кальво³, К. Диес¹,
А. Перес-Гонсалес³, Э. Карбонелл⁴**

¹Университет Бургоса, Бургос, Испания

Universidad de Burgos, Edificio I+D+i,

Plaza Misael, Bañuelos, s/n, 09001, Burgos, Spain

E-mail: mnavazo@ubi.es

²Музей эволюции человека, Бургос, Испания

Museo de la Evolución Humana,

Paseo Sierra de Atapuerca, s/n, 09002, Burgos, Spain

E-mail: ralonso@museoevolucionhumana.com

³Национальный центр исследования эволюции человека, Бургос, Испания

Centro Nacional sobre Evolución Humana,

Paseo Sierra de Atapuerca, s/n, 09002, Burgos, Spain

E-mail: alfonso.benito@cenieh.es

⁴Каталонский институт палеоэкологии человека

и социальной эволюции, Таррагона, Испания

Institut Català de Paleoecologia Humana i Evolució Social,

Àrea de Prehistòria, Universitat Rovira i Virgili,

Plaça Imperial Tàrraco 1, 43005, Tarragona, Spain

E-mail: eudald.carbonell@urv.net

ХУНДИДЕРО – НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ СТОЯНКА ОТКРЫТОГО ТИПА ПЕРИОДА МОРСКОЙ КИСЛОРОДНО-ИЗОТОПНОЙ СТАДИИ 4 (СЬЕРРА ДЕ АТАПУЭРКА, ИСПАНИЯ)

В результате широкомасштабных археологических разведок в горах Сьерра де Атапуэрка на стоянках открытого типа были обнаружены материалы первой половины позднего плейстоцена (морская кислородно-изотопная стадия 4). Среднепалеолитические комплексы стоянки Хундидеро, открытой в 2004 г., относятся к 70–56 тыс. л.н. Типологические и технологические особенности индустрии памятника находят параллели в коллекциях 30 синхронных стоянок открытого типа в горах Атапуэрка. Возможно, все эти стоянки периодически посещали коллективы неандертальцев – носителей одной культурной традиции, для которой характерны слабомодифицированные каменные орудия, разнообразные приемы вторичной обработки, применение преимущественно дорсальной ретуши, тенденция к микролитизации и повторному использованию орудий.

Ключевые слова: средний палеолит, каменная технология, кислородно-изотопная стадия 4, стоянки открытого типа, человеческие поселения, Сьерра де Атапуэрка (Испания).

Введение

Стоянка Хундидеро, как и 30 других стоянок открытого типа в горах Сьерра де Атапуэрка, стала известна благодаря проведению интенсивных широкомасштабных археологических разведок в 2000–2003 гг.

[Navazo, Díez, 2001, p. 7; Navazo, 2002, p. 77]. При документировании всех памятников открытого типа, которое производилось непосредственно в Сьерра де Атапуэрка и вокруг них, обнаружена 181 стоянка каменного века, в т.ч. 31 поселение эпохи среднего палеолита. До этого здесь среднепалеолитические па-

мятники в карстовом пещерном ландшафте, обычном для Атапуэрки, не были известны. Геологические и археологические материалы идентифицированы и типологизированы с целью определения источников каменного сырья для среднепалеолитических стоянок [Navazo et al., 2008, p. 1962], первичные выходы и вторичные местонахождения которого обнаружены во время разведки. Сырье представлено двумя видами кремня (мелового и неогенового) и кварцитами. В 2003 г., на втором этапе исследований, на стоянке Хундидеро для изучения стратиграфической последовательности и распространения культуросодержащих отложений и определения перспектив раскопок данного памятника было заложено несколько шурфов. В результате в стратиграфии стоянки прослежено несколько уровней обитания, относящихся к позднему плейстоцену (морская кислородно-изотопная (далее – МИС) стадия 4). С 2004 г. начался третий этап изучения, его цель – выявление памятников, где археологические материалы и стратиграфические последовательности сохранились в неповрежденном состоянии.

В настоящей статье представлены результаты изучения участка стоянки Хундидеро площадью 8 м², раскопанного в 2004–2006 гг.

Геологический и геоморфологический контексты

Изучаемый участок находится в правом борту средней части долины р. Арлансон, в северо-восточном секторе кайнозойского бассейна р. Дуэро (север центральной части Иберийского полуострова). На востоке бассейн Дуэро посредством коридора Буребо связан с бассейном р. Эбро (рис. 1, А). В этой части бассейна Дуэро континентальные третичные отложения окружают выходы мезозойских пород, протянувшиеся вдоль горного массива Сьерра де Атапуэрка с северо-северо-востока на юго-юго-запад (рис. 1, Б). Последние представлены преимущественно верхнемеловыми доломитами, известняками и в меньшей мере мергелем, песчаником и конгломератами; присутствуют также юрский известняк, триасовые глина и эвапориты [Pineda, 1997, p. 8]. Верхнемеловые карбонатные породы подвержены окарстованию [Benito, 2004, p. 62; Ortega et al., 2005, p. 165], примером чего является карстовая система, в которой расположены пещерные археологические стоянки Сьерра де Атапуэрка (рис. 1, Б).

В неогене мезозойские породы были денудированы и выровнены четырьмя эрозионными поверхностями с одновременным заполнением долины Дуэро [Benito-Calvo, Pérez-González, 2007, p. 226] синорогенными конгломератами и глинами, которые оказа-

лись перекрыты посторогенными миоценовыми аллювиальными и озерными осадочными отложениями [Santisteban et al., 1996, p. 183; Armenteros et al., 2002, p. 309]. В данной последовательности установлен также слой известняка, содержащий кремь [Pineda, 1997; Navazo et al., 2008, p. 1961].

В четвертичное время отложения в северо-восточной части бассейна Дуэро были рассечены системой водотоков, сформировавших долины р. Арлансон и ее притоков (рис. 1, Б) [Benito, 2004, p. 159; Benito-Calvo et al., 2008, p. 196]. На них установлена последовательность из 14 уровней флювиальных террас.

Результаты термолюминесцентного датирования позволяют отнести террасу 14 (+ 2–3 м) к голоцену (4 827 ± 338 л.н.), террасу 11 (+ 12–13 м) возрастом 115 052 ± 11 934 л.н. – к границе между средним и поздним плейстоценом [Benito-Calvo et al., 2008, p. 198]. Магнитостратиграфические данные показывают нормальную полярность для террасы 4 (+ 60–67 м), что позволяет предположить раннеплейстоценовый возраст данной и более ранних террас. Во время формирования раннеплейстоценовых террас эндокарстовая система Сьерра де Атапуэрка была открытой, что определило возможность проникновения в карстовые полости аллохтонных отложений и проживания в пещерах человека [Carbonell et al., 2008, p. 465].

Отложения стоянки Хундидеро расположены в южной части террасы 4, на уровне + 66 м. Здесь на плоской равнинной поверхности террасы отмечен полубессточный участок, на котором в позднем плейстоцене водотоками временных русел формировались отложения водно-эрозионного цикла – кварцевые пески, хорошо окатанный кварцитовый гравий и иллювиальные глины. Эта система временных русел берет начало на юге, в отложениях небольшой долины, дренировавшей полубессточный участок в направлении р. Арлансон (рис. 1, В). Во внутренней зоне террасы был небольшой сезонный водоем, его следы фиксируются и сегодня (рис. 1, В). Далее к северу отмечены склоновые отложения, перемещенные с поверхности террас 3 (+ 75 м) и 2 (+ 84 м). Скальное основание террасы состоит из среднемиоценовых мергелей и глин, подстилаемых известняком, который содержит кремневые желваки размером до 1 м. Этот кремнедержущий слой обнажается в ряде мест на обрывах террасы (рис. 1, В, Г).

Стратиграфия

Отложения стоянки Хундидеро являются детритовыми седиментами, поступившими в результате эрозии террасы 4 (+ 66 м), первоначально созданной аллювиальными процессами (рис. 1, Г). Они состоят из гравия и стратифицированных осадков, для которых

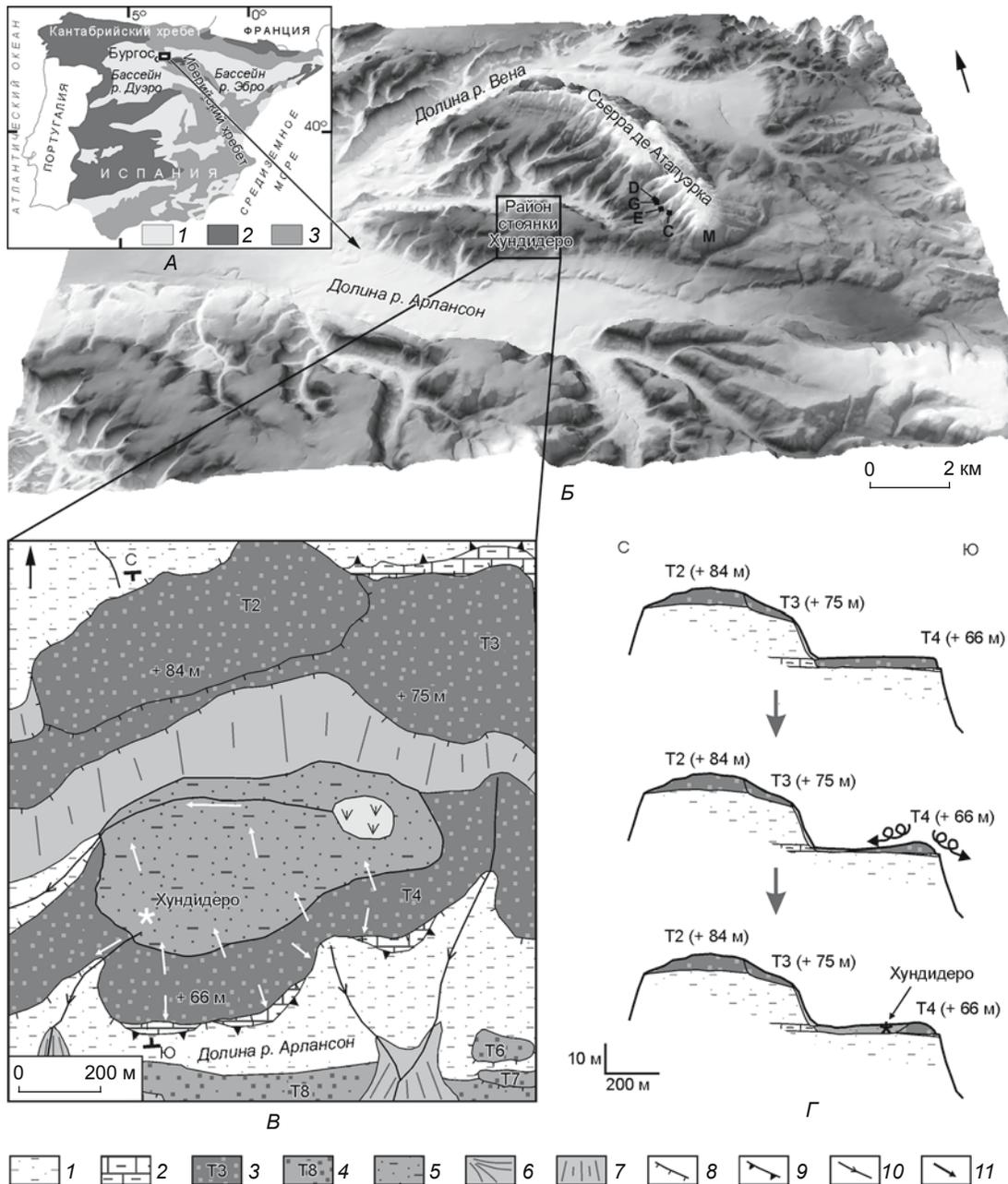

Рис. 1. Геологический и геоморфологический контексты стоянки Хундидеро.

А – основные геологические подразделения на Иберийском полуострове: 1 – кайнозой; 2 – мезозой; 3 – палеозой–докембрий; *Б* – топография средней части долины Арлансона и гор Сьерра де Атапуэрка; *В* – геоморфологическая карта окрестностей стоянки: 1 – миоценовые глины и мергели; 2 – миоценовые известняки; 3 – раннплейстоценовые речные террасы; 4 – среднеплейстоценовые речные террасы; 5 – детритовые отложения; 6 – конусы выноса; 7 – коллювий; 8 – обрывы речных террас; 9 – скальные обрывы; 10 – система стока; 11 – направления стока; *Г* – геоморфологическая синтетическая модель формирования отложений стоянки.

характерно увеличение зернистости вверх по разрезу от тонкозернистых до мелкозернистых. На отложениях воздействовали иллювиальные и гидроморфные процессы педогенеза, вызвавшие образование иллювиальных глин, глеевых горизонтов и оксидов марганца.

В этих отложениях были выделены четыре стратиграфических, несогласно залегающих уровня (рис. 2). Нижний, соответственно древнейший, уровень 4 (мощность 50–60 см) несогласно залегает на среднемиоценовых породах. Он представлен хорошо окатанными кварцевыми зернами, галькой и валунами (максималь-

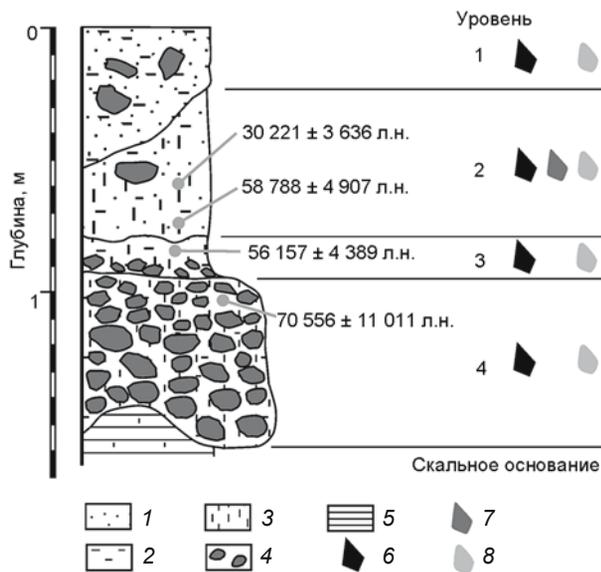

Рис. 2. Хроностратиграфическая последовательность отложений стоянки Хундидеро.

1 – пески и илы; 2, 3 – глины; 4 – кварцитовый гравий; 5 – материковые глины и мергели; 6 – «свежие» артефакты; 7 – «свежие» артефакты с выветрелыми краями; 8 – окатанные артефакты.

ный размер отдельностей до 20 см), ассоциирующимися с временными водотоками. Заполняющая порода красно-коричневого и желтого цвета создана иллювиальными процессами; ее механический состав варьирует от песчанистого суглинка до глины. Некоторые фрагменты уровня 4 встречаются в подстилающей материковой породе: они попали туда в результате гравитационных процессов. Уровень 3 мощностью 20 см залегает выше уровня 4. Основание его сложено хорошо окатанным кварцитовым гравием и галькой (максимальный размер отдельностей 14 см), верхняя часть – осадками, состоящими в основном из глин (более 60 %) и в меньшей степени из песков и илов. Присутствие галечного материала в основании уровня связано с деятельностью тех же временных водотоков, в то время как накопления глин в верхней части отложений – с медленным осаждением в неподвижной водной среде. Уровень 2 (мощность 15–40 см) характеризуется преобладанием глины (до 80 %); в нем встречаются также отдельные окатанные обломки и оксиды марганца. Высокая доля глин и пологий угол склона предполагают относительно стабильные условия среды осадкообразования, предположительно связанные с сезонными водоемами, осаждением тонкодисперсных отложений и спорадически возникающими течениями. Верхний слой 1 (мощность 20–50 см) интенсивно переработан в результате вспашки, имеет песчанистую структуру; в нем встречается гравий – еще одно свидетельство палеонтологически протекавшей здесь воды.

В ходе люминесцентного датирования зерен кварца, проведенного в лаборатории датирования и радиохимии Независимого университета в Мадриде, получены следующие даты: для верха уровня 4 – $70\,556 \pm 11\,011$ л.н. (TL), для уровня 3 – $56\,157 \pm 4\,389$ л.н. (OSL). Был установлен значительный хронологический разрыв между основанием уровня 2 – ($58\,788 \pm 4\,907$ л.н. (TL)) и его верхом ($30\,221 \pm 3\,636$ л.н. (OSL)) (рис. 2). Характер орудийного набора, обнаруженного на данном стратиграфическом уровне, и согласованное распределение остальных хронологических определений подтверждают эти определения.

Археологические материалы

Для изготовления каменных орудий использовался в основном неогеновый кремнь. Выходы третичных мергелей вокруг Хундидеро содержали известняк с включенными в них блоками неогенового кремня размерами до 1 м (рис. 3, А). Анализ шлифов этого материала выявил очень высокую пористость, особенно в зоне, прилегающей к корке; изменение цвета за счет высокого содержания оксида железа (FeO); присутствие некоторого количества гипса в виде ленточных включений, а также сферических темных непрозрачных включений, вероятно пирита (рис. 3, Б) [Navazo et al., 2008, p. 1966].

Структура кремня изучалась методом индуктивной сопряженной плазмомассовой спектрометрии (ICP-MS). По сравнению с традиционно используемыми этот геохимический метод имеет несколько преимуществ: возможность определения большинства элементов периодической таблицы (кроме наиболее легких элементов), даже представленных в ничтожно малых концентрациях; минимальная степень разрушения образца при анализе [Kennett et al., 2001] – требуется только 12–17 мг породы; очень короткое (приблизительно 4 мин) время, необходимое для проведения исследования [Navazo et al., 2008, p. 1964]. Методом ICP-MS изучались образцы из уровня 2 (как необработанного кремня, так и со следами обработки), практически идентичные по составу.

Комплексы археологических уровней стоянки Хундидеро относительно немногочисленные (табл. 1), но обладают достаточно высоким информационным потенциалом. В соответствии с аналитической логической системой описания каменного инвентаря [Carbonell, Mora, 1986] составлено технологическое описание и произведена классификация каменных орудий.

Уровень 1, самый близкий к дневной поверхности, представлен отложениями, переработанными в ходе деятельности современного человека, и расположен в почвенном горизонте А с остатками корней травяной

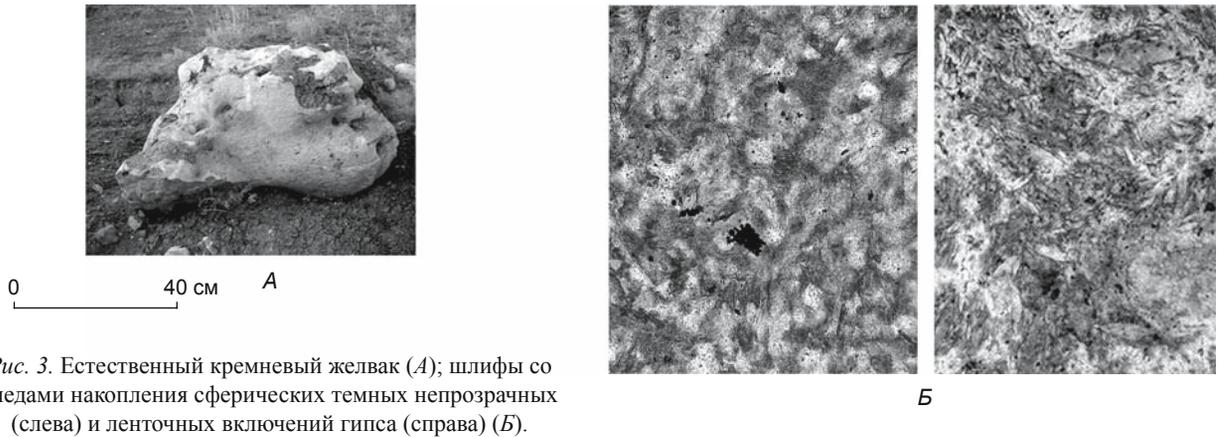

Рис. 3. Естественный кремневый желвак (А); шлифы со следами накопления сферических темных непрозрачных (слева) и ленточных включений гипса (справа) (Б).

Таблица 1. Каменный инвентарь исследуемых уровней стоянки Хундидеро, ед.

Инвентарь	1	2	3	4	5	Всего
Отбойники	–	–	2	2	–	4
Подготовленные желваки	1	2	–	1	–	4
Нуклеусы	1	1	3	5	–	10
Нуклеусы на отщепах	3	2	3	4	–	12
Отщепы	99	75	20	115	4	313
Орудия	5	25	11	38	1	80
<i>Всего</i>	109	105	39	165	5	423

растительности. До 1971 г. этот участок подвергался распашке. Комплекс находится в первоначальной стратиграфической позиции, однако пространственное положение артефактов было нарушено в результате сельскохозяйственной деятельности [Navazo, Díez, 2008, p. 323].

Коллекция данного археологического уровня содержит 109 предметов: 103 ед. из кремня и 6 ед. из кварцита. Обнаружено фрагментированное (размеры 96×70×33 мм) галечное орудие с негативом преднамеренного скола на поверхности. Найдены также три дисковидных нуклеуса на отщепах из кремня. У двух изделий остаточная ударная площадка заготовки служила плоскостью расщепления или площадкой для отжима (рис. 4, Б). На плоскости третьего предмета имеются следы попеременных снятий (рис. 4, А). Отщепы изготовлены из кремня (92 %) и кварцита (8 %). У большей части – гладкие ударные площадки, у меньшей – линейные и точечные; единичные отщепы сохранили двугранные и фасетированные площадки. На дорсальной поверхности почти всех артефактов отсутствует естественная корка. Несколько изделий – производные дисковидного нуклеуса (псевдолеваллуазские отщепы); представлены леваллуазские отщепы и краевые сколы. Имеются изделия со следами утилизации на продольных краях. Сред-

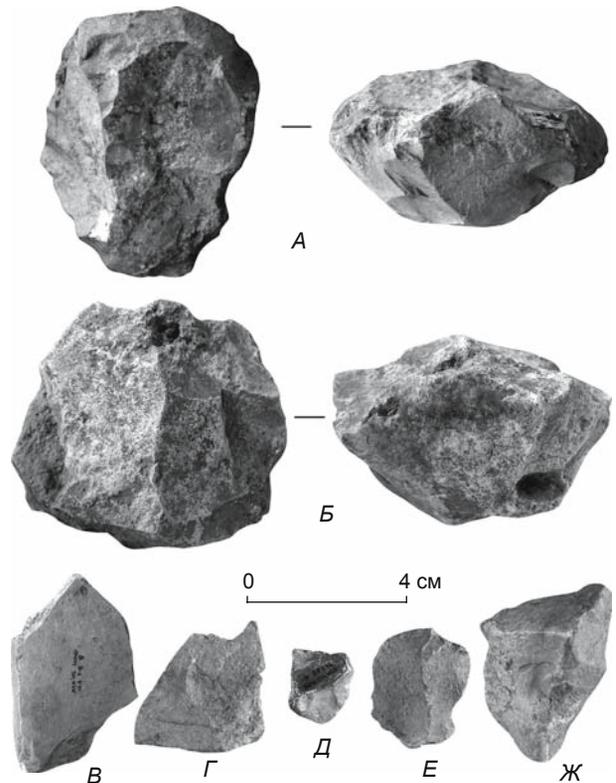

Рис. 4. Индустрия уровня 1.

ние размеры отщепов $28 \times 24 \times 8$ мм; это микроотщепы [Bagolini, 1968]. Пять ретушированных отщепов по средним размерам ($31 \times 25 \times 11$ мм) немного превосходят неретушированные. Они представлены зубчатым, выемчатым, клювовидным орудиями, скреблом и скребком (рис. 4, В – Ж). Последний изготовлен из кварцита, у него гладкая ударная площадка и дорсальная поверхность без следов естественной корки, остальные изделия – из кремня.

Уровень 2 насыщен мелким детритом, характеризуется высокой концентрацией иллювиальных глин. Эти отложения содержат артефакты, которые мы разделили на две группы. Первая включает 99 изделий со «свежей», невидоизмененной поверхностью, вторая – 10 предметов с эродированными плоскостями и «свежими» продольными краями. Вероятно, эти артефакты подверглись эрозии, не сопровождавшейся их перемещением с места первоначального расположения. Коллекция состоит из 105 предметов: 98 ед. – из кремня, 6 ед. – из кварцита и 1 ед. – кварца.

Обнаружены два орудия на кварцитовых желваках со следами продольных однонаправленных снятий,

оформляющих рабочий край. Найден истощенный нуклеус (размеры $106 \times 91 \times 85$ мм) из кварцита, имеющий ударную площадку, образованную одним снятием, и негативы глубоких продольных однонаправленных сколов. Два нуклеуса на отщепках демонстрируют дисковидную технику оформления. Они близки по размерам: один ($48 \times 38 \times 27$ мм) изготовлен на бифасе, второй ($42 \times 43 \times 17$ мм) – на фрагментированном краевом сколе. У последнего на вентральной плоскости имеются следы скалывания; по степени патинизации негативы снятий отличаются от заготовки нуклеуса.

Обнаружено всего 75 отщепов. Анализ негативов снятий на дорсальных поверхностях показал, что 11 % отщепов получено в результате использования центростремительной технологии расщепления, некоторые изделия представляют применение техники комбева. В коллекции имеется много краевых сколов. Отщепы в основном небольшие и средние (средние размеры $26 \times 24 \times 9$ мм). Некоторые из них несут следы использования. Почти у всех, кроме одного острия, ударные площадки нефасетированные и гладкие. Более 85 % ударных площадок – результат одного скалывания; за ними по представительности следуют площадки, оформленные двумя снятиями; лишь несколько предметов сохранили естественные ударные площадки. Дорсальные поверхности почти всех артефактов без следов естественной корки. Многие отщепы имеют обушки, покрытые коркой (рис. 5, А – В).

Найдены 25 ретушированных отщепов, из них 10 ед. со слегка окатанной поверхностью (рис. 5, Г). Почти все изделия выполнены из кремня, исключением является зубчатое орудие из кварцита; ударные площадки, как правило, гладкие. Дорсальные поверхности не несут следов естественной корки. Наиболее широко представлена крутая ретушь. Преобладают зубчатые (рис. 5, Ж) и выемчатые орудия, имеются также скребла (одно с элементами чешуйчатой ретуши), скребки и острие. Несколько отщепов получено с помощью дисковидной системы расщепления. У одного зубчатого орудия ретушированная поверхность отличается по степени патинизации от остальной поверхности (рис. 5, Г). Этот артефакт (размеры $41 \times 38 \times 14$ мм) несколько крупнее неретушированных изделий. У одного из концевых скребков более толстый проксимальный конец обладает признаками преднамеренного оформления – на одном продольном крае крутой ретушью оформлена спинка, характерная для ножей (рис. 5, Е).

Орудия со «свежими» краями и слегка окатанными плоскостями (как и остальные изделия) имеют гладкие ударные площадки (за исключением одной площадки, образованной двумя снятиями) и дорсальные поверхности без следов корки. Типологически к ним относятся зубчатые орудия, концевые скребки и скребло. Некоторые отщепы принадлежат к категории

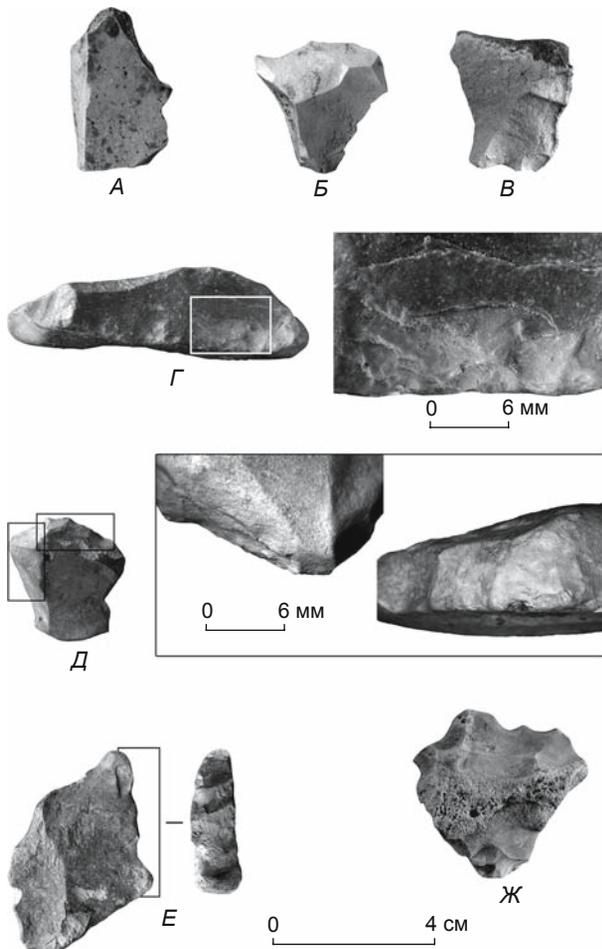

Рис. 5. Индустрия уровня 2.

краевых; они средних размеров – $39 \times 35 \times 14$ мм. Мы считаем, что во время образования уровня 2 (менее 56 тыс. л.н.) было несколько эпизодов заселения стоянки; об этом свидетельствует различная патинизация на нуклеусе и зубчатом орудии.

Уровень 3 мощностью 15 см по характеристикам отложений довольно близок к уровню 2. Он сложен глиной голубоватого оттенка, присущего плохо дренируемым почвам, в которых присутствуют оксиды марганца и происходят глеевые процессы. Здесь обнаружен комплекс из 39 артефактов: более половины составляют отщепы, далее по количеству следуют ретушированные отщепы, атипичные ядрища и отбойники. Почти все предметы изготовлены из кремня, лишь пять артефактов – из кварцита и два – из кварца. Несколько сильно эродированных предметов не подвергались анализу; они попали в слой, скорее всего, с поверхности террасы 4 (+ 66 м), которая подвергалась эрозии в среднем плейстоцене. Найдено два кварцитовых отбойника. На одном (размеры $63 \times 48 \times 31$ мм) имеются следы забитости, другой несет два негатива сколов, произведенных после фрагментации изделия. Обнаружены два желвака, которые использовались для снятия отщепов: один из кварца (рис. 6, Б), другой из кремня (рис. 6, А). У первого прослежены следы забитости на основании и негативы очень глубоких плоских односторонних снятий на дистальном конце. Второй предмет является дисковидным односторонним нуклеусом.

Один из двух нуклеусов на отщепках выделяется небольшими размерами. У него имеются три фронта расщепления и несколько ударных площадок. Данный артефакт, скорее всего, представляет стадию апробирования. Другой нуклеус, изготовленный на отщепе комбева, сохранил фасетированную ударную площадку (рис. 6, Г).

К категории мелких (размеры $21 \times 17 \times 8$ мм) относятся 12 отщепов с гладкими ударными площадками. Их дорсальные плоскости без следов корки. Можно предположить, что некоторые отщепы были сколоты с помощью центростремительной системы расщепления.

Два из семи ретушированных предметов – зубчатые орудия (рис. 6, Ж); имеются также два выемчатых орудия, два скребла, короткий концевой скребок (рис. 6, Д) и зубчатое острие. Одно зубчатое орудие изготовлено на окатанном отщепе. В коллекции представлены скребла с элементами крутой ретуши на поперечном дистальном конце (рис. 6, В) и со следами вентральной ретуши на правом продольном крае, а также с признаками использования на левом крае (рис. 6, Е). Новое рабочее лезвие на продольном крае последнего артефакта могло быть оформлено после того, как поперечный край стал непригоден для эксплуатации, возможно также, что орудие исполь-

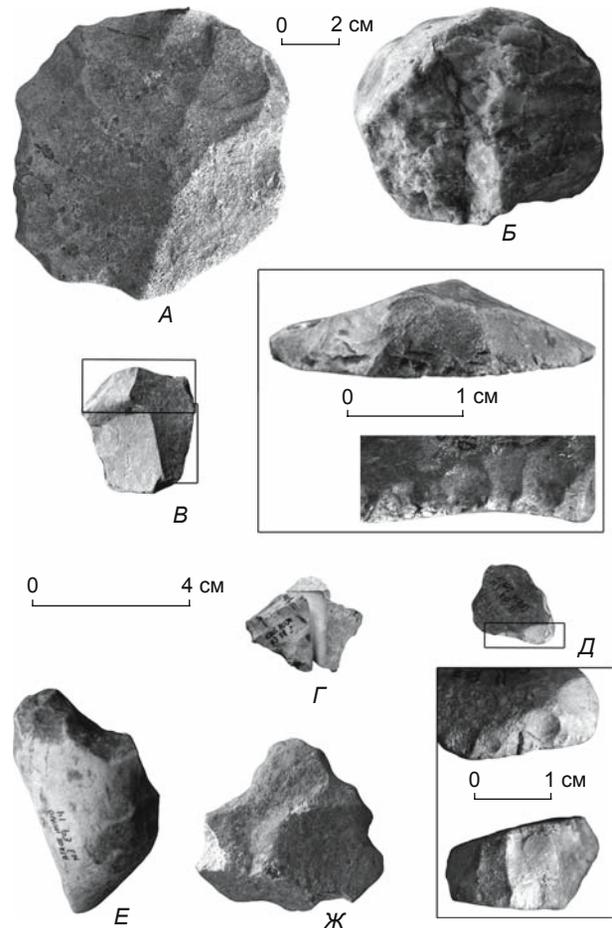

Рис. 6. Индустрия уровня 3.

зовалось во время двух разных эпизодов заселения стоянки. Средние размеры орудий ($41 \times 37 \times 14$ мм) несколько больше, чем неретушированных отщепов. По морфотехническим характеристикам орудия близки к неретушированным сколам – у них гладкие ударные площадки и дорсальные плоскости без следов естественной корки. Небольшая доля орудий и наличие признаков их повторного использования позволяют предположить, что во время накопления отложений уровня 3 территория стоянки Хундидеро неоднократно посещалась неандертальцами.

Уровень 4 характеризуется отложениями, сложенными кварцитовым гравием, который был смещен с речной террасы 4 (+ 66 м). При раскопках данного уровня были найдены два кварцитовых отбойника со следами забитости размерами $72 \times 62 \times 53$ и $52 \times 47 \times 40$ мм (рис. 7, А). Обнаружен также нуклеус размерами $165 \times 90 \times 58$ мм. Этот предмет на одной плоскости поперечного дистального окончания несет следы раскалывания, на проксимальном конце имеются следы забитости. Можно предположить, что изделие использовалось как пест для обработки органического сырья.

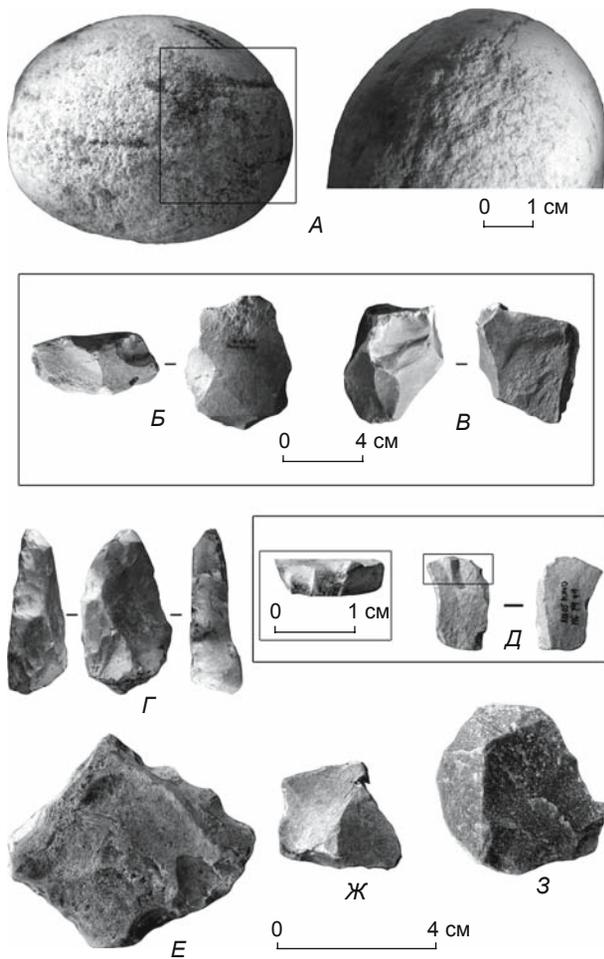

Рис. 7. Индустрия уровня 4.

Дисковидную систему расщепления представляют как обычные нуклеусы, так и нуклеусы на отщепе. Один из пяти обычных нуклеусов фрагментированный, второй – многоплощадочный, третий – двусторонний продольный, многоплощадочный, четвертый – ортогональный двусторонний, пятый является фрагментом с негативами нескольких отщепов, снятых в продольном направлении. Имеется блок кремня со следами двух пробных снятий. Три из пяти нуклеусов на отщепе относятся к категории дисковидных (рис. 7, Б); четвертый – фрагмент большого отщепе, на котором прослеживаются два продольных однонаправленных негатива снятий; пятый выполнен на большом краевом сколе, с которого были сняты два отщепе в однополярном продольном направлении (рис. 7, В).

Большая часть отщепов изготовлена из кремня, только два – из кварцита. Ударные площадки преимущественно гладкие. Подавляющее большинство дорсальных поверхностей артефактов не имеет корки. По средним размерам эти отщепе (37×29×14 мм) несколько превосходят такие же сколы из других

уровней Хундидеро (обычно не больше 30×30 мм). Многие из этих отщепов имеют обушок; некоторые принадлежат к категории «заныривающих» сколов; один предмет может быть определен как нож с естественной спинкой. Несколько отщепов было снято с дисковидных нуклеусов. Форма отдельных сколов была задана предыдущей подготовкой; некоторые из них – со следами утилизации.

Ретушированных отщепов насчитывается 37 ед., что составляет 29 % от общего количества артефактов анализируемого комплекса. Все они, кроме двух предметов из кварцита, изготовлены из кремня. Средний размер орудий 39×32×14 мм. По морфотехническим характеристикам ретушированные отщепе близки к неретушированным сколам: ударные площадки гладкие и дорсальные плоскости не покрыты коркой. Многие орудия сделаны на краевых и «заныривающих» сколах, а также на фрагментах отщепов. Типологически выделяются зубчатые (рис. 7, Е) и выемчатые (51 %) орудия, скребла (17 %), скребки (11 %, рис. 7, Д), тронкированные изделия (11 %), острия (5 %) и клювовидные орудия (5 %). По меньшей мере три зубчатых (рис. 7, Е), два выемчатых орудия и два тронкированных изделия демонстрируют наличие на своих поверхностях двух различных типов патинизации. Возможно, между процессами скалывания с нуклеуса и переоформления в орудия был некоторый промежуток времени. Что касается выемчатых орудий, то одно из них было оформлено на дисковидном нуклеусе, другое – на фрагменте отщепе. Вентральная плоскость одного зубчатого орудия несет следы снятия отщепе. Они могли появиться в ходе преднамеренного утончения предмета или использования артефакта в двух качествах – как ретушированного отщепе и как нуклеуса. Применение ядрищного утончения получило отражение в материалах стоянок Акслор [Ríos, 2005, p. 333] и Прадо Варгас [Navazo et al., 2005, p. 163; Navazo, Díez, 2009, p. 130]. Одно продольное скребло изготовлено на окатанном сколе, одно тронкированное изделие – на отщепе со следами преднамеренной фрагментации (рис. 7, Д). Нож со спинкой выполнен на углу скребла, в его дистальной части, в такой же манере, как концевой скребок из уровня 2 (см. рис. 5, Е). Один скребок относится к изделиям с двумя рабочими краями, причем один рабочий край подвергся вторичному переоформлению, другой оформлен на фрагменте отщепе, на нем отмечены два типа патины. Два оставшихся концевых скребка – с элементами отвесной, почти перпендикулярной ретуши. Многие предметы имеют признаки отвесной ретуши; они отражают попытки оформить острие с помощью двусторонней ретуши по одному из краев, предназначавшемуся для более надежного захвата орудия рукой.

Обсуждение

Четыре археологических уровня памятника Хундидеро формировались на протяжении ок. 15 тыс. лет в период 70–56 тыс. л.н., который соответствует МИС 4. Хундидеро – стоянка открытого типа, расположенная на краю полубессточного участка, где в древности мог находиться мелкий сезонный водоем (см. рис. 2).

Наиболее важными технологическими особенностями индустрии объекта являются получившее отражение в материалах всех уровней доминирование системы производства отщепов, основанное на дисковидной технике, а также подчиненное положение техники комбева и леваллуа. Ядрища не раскалывались до полной степени истощения, с них производилось лишь несколько снятий, и эти формы оставались на стадии одноплощадочных нуклеусов с продольными или многополярными снятиями. В отложениях всех уровней залежали только мелкие отщепы, в трех верхних уровнях – не более 30 мм, в древнейшем – немного крупнее (табл. 2).

В комплексах всех четырех уровней стоянки преобладают отщепы, далее следуют орудия (ок. 30 %), в т.ч. зубчатые и выемчатые, скребла, за ними – скребки, острия и клювовидные орудия. Результаты датирования подтверждают предположение о заселении Хундидеро в первой половине позднего плейстоцена (70–50 тыс. л.н.).

На ударных площадках сколов и орудий практически не встречается естественная корка, что обусловлено особенностями каменного сырья. Сырьем для неандертальцев, посещавших Хундидеро, служил кремль, выходы которого имеются на территории стоянки (см. рис. 1). Для изготовления орудий использовались крупные, некоторые размерами до 1 м, блоки сырья (см. рис. 3, А). Если эти блоки раскалывались в силу естественных причин и обломки собирали поблизости, то на их поверхности не было первичной корки. Таким образом, в отличие от большинства других индустрий, обилие гладких ударных площадок в ассамбляжах Хундидеро может быть свидетельством того, что основные трудозатраты при первичном расщеплении приходились на начальный цикл раскалывания. Обитатели стоянки весьма расточительно расходовали каменное сырье, очень мало внимания уделяли первичной подготовке перед началом производства сколов-заготовок.

Еще одна особенность индустрий Хундидеро, присущая и другим стоянкам открытого типа в горах Сьерра де Атапуэрка, относящимся к одному хронологическому этапу, – тенденция к микролитизации инвентаря, причем орудия были меньше, чем неретушированные сколы (табл. 2). Комплексы, содержащие микроинвентарь, известны в Европе и Леванте; ранее они уже становились предметом дискуссий [Burdukiewicz, Ronen, 2003, p. 223]. Стремление

Таблица 2. Размеры отщепов и орудий из индустрий стоянки Хундидеро, мм

Показатель	Кол-во	Размер			Показатель	Кол-во	Размер		
		минимальный	максимальный	средний			минимальный	максимальный	средний
<i>Отщепы</i>					<i>Орудия</i>				
Уровень 1					Уровень 1				
Длина	57	4	72	27,95	Длина	5	23	41	31,40
Ширина	57	4	64	23,96	Ширина	5	19	33	25,00
Толщина	57	2	38	8,70	Толщина	5	7	18	11,40
Уровень 2					Уровень 2				
Длина	56	4	94	25,98	Длина	24	18	74	39,88
Ширина	56	5	90	23,86	Ширина	24	12	86	35,21
Толщина	56	2	35	9,59	Толщина	24	5	30	13,83
Уровень 3					Уровень 3				
Длина	10	4	40	21,10	Длина	7	23	58	41,43
Ширина	10	4	52	17,10	Ширина	7	17	69	37,29
Толщина	10	2	20	8,10	Толщина	7	8	21	14,43
Уровень 4					Уровень 4				
Длина	72	7	100	37,26	Длина	37	14	79	39,54
Ширина	72	4	62	29,03	Ширина	37	15	62	32,24
Толщина	72	2	40	13,85	Толщина	37	5	30	13,57

к микролитизации объясняется влиянием климата, своеобразием каменного сырья, функциональными характеристиками стоянок и продолжительностью их заселения, а также культурной спецификой. Как и на многих среднепалеолитических стоянках на Иберийском полуострове, территории Франции [Delagnes, Meignen, 2006, p. 85; Dibble, Mc Perron, 2006, p. 777] и Центральной Европы [Moncel, 2003, p. 117], на Хундидеро представлены отщепы, которые использовались без дополнительной вторичной обработки. Интерпретации данного феномена, основанные на климатической детерминации, предполагают, что эти микроиндустрии существовали в Центральной Европе в период межледниковий [Valoch, 2003, p. 189]. Однако стоянка Хундидеро заселялась и во время ледниковой фазы, и в предшествующий теплый период, соответствующий МИС 5. Кроме того, за периодом МИС 4 следовала другая холодная фаза – МИС 3, во время которой появились микролитические ассамбляжи, свидетельствующие об интенсивном расщеплении блоков кремня, переоформлении и повторном использовании орудий [Navazo, Díez, 2009, p. 137]. Наиболее древние микроиндустрии в Западной Европе датируются временем ок. 500 тыс. л.н. [Otte, 2003, p. 223]. Имеющиеся данные подтверждают, что плоскогорья Северной Испании заселялись в холодные периоды, но не раскрывают причин, обусловивших тенденцию к «микролитичности» индустрий. Предположение о том, что мелкие размеры орудий детерминированы мелкими размерами блоков сырья, неприемлемо для материалов Хундидеро (см. рис. 3, А). Возможно, мелкие отщепы были эффективны при обработке туш слонов и носорогов [Moncel, 2003, p. 120], однако не на всех стоянках с микролитическими индустриями производились снятие шкур и разделка этих животных.

Гипотезы, объясняющие особенности каменных индустрий продолжительностью проживания на конкретном месте, основываются на том, что носители традиций среднепалеолитических микроиндустрий использовали стоянки периодически, очень короткое время. Эти мобильные группы передавали знания о подобных местах из поколения в поколение [Moncel, 2003, p. 140; Navazo, Díez, 2009, p. 138]. Имеются свидетельства того, что Хундидеро и другие стоянки в Атапуэрке заселялись неоднократно и на непродолжительное время. Однако предположение о периодическом заселении стоянки не объясняет своеобразие орудийного набора и малого размера артефактов, хотя важность данного вопроса очевидна: его понимание позволит оценить, как неандертальцы могли планировать, формулировать свои стратегии, основываясь на прошлом опыте, и следовать им в рамках социальной группы [Soressi, 2005, p. 389].

Обитатели Хундидеро использовали мелкие предметы, полученные с помощью различных систем

раскалывания. Основные морфотехнические характеристики (ударные площадки, однонаправленная центростремительная или многополярная огранка дорсала) подтверждают предположение о том, что сколы производились преимущественно дисковидным методом [Voëda, 1993]. Иногда нуклеусы использовались повторно, уже в качестве орудий. Объяснить это нехваткой сырья невозможно. Повторное использование артефактов, часть из которых была изготовлена во время предыдущих эпизодов заселения, может быть, соответствовало стратегии, предполагавшей приспособление изделий, оставленных предшествующими группами. В этом случае задача по изготовлению орудий облегчалась, если на заселяемом участке удавалось найти подходящий артефакт, созданный группами, проживавшими здесь ранее. Однако, по нашему мнению, микролитичность индустрии – это специфика культурной традиции. Подобное известно по материалам более древних памятников на Иберийском полуострове, таких как Боломор [Fernández, 2007]; данное явление на стоянках в Левантийской зоне полуострова интерпретируется как «местная тенденция» [Vaena, Carrión, 2006, p. 60]. Скорее всего, индустрии Хундидеро могут быть соотнесены с североиберийской традицией производства простых форм отщепов и изготовления зубчатых и выемчатых орудий.

На стоянках под открытым небом, расположенных на речных террасах и дочетвертичных формах рельефа в горах Атапуэрка, среди орудий наиболее широко представлены зубчатые и выемчатые типы. Менее распространены клювовидные орудия, скребла и скребки (их находят на террасах, резцы и острия встречаются на более высоких уровнях рельефа). Одни исследователи, например, Джонс [Jones, 1980], связывают доминирование в индустриях неретушированных сколов, галечных и зубчатых орудий с разделкой и снятием с костей мяса. Другие специалисты считают, что пластины с элементами зубчатой ретуши использовались при работе с растительным сырьем и деревом [Martínez-Moreno, 2005], удлинённые и/или краевые сколы служили для резания [Lemorini, 2000], мелкие отщепы – для деревообработки [Niewoehner, 2001, p. 2979]. Наличие отщепов, чопперов, пестов и т.д. позволяет предположить, что на Хундидеро производилась первичная разделка добычи, а также обработка растений. Хундидеро вместе с другими 30 позднеплейстоценовыми стоянками в горах Атапуэрка составляли сеть поселений, для которой, вероятно, была характерна функциональная диверсификация пространства, организованного вдоль притоков рек второго порядка и их долин. Это свидетельствует о том, что уже по крайней мере 60 тыс. л.н. у неандертальцев этого региона была сложная организация поселений.

Повторное использование артефактов, отмеченное в Хундидеро, свидетельствует о том, что стоянка посещалась неоднократно. Скорее всего мы имеем пример обработки камня с минимальными трудозатратами. Для обитателей стоянки был важен край артефакта, пригодного для использования. Чаще всего основой для изготовления артефактов служили кремневые желваки, иногда – отщепы (часть из которых использовалась во время предыдущих заселений) или естественно окатанные нуклеусы. Уоллес и Ши [Wallace, Shea, 2006] определяют практику минимально трудозатратного расщепления при производстве сколов как «технология быстрого приготовления», она ассоциируется с дисковидной и аморфной системами раскалывания, а также с галечными нуклеусами. Данную технологию использовали социальные группы, отличавшиеся малой степенью мобильности.

Выводы

Стоянка Хундидеро – свидетельство присутствия неандертальцев в горах Сьерра де Атапуэрка в эпоху позднего плейстоцена. Она находится вблизи выходов кремня, как и 29 других среднепалеолитических стоянок, открытых в ходе археологической разведки в этой горной местности [Navazo et al., 2008, p. 1961].

Морфотехнические характеристики комплексов каменного инвентаря и даты для стратиграфических уровней, в которых были обнаружены артефакты, служат несомненным доказательством присутствия неандертальцев в горах Сьерра де Атапуэрка на протяжении позднего плейстоцена. Согласно результатам датирования с помощью OSL-метода, стоянка заселялась во время, соответствующее МИС 4, на протяжении не более 20 тыс. лет. Это слишком незначительный хронологический отрезок, чтобы можно было выявить различия между индустриями разных стратиграфических уровней. Несомненно, зона проживания на стоянке Хундидеро была организована вокруг водоема, ее размещение зависело от изменения площади последнего. В нашем распоряжении имеется очень малочисленный набор артефактов. Вне всякого сомнения, более весомые выводы о популяциях неандертальцев могут быть сделаны только после комплексного изучения ассамбляжей рассматриваемой стоянки с привлечением данных о других синхронных стоянках открытого типа в Сьерра де Атапуэрка. Это позволит выявить общие черты и реконструировать модели заселения и поведения человека в среднем палеолите в данном регионе.

Отсутствие корки на артефактах из Хундидеро не означает, что находки представляют продвинутый этап расщепления камня; скорее всего, неандертальцы использовали материал, лишенный корки в ре-

зультате естественных причин. В отложениях уровней 2 и 4 обнаружены орудия со спинкой, например, скребок в уровне 2 (см. рис. 5, E) и скребло в уровне 4 (см. рис. 7, Г). В комплексах представлены также орудия с естественным обушком (см. рис. 5, A), который, возможно, обеспечивал более уверенный захват орудия во время его использования. Присутствие микроотщепов во всех уровнях интерпретируется как результат целенаправленного производства предметов мелких размеров.

Все эти особенности позволяют предположить, что стоянку посещали люди, несколько поколений которых придерживались одной модели заселения и использования территории. То же самое касается и способа использования каменного сырья, при котором производилась только минимальная подготовка для расщепления.

Хундидеро была частью социоэкономической системы стоянок в Сьерра де Атапуэрка. Здесь группы неандертальцев, как было показано исследованиями предсказуемости ресурсов и обеспеченности ими [Benito et al., 2005, p. 102; Bermúdez de Castro et al., 1995, p. 9], возможно, жили продолжительное время, периодически покидая стоянки и возвращаясь на них. Такое поведение не похоже на беспорядочное движение, оно может рассматриваться как традиция, проявление коллективной памяти. Устойчивость формы, размеров и процедуры получения микропродуктов расщепления камня, вероятно, также можно объяснить социальной памятью.

Итак, облик индустрий Хундидеро определяют следующие особенности: использовалось местное каменное сырье; нуклеусы перед раскалыванием не подвергались первичной подготовке, на них отсутствует естественная корка, что объясняется спецификой местного сырья; нуклеусы переоформлялись в орудия; использовались артефакты, оставленные во время предыдущих посещений стоянки (определяется по различной степени патинизации на некоторых орудиях); края мелких отщепов и микроотщепов использовались в работе без дополнительной подправки; предпочтение отдавалось орудиям с выпуклыми краями (особенно это касается зубчатых орудий); имеются орудия с обушком, иногда специально подготовленным.

Труднее охарактеризовать характер заселения стоянки, поскольку в каждом стратиграфическом уровне Хундидеро представлен материал, накапливавшийся во время нескольких эпизодов жизнедеятельности, на протяжении неопределенного периода. Наличие на орудиях патины разной степени свидетельствует о том, что каменные комплексы Хундидеро были частью нескольких эпизодов заселения и неандертальцы периодически посещали эту территорию (это характерно и для других близких по хронологии поселений

в горах Атапуэрка). И наконец, Хундидеро – элемент среднепалеолитической системы поселений неандертальцев в горах Сьерра де Атапуэрка. Для этих поселений характерны тенденция к производству микролитических артефактов, повторное использование определенных мест и орудий. Стоянка Хундидеро на протяжении позднего плейстоцена периодически посещалась группами охотников-собирателей. Результаты анализа их технологии (производство микроотщепов, двусторонняя ретушь на орудиях с обушком) и способов использования каменного сырья (по степени патинизации, отсутствию крупных артефактов, доминированию кремня, добываемого на одном месте) подкрепляют наше предположение о бытовании у этих групп культурной традиции возвращаться на данную стоянку. Повторное использование территории было заложено в коллективной памяти группы.

Благодарности

Исследование было поддержано Министерством образования и науки Испании (проект CGL2006-13532-C03-03: «Плейстоцен и голоцен Сьерра де Атапуэрка: палеобиология и палеоэкономика человеческих популяций»). М. Навазо и Р. Алонсо получили стипендии от Фонда Атапуэрки и Фонда герцогов Сория. Авторы благодарят А. Колина за помощь при работе с ICP-MS, С. Домингеса – за помощь с тонкими пленками, Исследовательскую группу Атапуэрка, особенно участников раскопок Хундидеро и Х. Валльверду, – за ценную помощь при работе в поле, А. Олле – за содействие в создании баз данных.

Список литературы

- Armenteros I., Corrochano A., Alonso-Gavilán G., Carballeira J., Rodríguez J.M.** Duero Basin (northern Spain) // *Geology of Spain* / eds. W. Gibbons, T. Moreno. – L.: The Geological Society, 2002. – P. 309–315.
- Baena J., Carrión E.** Problemas acerca del final del musteriense // *Zephyrus*. – 2006. – N 59. – P. 51–66.
- Bagolini B.** Ricerche sulle dimensioni dei manufatti litici preistorici no ritocati // *Anale de l'Università di Ferrara*. – 1968. – Vol. 15. – P. 195–210.
- Benito A.** Análisis geomorfológico y reconstrucción de paleopaisajes neógenos y cuaternarios en la Sierra de Atapuerca y el valle medio del río Arlanzón: PhD Thesis. – Madrid, 2004. – 381 p.
- Benito A., Carbonell E., Díez C., Navazo M., Pérez-González A.** Gestión del territorio y uso del espacio en la Sierra de Atapuerca a través de un asentamiento pleistoceno al aire libre: Hündidero (Burgos) / eds. J. Rodríguez Vidal, C. Finlayson, F. Giles Pacheco // *VI Iberian Quaternary Meeting: The Iberian Peninsula and its Peopling by Hominids*. – Gibraltar, 2005. – P. 102–103.
- Benito-Calvo A., Pérez-González A.** Erosion surfaces and Neogene landscape evolution in the NE Duero Basin (north-central Spain) // *Geomorphology*. – 2007. – N 88. – P. 226–241.
- Benito-Calvo A., Pérez-González A.P., Parés J.M.** Quantitative reconstruction of late Cenozoic landscapes: a case study in the Sierra de Atapuerca (Burgos, Spain) // *Earth Surface Processes and Landforms*. – 2008. – N 33. – P. 196–208.
- Bermúdez de Castro J.M., Díez J.C., Mosquera M., Nicolás M. E., Pérez-Pérez A., Rodríguez J., Sánchez A.** El nicho ecológico de los homínidos del Pleistoceno medio de Atapuerca // *Complutum*. – 1995. – N 6. – P. 9–56.
- Boëda E.** Le débitage disoïde et le débitage levallois récurrente centripète // *Bull. de la Société Préhistorique Française*. – 1993. – N 90 (6). – P. 393–404.
- Burdukiewicz J.A., Ronen A.** Research problems of the Lower and middle Palaeolithic // *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and Levant* / eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford: Archaeopress, 2003. – P. 223–234. – (BAR International Series; N 1115).
- Carbonell E., Mora R.** The application of logical analytical system of classification to lithic complexes of the Middle Pleistocene age in the South of Europe // *World Archaeological Congress*. – 1986. – Vol. 1: The Pleistocene Perspective, Southampton. – P. 1–14.
- Carbonell E., Bermúdez De Castro J.M., Parés J.M., Pérez-González A., Cuenca-Bescós G., Ollé A., Mosquera M., Huguet R., Van Der Made J., Rosas A., Sala R., Vallverdú J., García N., Granger D.E., Martínón-Torres M., Rodríguez X.P., Stock G.M., Vergés J.M., Allué E., Burjachs F., Cáceres I., Canals A., Benito A., Díez C., Lozano M., Mateos A., Navazo M., Rodríguez J., Rosell J., Arsuaga J.L.** The first hominin of Europe // *Nature*. – 2008. – N 452. – P. 465–469.
- Delagnes A., Meignen L.** Diversity of Lithic Production Systems During the Middle Paleolithic in France. Are there chronological trends? Transition before transition. Evolution and stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. Interdisciplinary contributions to Archaeology / eds. E. Hovers, S.L. Kuhn. – N.Y.: Springer, 2006. – P. 85–107.
- Dibble H.L., McPerron S.P.** The Missing Mousterian // *Current Anthropology*. – 2006. – N 47 (5). – P. 777–803.
- Fernández P.J.** La Cova del Bolomor (Tavernes de la Vallidigna, Valencia): las industrias del Pleistoceno Medio mediterráneo. – Valencia: Diputación de Valencia, Servicio de Investigación Prehistórica, 2007. – 463 p.
- Jones P.R.** Experimental butchery with modern stone tools and its relevance for Palaeolithic archaeology // *World Archaeology*. – 1980. – N 12 (2). – P. 153–165.
- Kennet D.G., Neff H., Glascock M.D., Mason A.Z.** A geochemical revolution: inductively coupled mass spectrometry // *The SAA Archaeological Record*. – 2001. – N 1. – P. 22–26.
- Lemorini C.** Reconnaître des tactiques d'exploitation du milieu au Paléolithique moyen. La contribution de l'analyse fonctionnelle. Etude fonctionnelle des industries lithiques de Grotta Breuil (Latium, Italie) et de La Combette (Bonnieux, Vaucluse, France). – Oxford: Archaeopress, 2000. – 142 p. – (BAR International Series; N 858).
- Martínez-Moreno J.** Comportamientos y tecnologías polémicas: las industrias en hueso «poco elaboradas» y objetos simbólicos del Paleolítico medio cantábrico // *Neandertales cantábricos. Estado de la cuestión. Museo de Altamira. Santander* / eds. R. Montes, J.A. Las Heras. – 2005. – Monografías N 20. – P. 349–367. – URL: <http://museodealtamira.mcu.es/pdf/capitulo20.pdf>

Moncel M.H. Tata (Hongrie). Un assemblage microlithique du début du Pléistocène supérieur en Europe Centrale // *L'anthropologie*. – 2003. – N 107. – P. 117–151.

Navazo M. Asentamientos prehistóricos en la Sierra de Atapuerca. Poblamiento y uso del espacio prehistórico: prospección de las terrazas del río Arlanzón y estudio de sus asentamientos a través de la industria lítica. – Burgos: Ediciones Sierra de Atapuerca 1, 2002. – 255 p.

Navazo M., Colina A., Domínguez-Bella S., Benito-Calvo A. Raw stone material supply for Upper Pleistocene settlements in Sierra de Atapuerca (Burgos, Spain): flint characterization using petrographic and geochemical techniques // *J. of Archaeological Science*. – 2008. – N 35(7). – P. 1961–1973.

Navazo M., Díez C. Patrones de asentamiento y uso del territorio en la Sierra de Atapuerca // *Revista Atlántica-Mediterránea de Prehistoria y Arqueología Social*. – 2001. – N IV. – P. 7–42.

Navazo M., Díez C. Redistribution of Archaeological Assemblages in Plowzones // *Geoarchaeology: An International Journal*. – 2008. – Vol. 23, N 3. – P. 323–333.

Navazo M., Díez C. Prado Vargas y la variabilidad tecnológica a finales del Paleolítico medio en la meseta norte // *Treballs d'Arqueologia*. – 2009. – N 14. – P. 123–141. – URL: http://cepap.uab.cat/publicacions/publicacions_treballs.htm

Navazo M., Torres T., Díez C., Colina A., Ortíz J.E. La cueva de Prado Vargas. Un yacimiento del Paleolítico medio en el sur de la cordillera cantábrica // *Neandertales cantábricos*. Estado de la cuestión. Museo de Altamira, Santander / eds. R. Montes, J.A. Las Heras. – 2005. – Monografías N 20. – P. 10–38. – URL: <http://museodealtamira.mcu.es/pdf/capitulo20.pdf>

Niewoehner W.A. Behavioral inferences from the Skhul/Qafzeh early modern human hand remains // *Proceedings of the National Academy of Sciences U.S.A.* – 2001. – N 98. – P. 2979–84.

Ortega A.I., Pérez-González A., Martín Merino M.A., Carretero Díaz J.M., Arsuaga J.L. l Sistema Cueva Mayor-Cueva del Silo: un estudio morfogenético del endokarst de la Sierra de Atapuerca (Burgos, España) // *Geoarqueología y*

Patrimonio en la Península Ibérica y el entorno mediterráneo / eds. M. Santonja, A. Pérez-González, M.J. Machado. – Soria: Adema, 2005. – P. 163–182.

Otte M. Palaeolithic micro industries: value and significance // *Lower Palaeolithic small tools in Europe and Levant* / eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford: Archaeopress, 2003. – P. 223–234. – (BAR International Series, N 1115).

Pineda A. Mapa Geológico de España, E 1:50.000, Hoja No 200 (Burgos). Serie Magna. – Madrid: Geologic and Mining Institute of Spain, 1997. – 93 p.

Ríos J. Características de la producción lítica al final del Paleolítico medio en el País Vasco. El caso del nivel B de Axlor (Dima, Bizkaia) // *Neandertales cantábricos*. Estado de la cuestión. Museo de Altamira, Santander / eds. R. Montes, J.A. Las Heras. – 2005. – Monografías N 20. – P. 333–348. – URL: http://museodealtamira.mcu.es/acta_Neandertales.html

Santisteban J.I., Mediavilla R., Martín-Serrano A., Dabrio C.J. The Duero Basin: a general overview // *Tertiary basins of Spain: the stratigraphic record of crustal kinematics* / eds. P.F. Friend, C.J. Dabrio. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 183–187.

Soressi M. Late Mousterian lithic technology: its implications for the pace of the emergence of behavioural modernity and the relationship between behavioural modernity and biological modernity // *From Tools to Symbols. From Early Hominids to Modern Humans* / eds. F. d'Errico, L. Backwell. – Johannesburg: Witwatersrand Univ. Press, 2005. – P. 389–417.

Valoch K. The Taubachian, a Middle Palaeolithic small tool industry in the Czech Republic and Slovakia // *Lower Palaeolithic small tools in Europe and Levant* / eds. J.M. Burdukiewicz, A. Ronen. – Oxford: Archaeopress, 2003. – P. 189–206. – (BAR International Series; N 1115).

Wallace I.J., Shea J.J. Mobility patterns and core technologies in the Middle Paleolithic of Levant // *J. of Archaeological Science*. – 2006. – N 33. – P. 1293–1309.

Материал поступил в редколлегию 04.06.10 г.

УДК 904«634»(571.150)

К.Ю. Кирюшин¹, С.М. Ситников²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru²Алтайская государственная педагогическая академия
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия
E-mail: sitn@uni.altai.ru

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, ПЕРИОДИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА КУЛУНДЫ*

В работе рассматриваются история изучения памятников каменного века Кулундинской степи, научные концепции о периодизации и культурной принадлежности микролитических комплексов Кулунды, опубликованные в отечественной литературе во второй половине XX – начале XXI в. Анализируются материалы поселения Новоильинка III, которые относятся к «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла». Результаты радиоуглеродного датирования, анализа каменных, керамических и фаунистических коллекций свидетельствуют о том, что эти материалы представляют переходный от неолита к бронзовому веку период. Научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка III позволяют надеяться на получение новых высокоинформативных материалов, которые помогут продвинуться в решении сложных проблем этнокультурной ситуации на Алтае в эпохи неолита и ранней бронзы.

Ключевые слова: археология, археологические раскопки, неолит, энеолит, эпоха ранней бронзы, поселение, керамика, призматическое расщепление, пластина.

Введение

Кулундинская степь является одной из самых интересных культурно-исторических провинций. Эта равнина приподнята над уровнем моря на 100–200 м, имеет плоскую, с небольшими уклонами, поверхность. Здесь встречаются многочисленные бессточные впадины, занятые солончаками и озерами, участки с бугристым и грядовым рельефом эолового происхождения [Рассынов, 2000, с. 25]. Реки Кулунды имеют неглубокие долины, извилистое русло, невысокие и широкие уступы

террас [Ревякин, Пушкарев, Ревякина, 1989, с. 11]. Для рек характерно снеговое питание, с весенним полноводьем, в летнее время они мелеют, во многих местах пересыхают [Сидоренко, 1972, с. 30]. На территории Кулундинской степи находятся многочисленные (более 2 тыс.) озера разнообразной площади: от трех – пяти до десятков тысяч гектаров. Все они мелкие, глубина редко превышает 3–4 м, по свойствам воды делятся на соленые, горько-соленые и пресные. Наиболее многочисленны в степи горько-соленые и соленые озера. Вторую группу составляют проточные пресные озера в системах рек Бурлы, Касмалы, Барнаулки. Для них характерны сильно удлиненная форма и последовательное расположение одного за другим. На водоразделах указанных рек разбросаны небольшие замкнутые озера, в большинстве своем не имеющие постоянной связи с рекой и соединяющиеся лишь во время больших весенних паводков. Третью группу составляют

*Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (2009-1.1-301-072-016).

небольшие блюдцеобразные озера, в беспорядке разбросанные по всей степи. Многие из них пресные и наполняются водой только в весенне-осенний период [Камбалов, 1952, с. 59–60].

История изучения памятников каменного века Кулунды

Долгое время внимание исследователей прошлого Кулунды в основном было сконцентрировано на памятниках эпохи бронзы и железа [Кирюшин и др., 1988; Иванов, 1988, 1989; Удодов, 1990; Кирюшин, Удодов, 1991; Ситников, 1995, 1997; Кирюшин, Папин, Шамшин, 1999; Гельмель, Ситников, 2000]. Местонахождения каменного века в Кулундинской степи исследуются с 1969 г., когда в Карасукском р-не Новосибирской обл. начал работать Западно-Сибирский отряд ИА АН СССР под руководством М.Ф. Косарева [Куйбышев, 1976]. В 1969–1971 гг. было открыто более 20 местонахождений керамики и каменных орудий, в т.ч. три с культурным слоем [Косарев, Куйбышев, 1974; Куйбышев, 1976]. Материалы стоянки Мелкое I А.В. Куйбышев отнес предположительно к концу мезолита или ранней стадии неолита [1976]. Интересные данные были получены при исследовании памятника Мелкое II, датированного «поздним неолитом или энеолитом, т.е. концом III – началом II тыс. до н.э.» [Там же, с. 57]. А.В. Куйбышев отметил сходство археологических коллекций с этой стоянки и с поселения Киприно на верхней Оби [Там же]. Обнаруженные в раскопе кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота позволили автору сделать вывод о комплексном характере хозяйства древних кулундинцев, в котором зачаточное скотоводство сочеталось с рыболовством, охотой и собирательством [Там же, с. 56]. А.В. Куйбышев приводит некоторые характеристики каменной индустрии памятников Благодатное, Мелкое I и II, Шилова-Курья. Обращает на себя внимание то, что на всех этих стоянках представлено значительное количество концевых скребков на пластинах, ножевидных пластин с обработкой и без нее. Стоит отметить также преобладание скребков в составе орудийных наборов [Там же, с. 57]. В 1983–1984 гг. В.С. Удодовым были открыты два местонахождения каменного века близ с. Усть-Курья и на оз. Кабаньем [Кунгуров, Удодов, 1990]. Большинство собранных артефактов авторы публикации отнесли к мезолиту – раннему неолиту, а часть – к палеолиту. В следующей статье исследователи ввели в научный оборот материалы памятников

Усть-Курья, Кабанье и Береговое, датировав их ранним неолитом [Кунгуров, Удодов, 1993]. На этих поселениях первичное расщепление представлено призматическими нуклеусами, техническими сколами с них, пластинами, а орудия на пластинах составляют значительные серии [Там же]. В 1993 г. на берегу оз. Кабанье у с. Устьянка Бурлинского р-на Алтайского края были собраны фрагменты керамики и изделия из камня [Гельмель, 1995]. Выявленное поселение получило название Устьянка-Водопой. Собранные коллекции автор отнес к неолиту и раннему металлу [Там же]. Можно сделать вывод, что отдельные сборы и подъемные материалы с разрушенных памятников представляют достаточно мозаичную картину. Фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении коллекций не позволяет даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на территории Кулунды в эпоху неолита.

Археологические коллекции с поселения Новоильинка III

В последние годы получены новые представительные материалы с поселения Новоильинка III в Хабарском р-не Алтайского края. Памятник открыт

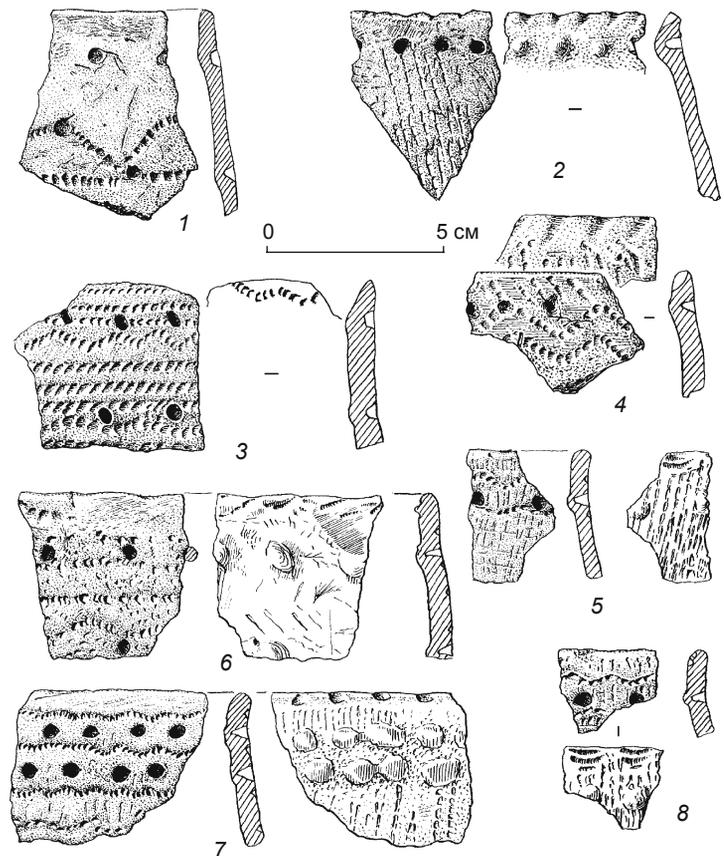

Рис. 1. Керамика с поселения Новоильинка III.

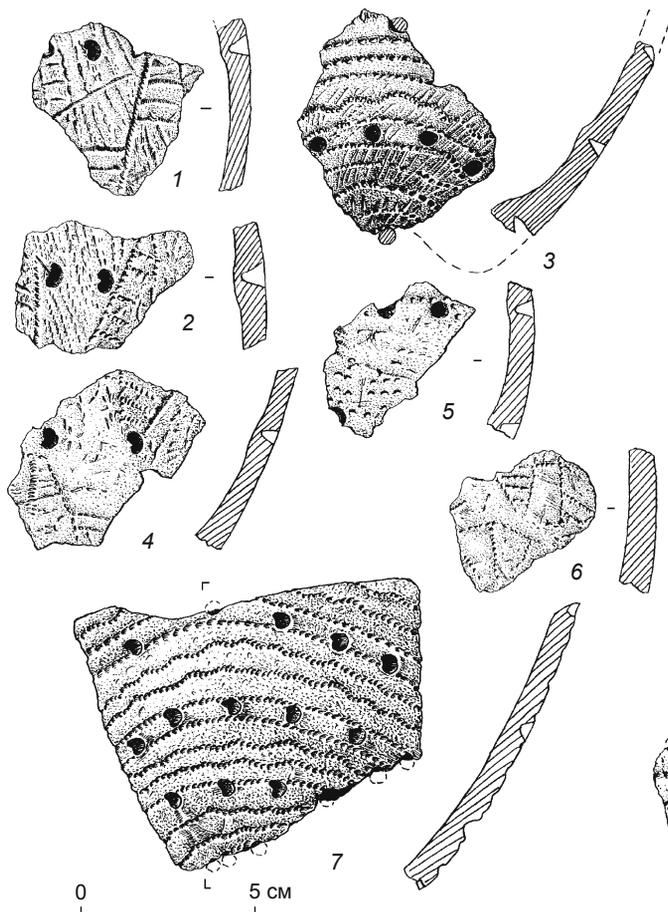

Рис. 2. Керамика с поселения Новоильинка III.

в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого вскрыто ок. 30 м². Обстоятельства залегания материалов позволяют говорить о сохранности культурного слоя в непереотложенном состоянии. В первой публикации рассматривались проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятника [Ситников, Грушин, Гельмель, 2006]. Исследователи отмечали научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка III, а также близость собранной там керамической коллекции к керамике с поселения Киприно и других памятников кипринского типа. Материалы Новоильинки III были предварительно датированы первой половиной III тыс. до н.э. и отнесены к позднему неолиту – энеолиту [Там же].

Коллекция керамики, полученная в результате раскопок, насчитывает 394 экз. Наиболее представительная ее часть – черепки сосудов, орнаментированных рядами (прямыми или волнистыми) оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов: 16 фрагментов венчиков (рис. 1, 1, 3–8), 2 – придонной части (рис. 2, 3, 7) и 225 фрагментов стенок (рис. 3, 1–3), из которых почти половина очень мелкие, от 1×1 до 2×2 см. В одном случае отпечатки отступающей па-

лочка образуют ряды треугольников по венчику (см. рис. 1, 1). Как правило, толщина стенок сосудов этой группы 6–9 мм.

Шагающей гребенкой орнаментировано 30 фрагментов стенок (см. рис. 3, 4–8) и один – венчика (см. рис. 1, 2). Толщина стенок сосудов этой группы 4–6 мм. Геометрический орнамент зафиксирован на восьми фрагментах (см. рис. 2, 1, 2, 4, 6). Эта группа керамики представлена очень фрагментарно, но на имеющихся в нашем распоряжении черепках прослеживаются заштрихованные треугольники. Орнамент нанесен гребенчатым штампом с элементами протаскивания. Толщина стенок сосудов данной группы 5–8 мм. Довольно много неорнаментированной керамики – 113 экз., но в основном это очень мелкие фрагменты, от 1×1 до 2×2 см.

Подобное разделение керамики на группы носит достаточно условный характер. На некоторых фрагментах хорошо видно, что ряды отпечатков отступающей палочки и наколы нанесены

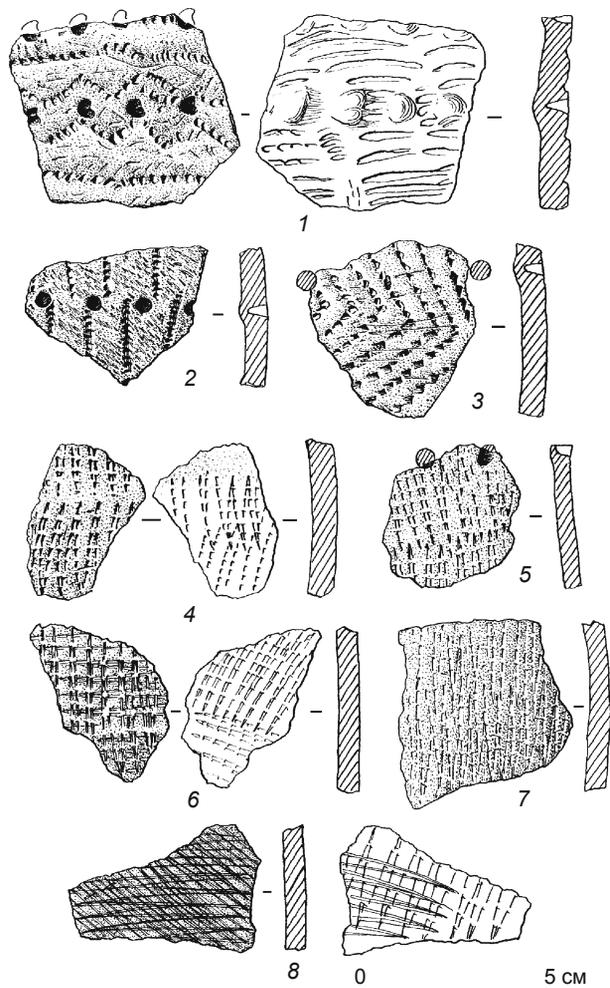

Рис. 3. Керамика с поселения Новоильинка III.

поверх оттисков шагающей гребенки (см. рис. 1, 2, 4, 5, 8; 2, 3; 3, 5). У отдельных сосудов (см. рис. 2, 3) прослеживаются какие-то следы обработки поверхности до орнаментации, но идентифицировать способы обработки нам не удалось. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны сосуда насечками (см. рис. 1, 2, 4–8) или отпечатками гребчатого штампа (см. рис. 1, 3). Последние прослеживаются и на внутренней поверхности черепков (см. рис. 1, 4–8; 3, 1, 4, 6, 8). Мы предполагаем, что гребчатый штамп мог использоваться при конструировании сосуда для обработки стыков между глиняными жгутами (или лентами).

По причине сильной фрагментированности форму сосудов нельзя реконструировать, можно только отметить, что, судя по двум фрагментам, днища были приостренные (см. рис. 2, 3, 7), а некоторые сосуды имели венчик, слегка отогнутый наружу. Визуально фиксируются следы органических веществ в тесте.

Коллекция каменных артефактов с поселения Новоильинка III насчитывает 101 экз. К сожалению, данную выборку нельзя считать представительной. Анализ любой каменной индустрии предполагает создание типлиста. Ввиду немногочисленности коллекции мы ограничимся описанием каменных артефактов и общими предварительными выводами.

Продукты первичного расщепления представлены мелким пластинчатым отщепом. Орудийный набор составляют 44 изделия: орудия на пластинах (1 экз.), отщепах (37 экз.), с подшлифовкой (6 экз.). К орудиям на пластинах относится резец, выполненный на медиальном фрагменте (рис. 4, 10). Наиболее представительная категория орудий на отщепах – скребки (24 экз.), из которых 20 целых (рис. 4, 1–3, 5–7, 9, 12, 13) и 4 обломка. Выделяются крупные (рис. 4, 1), средних размеров (рис. 4, 2, 3, 5–7, 9) и мелкие (рис. 4, 12, 13) изделия. Овальные (круглые) скребки (7 экз.) выполнены на обычных отщепах (рис. 4, 1, 3, 12). Выпуклый рабочий край занимает весь периметр заготовки. Оформлен дорсальной, модифицирующей, краевой, либо захватывающей, равнофасеточной, либо разнофасеточной, местами чешуйчато-ступенчатой ретушью. Полуовальных скребков 8 экз. (рис. 4, 2, 9, 13). Выпуклый рабочий край занимает 3/4 периметра заготовки. Он оформлен так

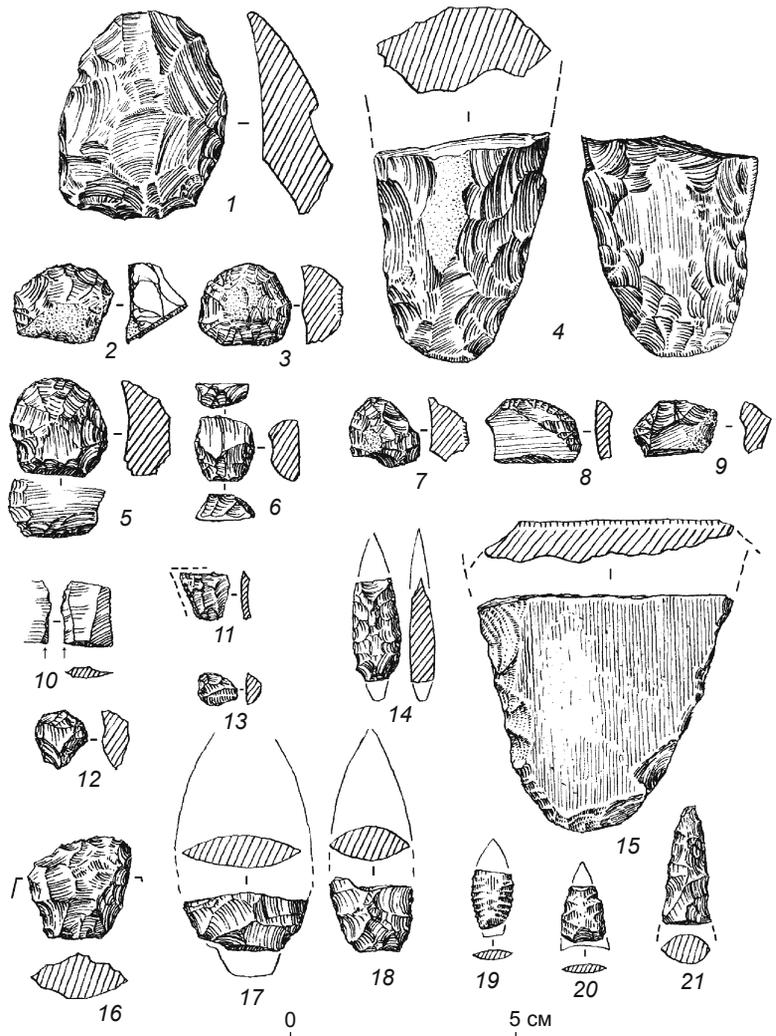

Рис. 4. Каменный инвентарь с поселения Новоильинка III.
1–3, 5–9, 12, 13 – скребки; 4 – обломок рубящего орудия; 10 – резец на пластине; 11 – острие; 14, 17–21 – обломки наконечников стрел; 15 – абразив; 16 – комбинированное орудие.

же, как у овальных скребков. Один скребок двойной (рис. 4, 6). Рабочие лезвия расположены на противоположных краях заготовки, оформлены крутой ретушью. Концевой боковой скребок также один (рис. 4, 5). Рабочие лезвия расположены на дистальном и боковом краях заготовки. Первое оформлено дорсальной крутой чешуйчато-ступенчатой ретушью, второе – двусторонней: с дорсальной стороны – крутой, с вентральной – плоской ретушью. Скошенные скребки (2 экз.) выполнены на обычных отщепах (рис. 4, 8). Рабочие края оформлены дорсальной полукрутой ретушью. Веерообразный скребок (рис. 4, 7) также выполнен на простом отщепе. Рабочий край расположен на дистальном конце заготовки, оформлен дорсальной полукрутой чешуйчато-ступенчатой ретушью.

Вторая по численности категория – обломки наконечников стрел (7 экз.), выполненных на отщепах

(рис. 4, 14, 17–21). Поскольку все изделия этой категории фрагментированы, мы не будем подробно останавливаться на их типологии, но, видимо, большинство относится к т.н. наконечникам иволистной (рис. 4, 14, 17, 19) либо подтреугольной (рис. 4, 20) формы. У одного обломка выделен черешок (рис. 4, 17). Отщепов с ретушью 4 экз. Острие одно, типичное асимметричное (рис. 4, 11). К комбинированным изделиям можно отнести обломок крупного наконечника стрелы, на котором оформлен скребок (рис. 4, 16). Орудия с подшлифовкой представлены в основном обломками (3 экз.). Среди них очень выразителен фрагмент крупного рубящего орудия (рис. 4, 4). К этой категории нами также отнесены два абразива (рис. 4, 15).

Отходы производства (56 экз.) – наиболее массовый материал. Выделены чешуйки (16 экз.), отщепы (30 экз.) и осколки (10 экз.). К чешуйкам отнесены сколы диаметром менее 1 см. Ударные площадки либо точечные, либо неопределимые. Большинство отщепов (26 экз.) мелкие (от 1 до 3 см), четыре средних размеров (от 3 до 5 см). Среди осколков шесть мелких (от 1 до 3 см), три средних (от 3 до 5 см) и один крупный (свыше 5 см).

Таким образом, коллекция изделий из камня с поселения Новоильинка III отличается от каменного инвентаря с памятников Благодатное, Мелкое I и II, Шилова-Курья [Куйбышев, 1976, с. 57], Усть-Курья, Кабанье и Береговое [Кунгуров, Удодов, 1993], где пластины, орудия на пластинах составляют представительные серии. Видимо, можно говорить о их одновременности.

Анализ остеологических коллекций с поселения Новоильинка III, выполненный С.К. Васильевым, показал, что среди определимых костных остатков абсолютно преобладают кости лошади [Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007, с. 363]. Большинство их промеров приближается к средним значениям, полученным по аналогичным материалам с поселения Ботай в Северном Казахстане, и в целом фауна, представленная на этих памятниках, весьма близка по своему составу и относительному обилию видов [Там же, с. 365]. Среди исследователей нет единства в отношении существования скотоводства у ботайцев. Некоторые считают ботайскую лошадь дикой. Мы склонны думать, что обитатели поселения Новоильинка III занимались скотоводством. Возможно, на формирование хозяйственно-культурного типа этого поселения оказало влияние население Восточного Казахстана [Там же].

Проблемы хронологии и культурной принадлежности поселения Новоильинка III

Керамика из Новоильинки III имеет много общего с посудой кипринского типа с территории Верхнего Приобья. Впервые вопросы культурной принадлеж-

ности поселенческих комплексов неолита Верхнего Приобья были рассмотрены М.Н. Комаровой [1956, с. 94], которая «по характеру керамики» выделила в этом регионе три типа памятников (кипринский, ирбинский и кротовский), соответствующие трем хронологическим этапам неолитической культуры. Позднее поселения кротовского типа были отнесены к эпохе ранней бронзы и выделены В.И. Молодиным [1977, с. 48] в самостоятельную кротовскую культуру. В.И. Матюшенко [1973, с. 110, 121] включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, в которой выделялись два хронологических этапа – кипринский и ирбинский. Он также предложил датировать их IV–III тыс. до н.э., отметив, что это время частично соответствует афанасьевскому в Южной Сибири [Матюшенко, 1960, с. 14]. По мнению В.И. Молодина [1977, с. 25], развитие верхнеобской неолитической культуры происходило в два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский. Ирбинские памятники он отнес к эпохе раннего металла [Там же, с. 36]. В.А. Зах [2003, с. 146, 155] выделил два этапа верхнеобской неолитической культуры: ранний – изылинский, поздний – кипринский. Ирбинские памятники он также отнес к эпохе раннего металла.

Таким образом, большинство исследователей в рамках единой неолитической культуры выделяют несколько хронологических этапов (чаще два). У всех присутствует кипринский, в двух случаях он ранний, в двух – поздний. На сегодняшний день не вызывает сомнения выделение В.И. Молодиным самостоятельной кротовской культуры. Отдельно стоит остановиться на точке зрения Ю.Ф. Кирюшина [2002, с. 38–45], который в полном объеме ввел в научный оборот материалы поселений Киприно и Ирба. По его мнению, эти комплексы относятся к эпохе энеолита. Памятники ирбинского типа [Молодин, 1977], или культуры [Кунгуров, 2007], или комплекса [Зах, 2003; Кунгурова, 2003] специалисты относят либо к эпохе раннего металла [Молодин, 1977; Зах, 2003], либо к финалу каменного века [Кунгуров, 2007] или датируют IV–III тыс. до н.э. [Кунгурова, 2003]. В результате получается достаточно мозаичная картина. Подобная ситуация во многом объясняется характером источников, т.к. большинство материалов получено с разрушенных стоянок, на которых очень часто представлены разновременные комплексы. Это обуславливает возможность субъективного «прочтения» источника через призму той или иной научной концепции, поскольку многие типы каменных артефактов, так же как формы и способы орнаментации керамики, распространены на огромной территории в широком хронологическом диапазоне.

Керамическую коллекцию с поселения Новоильинка III сложно сравнивать с синхронными комплек-

сами Кулунды, т.к. на исследованных памятниках керамика либо отсутствует (Мелкое I) [Куйбышев, 1976, с. 53], либо представлена очень фрагментарно [Там же, с. 57; Гельмель, 1995, с. 46]. Тем не менее обращают на себя внимание различия в технике орнаментации. Ведущий элемент орнамента керамики с поселения Устьянка-Водопой – легкие овальные и каплевидные вдавления, на втором месте – оттиски гребенчатого штампа, единичны – элементы, выполненные качалкой, и глубокие овальные вдавления [Гельмель, 1995]. На стоянке Мелкое II встречена керамика, украшенная ямочным орнаментом, оттисками мелкозубой гребенки, горизонтальными пунктирными линиями [Куйбышев, 1976, с. 56]. Орнаментация сосудов шагающей гребенкой была широко распространена от неолита до ранней бронзы на огромной территории Северной Евразии. Керамика, украшенная геометрическими орнаментами, имеет много общего с материалами ботайской культуры [Зайберт, 1993] и энеолитических памятников Среднего Зауралья [Чаиркина, 2005].

Мы согласны с исследователями, которые отмечают близость керамической коллекции с поселения Новоильинка III и комплексов кипринского типа [Ситников, Грушин, Гельмель, 2006]. Но этот тезис нуждается в уточнении, т.к. археологические материалы с поселения Киприно представляют различные эпохи от неолита до средневековья. Под кипринским типом мы понимаем керамику, описанную М.Н. Комаровой [1956, с. 96, рис. 40]. Это «сосуды параболической формы с выпуклым дном», у которых «орнаментом покрыта вся поверхность... а зачастую и внутренний край венчика». «Почти у всех сосудов выражена зональность орнамента». «Элементы узора состоят из характерных для этой посуды оттисков отступающей палочки, из рядов продолговатых вдавлений, иногда в виде наколов» [Там же].

Несомненно, сосуды с поселения Новоильинка III, орнаментированные рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов, и посуда с поселения Киприно (кипринский тип) [Молодин, 1977; Кирюшин, 2002] принадлежат к единой культурной традиции. Вместе с тем следует отметить, что для керамики кипринского типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита – энеолита Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Ключкин, 1985], Барабы [Молодин, 1985] и южно-таежной зоны Западной Сибири [Кирюшин, 2004].

В Юго-Западном Алтае керамика, орнаментированная рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов, встречается на 10–15 памятниках неолита – энеолита [Кирюшин, Ключкин, 1985, с. 95]. Большая их часть – дюнные стоянки, интенсивно разрушаемые ветровой эрозией. Археологические коллекции с этих памятников представлены подъемным материалом, часто различных историче-

ских периодов, который трудно разделить хронологически [Там же, с. 74].

На территории Барабы керамика, подобная кипринской, есть и в погребальных, и в поселенческих комплексах. Композиционное построение орнамента на сосудах, украшенных рядами оттисков отступающей палочки, разделенными рядами наколов (см. рис. 1, 1), находит аналогии в материалах погребального памятника эпохи раннего металла Сопка 2/2 («гребенчато-ямочная общность») [Молодин, 2001, с. 33, рис. 13, 7]. Керамика, практически идентичная рассматриваемой нами, найдена на поселении Венгерово-3 [Молодин, 1977, с. 33, табл. XXXIII, 1–4; XXXIV, 3; XXXV, 2; XXXVI, 8; 1985, с. 17–18, рис. 3, 1–6, 16, 19]. В.И. Молодин, характеризуя орнаментацию посуды с этого поселения, выделяет восемь способов нанесения орнамента, из которых три первых являются основными, а остальные встречаются значительно реже:

- 1) ямочные наколы (овальные или круглые);
- 2) гребенчатый штамп (мелкозубчатый, крупнозубчатый, подокруглая гребенка);
- 3) вдавления в виде коротких насечек подтреугольной и овальной формы;
- 4) техника отступающей палочки;
- 5) техника отступающей лопаточки;
- 6) техника отступающей гребенки;
- 7) прочерчивание палочкой;
- 8) «шагающая» гребенка, качалка [Молодин, 1985, с. 17].

На поселении Новоильинка III зафиксированы все указанные способы, кроме седьмого. Малая вскрытая площадь удерживает нас от преждевременных выводов, но похоже, что узоры, выполненные отступающей палочкой, в сочетании с ямочными наколами на рассматриваемом памятнике являются основным орнаментальным мотивом. Анализируя композиционное построение орнамента на посуде с поселения Венгерово-3, В.И. Молодин отмечает: «...все композиции в качестве обязательного составного элемента содержат ямочные наколы» [Там же]. Это характерно и для Новоильинки III.

В.И. Молодин, сравнивая керамику из погребений Сопки-2/2 с гребенчато-ямочной посудой Западной Сибири (байрынской, екатерининской, карасевской и т.д.), поднимает проблему культурно-хронологического сопоставления данных комплексов. По его мнению, в настоящее время невозможно однозначно ответить на вопрос, что за этим стоит – археологические культуры в рамках единой общности или культуры, связанные общими традициями орнаментации посуды, но разновременные, относящиеся к различным периодам неолита и раннего металла [Молодин, 2001, с. 39]. Аналоги керамики с поселения Новоильинка III мы обнаруживаем даже в материалах неолита и энеолита южно-таежной зоны Западной Си-

бири [Кирюшин, 2004, рис. 50, 51, 57; 60, 9; 66, 3–7; с. 189]. До внесения ясности В.И. Молодин предлагает использовать термин «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» [Молодин, 2001, с. 39]. По его мнению, появление подобных комплексов в неолите возможно, но требует серьезной аргументации на контрасте с материалами поселения Венгерovo-3, где металлические предметы встречены вместе с каменными орудиями, неолитический облик которых не вызывает сомнений [Там же]. Каменный инвентарь этого поселения богат и разнообразен. Пластинчатая индустрия составляет 36,6 % от общего комплекса [Молодин, 1977, с. 45–47, табл. XL–XLIV].

В материалах поселения Новоильинка III продукты призматического расщепления представлены невыразительным пластинчатым отщепом и резцом, выполненным на медиальном фрагменте мелкой пластины. При небольшой вскрытой площади памятника (40 м²) велика вероятность того, что некоторые артефакты просто не попали в зону раскопа. Хотя отсутствие продуктов первичного расщепления (нуклеусов, сколов с них, продуктов подработки ядрищ) – факт достаточно показательный. Видимо, мы фиксируем явление хронологическое – деградацию призматической техники скалывания, начавшуюся в эпоху энеолита и связанную с появлением металлических орудий. Оно хорошо прослеживается в материалах ботайской культуры. В.Ф. Зайберт отмечал, что в ботайском энеолитическом комплексе основной заготовкой служили отщепы различных форм и размеров. По его мнению, крупные пластины с неправильной огранкой являются случайными сколами и стабильных серий не представляют [Зайберт, 1993, с. 185]. Если на поселении Тьткескен-2 в каменном инвентаре энеолитической большемысской культуры прослеживаются признаки деградации призматической техники расщепления, сокращение орудийного набора и т.д. [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 114], то в материалах Новоильинки III эта техника отсутствует, а состав орудий характерен для поселенческих комплексов эпохи ранней бронзы.

В последние годы отмечается, что наиболее древние металлические изделия в Сибири содержат, кроме меди, искусственные примеси. Правда, «встречаются и чисто медные изделия, но они единичны» [Харинский, Емельянова, Рыков, 2009, с. 86]. На основании этих фактов ученые приходят к следующим выводам: «Отсутствие в истории Прибайкалья периода, на протяжении которого люди использовали только медные вещи, позволяет исключить из региональной культурно-хронологической схемы этап, именуемый энеолитом. Поэтому правомерно считать исторический период с момента появления первых вещей из цветных металлов и до начала распространения железных изделий – бронзовым веком» [Там же].

Можно понять логику исследователей, исключивших из региональной культурно-хронологической схемы этап, «именуемый энеолитом». Наверное, следуя этой логике, термин «энеолит» (медно-каменный век) нужно заменить термином «каменно-цветнометаллический век». В российской археологической литературе существуют два основных подхода к определению понятия «энеолит»: формально-семантический и содержательный [Массон, 1982, с. 5]. Нам импонирует последний, согласно которому энеолит – это переходный от неолита к бронзовому веку период, когда в археологических комплексах появляются первые металлические изделия, местные или привозные [Там же].

В одной из работ мы писали, что отсутствие в поселенческих и погребальных комплексах металлических орудий не должно означать автоматического отнесения их к неолиту [Кирюшин и др., 2006, с. 23]. Изменения в составе каменных орудий вместе с увеличением размеров отдельных артефактов (нуклеусов и пластин), а также изменением их морфологии (заломы, нерегулярность негативов снятий и т.д.) являются основанием для постановки вопроса о принадлежности таких материалов к энеолиту. Если указанные процессы сопровождаются исчезновением некоторых категорий инвентаря (геометрических микролитов, резцов, резчиков, шильев и проколов), комплексы следует считать энеолитическими. Основанием для этого могут также служить следы использования металлических орудий, зафиксированные трасологическим путем на отдельных артефактах [Там же]. По нашему мнению, поселения Венгерovo-3 и Новоильинка III относятся к переходному от неолита к бронзовому веку периоду, в рамках которого первое представляет более ранний этап, а второе – поздний или заключительный.

По костям животных с поселения Новоильинка III получена радиоуглеродная дата $4\ 270 \pm 170$ л.н. (Le-7534), что позволяет отнести материалы памятника ко второй половине III тыс. до н.э. Для елунинских древностей имеется серия радиоуглеродных дат, укладываемых в рамки конца III – первой трети II тыс. до н.э. [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 113; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 141]. Некоторые из них (СОАН-3754 – $4\ 205 \pm 65$ л.н., СОАН-3756 – $4\ 570 \pm 75$ л.н.) [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, с. 106; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 138] синхронны дате для Новоильинки III либо даже более ранние. В ближайшее время мы планируем получить серию дат по материалам этого поселения. Возможно, удастся отобрать образцы для датирования на других памятниках кипринского типа. Не исключено, что для каких-то из них будут получены даты, позволяющие отнести комплексы к эпохе неолита, но, скорее всего, они будут укладываться в рамки второй половины III тыс. до н.э. В целом древ-

ности кипринского типа, вероятно, предшествуют елунинским, хотя некоторая часть материалов может быть синхронна.

Керамика с поселения Новоильинка III позволяет отнести памятник к кипринскому типу. Не исключено, что с накоплением материалов будет поставлен вопрос о выделении самостоятельной кипринской культуры в рамках «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла» [Молодин, 2001, с. 38–39], хотя это дискуссионная проблема, которая требует обсуждения.

Заключение

Следует отметить, что отдельные сборы и подъемные материалы с разрушенных памятников эпохи неолита – ранней бронзы не позволяют даже в общих чертах реконструировать этнокультурные процессы на территории Кулунды в неолите. Необходимы целенаправленные работы в регионе по выявлению неолитических памятников. Видимо, следует обратить внимание на наблюдения А.В. Куйбышева, который отмечал: «...поселения как правило располагались по берегам проточных озер с относительно постоянным водным режимом. Стоянки встречены только на тех озерах, где кроме впадающей в озеро реки имелась и впадающая в озеро протока – “курья”, т.е. в местах, удобных для запорного рыболовства» [1976, с. 53]. Видимо, с учетом этого обстоятельства стоит пересмотреть алгоритм поиска неолитических поселений в Кулунде.

Список литературы

- Гельмель Ю.И.** Новые материалы из Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 42–46.
- Гельмель Ю.И., Ситников С.М.** Материалы поселения Новоильинка-I и некоторые проблемы относительной хронологии андроновских памятников Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 60–65.
- Зайберт В.Ф.** Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука Респ. Казахстан, 1993. – 246 с.
- Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Иванов Г.Е.** К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 101–104.
- Иванов Г.Е.** Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских ленточных боров // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 23–26.
- Камбалов Н.** Природа и природные богатства Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1952. – 171 с.
- Киришин К.Ю., Киришин Ю.Ф.** Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) / науч. ред. А.П. Деревянко. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.: ил.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 293 с.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф., Волков П.В., Киришин К.Ю., Семibrатов В.П.** К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 15–24.
- Киришин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б.** Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 138–142.
- Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.** Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.
- Киришин Ю.Ф., Клюкин Г.А.** Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 73–117.
- Киришин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 288 с.: ил. + вкл.
- Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Рублево VI – новое поселение эпохи поздней бронзы в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 380–385.
- Киришин Ю.Ф., Удодов В.С.** К археологической карте Кулунды // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1991. – С. 26–29.
- Комарова М.Н.** Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.
- Косарев М.Ф., Куйбышев А.В.** Древние памятники Кулундинской степи // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 86–94.
- Куйбышев А.В.** Древние стоянки Кулунды // КСИА. – 1976. – № 148. – С. 53–58.
- Кунгуров А.Л.** Опыт создания периодизации каменного века Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 130–142.
- Кунгуров А.Л., Удодов В.С.** Находки каменного века в Кулунде // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 31–33.
- Кунгуров А.Л., Удодов В.С.** Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 4–9.

Кунгурова Н.Ю. Поселение Енисейское I – памятник ирбинского типа // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики, 2003. – Вып. 1. – С. 3–9.

Массон В.М. Постановка вопроса: Понятие «энеолит» // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 5–8.

Матюшенко В.И. Неолит и бронзовый век в Басейне р. Томи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1960. – 15 с.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век): Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье: (Верхнеобская неолитическая культура). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – 147 с.: ил. – (Из истории Сибири; вып. 9).

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Рассыпнов В.А. Природа Алтая. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2000. – 158 с.

Ревакин В.С., Пушкарев В.М., Ревакина Н.В. География Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – 128 с.

Сидоренко М.Н. География Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972. – 96 с.

Ситников С.М. Результат археологических разведок в Бурлинском районе Алтайского края // Проблемы охраны,

изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 69–72.

Ситников С.М. Новые находки эпохи бронзы из Хабаровского района // Изв. Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 140–142.

Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 363–366.

Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмелъ Ю.И. Поселение Новоильинка III – новый памятник неолита в Северной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. 15. – С. 280–282.

Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 39–43.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Рыков Г.К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 86–112.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 314 с.

Материал поступил в редколлегию 16.04.10 г.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

Анализ керамики проводился в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. Сделан вывод о существовании у ранних кочевников собственного гончарного производства, имевшего свою специфику. На основе результатов исследования реконструируются историко-культурные процессы в Южном Приуралье.

Ключевые слова: керамика, сарматы, гончарство, технология.

Погребальная керамика является самым массовым и единственным источником информации о гончарном производстве сарматских племен. К ее анализу неоднократно обращались многие исследователи, но изучение технологии изготовления посуды производилось лишь визуально, и только работы последних лет восполняют этот пробел [Шилов, 1959, с. 444–452; 1975, с. 132–134; Мошкова, 1963, с. 24–30; 1974; Смирнов, 1975, с. 169–172; Пшеничнюк, 1983; Скрипкин, 1990; Таиров, 1998; Краева, 2000, 2003, 2009; Клепиков, 2002; Гуцалов, 2005; Иванова, Мышкин, 2006]. В предлагаемой статье рассматривается гончарная технология раннесарматской культуры IV–I вв. до н.э. из Южного Приуралья.

Проблемы хронологии и периодизации являются сегодня наиболее дискуссионными в сарматологии, и точка в этих дискуссиях пока не поставлена [Региональные особенности..., 2007]. Поэтому в работе использовано классическое разделение древностей Южного Приуралья на савроматскую и раннесарматскую культуры [Мошкова, 1963, 1974; Смирнов, 1964]. Комплексы IV в. до н.э. с савроматскими и раннесарматскими чертами отнесены к последней. Согласно исследованиям А.С. Скрипкина [1990], верхняя дата

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-81102 а/У.

раннесарматской культуры была отодвинута к рубежу эр и выделены памятники II–I вв. до н.э., а также III–I вв. до н.э., не имеющие узкой даты.

Исследование керамики проводилось в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства по методике А.А. Бобринского [1978, 1999]. Технологическому анализу было подвергнуто 222 сосуда из 28 могильников на территории Оренбургской обл. (рис. 1)*. В основном все исследуемые памятники сосредоточены в степной зоне Южного Приуралья. Исключение составляют могильники Рязановка-5 и Прохоровка-1, расположенные в лесостепной зоне этого региона, а также Новый Кумак, географически относящийся к степной зоне Зауралья.

Посуда представлена горшками, кувшинами, мисками, чашами, курильницами, блюдами и редкими формами [Краева, 2008а, с. 10–12]. В анализируемой выборке преобладают плоскодонные сосуды (68 %), которые отличаются большим разнообразием форм (26 типов). Группа круглодонной керамики составляет 32 % и включает девять типов. Дополнительные

*Выражаю глубокую признательность М.Г. Мошковой, С.Н. Заседателевой, С.В. Богданову, Д.В. Мещерякову, Н.Л. Моргуновой, О.И. Пороховой, А.Х. Пшеничнюку, В.Е. Трегубову, Л.Т. Яблонскому за возможность работы с коллекциями керамики.

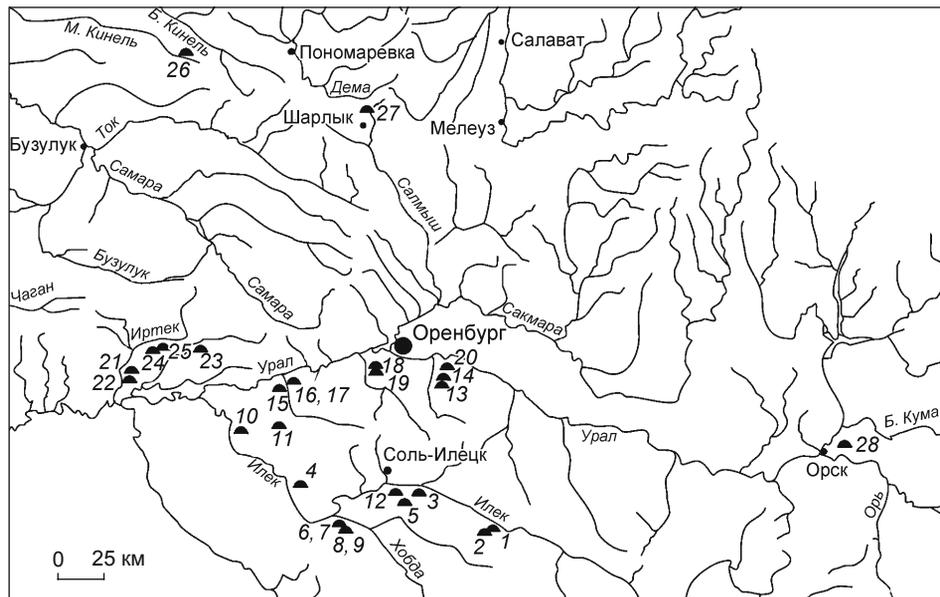

Рис. 1. Расположение памятников раннесарматской культуры.

1 – Акоба-2; 2 – Акоба-5; 3 – Близнецы; 4 – Линевка ОК; 5 – Мечет-Сай; 6 – Покровка-1; 7 – Покровка-2; 8 – Покровка-7; 9 – Покровка-8; 10 – Привольное; 11 – Филипповка; 12 – Черный Яр; 13 – Бердянка-5; 14 – Благославенка ОК; 15 – Краснопартизан-2; 16 – Краснохолм-1; 17 – Краснохолм-2; 18 – Нижняя Павловка-5; 19 – Нижняя Павловка ОК; 20 – Чкаловский; 21 – Болдырево-1; 22 – Болдырево-4; 23 – Мустаево-5; 24 – Шумаево-1; 25 – Шумаево-2; 26 – Рязановка-5; 27 – Пророчковка-1; 28 – Новый Кумак.

скульптурные части в виде ручек различной конфигурации, сливов, носиков-сливов имели 25 % сосудов. Большая часть посуды орнаментирована (80 %). В основном преобладал графический орнамент (60 %), но использовался и скульптурный (валики, каннелюры, налпные шишечки) (18 %), а также на одном изделии могли сочетаться оба (22 %). Чаще всего орнаментировались плечики (70 %), значительно реже – шейка (12 %), все тулово (10 %), срез венчика (8 %).

Количество сосудов в захоронениях колебалось от одного до четырех. В одном погребении могли быть и круглодонные, и плоскодонные сосуды.

Характеристика гончарных традиций производилась в рамках естественной структуры гончарного производства [Бобринский, 1999, с. 8–14]. В связи с различной степенью сохранности керамики полная информация по всем ступеням технологического процесса получена не по каждому сосуду.

Подготовительная стадия. Ступени 1, 2 – отбор и добыча исходного сырья. Гончары в качестве основного исходного пластичного сырья (далее – ИПС) использовали глины (73 %), глиноподобное сырье (19 %), ил (3 %) и концентраты (5 %). Наиболее массовой была традиция отбора ожелезненных жирных глин (41 %). Зафиксировано также использование ожелезненной тощей (18 %), слабоожелезненной жирной (5 %) и тощей (1 %), неожелезненной жирной (6 %) и тощей (2 %).

В глинах представлены естественные примеси песка разной степени окатанности и состава, ооли-

тового и обломочного бурого железняка, известняка, охры, слюды. На изготовление шести сосудов пошли глины, выделяющиеся нестандартным составом естественных примесей: тальковые (3 экз.; рис. 2, 1), с включениями морских раковин (1 экз.; рис. 2, 2) и карбонатов (2 экз.; рис. 2, 4).

В состав ила входили следующие естественные примеси: «пылевидный» песок, единичные включения раковины с разрушенной структурой, остатки водных растений (нитевидные водоросли) в значительной концентрации и органические вещества животного происхождения (фрагменты частей насекомых, костей рыб). Глиноподобное сырье отличалось от ила незначительным количеством растительных остатков водного характера и отсутствием органических веществ животного происхождения. Добыча ила и глиноподобного сырья, судя по естественным примесям, была приурочена к водоемам [Бобринский, Васильева, 1998, с. 199–200].

Концентраты представлены следующими смесями: 1) ожелезненная тощая глина + слабоожелезненная жирная (0,5 %); 2) ожелезненная жирная глина + + неожелезненная тощая (0,5 %); 3) ожелезненная тощая глина + неожелезненная жирная (3 %); 4) ожелезненное тощее глиноподобное сырье + неожелезненная тощая глина (0,5 %); 5) ил + неожелезненная тощая глина (0,5 %).

Большое разнообразие ИПС свидетельствует об использовании сарматами различных источников сырья.

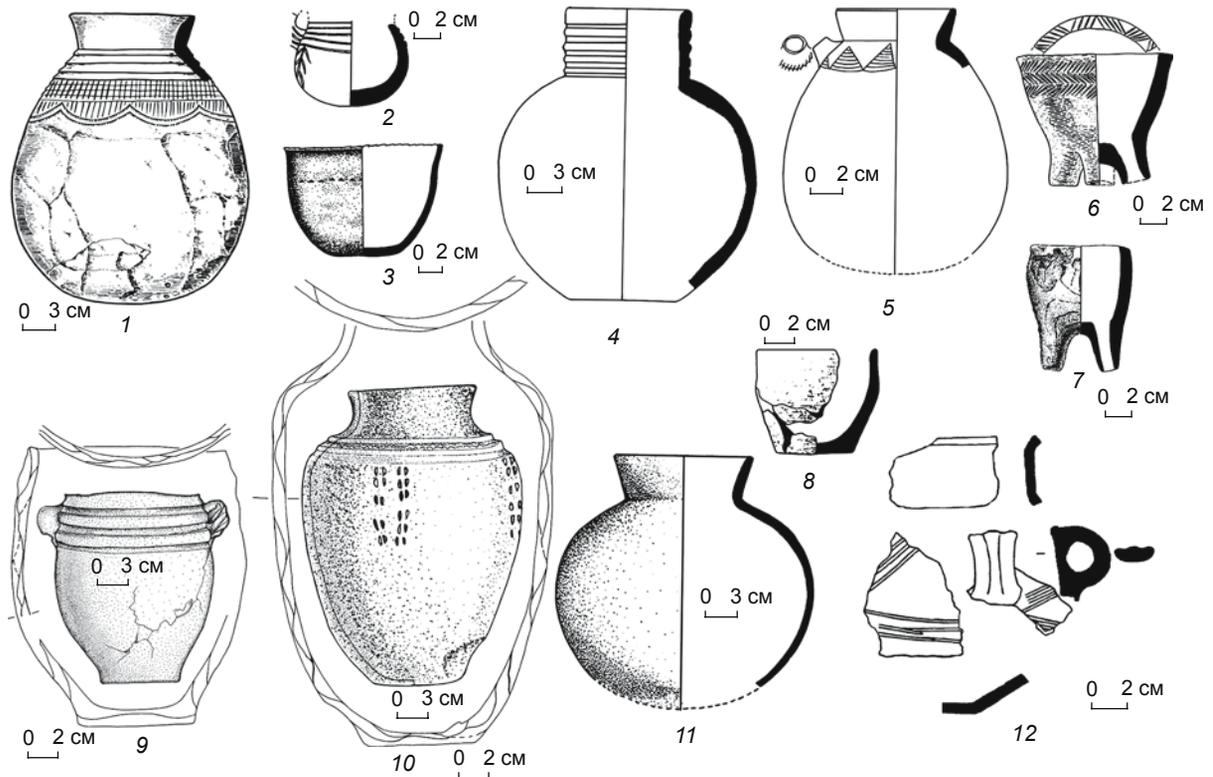

Рис. 2. Керамика раннесарматской культуры.

1 – Мечет-Сай, кург. 8, погр. 1; 2 – Мечет-Сай, кург. 3, погр. 1; 3 – Покровка-1, кург. 16, погр. 2; 4 – Мечет-Сай, кург. 7, погр. 9; 5 – Новый Кумак, кург. 24; 6 – Филипповка I, кург. 7; 7 – Акоба-2, кург. 1, погр. 3; 8 – Линевка ОК, погр. 3, сосуд 2; 9 – Прохоровка-1, кург. 2, погр. 5, сосуд 2; 10 – Прохоровка-1, кург. 2, погр. 5, сосуд 1; 11 – Шумаево-2, кург. 9, погр. 4, сосуд 2; 12 – Чкаловский, кург. 1, погр. 3, сосуд 1.

Установлено, что в погребение могли помещаться одновременно сосуды, изготовленные из разного ИПС.

В качестве искусственных примесей гончары использовали органические добавки (навоз, выжимку из навоза, органический раствор, неясные органические вещества), шерсть, раковину, шамот, кость, гранитогнейсовую и тальковую дресву.

Ступень 3 – обработка исходного сырья. С искусственными примесями ИПС смешивалось в основном во влажном состоянии (93%). Глиняные концентраты смешивались в сухом и во влажном состоянии. Следов специального отмучивания сырья не обнаружено. В некоторых случаях глина даже не очищалась от очень грубых примесей [Краева, 2003, с. 350].

На 3-й ступени гончарного производства осуществлялась также подготовка искусственных примесей. Черепки сосудов, кость, раковину дробили. Тальковую и гранитогнейсовую дресву получали также путем дробления горных пород. Кость и раковину предварительно обжигали. Примеси калибровали через сита или «на глаз», отделяя наиболее крупные включения, обычно размерами больше 3–5 мм, и пыль.

Навоз использовался во влажном состоянии. В формовочных массах 28% керамики зафиксирова-

ны органические растворы, для которых характерны следующие признаки: участки, пропитанные жидким веществом различного цвета; аморфные пустоты с налетом на стенках; пленки, обволакивающие искусственные минеральные примеси; иногда редкие включения измельченных остатков растительности длиной от 0,2 до 1,0–1,5 мм [Бобринский, 1999, с. 85–86; Салугина, 1999, с. 23; Краева, 2003, с. 351]. Рецепты изготовления органических растворов пока остаются неизвестными, и в этом направлении проводятся экспериментальные работы [Васильева, Салугина, 1999, с. 240]. В отдельных случаях (8 экз.), когда в глине фиксируются измельченные растительные остатки вместе с раствором, можно предположить использование выжимки из навоза [Бобринский, 1999, с. 19]. По этнографическим данным известно, что ее обычно готовили путем выжимания жидкой составляющей навоза под прессом или через ткань [Васильева, Салугина, 1997, с. 16].

Ступень 4 – составление формовочной массы (см. таблицу). Выявлены 13 рецептов: простые – ИПС + органические добавки (далее – ОД) (5%), ИПС + шамот (0,5%), ИПС + раковина (0,5%); сложные – ИПС + шамот + ОД (53%), ИПС + шерсть +

Корреляция рецептов формовочных масс и памятников

Могильник	Дата, вв. до н.э.	Число сосудов	Состав формовочной массы													
			ИПС + ОД	ИПС + Р	ИПС + Ш	ИПС + Ш + + ОД	ИПС + Ш + + Д + О	ИПС + О + + шерсть	ИПС + Ш + + Н + шерсть	ИПС + К + Н	ИПС + К + + Ш + Н	ИПС + Т + + ОД	ИПС + Ш + + Т + ОД	ИПС + Ш + + Д + Т + ОР	ИПС + К + + Ш + Т + ОД	
Акоба-2	IV	2	1 (50)						1 (50)							
Акоба-5	III–II	2				2 (100)										
Близнецы	IV	2				2 (100)										
Линевка ОК	III	2						1 (50)				1 (50)				
Мечет-Сай	IV–I	30	3 (10)			14 (46)				2 (7)	2 (7)		9 (30)			
Покровка-1	IV–I	24	2 (8)	1 (4)		14 (59)	1 (4)					1 (4)	5 (21)			
Покровка-2	IV–II	24	1 (4)		1 (4)	11 (46)				2 (8)	2 (8)	1 (4)	5 (21)			1 (4)
Покровка-7	III–I	8	1 (13)			5 (63)				1 (13)			1 (13)			
Покровка-8	IV–I	13	1 (8)			8 (62)					1 (8)	2 (15)	1 (8)			
Привольное	III	3				1 (33)				1 (33)		1 (33)				
Филипповка	IV	1							1 (50)							
Черный Яр	IV–III	6				1 (17)					1 (17)	1 (17)	3 (50)			
Бердянка-5	III	7				3 (43)				2 (29)	1 (14)		1 (14)			
Благославенка ОК	III–I	4				1 (25)				1 (25)		1 (25)	1 (25)			
Краснопартизан-2	IV	3				3 (100)										
Краснохолм-1	Конец IV – III	2				2 (100)										
Краснохолм-2	II–I	1									1 (100)					
Нижняя Павловка-5	IV–III	1				1 (100)										
Нижняя Павловка ОК	IV–III	5				4 (80)										1 (20)
Чкаловский	IV–I	17				10 (59)					2 (12)	1 (6)	4 (24)			
Болдырево-1	IV–III	1											1 (100)			
Болдырево-4	IV–III	1								1 (100)						
Мустаево-5	III–I	5				5 (100)										
Шумаево-1	IV–I	5				5 (100)										
Шумаево-2	IV–III	22				10 (46)	2 (9)			3 (14)	4 (18)		2 (9)	1 (5)		
Рязановка-5	III–II	1				1 (100)										
Прохоровка-1	IV–II	15				11 (73)				1 (7)	1 (7)	1 (7)	1 (7)			
Новый Кумак	IV–III	14	1 (7)			5 (36)						7 (50)	1 (7)			
<i>Итого</i>		221	10 (5)	1 (0,5)	1 (0,5)	119 (53)	3 (1)	1 (0,5)	2 (1)	14 (6)	15 (7)	17 (8)	35 (16)	1 (0,5)	2 (1)	

Примечание: ИПС – исходное пластичное сырье, ОД – органические добавки, Н – навоз, ОР – органический раствор, О – органические остатки, Р – раковина, Ш – шамот, Д – дресва, Т – тальк, К – кость.

Указано число сосудов, изготовленных по каждому рецепту, и их процент от общего количества исследованных сосудов с каждого памятника.

+ ОД (0,5 %), ИПС + кость + навоз (6 %), ИПС + тальковая дресва (далее – тальк) + ОД (8 %); составные – ИПС + шамот + гранитогнейсовая дресва + ОД (1 %), ИПС + шамот + шерсть + навоз (1 %), ИПС + кость + шамот + навоз (7 %), ИПС + шамот + тальк + ОД (16 %); сложносоставные – ИПС + шамот + гранитогнейсовая дресва + тальк + органический раствор (0,5 %), ИПС + кость + шамот + тальк + ОД (1 %). Преобладала посуда, изготовленная по рецепту ожелезненная жирная глина + шамот + ОД.

Шамот являлся самой распространенной примесью (66 % сосудов). Его концентрация варьировала от 1 : 2 до единичных включений (одно-два на 1 см²). Гончары дробили на шамот свою и чужую посуду. Судя по его составу, традиции добавления шамота, кости, талька были весьма устойчивые, т.е. передавались из поколения в поколение. Искусственно введенный тальк зафиксирован в формовочных массах 20 % керамики. Его концентрация варьировала от 1 : 2 до 1 : 9, причем в подавляющем большинстве случаев была незначительной (от 1 : 5 до единичных включений). Примесь кости зафиксирована у 11 % сосудов. Она вводилась в формовочную массу в концентрации от 1 : 2 до 1 : 6 (редко единичные включения). Гранитогнейсовая дресва обнаружена всего в 2 % посуды, в концентрации 1 : 3 и 1 : 4. Рецепт глина + раковина не характерен для сарматской керамики и был зафиксирован только в одном случае. Этот сосуд из курганного могильника Покровка-1 (рис. 2, 3) находит аналогии среди кара-абызской керамики Башкирии [Пшеничнюк, 2004, рис. 4]. Примесь шерсти обнаружена в формовочных массах трех ритуальных сосудов (1 %) (рис. 2, 6–8).

Корреляция ИПС и искусственных примесей показала, что носители традиции добавления кости использовали только ожелезненные жирные глины, а в качестве органических компонентов вводили влажный навоз в значительной концентрации. Использование разных видов ИПС (илов, глин, концентратов) было особенно характерно для сложных рецептов шамот + ОД. Гончары, готовившие формовочные массы на основе ила и глиноподобного сырья, на шамот дробили свою посуду, сделанную из аналогичного сырья.

Созидательная стадия. *Ступень 5 – конструирование начина сосуда.* Выявлены четыре программы: 1) донно-емкостная (81 %); 2) емкостно-донная (8 %); 3) донная (3 %); 4) донная + донно-емкостная (8 %). Все начини были составными. Донно-емкостные изготавливались лоскутным и спирально-жгутовым способами; емкостно-донные – спирально-жгутовым; у донных жгут или лоскуты навивались по спирали; у донных + донно-емкостных на сделанную из комка лепешку по спиралевидной траектории наращивались лоскуты. Наиболее массовым было использование лоскутного налепа (66 %) с преобладанием наращивания элементов по спирали.

У трех сосудов (8 %) из могильника Прохоровка-1 зафиксированы двухслойные начини, изготовленные двумя способами [Яблонский, Мещеряков, 2008; Краева, 2010, с. 235, 243–244]. Первый: на цельную лепешку по спирали навивались лоскуты на определенную высоту, образуя донно-емкостный начин (рис. 2, 9). Второй способ: конструирование начиналось с изготовления донно-емкостного начина на форме-основе путем наложения лоскутов по спиралевидной траектории, а завершалось наложением сверху монолитной лепешки (рис. 2, 10). Наличие таких начинов является ярким примером сращивания двух разных программ – донной и донно-емкостной, что свидетельствует о смешении в прошлом населения, оставившего погребения, откуда происходят эти сосуды. Такие способы конструирования начинов могли появиться в результате контактов гончаров, изготавливавших плоскодонную и круглодонную посуду. На это указывает стремление придать сосуду плоскодонность за счет присоединения плоской лепешки донного начина на донно-емкостный, изготовленный лоскутным наложением с помощью формы-основы.

Ступень 6 – конструирование полого тела. Полое тело сосудов конструировалось наложением лоскутным (по спирали, бессистемным, по кольцу), спирально-жгутовым, жгутами по кольцу, лентами по кольцу. Наиболее массовым было использование лоскутного налепа (84 %). При лепке крупных сосудов на определенных этапах конструирования мастер вынужден был останавливать свою работу и давать емкости немного подсохнуть, чтобы избежать ее деформации. Обычно у этих сосудов наблюдалось расслоение по линиям сая между такими зонами.

Ступень 7 – придание сосуду формы. Формообразование производилось путем выдавливания пальцами, скульптурной лепки на плоскости, выбивания колотушкой, использования форм-моделей. Преобладали два последних приема. Гончары, использовавшие в качестве искусственной примеси кость, всегда применяли выбивание.

Первоначальная форма сосудам придавалась уже в процессе конструирования способом скульптурной лепки на плоскости (21 %) или с помощью форм-моделей (79 %). Следы от форм-моделей, которые позволили достоверно определить их вид (формы-основы или формы-емкости), четко читались у 34 % сосудов. На внешних поверхностях трех изделий (Привольное, Шумаево-1) были зафиксированы многочисленные отпечатки сухого измельченного навоза, использовавшегося в качестве прокладки при конструировании в форме-емкости [Краева, 2003, с. 338, 340; рис. 1, 1; 3, 4].

Плоскую форму дна большинству сосудов, особенно в III в. до н.э., придавали уже после завершения процесса его конструирования выбиванием или

постукиванием о твердую поверхность. В некоторых случаях уплощение дна получалось в результате оседания еще сырого изделия под собственной тяжестью, что характерно для посуды с шаровидной и грушевидной формой тулова.

Ступень 8 – механическая обработка поверхностей. Обработка поверхности выполнялась простым заглаживанием, лощением, полировкой, окрашиванием, ангобированием, обмазкой. Заглаживание было ручным и производилось пальцами, тканью, кожей типа замши, плохо выделанной кожей, овчиной, твердым предметом. Внутренняя поверхность заглаживалась главным образом только пальцами, а наружная – преимущественно плохо выделанной кожей. Поверхность, заглаженная овчиной, отличалась от обработанной плохо выделанной кожей многочисленными глубокими следами скольжения волосяного покрова и большим количеством выпавших волосков. Разница в интерпретации материала объясняется тем, что, вероятно, гончары пользовались кусочками шкуры, которая могла иметь разную степень вытертости.

Лощение производилось по слегка подсушенной основе или по дополнительно смоченной сухой. Полировали мягкой кожей, в результате чего поверхности становились гладкими и блестящими, без четких следов лощения.

В целом окрашивание, ангобирование и обмазка не характерны для сарматской керамики и, видимо, являются заимствованными приемами обработки поверхности, подражающими ангобированию круговой азиатской посуды.

Закрепительная стадия. *Ступени 9, 10 – придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости его стенок.* Большая часть керамики имела пятнистую окраску поверхностей и различную толщину осветленных краевых слоев в пределах излома одного сосуда, что указывает на костровой обжиг. Гончары активно применяли при обжиге сухой навоз (30 %), о чем свидетельствует оранжевая окраска поверхности [Васильева, Салугина, 1999, с. 245]. Видимо, доступность этого вида топлива при занятии скотоводством в безлесной степи обусловила его широкое использование.

Большая часть посуды испытала кратковременное воздействие температур каления (650–700 °С и выше). Сосуды, обожженные при низких температурах (ниже 450 и 650 °С), вероятно, использовались для хранения сыпучих продуктов или были изготовлены специально для погребения, т.к. даже непродолжительное воздействие жидкости могло привести к их разрушению.

Ступень 11 – конструирование скульптурных и служебных частей емкостей. Дополнительные скульптурные элементы были у 25 % керамики (ручки, простые сливы, трубчатые носики-сливы). Вылепленные

отдельно ручки примазывались к внешней поверхности сосуда. Сливы формовались по краю венчика пальцами.

Ступень 12 – орнаментация поверхностей. Графические орнаменты наносились в технике прочерчивания, вдавления, вдавления-накалывания, пролащивания. Наиболее распространенными были две первые. Орнамент у 20 % сосудов выполнен ногтевыми вдавлениями. Одновременное использование нескольких техник зафиксировано на 64 % орнаментированной посуды. Скульптурные орнаменты в виде каннелюр и валиков (40 %) выполнялись путем вдавления-протаскивания и налепливания.

Анализ технологии изготовления сарматской керамики из разных могильников показал значительное многообразие традиций. Однако на всех ступенях гончарного производства прослеживаются и общие черты трудовых навыков, а именно: 1) использование в качестве ИПС в основном глины, а также илов и глиноподобного сырья; 2) преобладание железистых жирных глин; 3) добавление в ИПС шамота, кости, талька, гранитогнейсовой дресвы, шерсти и органических добавок; 4) доминирование рецепта формовочной массы ИПС + шамот + ОД; 5) конструирование составных начинов преимущественно по донно-емкостной программе; 6) ручная лепка начала и полого тела лоскутным налепом; 7) использование форм-моделей, скульптурной лепки и выбивания в качестве основных приемов формообразования; 8) преобладание ручного заглаживания плохо выделанной кожей; 9) термическая обработка посуды посредством кратковременного воздействия температур каления в кострищах; 10) применение одновременно нескольких техник нанесения орнамента; 11) преобладание техник вдавления, прочерчивания и вдавления-протаскивания.

Таким образом, многочисленная керамика в погребениях, наличие определенных стандартов при создании форм сосудов и орнаментов на них [Краева, 2008а, с. 10–12], а также существование общих технологических навыков позволяют сделать вывод о том, что у сарматов в IV–I вв. до н.э. было собственное гончарное производство. Оно имело свои особенности, связанные с характером хозяйствования. В частности, кочевники не были жестко привязаны к одному и тому же глинищу, как оседлые племена, о чем свидетельствует многообразие ИПС. Для раннесарматского периода характерно разнообразие в технологии изготовления керамики на всех ступенях гончарного производства, что объясняется большей «открытостью» кочевых обществ для контактов. На самобытности гончарства сказались скотоводческая деятельность сарматов, которые широко применяли продукты скотоводства (шерсть, кожа, овчина, навоз) в гончарном производстве.

Массовое использование в качестве ИПС глины свидетельствует о том, что гончарство основной части населения находилось на уровне архегончарства. Наличие 22 % керамики, изготовленной из ила и глиноподобного сырья, позволяет сделать вывод о существовании небольшой группы, гончарное производство которой было на уровне протогончарства [Бобринский, 1999, с. 75–85]. Не исключено, что истоки этой группы местные, т.к. навыки использования данных видов ИПС фиксируются в Урало-Поволжском регионе начиная с неолита, существуют всю эпоху бронзы и известны у ранних кочевников в VI–V вв. до н.э. [Васильева, 2007, с. 35–38; Гутков, 1995; Салугина, 1999, с. 22–23; Краева, 2008а, с. 21].

Корреляция данных технологического анализа с формами и орнаментацией сосудов показала ряд закономерностей. Способы изготовления посуды разных форм зависели от существовавших технологических традиций в гончарстве. Более архаичные навыки применялись в основном при изготовлении курильниц (преобладание рецептов из ожелезненной тощей глины, ила и глиноподобного сырья с добавлением органических добавок и шамота; отсутствие выбивания; заглаживание пальцами). Только в формовочных массах керамики данной категории зафиксирована примесь шерсти, которая, видимо, подчеркивала связь животных с этими сосудами культового назначения [Краева, 2006]. Все проанализированные чаши были изготовлены из неожелезненной глины с добавлением: шамота и органических добавок; раковины. Учитывая малочисленность таких находок в сарматских погребениях и состав формовочных масс, можно предположить, что эта категория посуды была заимствована ранними кочевниками у других народов. Технологический анализ горшков, кувшинов, блюд не выявил каких-либо особенностей, присущих только им.

Плоскодонные и круглодонные разновидности посуды изготавливались по своей технологии [Краева, 2009, с. 205–206, табл. 2, 3]. Традиции изготовления плоскодонной керамики были менее однородны и претерпели значительные изменения под влиянием традиций изготовления круглодонных форм начиная с IV в. до н.э. Прежде всего следует отметить появление сосудов с различной степенью уплощенности днищ. Выделяется группа керамики, которая изначально изготавливалась с округлым дном, а потом его специально уплощали, что указывает на стремление гончаров, привыкших делать круглодонные формы, подражать образцам плоскодонной посуды. Кроме того, началось активное использование форм-моделей и сложносоставных рецептов (глина + тальк + шамот + ОД, глина + кость + шамот + ОД; глина + кость + шамот + тальк + ОД), возникли смешанные способы конструирования начинов (донный монолитный + донно-емкостный лоскутный).

Взаимосвязь формы изделия и технологии прослеживается только для грушевидных сосудов, изготовление которых осуществлялось лоскутным налепом. Профиль тулова (шаровидный и т.д.) зависел от очертаний форм-моделей и от схемы наложения элементов при конструировании (например, лента снаружи или изнутри). Резко отогнутая шейка получалась у сосудов, когда их верхняя часть изготавливалась отдельно и только потом присоединялась к основе либо когда лента или жгут присоединялись к верхней части плеча сосуда изнутри. Последний способ больше характерен для изделий с грушевидным и шаровидным туловами (рис. 2, 1, 5, 11).

Возникновение орнаментации штампами изначально связано с появлением круглодонной посуды с грушевидным туловом и существовало только в IV в. до н.э. Проласчивание орнамента появилось в III в. до н.э., но широкое распространение получило во II–I вв. до н.э. и особенно характерно для орнаментов в виде «полотенец».

Результаты изучения керамики были привлечены для решения вопросов историко-культурного характера. Фундаментальными основами интерпретации являлись закономерности развития гончарного производства [Бобринский, 1978, с. 242–244]. Гончарство сарматских племен на протяжении IV–I вв. до н.э. претерпевало изменения. В статье акцент сделан на особенностях составления формовочных масс, т.к. навыки этой ступени технологии изменяются достаточно быстро (в течение жизни одного-двух поколений) при изменении этнокультурного состава населения и вызывают особый интерес у исследователей.

В IV–I вв. до н.э. продолжали существовать два рецепта, широко распространенные в VI–V вв. до н.э.: ИПС + ОД и ИПС + шамот + ОД. Формовочную массу глина + песок + ОД совсем перестали использовать, а вместо рецепта глина + дресва + ОД появились смешанные: глина + дресва + шамот + ОД и глина + дресва + шамот + тальк + ОД. Традиция изготовления керамики из формовочной массы ИПС + шамот + ОД оставалась доминирующей, но общее количество рецептов по сравнению с VI–V вв. до н.э. выросло с четырех до 13 за счет смешения традиций и возникновения новых (добавления неизвестных ранее искусственных примесей – талька, шерсти, кости).

В IV в. до н.э. или на рубеже V–IV вв. до н.э. появилась лепная посуда, отличная от «савроматской» (8 %). У нее грушевидное тулово с округлым дном, резко отогнутый венчик и сложный орнамент [Мошкова, 1974, с. 21, рис. 4] (рис. 2, 1). Формовочные массы этой керамики изготовлены по рецепту глина + тальк + ОД или из тальковой глины с добавлением органических добавок, конструирование сосудов произведено лоскутным налепом с помощью формы-модели, а орнамент нанесен штампом.

Причины появления и исчезновения «талковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно излагались исследователями [Краева, 2008б]. В целом можно выделить две точки зрения на эту проблему: «миграционную» [Мошкова, 1974, с. 22; Таиров, 1998, с. 93] и «контактную» [Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 8; Могильников, 1999; Савельев, 1999].

Технологический анализ показал, что появление у ранних кочевников посуды, изготовленной по рецепту глина + тальк + ОД, связано с приходом носителей традиции составления такой формовочной массы. В результате смешения этих пришлых групп с местным населением произошли: 1) широкое распространение круглодонной посуды, а также появление плоскодонной «переходного типа» с плавным переходом стенок в неустойчивое дно; 2) изменение в орнаментации (уменьшение доли орнаментов в виде пиктограмм, усложнение композиций, приоритет за украшением плечевых зон); 3) появление новых способов нанесения декора; 4) широкое распространение смешанных рецептов формовочных масс ИПС + шамот + тальк + ОД; 5) формирование общих навыков в конструировании полых тел при сохранении разных программ изготовления начинов; 6) появление новых поколений гончаров, которые еще придерживались старых программ конструирования начинов (емкостно-донный и донно-емкостный спирально-жгутовой), но полые тела начали делать лоскутным налепом по спирали; 7) массовое использование форм-моделей.

Вероятно, в начале IV в. до н.э. произошел существенный приток в сарматскую среду какого-то инокультурного населения, имевшего свои традиции в изготовлении керамики, что и привело к наблюдаемым коренным изменениям в гончарстве. По-видимому, совершенно права М.Г. Мошкова, связавшая появление традиции добавления талька с племенами из лесостепного Зауралья, т.к. именно в этом регионе имеются залежи талька, который широко использовался местным населением начиная с бронзового века [Мошкова, 1974, с. 6, 22; Гутков, 1995, с. 141].

Появление керамики, изготовленной из формовочной массы глина + тальк + ОД, было связано не просто с поступлением импортной посуды, а с постепенным процессом смешения носителей разных гончарных традиций, о чем свидетельствует возникновение смешанных рецептов глина + шамот + тальк + ОД. На начальном этапе этого процесса тальк или шамот добавляли в небольшой («символической») концентрации и местные, и пришлые гончары. Анализ шамота показал, что первоначально на него дробились в основном сосуды, изготовленные из формовочной массы глина + тальк + ОД с большим содержанием талька. Возможно, они были привезены переселенцами или изготовлены с использованием

привезенного ими талька. Не случайно количество сосудов с большой концентрацией талька незначительно (8%), т.к. в основном они после выхода из обращения были раздроблены на шамот. Этот факт указывает на преемственность традиций. Смешение традиций, как уже отмечалось, фиксируется и в приемах конструирования посуды. Таким образом, наблюдается явный процесс зарождения новых культурных традиций «смешанного» населения.

Микроскопическое изучение керамики показало, что значительная примесь талька (концентрации 1 : 2, 1 : 3) фиксируется в основном в формовочной массе посуды первой половины IV в. до н.э. (а также II–I вв. до н.э.), когда происходил приток пришлого населения в Южное Приуралье. В течение IV–III вв. до н.э. концентрация шамота в рецептах глина + тальк + шамот + ОД возросла, а талька уменьшилась. В то же время продолжали существовать сосуды, в формовочных массах которых талька больше, чем шамота [Краева, 2008б, рис. 1, 4–6].

Результаты технологического анализа керамики второй половины IV–III вв. до н.э. показали, что сосудов, изготовленных по рецептам ИПС + шамот + ОД и ИПС + тальк + шамот + ОД с шамотом из керамики со значительной концентрацией талька, существенно больше, чем самой посуды, сделанной из формовочной массы глина + тальк + ОД. Этот факт, а также наличие на памятниках от 10 до 50% посуды, в технологии и морфологии которой прослеживаются смешанные традиции, свидетельствуют о процессах культурной интеграции, т.е. о проникновении более или менее массовых инокультурных явлений и возникновении на этой основе устойчивой культурной неоднородности населения [Цетлин, 1998, с. 59–60].

Со второй половины или с конца IV в. до н.э. появился и существовал весь III в. до н.э. новый компонент искусственно введенных примесей – дробленая обожженная кость. Истоки данной традиции пока неизвестны. Попав в сарматскую среду, эта традиция в изготовлении керамики (глина + кость + навоз) смешалась с местной (глина + шамот + ОД), в результате чего позднее возник и какое-то время сосуществовал смешанный рецепт глина + кость + шамот + ОД (органические вещества, навоз), в котором концентрация кости (1 : 3) была значительно выше, чем шамота (1 : 4, 1 : 5). По форме посуда, изготовленная из формовочной массы глина + кость + навоз, ничем не выделялась из общей массы сарматской керамики второй половины IV–III в. до н.э. (рис. 2, 11). Однако гончарные традиции ее создателей были очень устойчивыми: они использовали ожелезненную жирную глину, кость и навоз, а на шамот дробили в основном свою посуду. Видимо, носители традиции глина + кость + навоз изначально делали круглодонную керамику, т.к. преобладает посуда с округлым дном. Примеча-

тельно, что большие плоскодонные сосуды, изготовленные по рецептам глина + кость + навоз и глина + кость + шамот + навоз, так же как и круглодонные, конструировались с помощью форм-моделей лоскутным налепом.

С конца или со второй половины IV в. до н.э. по III в. до н.э. происходили активные процессы перемещения и смешения населения, о чем говорит появление большого количества новых и смешанных навыков труда в сарматском гончарстве.

По изученным материалам во II–I вв. до н.э. наблюдается ассимиляция гончарных традиций пришлого населения доминантными местными (ИПС + шамот + ОД). Однако, несмотря на кажущееся внешнее единство керамики, в это время продолжали сосуществовать группы, делавшие свою посуду по рецептам глина + кость + шамот + навоз, глина + тальк + шамот + органика и глина + тальк + ОД, но она не отличалась внешне от остальной плоскодонной.

Вся посуда II–I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы с добавлением талька в значительной концентрации (1 : 2, 1 : 3), была плоскодонная и характеризуется рядом общих технологических особенностей, отличающих ее от керамики IV–III вв. до н.э. [Краева, 2008б, с. 38, рис. 1, 7–9]. Можно предположить, что во II–I вв. до н.э. существовала небольшая группа гончаров, у которых была распространена традиция составления формовочных масс по рецепту глина + тальк + ОД. Судя по формам сосудов и способам конструирования, эти гончары вполне могли быть представителями населения с сарматскими традициями в изготовлении посуды, но проживавшими на территории Зауралья, где были доступны месторождения талька. Не исключено также, что произошла инфильтрация новых групп из Зауралья, в частности, такая посуда могла попасть к кочевникам в результате брачных контактов. Примечательно, что керамика II–I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы глина + тальк + ОД, в Самарском Заволжье пока не обнаружена. Возможно, это объясняется отдаленностью данного региона от источников талька [Иванова, Мышкин, 2006, с. 389]. Наличие значительной примеси талька в формовочных массах сосудов II–I вв. до н.э. свидетельствует о том, что об «исчезновении» традиции добавления талька в это время в Южном Приуралье говорить нельзя.

Посуда II–I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы глина + кость + шамот + навоз, также отличается рядом особенностей от аналогичной керамики IV–III вв. до н.э. Так, во II–I вв. до н.э. в качестве ИПС использовалась наряду с ожелезненной жирной и нежелезненная тощая глина, внешняя поверхность сосудов иногда окрашивалась красной краской и затем ложила, к тому же вся такая посуда плоскодонная и украшена орнаментами, характерными для сарматской керамики этого периода (рис. 2, 12). Веро-

ятно, во II–I вв. до н.э. существовали группы населения, продолжавшие изготавливать посуду по рецепту глина + кость + шамот + навоз. Однако под влиянием традиций иных групп, чья керамика еще не найдена, произошли изменения в представлениях об ИПС и в обработке поверхности. Возможен также приток новых переселенцев – носителей традиции добавления кости в формовочную массу, у которых эти изменения уже произошли ранее.

Таким образом, результаты изучения технологии изготовления керамики свидетельствуют о наличии у сарматов Южного Приуралья в IV–I вв. до н.э. собственного гончарного производства, в формировании которого участвовали носители разных традиций. Историко-культурная интерпретация полученных данных позволяет говорить о двух волнах инфильтрации инокультурного населения в местную среду в этот период. Безусловно, их могло быть больше, но они не отразились в гончарных традициях.

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–110.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 193–214.
- Васильева И.Н.** О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. 8. – С. 23–38.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.** Не боги горшки обжигают. – Самара: Полдень XXII век, 1997. – 116 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.** Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1999. – С. 234–257.
- Гутков А.И.** Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Твор. объедин. «Каменный пояс», 1995. – С. 135–146.
- Гуцалов С.Ю.** Зауральская керамика в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья // Вестн. Челябинск. гос. пед. ун-та. – 2005. – Вып. 2. – С. 84–98.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х.** Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: тез. докл. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1994. – С. 5–8.
- Иванова Н.В., Мышкин В.Н.** К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V–I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: Науч.-техн. центр, 2006. – Вып. 4. – С. 379–390.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002. – 216 с.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из «прохоровских» погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 114–134.

Краева Л.А. Техно-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 332–358.

Краева Л.А. Сарматский ритуальный сосуд из второго курганного могильника у с. Аюба // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2006. – Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии. – С. 197–201.

Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008а. – 26 с.

Краева Л.А. Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008б. – Т. 2. – С. 36–39.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV–I вв. до н.э. // Нижне-волж. археол. вестн. – Вып. 10. – 2009. – С. 193–211.

Краева Л.А. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. – М.: Таус, 2010. – С. 231–251.

Могильников В.А. К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 133–134.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М.: Наука, 1963. – 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

Пшеничниок А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 199 с.

Пшеничниок А.Х. Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // Уфим. археол. вестн. – 2004. – Вып. 5. – С. 189–191.

Региональные особенности раннесарматской культуры. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2007. – Вып. 2. – 140 с.

Савельев Н.С. «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV Урал. археол. совещ.: тез. докл. – Челябинск: Рифей, 1999. – С. 139–140.

Салугина Н.П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – Вып. 3. – С. 2–39.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1990. – 240 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 379 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ДИМУР, 1998. – Вып. 2. – С. 87–96.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во Твер. музея, 1998. – Вып. 3. – С. 50–63.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – 1959. – № 60. – С. 323–523.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.: Наука, 1975. – 234 с.

Яблонский Л.Т., Мешеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 177–205.

Материал поступил в редколлегию 13.01.10 г.

УДК 903.43

**Л.Н. Корякова¹, Р. Краузе², А.В. Епимахов¹, С.В. Шарапова¹,
С.Е. Пантелеева¹, Н.А. Берсенева¹, Й. Форнасье², Э. Кайзер³,
И.В. Молчанов¹, И.В. Чечушков⁴**

¹Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия

E-mail: Ludmila.Koryakova@usu.ru

²Университет им. Й.-В. Гете

J.W. Goethe-Universität

Grüneburgplatz, 1, Frankfurt am Main, 60323, Deutschland

E-mail: R.Krause@em.uni-frankfurt.de

³Свободный университет г. Берлина

Freie Universität Berlin

Hittorfstraße, 18, Berlin, 14195, Deutschland

E-mail: elke.kaiser@topoi.org

⁴Южно-Уральский государственный университет

пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия

E-mail: chivpost@gmail.com

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР (ОЛЬГИНО)*

В статье представлены краткие результаты археологических исследований укрепленного поселения синташтинской культуры Южного Зауралья Каменный Амбар (Ольгино). Даны характеристика памятника, описание раскопанных объектов (включая элементы фортификации и постройки) и коллекции артефактов, хроностратиграфическое распределение керамики.

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, синташтинская культура, укрепленное поселение Каменный Амбар (Ольгино), междисциплинарные исследования.

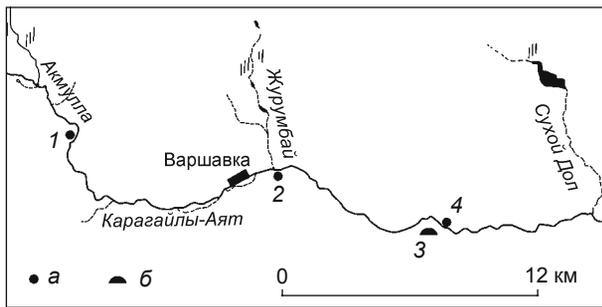
Введение

На рубеже III–II тыс. до н.э. закладывались основы культурного ландшафта огромной территории, включающей степи и лесостепи Восточной Европы, Урала и Западной Сибири. К этому времени в Южном Зауралье относятся комплексы укрепленных поселе-

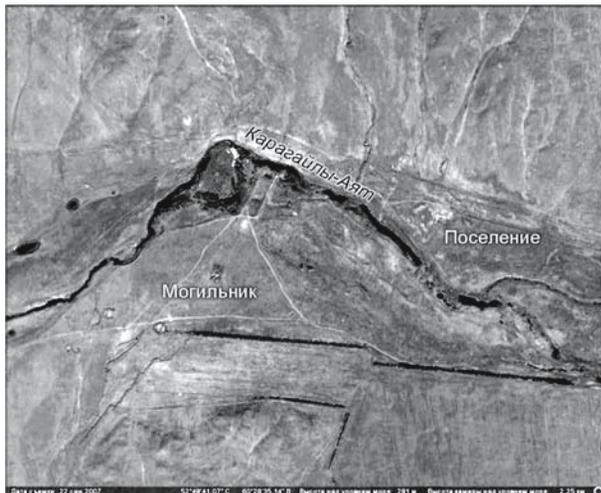
ний и курганных могильников, сосредоточенные в северной степи на притоках Тобола и Урала* [Зданович, Батанина, 2007; Батанина И.М., Батанина Н.С., 2009]. В интерпретации памятников много дискуссионных проблем, решению которых препятствует недостаток опубликованных результатов их раскопок. В полном объеме введены в научный оборот только материалы поселения Синташта [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992], по остальным имеются лишь предварительные публикации [Зданович, 1995,

*Статья подготовлена в рамках междисциплинарного проекта, поддержанного Президиумом УрО РАН, «Междисциплинарные исследования археологических памятников эпохи бронзы Южного Урала» и совместного российско-германского проекта (РФФИ 09-06-91330-ННИО_а).

*Лишь одно поселение (Чекатай) находится на берегу озера.

А

Б

Рис. 1. Расположение памятников в долине р. Карагайлы-Аят (А), поселения и могильника в урочище Каменный Амбар (Б).

1 – Коноплянка; 2 – Журумбай; 3 – Каменный Амбар-5; 4 – Каменный Амбар (Ольгино).

а – укрепленное поселение; б – могильник.

1997; Виноградов, 2004; и др.]. Несмотря на довольно большое число памятников, в той или иной мере исследованных раскопками, налицо диспропорция между источниковедческим анализом материалов и их интерпретацией. Настоящая статья, открывающая серию публикаций по проекту «Междисциплинарные исследования археологических памятников эпохи бронзы Южного Урала» и посвященная обзорному представлению материалов раскопок укрепленного поселения в урочище Каменный Амбар (раскопы 1–5), призвана частично сократить эту диспропорцию*. Памятник находится в 9,5 км к востоку от с. Варшавка Карталинского р-на Челябинской обл. Он расположен на почти горизонтальной площадке первой террасы левого берега р. Карагайлы-Аят, в зоне северной степи в границах Заураль-

*Более развернутые результаты междисциплинарного исследования будут освещены в отдельных публикациях.

ского пенеппена. С поселением связан исследованный ранее курганный могильник Каменный Амбар-5 [Епимахов, 2005а] (рис. 1).

История исследования микрорайона Каменный Амбар

В 1982 г. Ю.В. Тарасов открыл поселение и назвал его Ольгино [1983]. Позднее в соответствии с правилами описания памятников истории оно было переименовано в городище Каменный Амбар. Отдавая должное первооткрывателю, мы сохранили двойное название. Сначала памятник был определен как неукрепленное поселение. Наличие замкнутой системы фортификации было установлено И.М. Батаниной в 1989 г. по аэрофотоснимкам и подтверждено визуально [Виноградов, 2003; Костюков, 1992]. В 1990 г. археологическая экспедиция Челябинского государственного педагогического института под руководством Н.Б. Виноградова провела небольшие раскопки (ок. 200 м²) в северо-восточной части поселения*. В 2004 г. была выполнена инструментальная съемка поверхности поселения и прилегающей территории [Епимахов, 2005б], в 2008 г. она была уточнена [Берсенева, 2009]. В 2005 г. К. Мэрони снял первую магнитометрическую карту [Mertony, Hanks, Doonan, 2009]. Позднее полная магнитная съемка была проведена А. Патцелтом [Корякова, 2009] и специалистами Института геофизики УрО РАН [Муравьев, Носкевич, Федорова, 2009а, б]. С 2005 г. работы на памятнике ведет экспедиция Института истории и археологии УрО РАН [Епимахов, 2007а, 2010; Шарапова, 2007, 2009; Берсенева, 2009; Корякова, 2009]**.

В бассейне р. Карагайлы-Аят обнаружено более 100 объектов разного времени. К интересующему нас периоду относятся, кроме описываемого в статье, еще два укрепленных поселения: Журумбай и Коноплянка [Зданович, Батанина, 2007], находящиеся на расстоянии 8–10 км друг от друга (рис. 1). Их изучение также входит в задачи проекта.

Принципы и методы исследования

Приступая к изучению памятника, мы были вынуждены учитывать следующие обстоятельства. С одной

* Авторы выражают благодарность Н.Б. Виноградову за разрешение использовать его материалы и за моральную поддержку.

**В 2005–2006 гг. исследования велись в сотрудничестве с Питтсбургским университетом [Hanks, Doonan, 2009], а с 2008 г. – в рамках российско-германского междисциплинарного проекта.

стороны, в литературе уже сложился образ синташтинского поселения по публикации эпонимного памятника [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992] и обзорной статье, посвященной поселению Аркаим [Зданович, 1997]; с другой – у нас не было ясного понимания археологических оснований этого образа. Мы исходили из необходимости полного извлечения информации и минимизации ущерба, наносимого раскопками. Ввиду неоднократности заселения площадки в числе основных задач оказались установление стратиграфического соотношения культурных типов и изучение связанных с ними объектов. Детальные геофизические исследования, проведенные на отдельных участках российскими специалистами [Муравьев, Носкевич, Федорова, 2009а, б], и полная съемка памятника немецким геофизиком А. Патцелтом позволили установить планировку поселения (рис. 2).

Для раскопок были выбраны два участка, включающие линию обороны, предположительно прилегающие к ней синташтинские жилища и более позднюю впадину. Исследование слоя велось квадратами 4×4 м. Через каждые 10 см производилась зачистка слоя с фиксацией всех очертаний. По мере необходимости бровки убирались, и объекты выбирались по контексту. Выполнялись флотация и просеивание слоя. Производился отбор образцов для биологических анализов. Все находки регистрировались индивидуально в трехмерной системе координат. За период 2005–2010 гг. было вскрыто более 1,5 тыс. м².

Основные результаты исследования памятника

В ходе комплексных работ установлено, что памятник в плане имеет форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированного длинной осью перпендикулярно реке (СВ–ЮЗ). Площадь поселения в пределах укреплений составляет ок. 18 тыс. м², а с учетом впадин за ними и следов распространения культурного слоя к западу достигает 60 тыс. м². Микрорельеф, сглаженный многолетним выпасом скота, лучше выражен в области оборонительной стены, которая

маркирована торцами каменных плит обкладки, а также в поздних глубоких впадинах, отмеченных густой растительностью. Впадины от строений раннего (синташтинского) периода визуально не прослеживаются, но сравнительно хорошо опознаются на магнитной карте (рис. 2). На ней видно, что поселение окружено оборонительной линией, состоит из двух частей, одна из которых – северная – занята строениями, расположенными в четыре ряда, разделенными двумя улицами. По южной части четкая картина пока не получена. Рас-

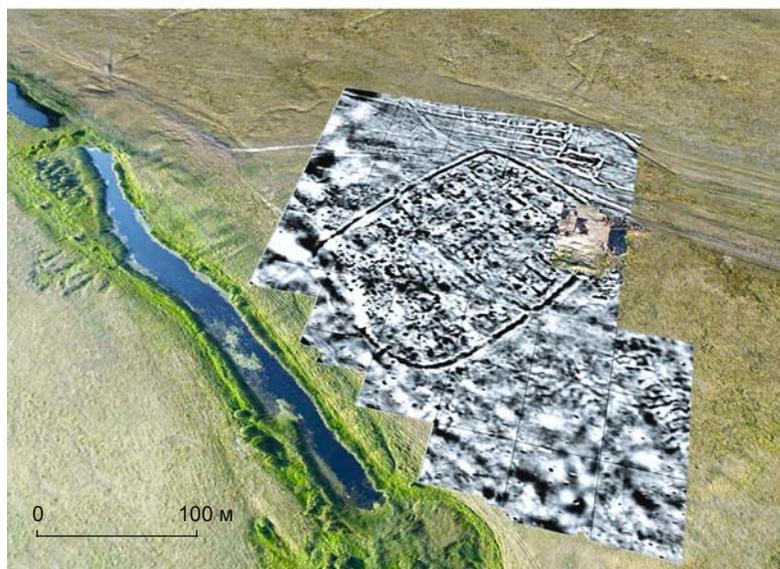
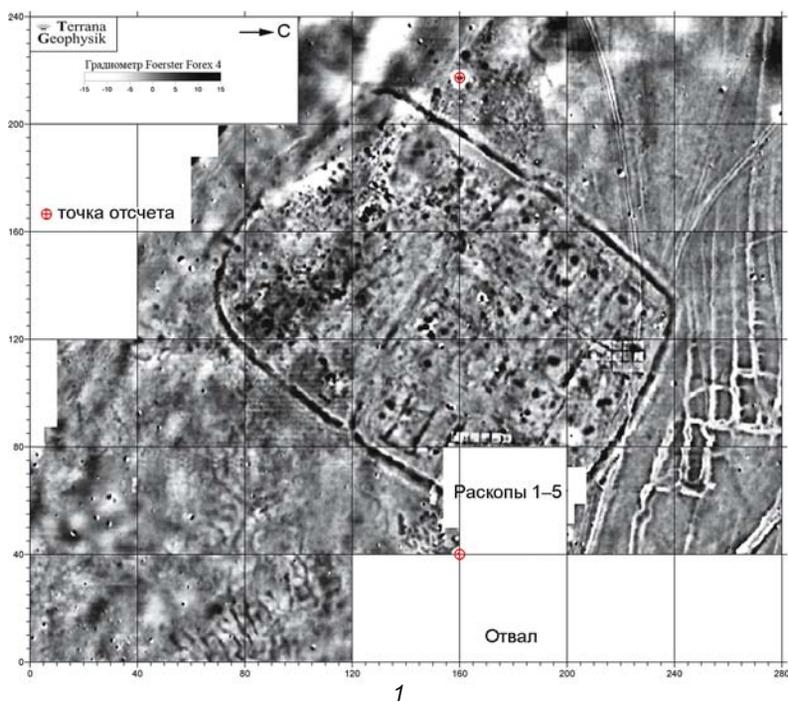

Рис. 2. Магнитометрия поселения Каменный Амбар (Ольгино). 1 – магнитная карта поселения, выполненная А. Патцелтом; 2 – модель совмещения сканированной поверхности (М. Шайх) и магнитогаммы поселения (А. Патцелт).

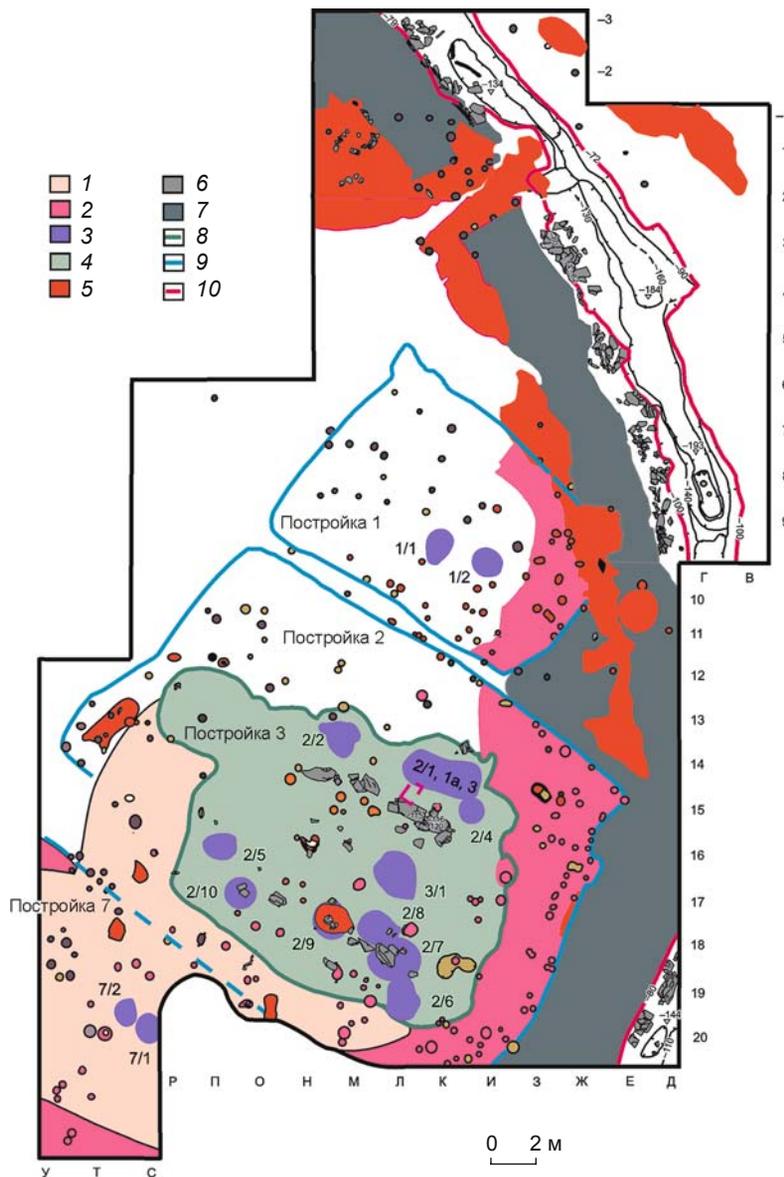

Рис. 3. Общий план исследованных объектов в раскопах 1–5.

1 – «зольник»; 2 – заполнение синташтинских построек; 3 – заполнение колодцев; 4 – заполнение постройки 3; 5 – оранжевый провал; 6 – камни; 7 – основание стены; 8 – граница постройки 3; 9 – границы построек 1, 2 и 7; 10 – граница рва.

копами 1–5 в северо-восточной части поселения был исследован фрагмент фортификации, прилегающий к нему изнутри участок застройки (постройки 1, 2 и частично 7*), небольшая площадка за пределами фортификации, а также один из поздних котлованов (№ 3).

Памятник имеет выразительную стратиграфию, иллюстрирующую особенности формирования культурного слоя, порядок сооружения, функционирования и разрушения элементов поселения. Мощность культур-

*Нумерация жилищ производилась по мере их выявления в ходе раскопок.

ного слоя в раскопанной части составляла не менее 60 см (без учета рва, колодцев и пр.).

Элементы фортификации. Исследованный участок оборонительной линии состоял из остатков внутренней (основной) стены, рва, внешней стены и входа. Основная стена до раскопок имела вид сильно оплывшей невысокой насыпи, внешняя вообще на поверхности «не читалась», но она хорошо заметна на магнитной карте.

Внутренняя стена шириной в среднем 4 м сложена преимущественно серым суглинком, окаймленным с внешней стороны полосой прокаленного грунта, насыщенного органическими остатками (рис. 3, 4). Стратиграфия отложений указывала на то, что для строительства стены использовались блоки, вырезанные из древнего дерна, и глина, вынутая при сооружении рва. Блоки укладывались на погребенную почву. Снаружи стена была облицована плитами местного камня (кремль, амфиболит, сланец, кварц, диорит, гранит*), выходы которого обнаружены в 0,5–1,0 км к северу от поселения. На внутренней стороне некоторых камней имелись следы глиняной примазки. Отдельные плиты были красновато-розового цвета от воздействия огня (рис. 5). Его следы фиксировались также и в завале стены в виде оранжевого провала и обломков сильно спекшейся глины.

Стена не была монолитной. На участке Е/6 в ней зафиксирован проем шириной 0,5–0,6 м, а юго-восточнее восточного угла постройки 1 обнаружено цилиндрическое углубление диаметром более 1,5 м, на дне которого выявлены кости животных, керамика и бронзовый фрагмент.

Ров шириной в среднем ок. 2 м углублен в материк неравномерно: от 30 до 90 см. Перепад высот между гребнем стены и тальвегом рва составлял в среднем 180 см. Ров заполнен красным, коричнево-серым и желто-серым суглинком, перемежающимся тонкими линзами серо-зеленого ила и углистыми прослойками. Стенки его слегка наклонные или почти вертикальные, с неровными уступами. Местами зафиксированы

*Определение А.И. Левита (Челябинский государственный университет) и А.М. Юмина (Институт минералогии УрО РАН).

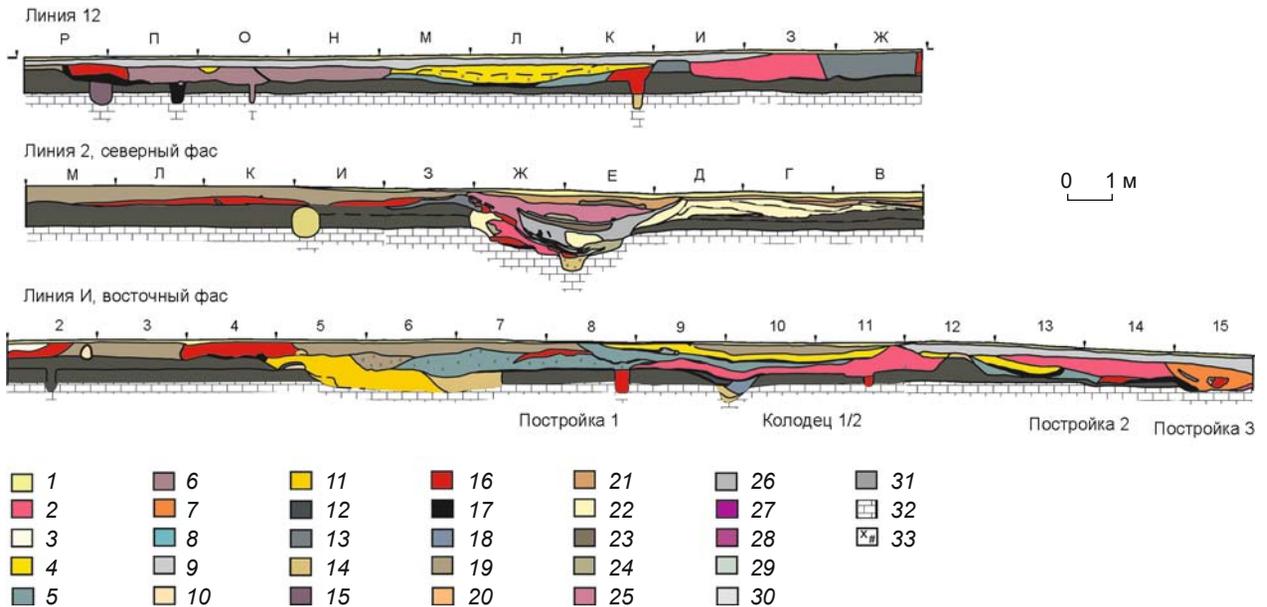

Рис. 4. Профили.

1 – дерн; 2 – красно-коричневый; 3 – палевый; 4 – желтый рыхлый пестроцветный суглинок с продуктами горения; 5 – серо-зеленый; 6 – коричневый прокаленный; 7 – желто-коричневый; 8 – ортзанд; 9 – серый гумус (современная почва); 10 – палевый; 11 – желтый зернистый (заполнение нор); 12 – темно-серый (погребенная почва); 13 – серый (основание стены); 14 – серо-желтый мешаный; 15 – темно-серый с продуктами горения (заполнение ямок от столбов); 16 – оранжевый прокал; 17 – угли, прослойки углей; 18 – светло-серый (в колодцах); 19 – серо-коричневый; 20 – бежевый суглинок с включениями гумуса; 21 – светло-коричневый суглинок; 22 – желтый яркий переотложенный суглинок; 23 – коричнево-серый суглинок; 24 – желто-серый суглинок; 25 – красный суглинок; 26 – серые прослойки с признаками осолодения; 27 – суглинок со следами горения; 28 – черно-красный прокаленный; 29 – серый ил; 30 – серо-зеленый ил; 31 – камень; 32 – материк (желтый суглинок); 33 – мелкие угли, зерна прокала.

ниши-углубления, из которых, возможно, брали глину, а также участки, где прослеживались ровные чередующиеся слои обожженной глины, золы и древесного угля. Они были перекрыты остатками разрушенной стены, сползавшими в ров. По дну проходила узкая канавка, заполненная коричневато-красным грунтом с большим содержанием угля. Помимо нее, выявлено несколько локальных углублений (см. рис. 3, 5). Судя по всему, ров был полифункционален. Он мог использоваться и для сбора воды, скапливавшейся в углублениях, и для хозяйственных дел. Кроме того, во рву найдены в большом количестве кости животных, в основном разрозненные, а также собачьи копролиты. Вероятно, иногда в него выбрасывали мусор.

Профили показывают две фазы археологизации рва. С napольной стороны на гумусе погребенной почвы фиксировалась полоса переотложенного суглинка – остатки невысокой *внешней стены* (или вала).

В северной части исследованной площади обнаружен вход на поселение в виде разрыва внутренней и внешней стен шириной примерно 3 м, ориентированного по линии СВ–ЮЗ в точном соответствии с направлением улицы. Однако ров в месте входа не прерывался, он лишь уменьшился до ширины канавки. Прямоугольная конфигурация «разрыва», большое количество углей и остатков древесины ука-

Рис. 5. Фрагмент оборонительной линии: основная (внутренняя) стена с каменной облицовкой и ров. Вид с юго-востока.

зывают на то, что в его оформлении использовалось дерево. Об этом же свидетельствуют ямки от столбов, расположенные параллельными линиями вдоль прохода и в ряд с внешней стороны рва. Напротив входа, с внешней стороны от рва зафиксирован небольшой участок прокаленной площадки, уходящей за пределы раскопа, но хорошо видимой на детальной магнитограмме (см. рис. 3).

Постройка 1. Она находилась в северо-восточной части поселения и своим восточным углом примыкала к оборонительной стене, которая в этом месте делала поворот, образуя угол между юго-восточной торцевой стенкой постройки 1 и северо-восточной продольной стенкой постройки 2. Образовавшееся пространство было заполнено тем же материалом, из которого сложена оборонительная стена. Таким образом, принцип примыкания жилой постройки к стене поселения был здесь сохранен за счет изменения конфигурации последней (см. рис. 3). Строение площадью 144 м² имело подпрямоугольную форму и длинной осью было ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Часть северо-восточной стены и восточный угол нарушены норами и действиями обитателей поселения более позднего периода. Котлован был углублен на 40 см в погребенную почву, мощность которой в данном месте достигала 60–70 см. Пол постройки находился на 20–25 см выше уровня материка. Стенки переходили в ровное дно, плавно понижавшееся к центру котлована. Заполнение постройки 1 было насыщено продуктами горения, концентрация которых увеличивалась по мере приближения к стене поселения: вся юго-восточная часть заполнена сильно прокаленной глиной. На отдельных кусках спекшейся глины хорошо заметны отпечатки древесных волокон, что указывает на использование дерева и глины при сооружении стен. Северная и центральная части постройки имели двухслойное заполнение. Сверху залегал слой мелкодисперсной пылеватой глины яркого светло-желтого цвета толщиной от 20 до 40 см. В нем содержалось много находок, в т.ч. огромное количество костей животных, от крупных до очень мелких обломков. Скорее всего, они были выброшены в имеющееся углубление более поздними обитателями поселения. Нижний слой заполнения мощностью от 10 до 20 см представлял собой плотный грунт красно-коричневого оттенка, насыщенный мелкими и крупными кусками спекшейся глины и угля. В постройке выявлено 67 ям от столбов, расположенных не везде регулярно, что наводит на мысль о возможности ремонтных действий. Однако следов перестройки жилища не зафиксировано.

В центральной части постройки на расстоянии 1 м друг от друга обнаружены два колодца. Поскольку заполнение жилища одинаково «просело» над обоими колодцами, можно допустить, что они обвалились либо одновременно с постройкой, либо немного раньше обрушения кровли. Близ колодцев имелись, вероятно, какие-то теплотехнические сооружения. В частности, остатки небольшой, предположительно купольной печи обнаружены в колодце 1/2, куда она, по всей видимости, сползла в результате обрушения его стенок. Рядом с колодцами *in situ* обнаружены развал синташтинского сосуда и скопление костей животных.

Постройка 2. Она располагалась юго-западнее постройки 1, имела с ней общую длинную стену, основание которой представляло собой оставленную нетронутой при рытье котлованов полосу древней почвы шириной 80–90 см, и значительно превосходила ее по площади (см. рис. 3). Юго-западная стена жилища 2 разрушена: сначала «зольником»*, затем постройкой 3. Судя по трем уверенно идентифицированным углам, сооружение имело форму, близкую к трапеции, его юго-западная стена была длиннее северо-восточной на 3 м. Предположительная площадь 273 м². Котлован был углублен в древнюю почву, пол его понижался к югу почти до уровня материка. Заполнение постройки 2 несколько отличалось от предыдущего. Яркий светло-желтый слой, насыщенный костями, зафиксирован только в северной части, непосредственно примыкавшей к котловану 1. В восточной части больших прокалов не обнаружено, хотя количество продуктов горения в заполнении нарастало по мере приближения к оборонительной стене, а в юго-восточной следов огня несколько больше, здесь грунт имел красноватый оттенок. По сравнению с постройкой 1 заполнение жилища 2 выглядит более однородным, слабее окрашенным, «переработанным». Ям от столбов много – 105. Они располагались вдоль стен и по центру котлована. Столбами хорошо маркированы восточный и западный углы строения, в южном углу они расположены хаотично, что может свидетельствовать о перестройках, имевших место в синташтинское время.

В центральной части жилища 2 было прорезано более поздней постройкой 3, которая практически полностью уничтожила всю его юго-западную половину. При этом она перекрыла 11 колодцев и погребенные ребенка, обнаруженные в северо-восточной части ниже пола постройки 3.

Постройка 3. Раскопки показали, что углубленный в материк котлован имел неправильную подпрямоугольную форму с округлым выступом в северо-западной части (см. рис. 3). Его стенки были очень пологие, дно неровное. Максимальная глубина в материке составила 80 см. На дне двумя параллельными полосами по линии СЗ–ЮВ были уложены крупные плиты, взятые, по-видимому, со стены поселения. Площадь котлована 168 м². Заполнение в целом однородное – сильно гумусированный суглинок желтоватого оттенка с включениями зерен прокала. Ямки от столбов, обнаруженные в пределах котлована, многочисленны и сосредоточены в центральной части, а не вдоль его границ. Некоторые из них могли от-

* Данное наименование условно, поскольку, несмотря на визуальное сходство грунта, предварительные анализы (Х. Тимаер, Университет им. Й.-В. Гете) не подтвердили наличие золы.

носиться к синташтинской постройке 2. Кроме того, несколько ямок было выявлено под каменной выкладкой. С постройкой 3 связан колодец 3/1.

Постройка 7. Обнаружена в юго-западном углу раскопа, но исследована только ее малая часть. Здесь заполнение объекта почти полностью уничтожено «зольником», за исключением небольших участков с северной и южной стороны. Под «зольником» обнаружена 41 ямка от столбов. Котлован был углублен в погребенную почву, не достигая материка. Сохранившееся заполнение – красно-коричневый суглинок с мелкими продуктами горения – почти аналогично заполнению постройки 2. В пределах раскопанного участка обнаружены два колодца (7/1 и 7/2). Упомянутый выше «зольник» был до 50 см в толщину, заходя местами в материк, и представлял собой несколько слоев рыхлого сухого грунта, напоминающего по внешнему виду золу. Его цвет варьировал от пепельного до розоватого. «Зольник» содержал большое количество крупных костей (в т.ч. в сочленениях) и черепа (с отверстиями от удара) животных, а также фрагменты керамики синташтинского, петровского и срубно-алакульского типов. Этот объект появился позже построек 2 и 7, т.к. он прорезает их заполнение, но ранее

постройки 3 (см. рис. 3). Каковы его реальные размеры – неизвестно.

Колодцы (рис. 6). В общей сложности на исследованном участке полностью раскопано 16 колодцев, различающихся по заполнению и конструкции. Из них 15 соотнесены с синташтинским строительным горизонтом и один – со срубно-алакульским. Из колодцев получено много хорошо сохранившегося дерева, органических материалов, а также деревянных изделий.

Детское погребение (рис. 7). Оно обнаружено в ходе исследования колодцев 2/1 и 2/1а. Рядом с ними была выявлена прямоугольная конструкция в виде деревянного «щита», залегавшая наклонно под слоем материковой глины и ориентированная длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Ее ширина 50 см, длина сохранившейся части 80–110 см. В южной части «щита» были обнаружены обломки сосуда, а севернее – лежавшие компактно черепные кости младенца (?), тонкие, плохой сохранности, далее – еще несколько костей скелета. На северной оконечности деревянной конструкции на глубине –177 см расчищен жертвенник, состоявший из черепа и костей конечностей овцы; на челюсти сохранился прилипший кусочек ткани.

1

2

3

4

Рис. 6. Колодцы.

1 – колодец 2/1; 2 – колодец 2/1а; 3 – соотношение колодцев 2/1 и 2/1а; 4 – колодец 3/1 (уровень –200 см).

Рис. 7. Остатки детского погребения, жертвенник, колодцы 2/1 и 2/1а. Уровень зачистки –190 см. Вид с севера.

Судя по положению черепа, погребенный был ориентирован головой на юго-юго-запад. В головах справа был поставлен сосуд. Деревянный «щит» представлял собой скорее перекрытие могильной ямы (а не настил на ее дне), в пользу чего может свидетельствовать тот факт, что некоторые древесные волокна находились поверх черепных костей.

Вероятно, захоронение было совершено в синташтинское время на 60–70 см ниже уровня пола постройки 2, после чего яма была заполнена глиной. Пол более поздней постройки 3, уничтожившей в этом месте синташтинский слой, находился на 10–15 см выше погребения. Трудно с уверенностью судить о соотношении колодцев и захоронения. Северная половина погребения «съехала» в колодец 2/1 таким образом, что перепад высот между ней и южной частью составил 35–40 см. Погребение могло быть устроено раньше колодца или одновременно с ним, но вряд ли позже, т.к. при разрушении последнего подвижки близлежащего грунта затронули и захоронение.

Вещевой комплекс поселения. Он представлен традиционными категориями, включающими металлический, каменный, глиняный и костяной инвентарь. В большинстве случаев мы имеем дело с фрагментами или отходами производства, что лишний раз подчеркивает характер памятника, служившего местом постоянного (?) обитания группы людей.

Каменные артефакты (включая строительный материал, фрагменты талька без обработки и аллювиальные гальки) численно преобладают. Среди изделий надежно определяются абразивы, ударные орудия, песты, терочники, наконечники стрел (рис. 8, 1–4), отщепы, украшение в виде пальметки, предметы из талька со следами крепления и др. В коллекции много каменных дисков диаметром от 7–8 до 13–14 см (рис. 8, 9, 10), происходящих в основном из котлованов построек. Как показали исследования геологов, работавших с коллекцией 2005–2007 гг., для изготовления каменных предметов было использовано 24 типа горных пород и минералов различного происхождения [Зайков и др., 2009].

С производством и обработкой металла, кроме абразивных и ударных орудий, связан целый ряд находок: заготовки литейных форм из талька, фрагменты изложниц, литейных чаш, сопла. Найдены также куски руды, шлак, капли и другие неопределимые фрагменты металла (обломки стержней, скрепок и пр.). Шлак обнаружен в основном в заполнении построек, колодцев и рва.

Металлический комплекс (93 экз.), по данным предварительных анализов, представлен изделиями из чистой меди и мышьяковистой бронзы. Бронзо-

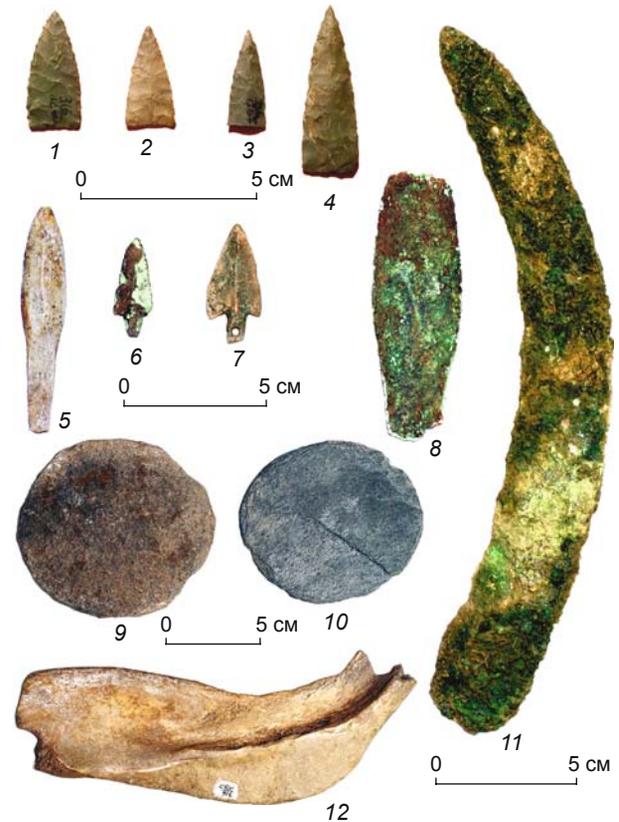

Рис. 8. Инвентарь.

1, 3, 10, 11 – из рва; 2, 4, 9, 12 – из постройки 2; 5, 7 – с участка К/20; 6 – с участка М/18; 8 – из постройки 3.

вый двулезвийный нож (рис. 8, 8) ромбического сечения, с прямоугольной пяткой, без выделенного перехвата и перекрестья, обнаруженный в жилище 3, датируется в рамках позднего бронзового века (II–III фазы). Серповидное орудие (рис. 8, 11) по некоторым признакам (довольно широкое лезвие, относительно высокий показатель кривизны) тяготеет к петровской серии [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36–41]. Коллекция также включает бронзовые шилья различных размеров и два плоских черешковых (с коротким плоским черешком 8 и 10 мм) наконечника со слабо выраженной нервюрой и треугольным пером (рис. 8, 6, 7). Такие наконечники до сей поры не встречались на синташтинских поселениях.

Костяной (реже роговой) инвентарь обнаружен в изобилии. Серийно представлены прокалывающие орудия – шилья, проколки, иглы и спицы; предметы, связанные с кожевным производством, – тупики, лошила (рис. 8, 12); крупные изделия, выполненные из ребер мелкого и крупного рогатого скота, назначение которых пока установить не удалось. В коллекции много астрагалов с подработанными гранями, есть подвески из клыков лисицы и костяной диск с отверстием в центре. Все перечисленное, а также один из двух костяных черешковых наконечников стрел не имеют четкой культурно-хронологической атрибуции в рамках бронзового века, но часть из них (подвески, астрагалы, проколки) обнаруживает прямые аналогии с материалами могильника Каменный Амбар-5. Редкой находкой является насадная рукоять из рога.

Коллекция керамики насчитывает 3 124 ед.* Из них более половины (1 843 экз.) представлено фрагментами, культурную принадлежность которых определить невозможно. Определимая керамика подразделяется на три группы: синташтинского типа (рис. 9) – 55,3 % (708 экз.), петровского (рис. 10) – 17,5 % (225 экз.) и посуду эпохи поздней бронзы срубно-алакульского облика (рис. 11) – 27,2 % (348 экз.). Максимальная концентрация фрагментов керамики зафиксирована в заполнении построек и рва. Межжилищное пространство оказалось сравнительно «чистым», а слои, формирующие внешнюю и внутреннюю стены поселения, содержали лишь единичные черепки.

*Анализ завершен только в отношении коллекции 2005–2008 гг., однако, судя по всему, выводы будут скорректированы незначительно.

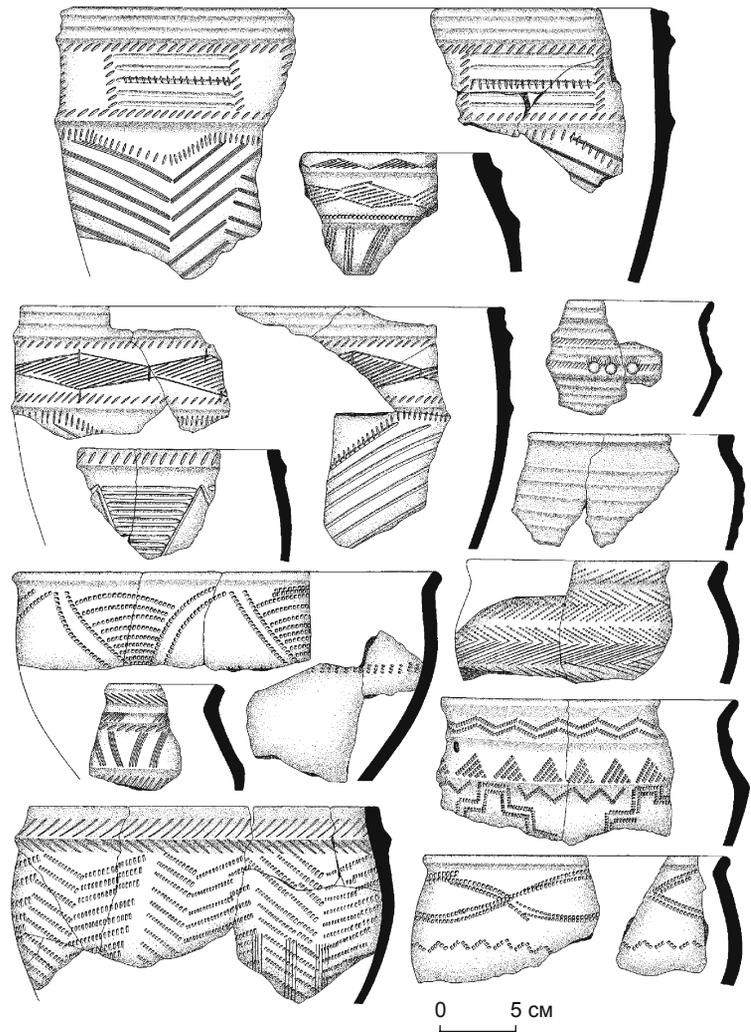

Рис. 9. Керамика синташтинского типа.

В заполнении постройки 1 собрано 788 фрагментов. Среди определяемой керамики (399 экз.) преобладает синташтинская (табл. 1). В процессе выборки колодцев было обнаружено еще 18 фрагментов синташтинской посуды и неопределимых. Наиболее насыщенными находками были горизонты в интервале от –20 до –50 см, соответствующие среднему и нижнему заполнениям жилища. Сравнение стратиграфического положения разных типов керамики показало, что самую высокую позицию занимает посуда эпохи поздней бронзы. Как и петровская, она преимущественно связана с верхним и средним заполнениями котлована. Небольшие показатели дисперсии для обеих групп свидетельствуют о довольно компактном положении в слое. Керамика синташтинского типа представлена во всех горизонтах, но основная ее часть выявлена в нижнем заполнении и на полу постройки, в т.ч. развал сосуда на глубине –70 ÷ –72 см (табл. 1).

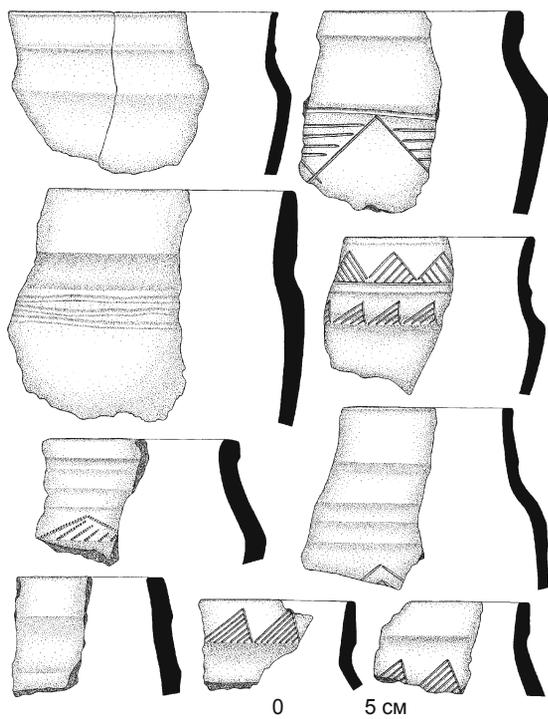

Рис. 10. Керамика петровского типа.

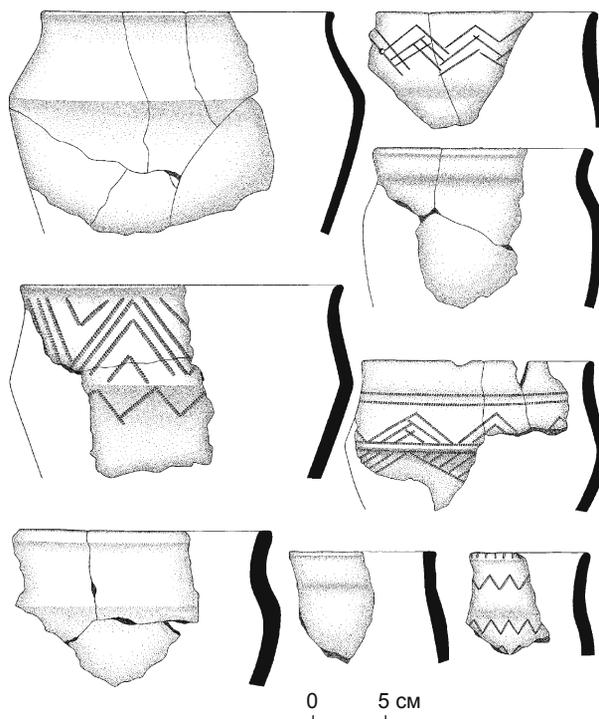

Рис. 11. Керамика поздней бронзы (срубно-алакульского облика).

Таблица 1. Количество и условия залегания определимой керамики в пределах исследованных объектов

Объект	Тип керамики	Кол-во	%	Интервал залегания, м	Средняя глубина, м	Дисперсия
Постройка 1	Синташтинский	291	73,0	+0,10 ÷ -0,83	-0,45	0,064
	Петровский	68	17,0	-0,04 ÷ -0,78	-0,31	0,032
	Срубно-алакульский	40	10,0	-0,01 ÷ -0,62	-0,27	0,026
	Неопределимый	389				
	<i>Всего</i>	788				
Постройка 2	Синташтинский	157	68,3	-0,05 ÷ -1,12	-0,56	0,035
	Петровский	36	15,6	-0,09 ÷ -0,62	-0,39	0,019
	Срубно-алакульский	37	16,1	-0,08 ÷ -0,86	-0,52	0,031
	Неопределимый	400				
	<i>Всего</i>	630				
Постройка 3	Синташтинский	52	21,5	-0,52 ÷ -1,26	-0,93	0,048
	Петровский	23	9,5	-0,52 ÷ -1,54	-0,94	0,091
	Срубно-алакульский	167	69,0	-0,44 ÷ -1,60	-0,89	0,060
	Неопределимый	356				
	<i>Всего</i>	598				
Ров	Синташтинский	49	30,6	-0,14 ÷ -1,65	-1,00	0,153
	Петровский	74	46,3	+0,01 ÷ -1,47	-0,88	0,124
	Срубно-алакульский	37	23,1	-0,32 ÷ -1,57	-0,83	0,148
	Неопределимый	282				
	<i>Всего</i>	442				

При исследовании постройки 2 учтено 630 фрагментов, из них 230 определимых. Здесь также доминирует посуда синташтинского типа (табл. 1). В заполнении колодцев и ямок от столбов обнаружено еще 52 черепка, тоже преимущественно синташтинских. Основная их часть связана с колодцем 2/1, включая развал синташтинского сосуда, сопровождавшего детское погребение у верхнего края объекта. Максимальная плотность находок приходится на условные горизонты в интервале от –40 до –60 см, соответствующие среднему и нижнему заполнениям постройки. Синташтинская керамика занимает самую низкую позицию в слое и отличается наибольшей рассеянностью. Она преобладает на полу сооружения, где также был обнаружен развал сосуда на глубине –80 см. Черепки, извлеченные с более низких уровней, связаны с остатками нижнего заполнения котлована, просевшего в верхнее заполнение колодцев. Для фрагментов посуды петровского типа зафиксированы самая высокая стратиграфическая позиция и наибольшая компактность в слое. Судя по всему, они не связаны с объектом и попали туда позднее времени функционирования жилища. Керамика эпохи поздней бронзы занимает промежуточное положение (табл. 1). Необходимо отметить, что 70 % срубно-алакульских черепков сосредоточено вдоль границы с постройкой 3. Они могли переместиться в слой более раннего сооружения в результате почвенных процессов, сопровождавших разрушение позднего жилища.

Керамика из северной части постройки 3 насчитывает 598 фрагментов, в т.ч. 242 определимых. Преобладает посуда эпохи поздней бронзы (табл. 1). Основная масса фрагментов сконцентрирована в интервале глубин от –70 до –130 см (среднее и нижнее заполнения). Хотя доминирующим культурным типом является срубно-алакульский, единичные черепки синташтинской и петровской посуды встречались во всех горизонтах, а средние значения глубины их залегания превышают показатель, вычисленный для поздней группы (табл. 1). Фрагменты керамики синташтинского и петровского типов, очевидно, связаны с постройкой 2, прорезанной поздним жилищем. Они могли попасть в постройку 3 как во время ее возведения, так и позднее, когда объект начал разрушаться и в его глубокий котлован мог переместиться материал из более раннего жилища, стратиграфически расположенного выше.

Анализ соотношения разных типов керамики с зафиксированными в процессе раскопок слоями дал следующие результаты. Посуда синташтинской культуры доминирует в слоях, являющихся заполнением котлованов построек 1 и 2. Керамика срубно-алакульского облика преобладает в горизонте современной почвы и в слоях, являющихся заполнением котлована пост-

ройки 3. Фрагменты посуды петровского типа составляют небольшой процент в коллекциях из всех вышеперечисленных слоев. Таким образом, постройки 1 и 2 уверенно соотносятся с синташтинской керамикой, которая связана с нижними заполнениями этих объектов и колодцев, а постройка 3 – с керамическим комплексом эпохи поздней бронзы.

Среди определимых черепков из межжилищного пространства значительно преобладают синташтинские, которые в основном происходят из погребенной почвы. Единичные фрагменты петровской и срубно-алакульской керамики связаны со слоями, сформировавшимися над древней дневной поверхностью.

Исследование пространственного распределения материала в элементах фортификации показало, что основная его часть происходит из заполнения рва – 442 фрагмента, в т.ч. 160 определимых. Представлены все три типа керамики с незначительным преобладанием петровского (табл. 1). Черепки, собранные в ходе разбора внешней и внутренней стен, немногочисленны и в основном относятся к синташтинскому типу.

В заполнении рва самую высокую позицию занимала керамика эпохи поздней бронзы, ниже довольно компактно залегала петровская. Для синташтинской посуды зафиксированы самые низкие глубинные отметки, а также самый высокий показатель дисперсии, свидетельствующий о наибольшей рассеянности (табл. 1). Учитывая преобладание этой керамики в нижнем заполнении и на дне рва, а также в слоях, сформировавших внешнюю и внутреннюю стены, можно заключить, что она связана с наиболее ранней фазой функционирования оборонительной системы поселения. Нахождение единичных синташтинских черепков в верхних горизонтах, по-видимому, является следствием разрушения и сползания в ров насыпей стен.

Как показал анализ распределения керамики, различные ее типы связаны с определенными почвенными слоями, зарегистрированными в процессе разбора рва. Так, синташтинские фрагменты преобладают в слоях, зафиксированных в придонной части объекта, петровские – в желто-сером и сером золистом слоях, керамика эпохи поздней бронзы наиболее многочисленна в коричнево-сером и красном слоях. Обращение к разрезам рва позволяет отметить, что слои с преимущественным присутствием в них того или иного типа посуды располагаются в стратиграфической последовательности, соответствующей хронологическим позициям данных керамических комплексов. Очевидно, это свидетельствует о нескольких фазах накопления черепков во рву, следовательно, и нескольких периодах функционирования поселения.

Иную картину демонстрируют данные, полученные в результате исследования рва на участках,

где был расположен вход на поселение. Во-первых, здесь собрано мало керамики – всего 84 фрагмента. Во-вторых, посуда эпохи поздней бронзы является наиболее многочисленной (24 экз., или 55,8 %), синташтинских черепков меньше (15 экз., или 34,9 %), а петровские фрагменты единичны (4 экз., или 9,3 %). В-третьих, практически все слои в заполнении рва содержат в основном керамику срубно-алакульского облика. Исключением является только подстилающий их слой оранжевого прокала, в котором преобладают фрагменты синташтинской посуды. Думается, что небольшое количество собранного материала объясняется функциональной нагрузкой данной части фортификации. По-видимому, обитатели поселения периодически очищали вход от мусора или вообще стремились его здесь не накапливать. В первую очередь это наблюдение относится к начальным этапам функционирования памятника в эпоху средней бронзы.

Анализ стратиграфического и планиграфического распределения керамики в пределах укрепленной площадки позволяет уверенно говорить пока только о двух хронологических комплексах, связанных с соответствующими объектами: синташтинском и срубно-алакульском. Посуда петровского типа здесь выделяется только типологически, ее положение в

слое можно оценивать как переотложенное. Тем не менее с учетом данных, полученных при исследовании фортификации, можно заключить, что время использования этой посуды соответствует промежутку между синташтинским (ближе к нему) и срубно-алакульским периодами. Данное наблюдение наряду с довольно значительным количеством петровской керамики в коллекции исключает возможность рассматривать ее в качестве примеси к синташтинскому комплексу и позволяет надеяться на обнаружение петровских объектов в неисследованной части памятника.

Относительная и абсолютная хронология памятника

Полученные в ходе раскопок материалы и анализ пространственного распределения керамики позволяют относительно уверенно выделить два периода в истории поселения: ранний – условно синташтинско-петровский, когда поселение существовало в пределах укреплений и имело регулярную планировку, и поздний – срубно-алакульский, когда на руинах первого возникло новое поселение с хаотической застройкой. Очевидно, между окончанием первого и началом вто-

Таблица 2. Радиоуглеродные даты поселения

Место отбора образца	Шифр лаборатории	Образец	Конвенционная дата	Калиброванная дата, гг. до н.э.	
				σ	2σ
Постройка 2, колодец 2/1а	Hd-28408	Дерево, внешние пять колец ЕТН-38106	$3\ 644 \pm 31$	2120–2100 (5,9 %) 2040–1950 (62,3 %)	2140–1920 (95,4 %)
	Hd-28430	Дерево, внутреннее 4-е кольцо ЕТН-38104	$3\ 617 \pm 31$	2020–1990 (8,4 %) 1980–1900 (59,8 %)	2040–1880 (95,4 %)
	Hd-28431	Дерево, внутреннее 10-е кольцо ЕТН-38105	$3\ 618 \pm 31$	2025–1940 (68,2 %)	2120–2090 (3,9 %) 2040–1890 (91,5 %)
	Hd-28432	Дерево, внешние пять колец ЕТН-38107	$3\ 594 \pm 31$	2020–1990 (8,4 %) 1980–1900 (59,8 %)	2040–1880 (95,4 %)
Постройка 2, колодец 2/4	Hd-28457	Дерево, внешние пять колец ЕТН-38150	$3\ 559 \pm 26$	1950–1880 (68,2 %)	2020–1990 (1,7 %) 1980–1870 (80,2 %) 1850–1810 (8,2 %) 1800–1770 (5,3 %)
	Hd-28458	Дерево, внешние пять колец ЕТН-38151	$3\ 636 \pm 26$	2030–1955 (68,2 %)	2130–2080 (10,5 %) 2050–1920 (84,9 %)
Ров, нижнее заполнение, линия –3, уч. К/–3, углистая прослойка	Ki-15502	Почва	$3\ 900 \pm 70$	2480–2280 (68,2 %)	2580–2190 (94,3 %) 2170–2140 (1,1 %)
Ров, среднее заполнение, линия –3, уч. К/–3, серый золистый слой	Ki-15503	»	$3\ 820 \pm 70$	2440–2420 (3,1 %) 2410–2370 (6,0 %) 2350–2190 (50,8 %) 2180–2140 (8,3 %)	2470–2120 (90,1 %) 2100–2040 (5,3 %)
Линия –3, верхний слой погребенной почвы под валом	Ki-15508	»	$6\ 020 \pm 100$	5050–4780 (68,2 %)	5250–4700 (95,4 %)

рого периода должен был быть какой-то хронологический промежуток. При этом мы вправе ожидать также хронологическую неоднородность объектов, относящихся к каждому периоду, что подтверждается некоторыми фактами и наблюдениями, касающимися прежде всего первого из них.

Постройка 1 выглядит археологически «одноактной», она довольно компактна, имеет хорошо фиксируемый пол без следов ремонта. Постройка 2 от нее заметно отличается. Для нее характерны сложная конфигурация юго-восточной стенки, большие размеры, не типичные для синташтинских и петровских строений, несколько рядов ям от столбов вдоль длинной оси котлована, большое количество использованных и забутованных колодцев, более низкие нивелировочные отметки пола. Все это может указывать на перестройки, которые могли иметь место в истории жилища 2.

Для выяснения абсолютного возраста конкретных объектов поселения была реализована программа серийного радиоуглеродного датирования. В качестве материалов использовались уголь, дерево и почва; образцы отбирались из хорошо диагностируемых объектов. Тем не менее некоторые даты (прежде всего по образцам почвы)* очевидно удревнены, остальные в целом укладываются в относительно компактный интервал (табл. 2).

Для суммирования данных по программе OxCal 3.10 использованы только результаты датирования дерева из колодцев. Получены следующие калиброванные интервалы: 2030–1920 (σ) и 2130–1870 (2 σ) гг. до н.э. Эти даты не противоречат ранее сформулированному выводу о возрасте синташтинских и петровских древностей в целом [Епимахов, 2007б]. Менее четким оказывается совпадение с суммарными интервалами семи значений для могильника Каменный Амбар-5 – 1960–1770 (σ) и 2020–1750 (2 σ) гг. до н.э., где в качестве материала для датирования использованы только кости погребенных. Шлейф поздних дат здесь создали погребения одного из курганов (№ 4) [Епимахов, 2005а, с. 161–164].

Заключение

Полученный в ходе раскопок материал находится в процессе обработки и анализа. Это касается всех аспектов исследования. В настоящей статье кратко освещена лишь археологическая часть проекта. На ее основе можно сделать первые, пока еще осторожные выводы, которые будут уточнены, а может быть, и изменены в результате дальнейших исследований.

*Несмотря на резкое отличие от результатов датирования дерева, даты для рва (Ki-15502 и Ki-15503) совпадают со стратиграфическими наблюдениями.

По-видимому, мы можем ожидать корректировки форм укрепленных поселений Южного Зауралья и их соотношения. Как показали магнитометрические исследования поселений на р. Карагайлы-Аят, их истинные форма и структура могут не соответствовать тем, что фиксируются по аэрофотоснимку. Это хорошо продемонстрировано исследуемым памятником. Изначально построенное носителями синташтинской культуры предположительно на рубеже III и II тыс. до н.э. поселение было спланировано в форме прямоугольника и состояло из двух частей, явно разнофункциональных. На данном этапе трудно сказать, были ли они одновременными. В северной половине застройка регулярная: не менее 21 постройки образовывали три группы (по одному ряду вдоль стен и два – вдоль центральной оси), разделенные двумя улицами. Опираясь на раскопанную часть и анализ магнитограммы, мы можем с определенной долей вероятности допустить, что улицы заканчивались выходами за пределы линии фортификации. Оборонительная линия состояла из основной (внутренней) стены, связанного с ней рва и небольшой внешней стены (или вала). Ров, скорее всего, не имел стратегического значения, а использовался в основном в хозяйственных и бытовых целях. Однако не исключено, что укрепления выполняли и оградительную функцию.

В ходе раскопок мы столкнулись с рядом фактов, которые не укладывались в созданную ранее схему синташтинского жилища. На поселении Каменный Амбар (Ольгино) постройки были углублены лишь в погребенную почву, их котлованы практически не достигали материка. Кроме того, интерьеры раскопанных построек были лишены «правильности», которая характерна для жилищ поселений Синташта [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992] и Аркаим [Зданович, 1997]. Они также отличались от последних большим количеством колодцев. В строительстве использовались камень и глина, иногда обожженная до состояния кирпича. Основу построек составлял деревянный каркас. Насколько мы можем судить по раскопанным жилищам 1 и 2, они имели смежную планировку, хотя, возможно, это правило не всегда соблюдалось. Постройки внешних рядов плотно вписывались торцовыми стенами в конфигурацию стены поселения.

Интригующим является вопрос о времени и причинах прекращения жизни на поселении раннего периода. Не подлежит сомнению, что люди, которые делали керамику срубно-алакульского типа, пришли на поселение, когда оно уже было покинуто его создателями: постройки разрушились, но, видимо, их руины были еще заметны. Новые обитатели не знали регулярной планировки, но они также делали колодцы в постройках, как и их предшественники.

За рамками статьи осталось много аспектов и деталей исследования. Но оно еще не закончено, и мы надеемся, что в будущем нам удастся ответить на многие «трудные» вопросы древней истории Южного Урала.

Благодарности

Мы благодарим господина Р. Вюрта, председателя Наблюдательного совета группы предприятий «Вюрт», за великодушную спонсорскую помощь. Мы также признательны за логистическую поддержку Евразийскому отделению Археологического института в Берлине (проф. С. Хансен); генеральному консульству Федеративной Республики Германии в Екатеринбурге, в частности, генеральному консулу госпоже Р. Шимкорайт; главе администрации Карталинского района А.Г. Вдовину; главе администрации с. Варшавка Л.В. Варенникову; коллективу Карталинского краеведческого музея в лице его директора Б.А. Прытковской; российской инженерной компании «Прософт-системь» в лице ее генерального директора А.С. Распутина за финансовую помощь, оказанную в проведении полевых работ в 2006 г.

Список литературы

- Батанина И.М., Батанина Н.С.** Кызыл-Маяк – новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Маргулановские чтения. – Петропавловск: Сев.-Казахстан. гос. ун-т, 2009. – Т. 1. – С. 18–22.
- Берсенева Н.А.** Отчет об археологической разведке в долине р. Карагайлы-Аят в 2008 г. Екатеринбург, 2009 // Архив ИА РАН.
- Виноградов Н.Б.** Отчет о полевых исследованиях в Курганской и Челябинской областях в 1990 г. Челябинск, 2003 // Архив ИА РАН.
- Виноградов Н.Б.** Синташтинские и петровские древности Южного Урала: Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 261–284.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.** Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Выssh. антропол. shk., 2002. – 348 с.
- Епимахов А.В.** Верхне-Кизильский клад: варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 96–102.
- Епимахов А.В.** Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челяб. дом печати, 2005а. – Кн. 1. – 192 с.
- Епимахов А.В.** Отчет об археологических исследованиях на территории Челябинской области в 2004 г. Челябинск, 2005б // Архив ИА РАН.
- Епимахов А.В.** Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар в 2005 г. Екатеринбург, 2007а // Архив ИА РАН.
- Епимахов А.В.** Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007б. – Изд-во Магнитогор. гос. ун-та. – Вып. 17. – С. 402–421.
- Епимахов А.В.** Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар в 2008 г. Екатеринбург, 2010 // Архив ИА РАН.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Котляров В.А., Зайкова Е.В., Чуринов Е.И.** Отчет об исследованиях по теме «Эпоха бронзы севера Центральной Евразии», раздел «Минерально-сырьевая база бронзового века на Южном Урале» // Корякова Л.Н. Отчет о раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) в 2007 г. Прил. 5. Екатеринбург, 2009 // Архив ИА РАН.
- Зданович Г.Б.** Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Крокус, 1995. – С. 21–42.
- Зданович Г.Б.** Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – 1997. – № 2. – С. 47–62.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.** Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. – Челябинск: Крокус, Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 260 с.
- Корякова Л.Н.** Отчет об археологических раскопках укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) в 2007 г. Екатеринбург, 2009 // Архив ИА РАН.
- Костюков В.П.** Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Нагайбакском районах Челябинской области в 1992 году. Челябинск, 1992 // Архив ИА РАН.
- Муравьев Л.А., Носкевич В.В., Федорова В.В.** Интерпретация результатов магнитометрических исследований археологических памятников эпохи бронзы на Южном Урале // Пятые научные чтения памяти Ю.П. Булашевича, 2009 г. – Екатеринбург, 2009а. – С. 237–240.
- Муравьев Л.А., Носкевич В.В., Федорова В.В.** Результаты магнитометрических исследований археологических памятников эпохи бронзы на Южном Урале // Урал. геофиз. вестн. – 2009б. – № 1. – С. 44–52.
- Тарасов Ю.В.** Отчет об археологической разведке в Карталинском районе Челябинской области в 1982 г. Челябинск, 1983 // Архив ИА РАН.
- Шарапова С.В.** Отчет о раскопках поселения Каменный Амбар (Ольгино) в Карталинском районе Челябинской области в 2006 г. Екатеринбург, 2007 // Архив ИА РАН.
- Шарапова С.В.** Отчет о раскопках поселения Каменный Амбар (Ольгино) в Карталинском районе Челябинской области в 2008 г. Екатеринбург, 2009 // Архив ИА РАН.
- Hanks B., Doonan R.** From Scale to Practice: A New Agenda for the Study of Early Metallurgy on the Eurasian Steppe // J. of World Prehistory. – 2009. – Vol. 22. – P. 329–356.
- Merrony C., Hanks B., Doonan R.** Seeking the Process: The Application of Geophysical Survey on some Early Mining and Metalworking Sites // Metal and Societies. Studies in honor of Barbara S. Ottoway. – Bonn: Verlag, 2009. – P. 421–431.

Н.В. Федорова

*Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
ул. Чубынина, 38, Салехард, 629008, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru*

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО СО СЦЕНАМИ БОРЬБЫ ИЗ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

Цель статьи – ввести в научный оборот находку в виде серебряного блюда со сценами борьбы, входившее в составклада серебряных вещей, обнаруженного в Нижнем Приобье. В статье анализируются общая композиция изделия, иконография его отдельных элементов. Определяются дата предмета (XII–XIII вв.), а также его атрибуция в контексте становления центров сереброделия на северо-востоке Европы: в Прикамье и Пермском Предуралье.

Ключевые слова: торевтика, предгосударственные образования, Предуралье, Верхнее Прикамье, Волжская Болгария, сцена борьбы, раннебулгарские блюда, художественные приемы, центральный медальон, антропоморфные персонажи.

Введение

Одна из наиболее дискуссионных проблем в средневековой истории «вокруг Волжской Болгарии» – становление в государственных и предгосударственных центрах собственного сереброделия, выделение и атрибуция отдельных школ художественного металла. К настоящему времени издано более десятка различных работ, связанных в основном с публикацией материала, но до создания общей картины пока далеко. Работа в этом направлении затруднена, в частности, тем, что многие предметы, попадающие в поле зрения ученых, найдены за пределами региона, их художественный стиль не является чем-то законченным и однозначно узнаваемым. Инокультурные влияния, следование различным образцам, отражение в сюжетах неизвестных мировоззренческих представлений или эпоса, наконец, необходимость соответствовать вкусам и требованиям определенного заказчика обусловили появление произведений искусства, которые наряду с признаками, характерными для продукции развитого (городского?) центра, имеют своеобразный декор. За последние годы удалось более или менее определиться с выделением признаков болгарских домонгольских центров торевтики и уральско-венгерского серебра [Федорова, 2003, с. 138–147]. Необходи-

димо, однако, отметить, что атрибуция этих центров признается не всеми исследователями. Новые находки продолжают вызывать дискуссии и даже сомнения в подлинности. Поэтому столь важным представляется изучение и публикация каждого изделия, независимо от того, как оно стало известно профессионалам.

Серебряное блюдо со сценами борьбы было случайно найдено на территории Нижнего Приобья в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 2009 г. Насколько нам известно, оно относится к комплексу вещей (датируются от IX до XII–XIII в.), который включает также три серебряные бляхи с изображениями антропоморфных фигур и всадника, гривны т.н. глазовского типа, гроздевидные височные подвески и другие вещи. Комплекс, по-видимому, представлял собой преднамеренно запрятанный клад; при обследовании места его обнаружения следов культурного слоя или могильника не обнаружено*. Некоторые вещи из комплекса (семь серебряных гроздевидных подвесок, гривна т.н. глазовского типа и круглая серебряная бляха с изображением всадника) поступили в фонды Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея.

*Пользуюсь случаем поблагодарить Д.Н. Кузнецова за предоставленную возможность ввести в научный оборот блюдо из обнаруженного им клада.

Характеристика находки

Описание блюда. Блюдо круглой формы, с небольшим вертикальным бортиком и своеобразным поддоном, выполненным углублением центральной части. Ниже бортика пробито круглое отверстие. В центре углубления-поддона укреплен круглый медальон. Диаметр блюда 22 см, центрального медальона – 6 см; глубина блюда 3 см, высота поддона 0,3–0,4 см, диаметр – 3,5 см; толщина бортика блюда 0,25 см; вес 410 г.

Рис. 1. Блюдо, общий вид.

Рис. 2. Блюдо, прорисовка. Рисунок В. Могрицкой.

Блюдо изготовлено выколоткой по форме. На поверхности заметны линейные следы от инструмента, которым заглаживали поверхность. Поддон выполнен вместе с блюдом выколоткой, слегка подработан острым инструментом (резцом?). Бортик загнут вверх и по верху гладко срезан, в нижней его части прослеживаются следы подработки резцом. Центральный медальон, изготовленный выколоткой по матрице из тонкого листа серебра, на блюде укреплен с помощью какого-то мастикообразного вещества (не припаян и не приклепан). Декор вокруг центрального медальона и по бортику нанесен способом чеканки. Ход чекана напоминает зигзаг-качалку, довольно крупную. Композиция декора состоит из круглого центрального медальона, зоны окружающего его орнамента и фриза рисунков на бортике (рис. 1, 2).

В центральном медальоне (рис. 3) сцена вписана в круг: всадник на лошади (показан в профиль) с копьем поражает хищника семейства кошачьих, который изображен над крупом коня. Плечи всадника развернуты в фас, над правым – некая фигура, напоминающая птицу или развевающийся шарф. На голове всадника корона или шапка с двумя высокими зубцами и выпуклой посередине. Одежда плохо различима, четко читаются повод коня и высокие луки седла. На ногах всадника – сапоги с каблуками, одежда, по-видимому, длинная, типа кафтана, на плечах вроде бы имеются отвороты, которыми оформлен вырез. У лошади грива и челка выстрижены зубцами, передние ноги согнуты в коленях, задние слегка подогнуты под живот. Между ногами лошади – какая-то плохо различимая фигура или предмет. Сцена оконтурена полосой орнамента в виде арабоязычной надписи. Насколько удалось различить, это достаточно стандартная благопожелательная надпись*. Детали изображения и надписи нечеткие, по-видимому, выколотка производилась на предмете, специально не предназначенном для этого, а не на подготовленной матрице.

На расстоянии 1 см от центрального медальона расположен *орнаментальный пояс*: между двумя линиями, выполненными зигзагом, вписан узор из волютообразных фигур, имитирующих растительные побеги. Перед всадником, а также сверху и снизу от него загнутые «побеги» отходят от верхней и нижней линий, ограничивающих орнаментальный пояс; между «побегами» – треугольные фигуры и штрихи. На остальной части пояса «побеги» имеют форму восьмерки. Различия в рисунке элементов орнамента на одном поясе выглядят довольно необычно.

Бортик блюда на участке от орнаментального пояса до края украшен изображениями нескольких сюжетов (см. рис. 1, 2, 4). Над головой всадника, запечат-

*Сообщение сотрудника отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Н. Притула.

ленного в центральном медальоне, – сцена борьбы двух фантастических животных. У них удлинённые головы и разинутые пасти, высунутые языки, уши треугольные, стоячие, длинные шеи расчерчены полукругами, по верху шеи показаны «стоячие» гривы. На груди обоих животных изображена крестообразная фигура. У правого от зрителя полукругами оформлен круп, у левого – зад. Передними лапами звери когтят друг друга, их хвосты загнуты к спине. Под фигурой одного из животных показаны предметы: один круглой формы, второй в виде прямого отрезка. Далее по часовой стрелке – небольшое животное (собака?), обращенное головой к борющимся зверям. У животного треугольные стоячие уши, пасть разинута, язык высунут, хвост поднят вверх. За ним изображены два антропоморфных персонажа, как будто сидящие друг против друга, между ними находится предмет, напоминающий небольшой столик с двумя ножками и треугольным верхом. Персонажи – один левой рукой, другой правой – держатся за рог. В правой руке первого – некий петлеобразно изогнутый предмет (возможно, плеть), у второго рука уперта в бок. У обеих фигур полукругами передана «скелетная» структура, от подбородка до середины туловища тянется вертикальная линия, ноги согнуты в коленях. Черты лица обоих персонажей трактованы очень схематично, у левого от зрителя изображены уши.

Далее следует фигура крупного фантастического животного, над которым изображен зооморфный персонаж – «змей». По форме туловища и абрису головы фантастическое животное аналогично двум показанным над головой всадника борющимся зверям. У него такие же закинутый на спину хвост и когтистые лапы, рисунок передних передает агрессию по отношению к следующей группе антропоморфных персонажей. У животного полукругами заштрихованы все туловище и шея, на бедре задней ноги в округлом картуше заметны следы черни. Зооморфное существо, изображенное над спиной зверя, головой ориентировано к предыдущим антропоморфным персонажам, держащими рог. У «змея» длинное туловище, сплошь заштрихованное зубчатой качалкой, очень крупная голова и открытая пасть, отсутствуют лапы. На спине – четыре вертикальных штриха. «Змей» изображен

Рис. 3. Блюдо, центральный медальон.

Рис. 4. Фигуры воинов с оружием.

вроде бы в перевернутом по отношению к сценам положении, т.е. спиной к фантастическому зверю.

Следующая сцена: два антропоморфных персонажа стоят около предмета, напоминающего треногий стол с плоским верхом (см. рис. 2, 4). Левый от зрителя персонаж в коническом шлеме в поднятых руках держит топор и, по-видимому, маленький круглый щит (?). У правого в поднятой правой руке – меч, левой опущенной рукой он прижимает к себе копье с флажком, расположенным ниже наконечника. У обоих персонажей «скелетная» структура туловища, от подбородка или верха туловища до талии тянется вертикальная линия, показаны признаки мужского пола. Все изображения на блюде выполнены зубчатым зигзагом.

Можно предположить, что описанные сцены – эпизоды некоего сюжета, действующими лицами которого являются два воина и несколько зооморфных персонажей: собака (?), фантастические животные – кони

или хищники семейства кошачьих, «змей». Тогда для потребителя (заказчика блюда?), судя по пробитому в бортике отверстию, начальным было изображение двух антропоморфных персонажей, которые держат в руках оружие, но не пускают его в ход, а только демонстрируют свои возможности. Далее – сцены борьбы зверей и нападения зверя на вооруженных воинов. Завершающим представляется изображение тех же (?) антропоморфных персонажей с рогом, которое с известной долей осторожности можно интерпретировать как сцену пира. Левый от зрителя персонаж, по-видимому, неслучайно показан уже без шлема, он как будто подчеркивает мирный характер встречи.

По изображениям на бортике декор блюда не имеет полных аналогов. Очевидно, что декор центрального медальона и остальных частей блюда различен по происхождению. Поэтому находка рассматривается в нескольких аспектах: техника изготовления, сюжеты и способы их передачи, дата отдельных атрибутов, некоторые элементы иконографии.

Округлая форма блюда с вертикальным бортиком довольно обычна для средневекового сереброделия. Такой особенностью, как небольшой поддон, выполненный углублением в центре блюда, обладает серебряная чаша с изображениями птиц, зверей и человека, обнаруженная до 1908 г. в районе Сосьвинского Городка и хранящаяся в Государственном Эрмитаже [Сокровища Приобья, 1996, с. 90–91]. Чаша атрибутирована как изделие мастеров волжско-болгарского круга, изготовленное ок. X–XI вв.

Центральный медальон прикреплен в углублении поддона с помощью мастики. Использование такого способа исследователями до сих пор не отмечалось. Обычно отдельные фигуры или весь медальон крепился с помощью заклепок (см., например: [Даркевич, 1976, с. 61; Тревер, Луконин, 1987, с. 112; Угорское наследие..., 1994, с. 125]). Так, медальон припаян в центре серебряной чаши с изображением аллегорической фигуры с веслом и чудовища [Сокровища Приобья, 1996, с. 162]. Чаша атрибутирована Б.М. Маршаком как изделие сирийских мастеров XII в., из всей группы аналогичных сосудов только на ней зафиксирован «накладной медальон» [Там же]. Отметим, что чаша входила в состав Ямгортскогоклада, обнаруженного в 1946 г. на берегу р. Сыни в Шурышкарском р-не ЯНАО [Сынские ханты, 2005, с. 14]. Центральный медальон, выполненный выколоткой по матрице и по декору отличающийся от собственно блюда, имеется на блюде с изображением сокольника [Сокровища Приобья, 1996, с. 100–101] и на блюде с фигурами двух львов [Там же, с. 96–97]. Первое обнаружено при раскопках Кинтусовского могильника в Среднем Приобье и атрибутировано как изделие мастеров Верхнего Прикамья XI–XIII вв., второе найдено при исследовании культур-

ного слоя святилища на Барсовой Горе и считается продукцией одного из волжско-болгарских центров XIII в. Вероятно, оба медальона не припаяны, а прикреплены в центре блюд с помощью мастики.

Изобразительные приемы

Узор, который сделан чеканом, оставляющим след в виде зубчатой качалки, довольно часто выступает элементом орнамента изделий. По мнению Т.И. Макаровой, зигзаг является «самым распространенным следом гравировки на черневых украшениях Древней Руси» [1986, с. 10]. Он выполняется резцом различных размеров с прямоугольной режущей поверхностью, который в XIX в. назывался фляштителем [Там же]. На русских изделиях с чернью XI–XIII вв. такой зигзаг в качестве бордюра окаймляет основной сюжет или орнамент, иногда он заполняет какие-то элементы рисунка, например, крылья птиц (см.: [Там же, рис. на с. 9, 11, 55, 67; и др.]). На русских изделиях главный рисунок наносился точечной чеканкой и дополнялся чернью. В качестве декоративного (не основного) этот прием использовался и западноевропейскими мастерами. Например, такая качалка разделяет гриву льва, изображенного на внутренней поверхности крышки чаши второй половины XII в. [Сокровища Приобья, 1996, с. 71]. Этим же приемом выполнен орнамент вокруг центрального медальона крышки.

Известна серия серебряных вещей, по происхождению связанных с центрами территории «вокруг Волжской Болгарии», на которых зигзаг выступает ведущим элементом декора. Примерами являются фрагмент серебряного перстня из Эсского могильника (комплекс датируется XV–XVI вв.) [Югорск..., 1997, с. 53], очелье из погр. 195 могильника Усть-Балык в Сургутском Приобье (по мнению В.И. Семеновой, относится к XIII–XIV вв. [2001, с. 80]). Зигзагами разделан фон известной бляхи с изображением всадника с мечом из погр. 124 Ыджыдзельского могильника в бассейне р. Вымь, относящейся к XII в. [Савельева, 1987, рис. 32]. Зигзагом выполнен декор на круглой бляшке с изображением двух всадников на лошади, обнаруженной в 2000 г. в верховьях р. Сыни в составе прикладов из сундука местного шамана и датируемой X–XI вв. [Бауло, 2004, с. 54–57, 141, фото 32].

В Прикамье данный прием как основной при выполнении декора нашел отражение на изделиях ломоватовского времени (V–IX вв.), преимущественно на пластинчатых браслетах [Голдина, Кананин, 1989, рис. 46]. Интересно, что в этом регионе, несмотря на общий упадок художественных ремесел в XVI в., некоторые традиции декорирования сохранились надолго. Так, орнаментом, выполненным

зигзагом, украшены пластинчатые браслеты XVI–XVII вв. из Удмуртского Прикамья [Шутова, 1992, с. 220]. Крупным зигзагом-качалкой орнаментирована погребальная серебряная маска из случайных находок в Прикамье*. Погребальные маски Прикамья – отдельный сюжет, их обычно рассматривают с точки зрения этнической или культурной идентификации погребений (см., например: [Казаков, 2007, с. 24; Белавин, 2008, с. 14]). В данном случае уместно обратить внимание на эти артефакты как еще на одну категорию прикамского среброделия. Тем более, что некоторые маски представляют достаточно сложную технику изготовления с применением чеканки и даже черни [Белавин, Крыласова, 2008, с. 478].

В фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского хранится серия серебряных щитков для защиты руки от тетивы. Декор на одном из них, пока, к сожалению, неопубликованном, нанесен в основном чеканом в виде зигзага. На изделии, украшенном парным изображением рыб, зигзагом заполнены компартименты плетенки. Эта серия вещей ранее датировалась XIII–XIV вв. [Федорова, 2003, с. 144], а ее происхождение связывалось с одним из центров в Верхнем Прикамье. Не исключено, что благодаря новым данным границы временной принадлежности этой серии будут расширены до XV–XVI вв.

Таким образом, нанесение декора с помощью резца, который оставлял след в виде крупного зигзага-качалки, было характерно для мастеров-ювелиров Верхнего Прикамья. С помощью этого приема украшались самые различные предметы с ломоватовского времени и до XVI в.

Манера расчерчивать туловище зооморфного персонажа «клетками», полукружиями или прямыми линиями известна со скифской эпохи, достаточно далекой от времени создания рассматриваемого блюда (см., например, тагарские наскальные изображения: [Советова, 2005, рис. на с. 114–115]). Произведения торевтики последующих (гуннского и тюркского) периодов не имеют ничего общего с блюдом ни по форме, ни по художественному решению декора (см., например: [Король, 2008; Marschak, 1986]).

Определенно «варварские» [Маршак, 1973, с. 21] черты декора блюда заставляют обратиться к аналогам из средневековых центров Восточной Европы. В декоре упоминавшейся выше чаши из Сосьвинского Городка [Сокровища Приобья, 1996, с. 90–91] обращает на себя внимание специфический рисунок верхних частей туловища птиц и фантастического зверя – они заполнены полукружиями. Так же орнаментирована

антропоморфная фигура. Фантастические звери с закинутыми на спину хвостами, когтистыми лапами и высунутыми языками по трактовке напоминают зверей, изображенных на блюде.

Орнамент в виде волутообразных растительных побегов выполнен на серебряном щитке XII–XIII вв. из Сайгатинского святилища [Угорское наследие..., 1994, с. 114]. Находка атрибутирована как произведение мастеров волжско-болгарского центра. Медальон уже упоминавшегося Кинтусовского блюда с соколичьим окружен таким же орнаментом [Сокровища Приобья, 1996, с. 111]. Лишь на группе болгарских блюд прослеживаются «сбои» в изображении орнамента вокруг центрального медальона: незавершенная линия, очерчивающая медальон с внешней стороны (блюдо со львами: [Сокровища Приобья..., 2003, с. 60]), следы перебивки фриза двучастной плетенки двойным зигзагом (блюдо с изображением человека и животных: [Там же, с. 58]).

Атрибуты антропоморфных персонажей

Рог. В Верхнем Прикамье, на северо-востоке Европы (Республика Коми) и севере Западной Сибири обнаружено несколько десятков т.н. блях с соколичьим, датируемых XIII–XIV вв. На них изображен в фас всадник на коне с хищной птицей (сокол) на сгибе руки, как правило, в окружении зверей и птиц. На большинстве блях всадник показан с рогом в руке (см.: [Белавин, 2000, с. 92]). Известны три серебряные фигурки «перунчиков», которые также держат в руке рог; они датируются XII–XIII вв. [Там же, с. 151–152]. Их происхождение не совсем ясно, но вполне оправданным представляется мнение А.М. Белавина о прикамских корнях данных изделий [Там же]. В Западной Сибири этот атрибут сохраняется до этнографического времени: человек с рогом изображен на перстне из Эсского могильника, в XIX–XX вв. конные персонажи с рогом в руке украшали жертвенные покрывала манси и северных хантов [Гемуев, Бауло, 2001, с. 127]. В погребениях поздних могильников в Нижнем Приобье обнаружены медные рога, некоторые из них служили вложением в фигуру духа-покровителя. В XIX в. рога использовались в качестве табакерок [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 61]. В наши дни атрибутами одного из самых популярных божеств угорского пантеона – Мир-Сусне-Хума («За народом смотрящий человек») – считаются бутылка водки в одной руке и табакерка с табаком в другой.

Щит. Целые щиты в археологических комплексах не встречаются, т.к. они изготавливались из органических материалов – кожи, прутьев и т.д. [Соловьев, 2003, с. 163]. Более известны металлические украшения щитов – скрепы, бляхи, умбоны. Если изображен

*Благодарю Н.Б. Крыласову за предоставленную информацию о масках, найденных не в ходе профессиональных раскопок.

ный на блюде круглый предмет, перечеркнутый прямым крестом, в руке одного из персонажей является щитом, то он был очень небольших размеров. Возникает вопрос: не щит ли лежит под ногами одного из фантастических хищников в сцене борьбы зверей? В этой связи интересно рассмотреть среднеазиатское блюдо VII в., найденное в д. Кулагыш Пермского края до 1908 г. [Marschak, 1986, S. 285, III. 198]. На блюде изображена сцена борьбы двух воинов, в руках которых лук и копье, под ногами сражающихся лежат, очевидно, вышедшие из строя во время боя топоры, обломки мечей и два небольших круглых щита. Б.И. Маршак, сопоставив этот сюжет со сценами, запечатленными в живописи Пенджикента, рассматривал его как иллюстрацию к неизвестному эпосу [Ibid.].

На миниатюре рукописи XIV в., хранящейся в Британском музее, два сражающихся воина в левой руке держат маленькие круглые щиты. По мнению В.П. Даркевич, это «круглые щиты-тарчи, которыми рыцари пользовались только на играх и состязаниях (выделено нами. – Н.Ф.)» [1988, с. 101].

Копье с флажком. Наконечники копий в археологических комплексах встречаются достаточно часто и в широком географическом диапазоне, хотя, конечно, они более характерны для комплексов степной и лесостепной зон. Изображение воина с длинным копьем, ниже наконечника которого показан флажок, имеется на Сулекской писанице (конец I тыс. н.э.) [Степи Евразии..., 1981, с. 126]. Длинные копья с украшением в виде подвески, расположенной ниже наконечника, держат в руках тяжеловооруженные тюркские воины на петроглифах Аршан-Хад в Монголии (по: [Соловьев, 2003, с. 138]). Отметим, что фигуры коней этих воинов заштрихованы прямоугольниками, которые, по мнению исследователей, символизируют панцирную защиту. В работе, посвященной исследованию копий со втоками у древних тюрков, Г.В. Кубарев отмечает различия в применении их конными и пешими воинами [2008]. Для нашего сюжета важно замечание исследователя, касающееся массивных и длинных «пехотных» копий: «Такие копья были снабжены заостренными втоками и в случае необходимости могли быть воткнуты или уперты в землю. Очевидно, именно на такие длинные и с втоками копья крепились боевые знамена» [Там же, с. 239]. Среди раннесредневековых петроглифов Алтая встречаются изображения копий, аналогичных показанным на блюде [Там же, рис. 1, 2 на с. 237]. Интересно, что на обсуждаемом блюде один из воинов держит в руках топор и щит, а второй – копье и саблю. Таким образом подчеркивается или скорее декларируется различие наборов вооружения.

Сабля или палаш. К сожалению, все предметы вооружения воинов изображены достаточно схематично. Можно рассмотреть, что один из персонажей держит

в руке какое-то клинковое оружие либо недлинную, слабо изогнутую саблю, либо палаш со слегка расширенным концом.

Шлем. Изображен крайне схематично. Ясно лишь, что шлем имел сфероконическую форму. Как отмечает А.И. Соловьев, «подобные шлемы в эпоху средневековья распространились на огромных территориях от Дальнего Востока до Киевской Руси» [2003, с. 188].

Топор. Боевой топор с расширенным лезвием и длинной выступающей рукояткой имеет аналоги среди материалов одного из могильников времени викингов на о-ве Готланд [Die Wikingerzeit Gotlands..., 1995, III. 30]. Подобные боевые топоры найдены в Новгороде [Колчин, 1959, с. 26], на северо-востоке Европы [Савельева, 1987, с. 48]; все они датируются XII–XIII вв. На знаменитом гобелене из Байо с изображениями эпизодов завоевания Англии норманнами короля Вильгельма (1077 г.) подобными топорами вооружены побежденные [Vikings..., 2000, p. 122]. Отметим, что на всех участниках сражения невысокие конические шлемы.

«Столики». Предметы, напоминающие небольшие столики между парами воинов, по-видимому, имеют большое значение для сюжета. Аналоги им пока не найдены. Отметим, что по форме «столики» разные: в сцене с двумя вооруженными воинами показан треногий «столик», в сцене с «пирующими» воинами он с двумя ногами, но на месте столешницы нарисован треугольник, кроме того, этот «столик» меньше и как бы удален за линию, на которой находятся участники «пира».

Анализ некоторых элементов иконографии

Представляется очевидным, что центральный медальон чеканился мастером по иранскому или среднеазиатскому образцу. Изображение на медальоне восходит, очевидно, к сценам богатырской охоты сасанидских царей, но отличается от них тем, что всадник запечатлен с копьем, тогда как на сасанидских блюдах в сценах охоты чаще показан меч или лук [Тревер, Луконин, 1987, рис. 7–28]. На бронзовом хорасанском зеркале первой половины XI в. из собрания Государственного Эрмитажа изображен всадник с копьем в окружении зверей, среди которых – небольшой хищник семейства кошачьих, показанный над крупом коня [Искусство Средней Азии..., 1980, рис. 169, 170]. На голове всадника корона «а ля Сасаниды», вокруг медальона сделана куфическая благопожелательная надпись. Аналогичный сюжет изображен на стеклянном медальоне XI в. из Термеза [Там же, рис. 101]. Иконографически конь на медальоне почти идентичен коню на центральном медальоне блюда, на голове всадника также имеется головной убор в виде двурогой шапки с

круглым выступом посередине. В похожих головных уборах показаны персонажи, стоящие по бокам от трона царя на восточно-иранском блюде XI в. [Сокровища Приобья, 1996, с. 125]. Б.И. Маршак отмечал, что такие шапки носили в XI–XII вв. придворные династии Газневидов [Там же]. Для мастера, изготовившего блюдо, матрицей послужило, по-видимому, зеркало или иной небольшой предмет среднеазиатского или восточно-иранского происхождения XI–XII вв.

При анализе иконографии персонажей и общей композиции сцен, запечатленных на бортике блюда, обращают на себя внимание некоторые элементы изображения воинов. Так, у всех четырех воинов обозначены «скелетная» структура туловища, т.н. линия жизни (тянется от головы вниз) и у стоящих воинов – признак пола. Эти характерные черты иконографии встречаются на литых и гравированных изображениях антропоморфных персонажей Предуралья и Западной Сибири, а также в декоре серебряных блюд «раннебулгарской» группы [Федорова, 2003, с. 140]. Учитывая данные особенности, Б.И. Маршак допускал возможность отнесения группы серебряных блюд к продукции Волжской Болгарии [1973, с. 87–90]. В сцене с оружием стоящие воины показаны в естественной позе, сидящие персонажи мастеру было трудно и непривычно изобразить, поэтому нижняя часть фигур выглядит гораздо менее естественной, чем верхняя, что опять заставляет вспомнить иконографию литых, гравированных, вычеканенных на серебряных блюдах и бляхах антропоморфных фигур Предуральско-Западносибирского круга – эти персонажи всегда показаны в положении стоя и в фас. Изображения людей в петроглифах тюркского времени и на более поздних рисунках салтово-маяцкой культуры иконографически достаточно сильно отличаются от фигур воинов на блюде; первые чаще всего представляют всадников, сидящих в профиль к зрителю, хотя иногда и с развернутыми в фас плечами [Степи Евразии..., 1981, с. 126, 164].

Выводы

Однозначно ответить на ряд важных вопросов: являются воины с оружием и «воины» с рогом одними и теми же персонажами или нет, какие животные запечатлены в сценах борьбы – боевые кони, хищники семейства кошачьих, являются ли все эти сцены иллюстрацией одного сюжета, мог ли мастер изобразить на блюде сцену с участием воинов разных народов, например, конников степи или лесостепи и пеших северных воинов, – пока, к сожалению, невозможно. Учитывая отверстие в бортике блюда, возможно предположить, что для заказчика начальной была сцена с двумя вооруженными воинами, а остальные развива-

ли сюжет. В таком случае два персонажа, держащие в руках один рог, символизируют благополучное завершение борьбы или, скорее, турнира.

Больше оснований имеется для решения вопросов о месте и времени изготовления блюда. Его аналогии по форме, размерам и некоторым специфическим признакам иконографии персонажей имеются в группе т.н. раннебулгарских серебряных блюд. Группу составляют округлые блюда с невысоким вертикальным бортиком, достаточно массивные (диаметр от 20 до 30 см), с декором, нанесенным без применения черни [Федорова, 2003, с. 140]. Еще одна важная черта – у некоторых персонажей на блюдах обозначена «линия жизни». Можно отметить также несоразмерно большие головы у антропоморфных существ. Все изделия указанной группы изготовлены по среднеазиатским и иранским образцам VIII–XI вв. Каждый из отмеченных признаков в отдельности, возможно, не является определяющим, но в совокупности они позволяют предположить, что блюда изготавливались в неких общих центрах.

Блюдо со сценами борьбы, возможно, было сделано в каком-то центре, близком к Волжской Болгарии или к предгосударственным образованиям Верхнего Прикамья ок. XII–XIII вв. Атрибуция серебряных сосудов, изготовленных в «период сложения раннефеодальных государств в Восточной и Средней Европе», сопряжена с немалыми трудностями [Даркевич, 1976, с. 167]. «Большинство населения раннесредневековой Европы жило в относительной изоляции, – пишет В.П. Даркевич, – контакты между областями и населенными пунктами были нерегулярны и довольно поверхностны. Отсюда сильная стилистическая дифференциация в искусстве IX–X вв. Органичного и единого процесса развития не было и в торевтике, которая представляет собой совокупность обособленных миров» [Там же]. Исследователь отмечает, на наш взгляд, вполне справедливо, синкретизм стиля торевтики IX–X вв. – времени «миграции» орнаментальных мотивов и создания «вещей-гибридов» [Там же]. Блюдо со сценами борьбы создавалось в более поздний период, но при его изучении необходимо учитывать наблюдения В.П. Даркевич о синкретизме стиля и создании «вещей-гибридов». С нашей точки зрения, исследователь несколько преувеличивает изоляцию отдельных областей друг от друга в период сложения раннефеодальных государств в Восточной Европе: та же самая Волжская Болгария с начала своего существования активно контактировала как с исламским миром, так и со своим финно-угорским окружением. Благодаря этому, а также торговым связям болгарских купцов, вероятно, формировались собственные центры художественного серебрения. В начале деятельности центров в их продукции, несмотря на следование одному кругу образцов и единой технологии,

проявлялись различия в подходах к сюжетам и иконографии персонажей. С течением времени изделия этих (или сменивших их) центров становились все более сходными по стилю, разнообразными по ассортименту предметов, массовыми.

Список литературы

- Бауло А.В.** Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 157 с.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралья в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. – 200 с.
- Белавин А.М.** Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. – Вып. VI. – С. 7–16.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.** Древняя Афула: археологический комплекс в с. Рождественск. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. – 603 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.** Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 216 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока VIII–XII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 195 с.
- Даркевич В.П.** Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. – М.: Наука, 1988. – 342 с.
- Искусство Средней Азии** эпохи Авиценны. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 250 с.
- Казаков Е.П.** Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Изд-во Ин-та ист. АН Республики Татарстан, 2007. – 208 с.
- Колчин Б.А.** Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. – М.: Наука, 1959. – 248 с. – (МИА; № 65).
- Король Г.Г.** Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.
- Кубарев Г.В.** Копья с втоками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: Ин-т археол. РАН, 2008. – Т. 2. – С. 236–239.
- Макарова Т.И.** Черное дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 153 с.
- Маршак Б.И.** Серебряные сосуды X–XI веков, их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // II Всесоюз. конф. по искусству и археологии Ирана: тез. докл. – М., 1973. – С. 87–90.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.** Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.
- Савельева Э.А.** Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 200 с.
- Семенова В.И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 295 с.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 137 с.
- Соловьев А.И.** Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 223 с.
- Соловьева Приобья.** – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.
- Сокровища Приобья:** Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки. – Салехард; СПб: [б.и.], 2003. – 96 с.
- Степи Евразии** в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 300 с. – (Археология СССР).
- Сынские ханты** / под ред. А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 352 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III–VIII веков. – М.: Искусство, 1987. – 155 с.
- Угорское наследие.** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из Зауральских коллекций / Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. III. – С. 138–154.
- Шутова Н.И.** Удмурты XVI – первой половины XIX в. – Ижевск: Изд-во Удм. ин-та ист., языка, лит., 1992. – 262 с.
- Югорск.** От легенды до точки на карте. – Екатеринбург: Волот, 1997. – 160 с.
- Marschak B.** Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3–13 Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1986. – 438 S.
- Vikings.** The North Atlantic Saga. – Wash.; L.: Published by Smithsonian Institution Press, 2000. – 432 p.
- Die Wikingerzeit Gotlands.** Abbildungen der Grabfunde von Lena Thunmark-Nylen. – Stockholm: [s.n.], 1995. – 511 abb.

Материал поступил в редколлегию 26.04.10 г.

УДК 903.2

А.Н. Чистякова

Сибирский институт международных отношений и регионоведения
ул. Ватутина, 17/1, Новосибирск, 630078, Россия
E-mail: feng@yandex.ru

АНАЛИЗ ЛАКОВЫХ ЧАШЕК ЭПОХИ ЗАПАДНАЯ ХАНЬ ПО ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ НАДПИСЯМ (НОИН-УЛА, МОНГОЛИЯ)

В результате работы экспедиции П.К. Козлова в 1924–1927 гг., а также российско-монгольской экспедиции в 2006, 2009 гг. в Ноин-Уле найдено пять лаковых чашек с ручками (эр бэй) с надписями периода династии Западная Хань. В статье сопоставляются варианты известных переводов надписей, а также предлагаются прочтение, перевод и анализ надписей на недавно найденных лаковых чашках. Методом сравнительного анализа устанавливается, что надписи на чашках из Ноин-Улы типовые (кроме чашки из кург. № 6), в них, как правило, указываются мастерская, дата изготовления, должности и фамилии чиновников, руководивших процессом производства и контролировавших его. Рассматривается орнамент: он помогает определить принадлежность изделия к определенной мастерской.

Ключевые слова: династия Западная Хань, Ноин-Ула, лакированные изделия, чашка с парой ручек (эр бэй), иероглифическая надпись, мастерская Каогун, Чаньань, мастерская Сигун, округ Шу, мастерская Гунгуань, округ Гуанхань.

Введение

Лаковые изделия являются одним из важных элементов культуры Древнего Китая. Их использовали, а также помещали в могилу во время обряда захоронения. На территории Китая и Кореи найдено немало лаковых предметов, однако, по данным Хун Ши [2006, с. 161–168] среди них имеется чуть более 70 изделий с надписями. В числе находок с территории Монголии всего шесть таких предметов: пять чашек с ручками и одна шкатулка. Все они обнаружены в курганах хунну, что, на наш взгляд, свидетельствует о высоком социальном статусе их владельцев. Эти лаковые предметы известны благодаря раскопкам, которые проводились в Ноин-Уле в 1924–1927 гг. экспедициями П.К. Козлова [Руденко, 1962] и А.Д. Симукова, а в 2006, 2009 гг. – российско-монгольской экспедицией [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, Эрдене-Очир, 2008; Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2009]. Ноин-улинская коллекция насчитывает 11 чашек с двумя ручками (эр бэй). Среди лаковых изделий наиболее важными для нашего исследования являются чашки с

иероглифическими надписями. Их прочтение позволило установить мастерскую, дату изготовления сосуда, его объем, метод изготовления основы для чашки, имена мастеров, а также чиновников, контролировавших процесс производства.

Цель настоящей статьи – перевод и анализ надписей на лаковых чашках эр бэй из ноин-улинских курганов, а также изучение некоторых особенностей организации лакового производства в эпоху Западная Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.).

Надписи на лаковых чашках с ручками

Чашка (плошка) бэй с двумя ручками-ушками имеет эллипсоидную форму, наиболее характерную для лаковых сосудов периодов Чжаньго (403–221 гг. до н.э.), Цинь (221–207 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.). По мнению С. Умэхара, впервые форму, повторяющую очертания половины тыквы, стали придавать изделиям на юге Китая. Она является особенностью большей части лаковых изделий из ноин-

улинских курганов [Лубо-Лесниченко, 1969, с. 268]. Ушки на чашке укреплены золочеными металлическими обкладками (оковками). Тулово расписано различного вида орнаментом.

Дата могильников в горах Ноин-Ула была основана главным образом на надписи на лакированной чашке из кург. № 6 [Умэхара, 1960, с. 30, рис. LIX], которая хранится в настоящее время в фондах Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. В надписи, впервые прочитанной О. Кюммелем и С. Умэхара, указана точная дата изготовления изделия – 2 г. до н.э. [Бернштам, 1937, с. 947–948]. Рассматриваемая чашка неоднократно публиковалась в различных изданиях, у специалистов вызывали интерес ее орнамент, а также надпись. Приведем все варианты дешифровки этой иероглифической надписи.

1. Надпись, опубликованная С. Умэхарой, выглядит так:

建平五年九月工王潭經畫工獲壺 天武省 [1960, р. 30]. Она не сопровождается переводом. С. Умэхара поясняет, что девиз правления Цзяньпин приходится на конец правления императора Айди династии Ранняя (Западная) Хань. Как отмечает исследователь, 5-го года Цзяньпин фактически не было, данный девиз правления действовал всего четыре года [Там же]. Действительно, правление Цзяньпин длилось с 6 по 3 г. до н.э., 2–1 гг. до н.э. соответствует девиз правления Юаньшоу [Большой..., 1983, с. 158–159]. С. Умэхара предлагает считать 5-й год Цзяньпин как 1-й год Юаньшоу и соответственно датировать его 2 г. до н.э. [1960, с. 30]. Китайская исследовательница Хун Ши придерживается такого же мнения и датирует ноин-улинскую чашку также 2 г. до н.э. [2006, с. 167]. Китайские специалисты, не давая комментариев, соотносят 5-й год под девизом правления Цзяньпин с 4 г. до н.э. [Ханьдай..., 2008, с. 93].

2. О. Кюммель расшифровывает текст так:

建平五年九月工王潭經畫工獲工宜天武省.

Перевод этой надписи сделал также Е.И. Лубо-Лесниченко: «9-й месяц 5-го года (под девизом правления) Цзянь-пин. Мастер Тан-цзин, художник Хо, мастер И, наблюдение Тянь-у» (Цзяньпин у нянь цзю юэ гун Ван Тан-цзин хуа гун Хо гунсюань Тянь-у) [1969, с. 275–276]. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, чтение надписи С. Умэхара более правильное, чем чтение О. Кюммеля, за исключением того, что иероглиф 獲 хо в имени художника следовало читать как 役 и [Там же].

3. Перевод надписи А.Н. Бернштама (самой надписи он не приводит): «Сентябрь 5-го года Цянь Пин; изготовитель Ван Тан Чин, живописец Хуо, изготовитель И, верховное наблюдение Бянь-У» [1937, с. 955].

4. Иероглифы, начертанные на чашке из ноин-улинского кург. № 6, приведены и корейскими исследователями:

建平五年九月工王潭經畫工獲壺夫武省 [Хангук кымсокмун...].

5. Один из последних переводов надписи на чашке принадлежит М. Пираццоли-Серстевенс. Иероглифическая надпись, которую она приводит в своей работе, и ее расшифровка не отличаются от корейского варианта: «Изготовлена в 5-й год Цзяньпин [2-й год до н.э.] в 9-м месяце [сентябрь/октябрь] мастером Ван Таньцзин, художник Хо. Инспектировали: надзиратель мастерской У» [Pirazzoli-t'Serstevens, 2009, p. 36].

Фото иероглифической надписи на чашке из ноин-улинского кург. № 6, сделанное методом макросъемки и опубликованное в работах С. Умэхары [1960, рис. LIX, 2], а также С.С. Миняева и Ю.И. Елихиной [2010, с. 172, рис. 2, 5–7], позволяет подробно обсудить некоторые важные для ее прочтения вопросы. По мнению С.С. Миняева, «незначительные расхождения в чтении надписи среди специалистов не имеют принципиального значения, поскольку начальные иероглифы, обозначающие девиз годов правления, сохранились в оригинальном виде» [Там же, с. 171, рис. 2, б]. Данное утверждение представляется не совсем корректным. Во-первых, «начальные иероглифы с указанием девиза и месяца правления, выполненные тонкой гравировкой» фактически не сохранились. Их трудно различить даже при макросъемке (см.: [Там же, рис. 2, б]). Во-вторых, надпись на чашке из кург. № 6 выполнена в нехарактерном для таких изделий месте – по ободку донца. Эта особенность выделяет сосуд среди нескольких десятков подобных. Надписи на чашках вырезали в строго определенном месте – у донца, под орнаментом, между двумя рядами красных линий, опоясывающих чашку. В-третьих, надпись не соответствует правилам древнекитайской грамматики: до иероглифа 工 гун – «работа», «работать», «обладать умением» – должен быть указан иероглиф, обозначающий вид работ. Ни в одном толковом словаре для данного иероглифа не дается значение «изготавливать». В-четвертых, по структуре данная надпись не соответствует ни одной другой надписи. Надписи на ханьских лаковых изделиях имеют определенную структуру. Различают надписи всего двух базовых структур: для столичной и прочих мастерских (см.: [Чистякова, 2009, с. 61–63]). В надписи на чашке из ноин-улинского кург. № 6 отсутствует характерное для других надписей упоминание мастерской. Приводится полное имя изготовителя, а не один фамильный иероглиф. На изделиях династии Хань имена работников мастерской никогда не указывались полностью, приводился один фамильный иероглиф. На месте даты изготовления, как правило, начертан лишь девиз правления, без указания месяца. Надпись с указанием месяца изготовления на чашке из ноин-улинского кург. № 6 – единственная среди всех известных надписей такого рода (их ок. 100). Следует отметить, что

Е.И. Лубо-Лесниченко в одной из своих работ упомянул об аналогичном написании девиза правления (с указанием дня изготовления) на шкатулке из Чанша [1969, с. 275]. В работе китайского исследователя Шан Чэнцзо приводится надпись на шкатулке (футляре) *лянь* 匱 из Чанша: 廿九年六月一日造吏丞向為右工師象工六人... Автор интерпретирует ее так: «Изготовлена 29-го года 6-го дня какого-то месяца...» [1996, с. 31–35]. Однако в этой публикации дается только авторская прорисовка знаков, которая может быть не совсем точной. Кроме того, по начертанию знаки отличны от ханьских иероглифов. Сам Шан Чэнцзо выражает удивление по поводу того, что после года указан день и только за ним месяц. Следовательно, рассматривать данную надпись как аналогию мы не можем. Кроме того, на ноин-улинской чашке из кург. № 6 красной краской написано: 上林 – «Шан-линь» – название императорского парка или дворца. С подобной надписью нам известно еще одно изделие – лакированное блюдо *пань*, на его дне начертаны те же иероглифы. Блюдо найдено в погр. № 1 могильника Саньяндунь династии Западная Хань, г. Ньянчэн, пров. Цзянсу [Ханьдай..., 2008, с. 91].

М. Пираццоли-Серстевенс считает, что чашка из ноин-улинского кург. № 6 была сделана в одной из частных мастерских для императорского двора [Pirazzoli-t'Serstevens, 2009, p. 36–37]. С таким выводом мы не можем согласиться, поскольку даже в частных мастерских к написанию иероглифов относились предельно трепетно: иероглифы должны были быть ровными, четкими и стандартного размера. Мы, ознакомившись с оригинальными вещами с надписями и многочисленными фотографиями надписей на лаковых изделиях, склонны полагать, что обсуждаемая надпись выполнялась, возможно, не китайцами (не ханьцами), но по китайскому образцу. На это указывают наличие исправлений и линий, сделанных грубым инструментом, манера написания иероглифов, нестандартное расположение надписи.

Возвращаясь к вопросу о девизе правления, который, по мнению С.С. Миняева, «присутствует» на чашке из кург. № 6, отметим, что сохранность знаков не позволяет говорить об их дешифровке. Надпись «5-й год Цзяньпин» имеется на чашке, обнаруженной А.Д. Симуковым в 1927 г. при раскопках кург. № 1* в пади Цзурумтэ также в горах Ноин-Ула [L'Asie des steppes..., 2001, p. 147, pic. 128]. Эту чашку

*С.С. Миняев совершенно справедливо указывает, что эта чашка в большинстве иностранных публикаций ошибочно отнесена к находкам из кург. 5 или 6 [Миняев, Елихина, 2010, с. 173]. Однако он не прав, утверждая, что у исследованного А.Д. Симуковым кургана нет номера. На планах, сделанных участниками экспедиции П.К. Козлова, объекты в пади Цзурумтэ имеют нумерацию.

также имел в своем распоряжении С. Умэхара [1960, рис. LXI], и на основании надписи на ней, по аналогии, как нам кажется, им была «прочитана» надпись на чашке из кург. № 6.

На чашке, найденной А.Д. Симуковым в кург. № 1 могильника Цзурумтэ, имеется следующая надпись*:

建平五年 蜀郡西工造 乘輿髹シ月畫木黃耳椀 容一升十六籥 素工尊髹工襲上工壽 銅耳黃塗工宗 畫工口シ月工口清工白 造工[告]造 護工卒史巡 守長克駿 掾豐 守令史巖主 – «В 5-й год Цзяньпин в мастерской Сигун округа Шу [для] императорского двора [изготовлена] чашка-бэй. Покрыта лаком, с надписью и орнаментом. [Основа] из дерева, с желтыми “ушками”. Объем 1 шэн и 16 юэ. Основу сделал [мастер] Цзунь. Нанес лаковую основу [мастер] Поу, вторичное покрытие лаком [мастер по фамилии] Шоу, вставил желтые ушки и покрыл [позолотой] [мастер] Цзун, нанес рисунок □. Нанес надпись (либо орнамент красным лаком) [мастер] □. Промыл лаковое изделие [мастер] Бай, руководил мастерской Фу. Следили за работой [писец]-цзуши Сюнь, представитель [начальника уезда]-чжан Кэ, [помощник начальника уезда]-чэн Цзюнь, [помощник]-юань Ли, представитель [начальника канцелярии]-лиши Янь» [Чистякова, 2009, с. 67].

В 2006 и 2009 гг. российско-монгольская экспедиция провела раскопки еще двух курганов в пади Суцзуктэ в горах Ноин-Ула, в которых было найдено еще три идентичные лаковые чашки *эр бэй* с надписями. Надпись на чашке № 1, обнаруженной в 2006 г. при раскопках кург. № 20, состоит из 46 иероглифов:

乘輿髹シ月畫木黃耳一升十六籥椀元延四年考工二[工]通繕シ月工憲守佐臣文齋夫臣勳掾臣文臣 右丞臣光 令臣譚省 – «[Для] императорского двора [изготовлена] чашка *бэй*, покрыта лаком, с надписью и орнаментом. [Основа] из дерева, с желтыми ушками. Объем 1 шэн и 16 юэ. В 4-й год Юаньянь в мастерской Каогун [мастер] Тун отреставрировал (усовершенствовал). Нанес надпись (либо нанес орнамент красным лаком) [мастер] Сянь. Руководили заместитель [младшего чиновника]-цзочэн Вэнь, [надзиратель]-сэфу [по фамилии] Сюнь, [помощник]-юань Вэнь. Контролировали [правый помощник начальника уезда]-ючэн Гуан, [начальник канцелярии уезда]-лин Тань»**.

На чашке № 2 сделана такая надпись:

[掾]臣孝主守右丞臣忠守令臣畫省 – «Руководили... [помощник]-юань Сяо. Контролировали пред-

*Здесь и далее символом □ обозначена часть надписи, которая на момент ознакомления была утеряна. Мы не можем восстановить лишь фамилии мастеров.

**Дешифровке этой надписи и ее исторической интерпретации была посвящена отдельная публикация: [Чистякова, 2009].

ставитель [правого помощника начальника уезда] – *ючэн Чжун*, представитель [начальника канцелярии уезда]-*лин Хуа*».

Чашка сильно деформирована, на ней сохранились только 12 иероглифов и половинка иероглифа 臣 *чэнь* – «чиновник» (рис. 1). Первая часть надписи отсутствует. Однако по характерному составу чиновничьих должностей 右丞 *ючэн* – «правый помощник начальника уезда», 令 *лин* – «канцелярист», а также по наличию в надписи иероглифа 臣 *чэнь* – «слуга» и финального иероглифа 省 *шэн* – «контролировать» можно предположить, что иероглифическая схема обеих надписей идентична и надписи сделаны в столичной мастерской Каогун (или Гунгун) в Чанъани.

На чашке из ноин-улинского кург. № 31 имеются сломы и трещины, но надпись сохранилась практически полностью (рис. 2):

Рис. 1. Чашка № 2 из кург. № 20, Ноин-Ула.

乘輿髹シ月畫木黄耳一升十六籥楛元延四年考工二[工]相造 シ月工憲畫護臣隆守佐臣文齋夫臣勳令史臣口 掾臣文主右丞臣光 令臣口省 – «[Для] императорского двора [изготовлена] чашка-*бэй*, покрыта лаком, с надписью и орнаментом. [Основа] из дерева, с желтыми “ушками”. Объем 1 шэн и 16 юэ. В 4-й год Юаньянь в мастерской Каогун изготовил [мастер] Сян. Нанес надпись (либо нанес орнамент красным лаком) [мастер] Сянь. Руководили [писец]-ху Лун, заместитель [младшего чиновника]-*цзочэн* Вэнь, [надзиратель]-*сэфу* Сюнь, [начальник канцелярии]-*линши* □, [помощник]-*юань* Вэнь. Контролировали [правый помощник начальника уезда]-*ючэн* Гуан, [начальник канцелярии уезда]-*лин* □».

Подобные чашки, украшенные по тулову орнаментом в виде нескольких пар фениксов и иероглифическими надписями, были найдены и на других памятниках на территории, которую контролировали хунну. Например, в погр. № 50 и 58 в Ильмовой Пади (Забайкалье) [Коновалов, 1976, с. 79, 198–199, рис. 22] и др.

В связи с проводимым анализом важно обратить внимание также на надпись на деревянной лаковой шкатулке из кург. № 7 могильника хунну в пади Царам (раскопки С.С. Миняева). Реконструкция надписи и ее перевод подготовлены М. Пираццоли-Серстевенс [Pirazzoli-t’Serstevens, 2007, p. 56–58; Пираццоли-Серстевенс, 2008, с. 71–74]:

[乘輿][...][...][...]年考工工賞造齋夫臣康掾臣安主右丞臣[...][...]令臣[...][...]護工卒史臣尊省 – «Для использования императором изготовил в [...] году девиза [...] в императорской мастерской Каогун мастер Шан. Руководили (наблюдали): надзиратель мастерской ваш покорный слуга Кан, руководитель отдела лаков ваш покорный слуга Ан. Инспектировали: правый помощник директора ваш покорный слуга [...] – директор ваш покорный слуга [...] и начальник инспекции мас-

Рис. 2. Чашка из кург. № 31, Ноин-Ула.

терской ваш покорный слуга Жун» [Пираццоли-Серстевенс, 2008, с. 72–74].

Следует отметить, что транскрипция фамилий дана неверно: «Ан» должно транскрибироваться как «Ань», а «Жун» как «Цзунь». Иероглиф 掾 *юань*, обозначающий должность, автор переводит как «руководитель отдела лаков». Ни один словарь для данного иероглифа не дает значения «руководитель отдела». Было установлено, что иероглиф *юань* присутствует в надписях на бронзовых изделиях. Так, на бронзовом треножнике *дин*, отлитом в мастерской Каогун, указаны, в частности, девиз правления «третий год Юнши» (14 г. до н.э.) и должность *юань* одного из контролировавших чиновников по фамилии Мин. Поэтому, по нашему мнению, переводить иероглиф 掾 как должность, связанную только с лаковым производством, неверно.

Сравнение надписей, выполненных в один год, показывает почти полное совпадение именных иероглифов мастеров, а также чиновников, контролировавших производство (например, чашка № 1 из кург. 20 и чашка из кург. № 31; см. *таблицу*). Этому есть объяснение: обе чашки были сделаны в одно время – в 4-й год Юаньянь, только первая была отреставрирована мастером Туном, а вторая изготовлена мастером Сяном. Согласно материалам, приведенным Хун Ши [2006, с. 161–168], в надписях на однотипных изделиях, изготовленных в один год под одним девизом правления и в одной мастерской, максимальное количество совпадений дают именные иероглифы мастеров и чиновников. На изделиях, сделанных в разные годы, именные иероглифы чиновников часто различны, поскольку при Хань чиновники, контролировавшие мастерские

по производству лаковых изделий, менялись часто – раз в один-два года [Чжан Жун, 2005, с. 109].

В надписях на изделиях из императорских мастерских Сигун и Гунгуань чиновники перечисляются в порядке от высших к низшим, на сосудах из мастерской Каогун – в порядке повышения в должности. В надписях на разновременных вещах указаны не все должности: имена некоторых контролеров пропущены. Это можно объяснить тем, что происходили изменения в порядке перечисления должностей или просто не был установлен порядок записи [Хун Ши, 2006, с. 175, 191, 192]. Прояснить данный вопрос можно было бы, имея устав для ремесленников, работавших в государственных мастерских, который был создан при династии Хань [Елисефф В., Елисефф Д., 2007, с. 179]. Однако этот документ пока не опубликован.

Еще одна проблема, которая возникает в ходе изучения надписей на чашках, – их емкость. На трех чашках (из кург. № 1, 20 (чашка № 1) и № 31) указан одинаковый объем в 1 шэн и 16 юэ, это примерно 340 мл. Однако сравнение реального объема показало, что чашки отличаются друг от друга. Расхождения можно объяснить погрешностями при изготовлении – все-таки ручная работа. Не исключено также, что различия чашек в объеме связаны с принципом назначения жалования, который существовал при Хань. Размер выплат символически измерялся в зерне, он же являлся показателем ранга [Волков, 1999, с. 124]. Это не означает, что в чашках выдавали жалование. В комментариях к «Лунь хэн» говорится, что жалование чиновника в период империи Хань исчислялось в мерах зерна (риса, проса, пшеницы); *дань* зерна равнялся примерно 30 кг (или 31, 28 кг).

Таблица. Порядок перечисления должностей в надписях на лаковых изделиях с территории Монголии

Курган, место расположения	Должность							
	護工卒史 <i>хугун цуйши</i>	守長 <i>чжан</i>	丞 <i>чэн</i>	掾 <i>юань</i>	守令史 <i>линши</i>			
№ 1, падь Цзурумтэ, Ноин-Ула								
№ 6, падь Суцзуктэ, Ноин-Ула			畜夫 <i>сэфу</i>					
№ 20, падь Суцзуктэ, Ноин-Ула (чашка № 1)		佐 <i>цзо</i>	畜夫 <i>сэфу</i>		掾 <i>юань</i>	右丞 <i>ючэн</i>	令 <i>лин</i>	
№ 20, падь Суцзуктэ, Ноин-Ула (чашка № 2)					掾 <i>юань</i>	守右丞 <i>ючэн</i>	守令 <i>лин</i>	
№ 31, падь Суцзуктэ, Ноин-Ула	護 <i>ху</i>	守佐 <i>цзо</i>	畜夫 <i>сэфу</i>	令史 <i>линши</i>	掾 <i>юань</i>	右丞 <i>ючэн</i>	令 <i>лин</i>	
№ 7, падь Царам, Забайкалье (шкатулка)			畜夫 <i>сэфу</i>		掾 <i>юань</i>	右丞 <i>ючэн</i>	令 <i>лин</i>	護工卒史 <i>хугун цуйши</i>

Жалованье среднего служащего составляло 100 *даней* в год, высших должностных чинов 2–10 тыс. *даней* [Древнекитайская философия..., 1990, с. 455]. Рассматриваемые чашки предназначались для еды и питья. Однако в большинстве надписей как на лаковых, так и на бронзовых изделиях указана вместимость сосуда (1 *шэн* 16 *юэ* или 3 *шэна*, 1 *доу* и др.). Четкое указание в надписи объема служило показателем ранга владельца вещи.

Интересным источником информации по рассматриваемой теме является орнамент на сосудах. Он разнообразен, но на чашках *эр бэй* с надписями одним из наиболее часто встречающихся является орнамент «пара противостоящих фениксов». По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, находки последних лет позволяют проследить развитие этого мотива. «Начальным этапом в его эволюции может служить орнамент ноин-улинской чашечки, где фениксы переданы гибкими уверенными линиями, с жесткой экономией деталей. Орнаменты двух лаковых чашечек, датированных 3–4 гг. н.э., найденных в Лолане и Гуйяне, а также чашки, хранящиеся в музее Гимэ в Париже (Musée national des Arts asiatiques-Guimet или Musée Guimet), представляют собой следующую ступень развития этого мотива. Фениксы тяжелы, неповоротливы и лишены изящной пропорциональности, у них непропорционально увеличено туловище и почти исчезла шея. Процесс разложения этого мотива выступает уже в развитой форме на лаковой чашке, найденной на р. Датун и датированной 13 г. н.э. Стилизованное туловище птицы занимает почти все пространство. Одна нога феникса с непомерно увеличенными пальцами почти отделена от туловища, от другой ноги остались только три черточки. Перо на спине сильно уменьшилось и почти слилось с хохолком на голове. Заключительным этапом в процессе стилизации этого мотива служит орнамент на лаковой чашке из Гуйяна, датированной началом Восточной Хань (25–220 гг. н.э.). “Противостоящие фениксы” превратились в сложный узор из кривых и завитков. Здесь с трудом можно найти стилизованное туловище феникса, остаток передней лапы в виде трех стилизованных когтей и хвостовые перья в виде отдельных от туловища завитков» [1969, с. 273–274]. Исследователем справедливо отмечены особенности изображений, однако предложенная им схема развития мотива не кажется безупречной, если сравнивать орнамент «противостоящие фениксы» на четырех чашках из ноин-улинских курганов. Так, фениксы на чашках из кург. № 20 и 31, изготовленных в мастерской Каогун в 4-й год Юаньянь (соотносится с 9 г. до н.э.), выполнены более схематично, более небрежно и менее детально, чем на чашечке из кург. № 1 (найденна А.Д. Симуковым), которая была сделана в мастерской Сигун в 5-й год Цзяньпин (2-й год до н.э.).

Возможно, стилистические расхождения в исполнении одного орнамента обусловлены тем, что сосуды были изготовлены в разных мастерских, а не хронологическими различиями.

Выводы

Надписи и орнамент на лаковых изделиях позволяют сделать предположение о дате кургана, уточнить время изготовления вещей и определить мастерскую, в которой они были сделаны. Согласно результату сравнительного анализа, почти все надписи являлись типовыми для эпохи Западная Хань, кроме надписи на чашке из кург. № 6. Поэтому при наличии только части надписи по порядку перечисления должностей чиновников можно установить мастерскую: если этот порядок отражает снижение значимости – в государственной Сигун и Гунгуань, если возрастание – в столичной мастерской, принадлежавшей *шаофу*. Очевидно, что чашка № 2 из кург. № 20 (хотя надпись на ней сохранилась не полностью) выполнена в мастерской Каогун в Чаньани. Чашка из кург. № 1 в пади Цзурумтэ сделана в мастерской Сигун. Остальные лаковые изделия, обнаруженные на территории Монголии в погребениях знатных хунну в могильнике в пади Суцзуктэ (Ноин-Ула), являются продукцией столичной мастерской Каогун.

Таким образом, подтверждается предположение о том, что в ноин-улинских курганах погребены хуннские шаньюи и их приближенные, которые получали подарки непосредственно из императорских кладовых (мастерских). Об этом свидетельствует и другой богатый сопроводительный материал. Лаковые изделия, найденные в Лолане – ханьской префектуре в Корее, судя по надписям, были изготовлены в мастерских Сигун и Гунгуань в Чэнду, из чего можно сделать вывод: данные вещи не относились к дарам китайского императора иноземцам, они принадлежали проживавшим на этой территории китайским чиновникам. Забота о создании строгой иерархии и делении на группы любого сообщества была одной из особенностей ханьской эпохи, которая нашла отражение в надписях на лаковых чашечках.

Список литературы

- Бернштам А.Н.** Гунский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. – 1937. – № 4. – С. 947–968.
- Большой китайско-русский словарь:** в 4 т. – М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1983. – Т. 1. – 553 с.
- Волков С.В.** Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. – 312 с.

Древнекитайская философия. Эпоха Хань. – М.: Наука, 1990. – 523 с.

Елисеєфф В., Елисеєфф Д. Цивилизация классического Китая. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 640 с. – (Великие цивилизации).

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-Улы. – Л.: Сов. художник, 1969. – С. 267–277. – (Культура и искусство народов Востока; вып. 7).

Миняев С.С., Елихина Ю.И. К хронологии курганов Ноин-Улы // Зап. Ин-та истории и материальной культуры РАН. – СПб., 2010. – Т. 5. – С. 169–182.

Пиразцолли-Серстевенс М. Китайская надпись из элитного кургана сюнну в могильнике Царам // Археологические вести. – М.: Наука, 2008. – Т. 15. – С. 71–74.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Исследование ноин-улинского кургана № 31, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2009. – Т. XV. – С. 372–376.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 77–87.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.

Умэхара С. Мо:ко Ноин-ура хаккэн ибуцу (Археологический памятник, найденный в Ноин-Уле, Монголия). – Токио: То:ё бунко, 1960. – 101 с. (на яп. яз.).

Хангук кымсокмун чонхап ёнсан чжонбо (Единая виртуальная информационная система по корейским надписям,

высеченным на изделиях из камня (металла и т.д.)). – URL: http://gsm.nricp.go.kr/_third/user/frame.jsp?View=search&No=4&ksmno=7569 (дата обращения: 1.10.2008) (на кор. яз.).

Ханьдай учжи вэньхуа цзыляо тушо (Сведения о материальной культуре эпохи Хань с иллюстрациями и пояснениями). – Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 2008. – 641 с. (на кит. яз.).

Хун Ши. Чжаньго, Цинь, Хань цизи яньцзю (Исследование лакированных изделий периодов Чжаньго, Цинь и Хань). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2006. – 273 с. (на кит. яз.).

Чжан Жун. Гудай цизи (Древние лаковые изделия). – Пекин: Вэньу, 2005. – 248 с. (на кит. яз.).

Чистякова А.Н. Иероглифическая надпись на лаковой чашке из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 59–68.

Шан Чэнцзо. Чанша гуу вэньцзяньцзи. Сюйцзи (Записи о древностях из Чанша. Продолжение). – Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1996. – 339 с. (на кит. яз.).

L'Asie des steppes d'Alexandre le Grand à Gengis Khan: catalogue. – P.: Réunion des Musées Nationaux, 2001. – 203 p.

Pirazzoli-t'Serstevens M.A. Chinese Inscription from a Xiongnu Elite Barrow in the Tsaraam Cemetery // The Silk Road. – 2007. – Vol. 5, N 1. – P. 56–58.

Pirazzoli-t'Serstevens M.A. Chinese Lacquerware from Noyon uul: Some Problems of Manufacturing and Distribution // The Silk Road. – 2009. – Vol. 7. – P. 31–41.

Материал поступил в редколлегия 07.06.11 г.

УДК 903.2

О.А. Митько¹, Ю.С. Ступан²*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: omitis@gf.nsu.ru**Государственный Владимиро-Суздальский историко-культурный и художественный музей-заповедник
ул. Большая Московская, 43, Владимир, 600000, Россия
E-mail: stayinfreedom@yahoo.com*

ОГНИВО С КИТАЙСКОЙ НАДПИСЬЮ*

В статье дается анализ огнива, получившего распространение у тюрко- и монголоязычных народов Сибири и Центральной Азии в период позднего средневековья и этнографическое время. Огниво украшено металлической накладкой с китайской иероглифической надписью 连生贵子, которая относится к традиционным китайским благопожеланиям: «Пусть непрерывно рождаются драгоценные/благородные сыновья». Данное пожелание является культурной универсалией, связанной с архетипическими представлениями о связи огня с рождением ребенка.

Ключевые слова: *огневой прибор, Сибирь, Китай, монголы, средневековье, архетип, рождение ребенка.*

Введение

В эпоху позднего средневековья тюрко- и монголоязычные народы Сибири и Центральной Азии использовали комплект огневого прибора в виде стальной пластины, которая прикреплялась к нижней части плоской кожаной сумочки для кремней и твута. Лицевая сторона сумочки, представляющая собой крышку с зацепом внутри, украшалась накладными бляхами с чеканными узорами и вставками из кораллов и полудрагоценных поделочных камней. Огневые приборы подобного типа являлись важной частью экипировки мужчин, одним из элементов триады – пояс, нож, огниво. По мнению И.И. Соктовой, в традиционной культуре бурят нож и огниво заняли место украшенных посеребренными пластинами колчана и налучника, которые составляли «главную принадлежность мужчины-охотника и воина, защитника семьи и рода от всяких напастей» [1988, с. 89]. Огниво – *отык* у

алтайцев [Алтайский национальный костюм, 1990, с. 12], *отых* у хакасов [Сунчугашев, 1979, с. 126], *оттук* у тувинцев [Вайнштейн, 1974, с. 97], *кыалык* у якутов [Гурвич, 1977, с. 129], *хэт/хэтэ* у монголов и бурят [Викторова, 1987, с. 109; Бабуева, 2004, с. 121] – из предмета повседневного быта превратилось в важную и необходимую принадлежность праздничного традиционного костюма.

В XIX–XX вв. изготовлением огнив занимались мастера по художественной обработке металла, с творчеством которых связано формирование направлений, школ и центров декоративно-прикладного искусства Монголии, Сибири и Средней Азии. Их изделия слабо поддаются типологии в силу большого разнообразия и богатства стилей, эстетических вкусов и индивидуальных технических приемов в отделке деталей. Однако неизменным было стремление мастеров-ювелиров передать элементы семантически насыщенного древнего орнамента, в котором преобладали зооморфный, растительный и геометрический мотивы [Соктоева, Бадмаева, 1971, с. 6–7; Кочешков, 1979, с. 28–29; Тумахани, 1974, с. 61]. В украшении бытовых по назначению огневых приборов получила воплощение образная знаково-кодовая система, эле-

*Работа выполнена в рамках проекта ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт 14.740.11.0766) и проекта РГНФ (№ 19-01-00258а).

менты которой позволяют считать эти предметы наделенными «наивысшим семиотическим статусом» [Байбурин, 1981, с. 216]. В этой связи интерес представляет хранящееся в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника огниво с редко встречающимся украшением на кожаной сумочке.

Описание предмета

Огниво представляет собой стальную, слегка изогнутую массивную пластину, к которой прикреплен сумочка-кошелек. На сумочке имеются ручка в виде фигурной скобы с ограничителями на концах, зафиксированная на пластинчатом креплении с кольцом для ремня или цепочки, узкие орнаментированные пластины по краям и вдоль ударного лезвия, а также фигурная накладка на лицевой стороне. Пластины украшены парными полосками, нанесенными методом тиснения, и, вероятно, имитируют узловатые побеги бамбука. Фигурная накладка изготовлена в форме рамки с повторяющимися графическими элементами, которые образуют геометрический узор, подчиненный определенному ритму. Данный узор в китайской художественной традиции отдаленно напоминает переплетающиеся корни растений [Афонькин, Афонькина, 1998, с. 159–160]. Центральная часть рамки заполнена ажурным орнаментом из тонких побегов растений, создающих фон, с нанесенными на него иероглифами 连生贵子. Рамка сделана из прокатанного латунного листа; весь орнамент выпилен и обработан с помощью абразивных инструментов. Композиция тщательно продумана: ее элементы как бы перетекают друг в друга и создают ощущение воздушной легкости (растения) и динамичности (иероглифы) (рис. 1).

На оборотной стороне сумочки сохранился фрагмент бумажной этикетки, а на ударном лезвии – нанесенный черной тушью инвентарный номер В–3954 (рис. 2). Размеры огнива 5,5×10,5×1,3 см, материал: сталь (ударное лезвие), латунь (ручка, кольцо, шарниры, накладка, обоймы), тисненая кожа (сумочка), дерево (небольшой брусок прямоугольной формы, закрепленный в верхней части ударного лезвия). Степень сохранности средняя, на металлических накладках и обоймах имеются следы коррозии, на поверхности кожи прослеживаются разрывы и загрязнения, в центральной части накладки отсутствует фрагмент орнамента.

Дата поступления огнива в музей неизвестна. Согласно записи в «Главной инвентарной книге», оно

Рис. 1. Огниво с китайской надписью из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника (лицевая сторона).

Рис. 2. Огниво с китайской надписью из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника (оборотная сторона).

было включено в фонды под номером 1608, предположительно в 40-х гг. XX в. огниву присвоен новый номер (В–3954) с кратким комментарием: «Кошелек китайский, обложен медной резьбой». Данная запись была заимствована из более раннего источника.

На фрагменте этикетки на оборотной стороне огнива сохранились элементы надписи, вписанной в овал: буквы «й» и «оммис.» и римская цифра XIV, начертанная синим карандашом. На наш взгляд, надпись восстанавливается как «Музей ученой архивной комиссии». В словаре Брокгауза и Эфрона слово «комиссия» пишется с двумя «м» [Коммиссии, 1895, с. 865]. Можно предположить, что данное огниво поступило в фонд до 1906 г., когда музей принадлежал губернскому Статистическому комитету. Однако в то время основными направлениями деятельности музея являлись изучение края, сбор и показ местного материала, соответственно этому подбирались и экспонаты [Попова, 1998; Барченкова, 2005; Горбунова, 2005].

Маловероятно, что тогда в число поступлений было включено центрально-азиатское по происхождению огниво. Скорее всего, это произошло с 1906 по 1917–1918 гг., когда вместе с изменением статуса музея (он находился в ведомстве Владимирской ученой архивной комиссии) значительно пополнялись его коллекции и расширялась тематика научных исследований. Более точные сведения о времени и обстоятельствах поступления данного огнива в фонды Владимирского музея пока собрать не удалось.

Перевод и культурная атрибуция надписи

Надпись, вписанная в резной растительный орнамент, состоит из четырех иероглифов и по форме близка *чэньюй* (букв. готовое выражение) – характерному для китайской фразеологии четырехсоставному словосочетанию, построенному по нормам древнекитайского языка. Однако, судя по переводу, надпись относится к иному типу культурных стереотипов. По значению, функции и ярко выраженной связи с аллегорическими изображениями она отличается от *чэньюй*, которые объединяют в себе исторические и философские притчи, легенды и мифы, крылатые слова и афоризмы, пословицы и заимствования из других языков [Войцехович, 2007, с. 18].

Надпись 连生贵子 (лянь шэн гуй цзы) гласит: «Пусть непрерывно рождаются драгоценные/благородные сыновья». В ее дословном переводе сохранены образные компоненты, отражающие понятийные структуры, свойственные китайскому языковому выражению*. «Лянь шэн гуй цзы» – традиционное китайское благопожелание, которое выражали жениху и невесте во время свадебного торжества. Оно соответствовало менталитету средневековых китайцев, основу религиозного синкретизма которых составляли практичность и прагматичность рационалистического мышления, выражавшего насущные требования в форме благопожеланий.

Главными из бесчисленных пожеланий в Китае являлись три *много* – *много лет, много сыновей, много богатства* [Васильев, 2001, с. 423]. Рождение сына было важным событием в жизни каждой китайской семьи. Иметь сына считалось целью брака и большим счастьем; от сына родители рассчитывали получить

поддержку в старости. Конфуцианская идея о сыновней почтительности нашла отражение в различных трактатах и сборниках поучительных примеров беззаветного служения сыновей своим родителям. Только мальчику было суждено сохранить неразрывную связь семьи со своими предками [Сидихменов, 1987, с. 141, 375–381]. Отсутствие у супружеской пары сына могло принести несчастье не только семье, но и соседям. Этим объясняется многочисленность пожеланий рождения мальчика и связанной с ним символики долголетия, богатства, хорошего урожая, счастья, спокойствия и знатности.

Устойчивое выражение «лянь шэн гуй цзы» появилось в эпоху династии Тан. Надпись из четырех иероглифов 连生贵子 наносилась на керамические сосуды, которые изготавливались в государственных мастерских. Позднее в виде новогодних аллегорических изображений она получила воплощение на лубочных картинках *няньхуа*, популярных до начала XX в., пока в Китае не появилась западная техника литографии [Алексеев, 1966; Няньхуа..., 2005]. Общий смысл выражения «пусть непрерывно рождаются драгоценные/благородные сыновья» передавался через символы, названия которых омофоничны базовым иероглифам. Сочетания символов, переданных в виде отдельных предметов, составляли композицию картины, своего рода ребус, разгадать который непосвященному практически невозможно.

Одним из главных символических образов *няньхуа* было изображение мальчика. «Лянь» – означает непрерывность и цветы лотоса (символ плодородности, чистоты); «шэн» – рождаться и музыкальный инструмент, на котором играли дети; «гуй» – знатный, благородный и цветы коричневого дерева, символизирующие детей; «цзы» – сын и семечки. Таким образом формула *лянь шэн гуй цзы* – «лотос рождает драгоценные семена» – фонетически соответствует фразе «пусть непрерывно рождаются драгоценные/благородные сыновья» (рис. 3) [Алексеев, 1966, с. 233, рис. 8]. Близкое смысловое значение имеет и формула *и нань до цзы* – «пусть будет у мужчины много сыновей» [Виноградский, 2003, с. 56].

Наличие китайской надписи на огниве позволяет предположить, что оно было изготовлено на территории современной КНР. Это могла быть Внутренняя Монголия, которая еще при хане Абахая вошла в состав Китая и в настоящее время населена монголами. По ее восточной части (от Кяхты и Урги до Калгана) проходили караванные пути, особенно активно использовавшиеся во второй половине XIX в., когда получила развитие русско-китайская «чайная» торговля [Обручев, 1956, с. 32]. Вместе с чаем в Россию, возможно, попадали и изделия местных мастеров, пользовавшиеся популярностью в Забайкалье и Миусинском крае.

* Авторы статьи выражают искреннюю благодарность канд. ист. наук. С.А. Комиссарову, Ляо Дунмэй (кафедра востоковедения гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета) и Юй Су-Хуа (кафедра китайского языка Института практического востоковедения (Москва)) за помощь в переводе надписи и консультации.

Нельзя исключить, что мастер, изготовивший огниво, и первый владелец этого огневого прибора были знакомы с китайской культурой и языком. О чахарских князьях Внутренней Монголии, находившихся в зависимости от цинского двора, но сохранивших свои сословные привилегии, А.М. Позднеев писал так: «Выросшие в китайской обстановке, постоянно слыша китайский язык и получая образование под руководством учителя китайца, чахарские аристократы, конечно, усвоят себе много китайского; но большинство из них не преклоняется перед китаизмом слепо и избирает из него только действительно лучшее» (цит. по: [Кафаров, 1892, с. 146]). К «действительно лучшему», очевидно, относилось то, что не противоречило культуре кочевых народов, а соответствовало их религиозным представлениям, мировоззрению, моральным и нравственным ценностям.

Монгольские кузнецы, чьи династии насчитывали до восьми поколений, делали традиционные для кочевого быта вещи по определенному технологическому стандарту [Черных, 2007, с. 30, рис. 2, 2]. Но со второй половины XIX в. их продукция уже не могла конкурировать с русскими и китайскими товарами. Как отмечал Д. Каррутерс, путешествовавший в 1910 г. по Туве и Монголии, нож на поясе сойота мог быть русский, кремь и огниво монгольские, а трубка китайская [1914, с. 232]. Причем китайские заимствования прослеживались на всех трех элементах экипировки мужчин. Халкинцы, по наблюдениям Г.Е. Грум-Гржимайло, вместо кожаного пояса с серебряными или медными пряжками и украшениями стали носить матерчатый, за которым «обычно носят китайский нож в ножнах и к нему же подвешивается огниво. Этот кремневый прибор служит также предметом щегольства, и у богатых оправляется иногда в золото и серебро. Цепочкой он прикрепляется к медной бляхе, которая в свою очередь снабжена цепью, некогда связывавшей ее с одной из блях кожаного кушака; ныне же бляха просто затыкается за матерчатый пояс» [1926, с. 320, 321]. Завоевали популярность и китайские костяные палочки для еды, которые крепились на ножнах [Вяткина, 1960, с. 194; Викторова, 1987, с. 109].

В данном контексте имеет значение и совпадение сакрального смысла китайской благопожелательной надписи с семантикой огнива, отражающей архетипическое ядро представлений народов Евразии о природе огня. Форма, материал, художественное оформление огнив и связанная с этим семантическая наполненность – самостоятельная область исследования, требующая особого осмысления. Как отметил В.Я. Пропп, в огниве «волшебные силы, свойственные вещам», проявляются особенно ярко и сильно. Кремь и железное кресало пришли на смену более древним формам деревянных огнив, с помощью которых огонь добывался трением, а также вызывались духи

Рис. 3. Китайское благопожелание *лянь шэн гуй цзы* (по: [Алексеев, 1966, рис. 8]).

и волшебные помощники [1986, с. 195–196]. Изображенные на огнивах символы были призваны охранять от бедствий. Во второй половине IX – X в. у народов Северной и Восточной Европы миниатюрные привески, копировавшие форму железных калачевидных кресал, выполняли магическую охранительную функцию, а зооморфные образы на рукоятках биметаллических огнив играли роль оберегов и были связаны с тотемистическими представлениями [Голубева, 1964; Голубева, Варенов, 1993, с. 105–106; Корзухина, 1977; Крыласова, 2004, 2007].

В традиционной культуре огневые приборы, на наш взгляд, наделялись и продуктивной функцией, получившей выражение в универсальном архетипе. В семантической цепочке представлений огонь/очаг/печь – рождение ребенка огневой прибор может быть поставлен в ее начало. Архетипичность этих представлений определяется тем, что все народы прошли через стадию открытия огня и у всех сформировались близкие и устойчивые смысловые образы [Башляр, 1993, с. 41–42]. В ведическом варианте индоевропейской традиции Агни – сын двух кусков дерева – верхнего и нижнего, в римском – «чудо из середины

очага» во дворце альбанского царя Тархетия, благодаря которому рабыня царя родила основателя Рима. Аналогично произошло и зачатие Цекула, основателя города Пренесте – от искры очага [Плутарх, 1987, с. 55]. У славянских народов продуктивная функция огня выражалась в поверье, что весной огонь «разбрасывает мальчиков», т.е. производит на свет детей [Зеленин, 1991, с. 425]. Особенно отчетливо представление о продуктивной функции огня/очага проявлялось в свадебных обычаях. Купальские прыжки через костер, как и совместное разжигание огня молодой парой, предшествовали заключению брачного союза. С этими ритуалами семантически сочетается и фольклорный мотив рождения из печки, который В.Я. Пропп связал с культом предков и формами захоронения под очагом [1976, с. 223]. Печь и очаг считались домашним покровителем ребенка. У тюркских народов было принято обращаться к огню как к семейно-родовому хранителю с просьбой даровать чадородие. Очаг, покровительницей которого была Умай, представлялся местом, хранящим и дарующим жизненное начало, сулдэ детей и животных [Дыренкова, 1927; Коруновская, 1927, с. 27; Стебелева, 1972; Потапов, 1991, с. 101, 286]. У якутов известна поговорка: «Дух огня радуется, когда у хозяев много детей», а архетипичный образ ребенка, «живущего на очаге», реализован в фольклорных текстах [Семенова, 1998]. Описывая обычаи монголов Ордоса, Г.Н. Потанин отмечал: «Перед домом жениха раскладывают два костра; это называется сюрюк. Жених ждет невесту сзади огня; невеста приближается к огням и останавливается, жених протягивает ей плетень и перетягивает ее к себе, как бы перетаскивая через порог» [1950, с. 136]. Этот защищающий и очищающий обряд связан также с рождением ребенка. Типологически он близок свадебному обычаю китайцев: новобрачная, входящая в дом мужа, должна была переступить через чашу с горящим древесным углем или раскаленным докрасна плужным лемехом. Его клали на порог две женщины, у которых живы мужья и здоровы дети [Энциклопедия..., 1996, с. 255]. Если у супругов долго не было детей, проводился обряд поклонения огню. Согласно поверью у бурят, после принесения огню жертвы обязательно рождался ребенок, а отскочившие от огня угольки были олицетворением жизненной силы детей. Бездетные родители «угощали» огонь маслом: «Сыновья огня, ешьте, пейте» и просили у «Великого огня очага» ниспослать детей. Супруги стояли у костра в праздничных одеждах. Считалось хорошей приметой, если на их одежду во время моления огню попадали угольки: сколько угольков попало, столько будет детей [Галданова, 1987, с. 43–44, 47]. По представлениям якутов, видеть во сне нож или огниво – к рождению мальчика, ножницы или иголку – к рождению девочки [Попов, 1949, с. 296].

Заключение

Огневые приборы являются одним из звеньев семантической цепочки архетипических представлений о связи огня с рождением ребенка. На наш взгляд, записанное на огниве китайское пожелание «пусть непрерывно рождаются драгоценные/благородные сыновья» является культурной универсалией, обладающей фразеологической и семантической пластичностью, которая позволяет различным символам по-разному проявлять себя. Причинно-следственная зависимость предполагает, что каждый раз, когда огнем высекается искра, рождается мальчик. Причем пол ребенка определяется самой принадлежностью огнива к мужскому миру вещей. Содержание этой трактовки близко к мансийскому высказыванию о роде Хатаневых: «одна искра будет продолжать род» (от искры семейного костра родится мужчина, его продолжатель) [Расказы-сказки..., 2001, с. 11]. В рамках архаической ментальности смысловое содержание рассмотренной универсалии меняется под воздействием культурных трансформаций и социальной практики, но это тема отдельного исследования.

Список литературы

- Алексеев В.М.** Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. – М.: Наука, 1966. – 260 с.
- Алтайский национальный костюм.** – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1990. – 96 с.
- Афонькин С.Ю., Афонькина А.С.** Орнаменты народов мира. – СПб.: Кристалл, 1998. – 272 с.
- Бабуева В.Д.** Материальная и духовная культура бурят: учеб. пособие. – Улан-Удэ: [б.и.], 2004. – 228 с.
- Байбурин А.К.** Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 215–226. – (Сб. МАЭ; вып. XXXVII).
- Барченкова О.Б.** Деятельность губернского Статистического комитета по созданию музея во Владимире // Материалы исследований. – Владимир, 2005. – № 11. – С. 3–8.
- Башляр Г.** Психоанализ огня. – М.: Издат. группа «Прогресс», 1993. – 176 с.
- Вайнштейн С.Я.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 224 с.
- Васильев Л.С.** Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
- Викторова Л.Л.** Монгольские фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. – Л.: Наука, 1987. – С. 103–120.
- Виноградский Б.Б.** Китайские благопожелательные орнаменты: избранные лекции и переводы. – М.: Герmitаж-Пресс, 2003. – 64 с.
- Войцехович И.В.** Практическая фразеология современного китайского языка. – М.: АСТ Восток – Запад, 2007. – 509 с.

- Вяткина К.В.** Монголы Монгольской народной республики (материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-азиатский этнографический сборник. Нов. сер. – 1960. – Т. LX. – С. 159–271.
- Галданова Г.Р.** Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 116 с.
- Голубева Л.А.** Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. – 1964. – № 3. – С. 115–132.
- Голубева Л.А., Варенов А.Б.** Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // РА. – 1993. – № 4. – С. 94–109.
- Горбунова Н.И.** История Владимирского музея в документах ГАВО (1819–1930 гг.) // Материалы исследований. – Владимир, 2005. – № 11. – С. 9–15.
- Грум-Гржимайло Г.Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. – Л.: [тип. Гл. бот. сада], 1926. – Т. 3, вып. 1: Антропологический и этнографический очерк этих стран. – 415 с.
- Гурвич И.С.** Культура северных якутов-оленьеводов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
- Дыренкова Н.П.** Культ огня у алтайцев и телеутов // Сб. МАЭ. – 1927. – Т. 6. – С. 63–75.
- Зеленин Д.К.** Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
- Каррутерс Д.** Неведомая Монголия. – Пг.: Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. – Т. 1: Урянхайский край. – 341 с.
- Кафаров П.** Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия с введением доктора Э.В. Брейтшнейдера и замечаниями проф. член.-согр. А.М. Позднеева // Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по общей географии. – 1892. – Т. XXI, № 1. – С. 114–228.
- Комиссии** // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – СПб.: [Типолитогр. И.А. Эфрона], 1895. – Т. XVI. – С. 479–964.
- Корзухина Г.Ф.** Об Одине и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 156–161.
- Коруновская Л.Э.** Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. – 1927. – Т. 6. – С. 19–36.
- Кочешков Н.В.** Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX века. – М.: Наука, 1979. – 208 с.
- Крыласова Н.Б.** Об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как «Один и воронья» // РА. – 2004. – № 4. – С. 312–320.
- Крыласова Н.Б.** К вопросу о семантике биметаллических кресал Восточной Европы // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 144–148.
- Няньхуа.** Картины Старого Китая. – М.: Герmitаж-Пресс, 2005. – 64 с.
- Обручев А.В.** От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 272 с.
- Плутарх.** Избранные жизнеописания. – М.: Правда, 1987. – Т. 1. – 592 с.
- Попов А.А.** Материалы по истории якутов бывшего Вилюйского округа // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. XI. – С. 255–323.
- Попова М.П.** Музейная хроника (1854–1917 гг.) // Материалы исследований. – Владимир, 1998. – № 4. – С. 2–7.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. – 652 с.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Пропп В.Я.** Мотив чудесного рождения // Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – 326 с.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. – 367 с.
- Рассказы-сказки** народа Сосьвы-Сыгвы. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – Вып. 1: Сказки оленевода. – 108 с.
- Семенова Л.С.** Ребенок, живущий на очаге. К вопросу о реализации архетипа младенца в традиционных культурах (на материале якутской традиции) // Архетипические образы в мировой культуре. – СПб.: Гос. Эрmitаж, 1998. – С. 62–65.
- Сидихменов В.Я.** Китай: страницы прошлого. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. – 448 с.
- Соктоева И.И.** Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1988. – 106 с.
- Соктоева И.И., Бадмаева Р.Д.** Бурятский художественный металл. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 83 с.
- Стебелева И.В.** К реконструкции религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 213–226.
- Сунчугашев Я.И.** Древняя металлургия в Хакасии. Эпоха железа. – М.: Наука, 1979. – 192 с.
- Тумахани А.В.** Бурятское народное творчество. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 112 с.
- Черных Е.Н.** Каргалы. – М.: Славянская культура, 2007. – Т. V. – 200 с.
- Энциклопедия** восточного символизма. – М.: Золотой век, 1996. – 432 с.

Материал поступил в редколлегия 11.02.10 г.

УДК 903

Н.Е. Рябогина, С.Н. Иванов*Институт проблем освоения Севера СО РАН**а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия**E-mail: ryabogina@rambler.ru; secretar1@ipdn.ru*

ДРЕВНЕЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ, ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И АНАЛИЗ ФАКТОВ

Решение проблемы появления и специфики развития древнего земледелия в Западной Сибири представлено путем анализа исключительно палеоботанических данных. Приведены сведения об основных методах поиска и идентификации фитолитов, зерен (отпечатков зерен) и пыльцы культурных злаков, оценены возможности этих методов для решения поставленной задачи. Обобщены известные в настоящее время и новые палеоботанические индикаторы земледелия на территории Западной Сибири, Казахстана, Алтая и Семиречья. На основе анализа пространственно-временного распределения зерен и пыльцы культурных злаков сделана попытка реконструкции очагов их культивирования с конца бронзового века.

Ключевые слова: древнее земледелие, палеоботанические методы, зерна и пыльца культурных злаков, древние ареалы земледелия, Западная Сибирь.

Введение

Земледелие до сих пор является одним из наиболее слабо изученных видов хозяйственной деятельности древнего населения Северной Евразии, в Сибири достоверных свидетельств его развития особенно мало. Изучение этого вопроса представляет большой интерес не только для археологии. Выявление следов древнего земледелия как наиболее интенсивной формы антропогенного воздействия позволяет объективно оценить роль человеческого общества в изменении природных ландшафтов в голоцене.

Как правило, предположение о возделывании растений строится на основе наличия сельскохозяйственных орудий или орудий для переработки зерна. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что судить о появлении земледелия в древности по инвентарю очень трудно, т.к. собирательские и раннеземледельческие орудия практически невозможно дифференцировать. Предполагается, что большая часть орудий в древности изготавливалась из дерева и не сохранилась [Сидоров, 1986]. Кроме этого, редкая встречаемость

подобных артефактов из камня и общая узость круга источников объясняется недостатком каменного сырья в центральных районах Западной Сибири [Чемякина, Дергачева, 2005]. Однако, несмотря на скудный материал, археологи по косвенным признакам (оседлость, пойменное расселение, палеоклиматические изменения, наличие в инвентаре единичных сельскохозяйственных орудий) давно дают прямолинейные заключения о переходе к земледелию уже с энеолита [Косарев, 1991, с. 35–36]. Совершенно необоснованны и реконструкции размера пашен, состава культивируемых злаков и их урожайности для эпохи бронзы [Там же, с. 38–40]. Поэтому утверждение о том, что «к рубежу нашей эры земледелие у сибирских народов уже имеет значительную многовековую историю развития» [Мартынова, 1987], пока не было доказано.

Аргументировать время появления земледелия и реконструировать его специфику можно с помощью палеоэтноботанических исследований. Они являются необходимым и очень важным дополнением «косвенных» археологических признаков. К числу наиболее перспективных методов исследования можно отнести

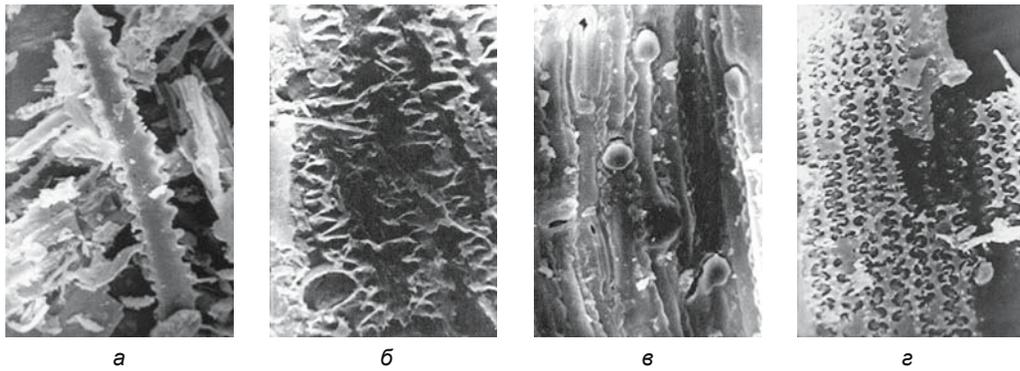

Рис. 1. Микрофотографии фитолитов шелухи зерен (по: [Гольева, 2001]).
а – овса; б – пшеницы; в – ржи; г – ячменя.

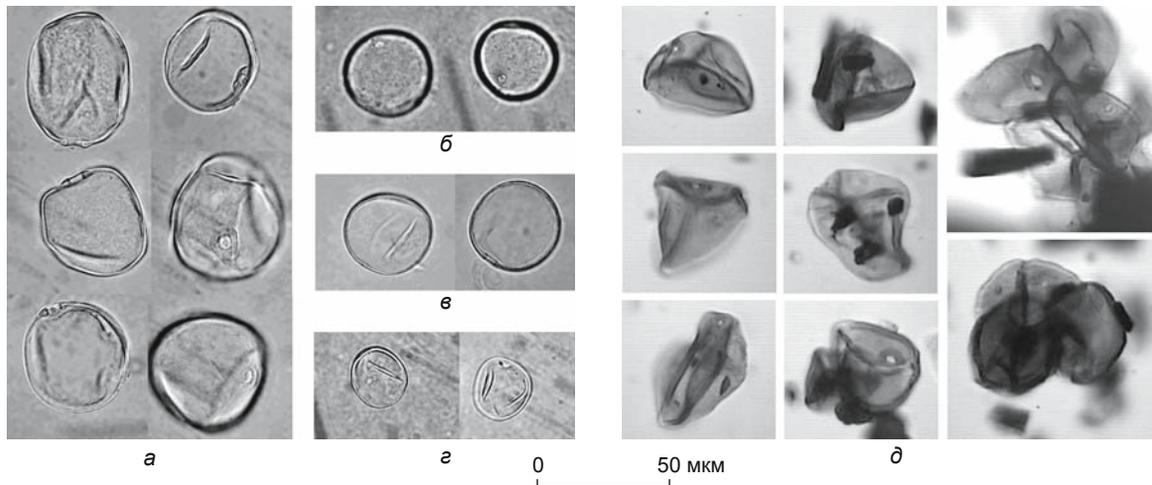

Рис. 2. Микрофотографии пыльцы злаков.
а – пшеница однозернянка (*Triticum monococcum* L.); б – тимфеевка луговая (*Phleum pratense* L.); в – кострец безостый (*Bromopsis unermis* (Leys.) Holub.); г – мятлик луговой (*Poa pratensis* L.); д – фоссильная пыльца из отложений поселения Курья-1 (единичные пыльцевые зерна и скопления).

палинологический, карпологический и биоморфный, основными объектами которых являются пыльца, зерна и фитолиты (рис. 1, 2).

Методы

Сравнительно молодой и малоизвестный в среде археологов биоморфный метод пока лишь локально опробован для целей обнаружения следов земледелия (городища Талгар в Казахстане [Гольева, 2001, 2008], Ростиславль в Московской обл., Раевское в Краснодарском крае [Гольева, 2008]), его активное внедрение в практику археологических исследований только начинается [Гольева, 2000]. Метод позволяет идентифицировать фитолиты и кутикулярные слепки не только из шелухи культурных злаков, но и из стеблей и листьев, что чрезвычайно важно для обоснования их выращивания, а не импорта. Микроскопиче-

ские кремнеземистые тела сравнительно правильной формы (фитолиты) формируются в клетках растений и хорошо сохраняются. К сожалению, идентификации именно культурных растений по фитолитам в современных исследованиях не уделено достаточного внимания, хотя существуют предпосылки выделения особых типов пахотного и огородного биоморфного комплекса [Гольева, 2003]. К недостатку метода можно отнести четкую локализацию фитолитов и кутикулярных слепков в месте захоронения растений, т.е. они могут встретиться только на участках поселения, где обрабатывались или хранились злаки, либо на территории, занятой пашней в древности.

Обнаружение зерен культурных злаков или семян других культурных растений на археологических памятниках – нечастое явление (особенно за Уралом [Кривцова-Гракова, 1948, с. 114; Заднепровский, 1962, с. 75; Мартынов, 1979, с. 100; Абдулганеев, 1997; Баштанник, 2002; Беликова, 2003; Кирюшин и др., 2006]).

Они сохраняются при специфических условиях фоссилизации (обугливание, расположение около медных изделий, консервирование в золе, ямах с глиняной обмазкой, мерзлоте и т.д.). В аридных районах сохранение зерен связано с их обезвоживанием в экстремально сухой почве [Zohary, Hopf, 1994]. Наиболее информативные карпологические материалы получают путем флотации (промывки) культурного слоя. Это дает возможность проанализировать все этапы функционирования памятника. Растительные макроостатки не только служат ключом к выявлению земледелия, но и позволяют оценить масштабы производства зерна и даже степень развития земледелия [Антипина, Лебедева, 2005]. Случайно обнаруженное скопление зерен, как правило, фиксирует ситуацию на момент погребения [Баштанник, 2008]. Нередко на обломках посуды встречаются отпечатки семян, частей растений или даже целых колосков, случайно попавших или намеренно включенных в керамическое тесто. После обжига органические вещества обугливаются, но по отпечатку можно определить растительные остатки. Хотя в большинстве случаев они принадлежат дикоросам, неоднократно отмечались и отпечатки зерен культурных злаков. Однако целенаправленный поиск отпечатков в керамических коллекциях сравнительно редко проводится археологами [Сидоров, 1986; Матвеев, Матвеева, Корона, 1998; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с. 150]. К сожалению, случайно обнаруженные отпечатки частей растений или зерна не всегда определяются специалистами-карпологами, и впоследствии археологам сложно подтвердить их культурное происхождение [Черников, 1960, с. 232, табл. 37; Корочкова, Стефанов, 1991, с. 61; Кузьмина, 1994, с. 195]. Необходимо отметить, что сохранившиеся семена не обязательно свидетельствуют о земледелии – зерно могло быть предметом импорта и производиться в другом регионе. Поэтому важным диагностическим признаком является обнаружение вместе со злаками семян сорняков из посевов или соломы.

Для решения вопроса о времени и особенностях возникновения земледелия очень перспективны спорово-пыльцевой анализ и изучение ископаемой пыльцы культурных злаков в голоценовых отложениях. Особенно это касается тех районов, где почвенно-климатические условия не способствуют сохранению в культурном слое зерен и семян. Методические предпосылки для введения в практику спорово-пыльцевого анализа этого направления заложены Р.В. Федоровой [1959а, б; 1965]. Принципиальным отличием палинологических данных от биоморфных или карпологических является возможность обнаружения культурных растений на обширной территории их непосредственного произрастания, т.е. свидетельства существования земледелия, а не использования зерна в хозяйстве. Благодаря специфичности спорово-пыльцевого анализа признаки земледелия могут быть найдены там, где не сохранились

соответствующие орудия труда, и даже в археологически «стерильных» слоях, например в торфяниках, озерных или пойменных отложениях. В таких случаях слои с пылью культурных растений датируются радиоуглеродным и стратиграфическим методами.

Антропогенное происхождение хлебных злаков не вызывает сомнения, т.к. в Восточной Европе и Западной Сибири они, как правило, не произрастали в естественных ценозах. Сложнее обстоит дело с выявлением очагов возделывания плодово-овощных культур, лечебных или пряных трав, которые долгое время могли собираться в диком состоянии. Поэтому приведенные в настоящей статье материалы будут касаться только злаков.

Несмотря на однообразное строение пыльцы всех злаков, существует важный морфологический признак: у культурных размер пыльцевых зерен заметно больше, чем у дикорастущих (см. рис. 2). По данным Ф. Фирбаса [Firbas, 1937], изучившего пыльцу 215 видов современных злаков, величина в 38 мкм может быть принята за грань между культурными и дикорастущими злаками. В настоящее время в Западной Европе этот биометрический порог повышен до 45 мкм, а для Средиземноморского побережья он установлен ок. 47 мкм [Joly et al., 2007]. Однако надо признать, что встречаются и культурные злаки, которые по данному параметру ближе к дикорастущим. В частности, пыльцевые зерна чумизы (*Setaria italica* L.) и пшеницы однозернянки (*Triticum monococcum* L.) по размерам (32–35 мкм) будет весьма трудно определить в ископаемом состоянии. Несмотря на многочисленные морфометрические исследования пыльцы злаков, анализ размеров пыльцевых зерен сильно варьирует у разных авторов [Федорова, 1959а], что не позволяет ориентироваться только на них при проведении более детальных определений до рода и вида. Это осуществляется с использованием других диагностических признаков – формы пыльцы и положению проростковой поры [Куприянова, 1948]. Только для культурных злаков характерны яйцевидная, реже эллиптическая форма пыльцевого зерна и крупная проростковая пора, расположенная на его широком конце или немного сдвинутая вбок. Однако в большинстве случаев в ископаемом состоянии пыльца смята или склеена в комочки, что сильно затрудняет ее видовое определение. Этот существенный недостаток пыльцевого анализа может быть компенсирован карпологическим исследованием, т.к. по семенам возможны более точные видовые определения культурных растений.

В группу культурных злаков по характерным морфологическим особенностям пыльцы включены [Федорова, 1959а] рожь (*Secale cereale* L.), пшеница (*Triticum aestivum* L.), ячмень (*Hordeum* sp.), кукуруза (*Zea mays* L.), просо (*Panicum* sp.), сорго (*Sorghum* sp.), рис (*Oryza sativa* L.) и овес (*Avena sativa* L.). В Запад-

ной Сибири, на Урале и Русской равнине из перечисленных культур в древности не могла возделываться кукуруза (центрально-американское происхождение), маловероятно также выращивание риса и сорго (специфика агроклиматических условий).

В практике спорово-пыльцевого анализа наиболее явным диагностическим признаком земледелия считается наличие в отложениях скоплений крупных пыльцевых зерен культурных злаков в сочетании с пыльцой сорняков, сопутствующих посевам [Спиридонова, Алешинская, Кочанова, 2008]. Работы по выявлению в спорово-пыльцевых спектрах индикаторов антропогенной деятельности (проще говоря, сорняков) ведутся более 30 лет [Федорова, 1965; Крупенина, 1973; Сафарова, 1973; Федорова, 1976; Гуман, 1978; Александровский и др., 1991]. Сорняки подразделяются условно на три группы [Александровский и др., 1991]:

1) сеgetальные – сорная растительность распаиваемых полей, расселяющаяся на парах, залежах, т.е. связанная в основном с земледелием. Например, в лесостепном Зауралье ее основными современными представителями являются василек (*Centaurea cyanus* L.), щирица (*Amaranthus retroflexus* L.), суrepка (*Barbarea arcuata* (Opiz ex J. et C. Presl) Reichenb.), овсюг (*Avena fatua* L.), марь (*Chenopodium album* L.), конопля (*Cannabis sativa* L.), реже встречаются осот (*Sonchus arvensis* L.), гречиха (*Fallopia dumetorum* L., *F. convolvulis* L.), капуста (*Brassica campestris* L., *B. Juncea* L.), горчица (*Sinapis alba* L., *S. arvensis* L.), редька полевая (*Raphanus raphanistrum* L.);

2) пасквальные сорняки – сорные растения на выгонах или скашиваемых участках, как правило свидетельствующие о скотоводстве;

3) рудеральные – произрастающие вблизи жилья и у дорог.

По комплексу антропогенных индикаторов вполне можно выявить специфику использования земель человеком. По данным экспериментальных исследований поверхностных проб почвы в лесостепи Зауралья, при интенсивном освоении земель доля пыльцы сорных растений достигает 70 % [Рябогина, 2005]. Несмотря на обширные современные посева, доля пыльцы культурных злаков в этих пробах составляет не более 2 %, и только в непосредственной близости от полей она заметно увеличивается. Вероятно, в связи с тем, что пыльца культурных злаков тяжелая, большая ее часть оседает внутри посевов или разносится ветром на небольшие расстояния – от 0,5 до 2 км [Федорова, 1958, с. 19; Александровский и др., 1991]. Основная масса пыльцы сеgetальных сорняков оседает в пределах 5–10 км. Следовательно, присутствие палинологических индикаторов земледелия в ископаемых спектрах не может быть следствием ветрового заноса из других районов, как это случается с древесной пыльцой, а характеризует только местные условия.

Анализ фактов

Обобщение имеющихся палеоботанических данных, связанных с древним земледелием на территориях Русской равнины, Западной Сибири, Урала и Казахстана, позволяет рассмотреть вопросы о времени его возникновения и динамике развития (см. таблицу). Известно, что когда на Русской равнине в середине – финале атлантического периода голоцена произошел быстрый переход неолитического населения степных и лесостепных районов к производящему хозяйству, на большей части Западной Сибири сохранялось присваивающее охотничье-рыболовецкое направление. Наиболее ранние свидетельства земледелия (пыльца культурных злаков и сеgetальных сорняков), относящиеся ко времени ок. 6 300 л.н., обнаружены в Западной Украине [Александровский и др., 1991], в среднерусской лесостепи такие находки датируются 5 500–5 400 л.н., в Молдавии – 5 200–5 500 л.н. [Там же]. В начале III тыс. до н.э. на поселении Вита-Литовская в Центральной Украине выращивали ячмень (отпечатки зерен), пшеницу и рожь (пыльца) [Федорова, 1959a].

Первые, хотя и спорные, свидетельства земледелия на Южном Урале относятся к неолитическому культурному слою поселения Кага, в котором обнаружена пыльца ржи [Александровский и др., 1991]. В поздне-бронзовых слоях селища Черкассы найдены зерна пшеницы [Лебедева, 2005], а в сарматском могильнике Новый Кумак-2 – проса и пшеницы [Акбулатов, 1999].

В суббореальных отложениях Русской равнины пыльца культурных злаков и сопутствующих сорняков встречается постоянно. Подобные находки, относящиеся к эпохе бронзы, известны в Литве, Западной Украине, Полесье [Там же], Центральной Мещере [Абрамова, 2001] и других районах. С середины субатлантического периода (рубеж эр) земледелие уже играет существенную роль в экономике лесной зоны Восточной Европы, о чем свидетельствуют также обширные вырубки и выжиги лесов. Исследователи отмечают, что на Русской равнине пыльца культурных злаков встречается в первой половине суббореального периода только единично, а начиная со второй стабильно составляет 4 % от количества пыльцы травянистых растений [Там же].

Сходные выводы сделаны и в результате масштабных археоботанических (карпологических) исследований в Восточной Европе и на Южном Урале [Лебедева, 2005]. В середине и на ранних этапах позднего периода бронзового века обнаружены лишь единичные зерна, которые сложно трактовать как признаки аграрной культуры. Проникновение земледельческих традиций в степные и лесостепные районы достоверно можно констатировать только на заключительных этапах бронзового века. Но наиболее частая встречаемость макроостатков культурных растений отмечается с раннего железного века на обширной территории от

Палеоботанические свидетельства земледелия

Раздел		Голоцен		Археологические периоды		Время, л. н.		Тысячелетия		Века		Восточно-Европейская (Русская) равнина			Урал
Подразделение по [Нейштадт, 1957]		Подразделение по Блиту, Серрандеру		Археологические периоды		Время, л. н.		Тысячелетия		Века		Запад	Центр	Восток	
Средний		Суббореальный		Энеолит		4 000		II		I		Восточно-Европейская (Русская) равнина			Урал
Поздний		Субатлантический		Ранний железный век		2 000		I		II		Восточно-Европейская (Русская) равнина			
Атлантический		Неолит		V		6 000		IV		III		Восточно-Европейская (Русская) равнина			Урал
Средний		Неолит		IV		5 000		III		II		Восточно-Европейская (Русская) равнина			
Средний		Бронзовый век		III		3 000		II		I		Восточно-Европейская (Русская) равнина			Урал
Поздний		Средневековые		I		1 000		II		III		Восточно-Европейская (Русская) равнина			
												Восточно-Европейская (Русская) равнина			Урал
												Восточно-Европейская (Русская) равнина			

Пыльца злаков, Зап. Украина
 Пыльца злаков и сорняков, Литва
 Пыльца злаков, Зап. Украина, Полесье Молдова
 Отпечатки ячменя, пыльца пшеницы и ржи, Центр. Украина, поселения Вита-Литовская и Скуносво
 Пыльца злаков, Литва
 Пыльца злаков, Зап. Украина, Полесье Молдова
 Пыльца ржи, Литва
 Отпечатки и зерна проса, ячменя, пшеницы, ржи, поселения Сев. Причерноморья (скифская)
 Зерна проса, пшеницы, ячменя, Приазовье, Сев. Донец, Ср. Дон (срубная, позднесрубная)
 Пыльца злаков, Среднерусская равнина
 Зерна проса, ячменя, пшеницы, поселения Замятино-7, Липецкая обл. (гуннская)
 Зерна проса, ячменя, пшеницы, г. Ростиславль, Московская обл. (дыяковско-др.-русская)
 Пыльца культурных злаков и сеgetальных сорняков, Центр. Мещера
 Зерна проса, ячменя, пшеницы, городище Настасьино, Московская обл. (дыяковская)
 Пыльца злаков, Протоповское городище, Коломна
 Зерна пшеницы, ячменя, проса, городище Русская Селитба, ср. Волга (валиковой керамики)
 Зерна пшеницы, проса, поселения Липовый Овраг, ср. Волга (срубная)
 Зерна проса, пшеницы, могильник Нов. Кумак II (сарматская)
 Зерна пшеницы, селище Черкассы, Юж. Зауралье

Крыма до Подмосквья. Реконструкция ранних земледельческих традиций и процесса развития технологии культивирования различных зерновых выполнена по палинологическим, карпологическим и историческим источникам для территорий Дальнего Востока, Монголии и Китая [Кузьмин, 1997, 2006].

К сожалению, имеющиеся палеоботанические данные о земледелии в южных и центральных районах Западной Сибири пока скудны, это не позволяет представить полноценную комплексную реконструкцию хозяйства древнего населения этого региона. В Западной Сибири ареал производящего хозяйства окончательно оформился только в суббореальном периоде голоцена, однако долгое время превалировало скотоводческое направление. Первые предположения о заимствовании земледелия связаны с обнаружением орудий для сбора и переработки зерна на поселениях черкаскульской и еловской культур поздней бронзы, а также с общим

оседлым характером жизни их обитателей [Косарев, 1981; Сидоров, 1986; Эпоха бронзы..., 1987]. До недавнего времени единственным палеоботаническим источником, подтверждающим возникновение локальных очагов культивирования злаков в финале бронзового века в Южном Зауралье, считались два отпечатка зерен ячменя и пшеницы, обнаруженные на керамике черкаскульского типа с поселения Ольховка в Приисетье (карпологические определения О.М. Короны [Матвеев, Матвеева, Корона, 1998; Матвеев, 1999]). Интересно, что время обитания черкаскульцев (середина – конец II тыс. до н.э.) в Южном Зауралье приходится на наиболее аридные климатические условия середины суббореального периода голоцена и связанное с ними значительное остепнение ландшафтов. Поэтому появление земледелия и начало возделывания культурных растений кажется несколько неуместным в это время, хотя и не противоречит предположению о единичных

на юге Западной Сибири и в сопредельных регионах

Западно-Сибирская равнина		Казахстан
Зауралье	Верхнее Приобье	
<p>Пыльца пшеницы, поселение Курья-1, Тюмень (федоровская)</p> <p>Отпечатки пшеницы и ячменя, поселение Ольховка, Присетье (черкаскульская)</p> <p>Отпечатки зерен пшеницы, Коловское городище, Присетье (бархатовская)</p> <p>Пыльца пшеницы, ячменя/овса, ржи, вне культурных слоев (2 890–2 670 л.н.)</p> <p>Зерна овса и сорняков, Зырянские курганы (XVI–XVII вв.), Причулымье</p> <p>Зерна ячменя и проса, могильники Иня-1 и Телеутский Ввоз-1, городище Елбанка, Алтай (сросткинская)</p> <p>Зерна проса и сорняков, Бирюзовая Катунь-1, Алтай (др.-тюркская)</p> <p>Зерна проса и ячменя, поселения Майма-1, Ушлеп-5, предгорный Алтай (майминская)</p> <p>Зерна ячменя и проса, могильник Серебряковский, Томско-Енисейское междуречье (тагарская)</p> <p>Отпечатки зерен пшеницы и проса, городище Милованово-3, Новосибирское Приобье (ирменская)</p>	<p>Отпечатки зерен пшеницы, поселение Алексеевское, Сев. Казахстан (алексеевско-саргаринская)</p> <p>Фитолиты проса, ячменя, овса, риса, зерна ячменя, проса, пшеницы, городище Талгар, Семиречье</p> <p>Зерна ячменя, проса, пшеницы, городища Акыртас, Орнек, Коныр-тобе, Куирук-тобе, Таласская долина</p> <p>Зерна пшеницы, ячменя, проса, городище Каялык, Семиречье</p>	
<p>■ хронологический интервал встречаемости палеоботанических находок</p>		

очагах земледелия в поймах, на наиболее увлажненных и плодородных участках [Косарев, 1981; Потемкина, 1985]. Кроме общей ландшафтно-климатической ситуации, развитие земледелия, вероятно, блокировалось узкоспециализированным животноводческим направлением хозяйства черкаскульской общины, унаследовавшей традиции ранних андроновцев.

Недавно были получены новые данные, свидетельствующие о том, что до черкаскульцев с земледелием были знакомы носители федоровской культуры Южного Зауралья. В результате целенаправленного поиска палеоботанических индикаторов земледелия на поселении Курья-1 в 2007 г. в заполнении колодцев обнаружены крупные пыльцевые зерна злаков. Большая их часть по морфологическим признакам близка пыльце пшеницы (*Triticum* sp.). Очень важным является факт не единичной находки, а массового скопления – это один из основных диагностических призна-

ков очень близкого расположения засеянного поля. К сожалению, флотация культурного слоя и заполнения колодцев плодов не принесла, что не удивительно, т.к. органические остатки очень быстро разрушаются в лугово-черноземных почвах. Памятник расположен недалеко от г. Тюмени, его исследование будет продолжено [Волков и др., 2007].

Более благоприятными для развития земледелия были природные условия в финале суббореального периода голоцена, когда сначала в таежных (2 900 л.н.), а затем и в лесостепных районах (2 700 л.н.) Западной Сибири на фоне заметного похолодания постепенно увеличилась влажность, сухие степи стали более мезофитными [Рябогина, 2004; Зах, Рябогина, 2005]. Вероятно, вследствие палеоэкологических изменений в эпоху поздней бронзы и переходное время от бронзового к железному веку сформировался комплексный, многоотраслевой тип хозяйства, при явном преобладании скотоводства с

увеличением доли лошади в стаде. Тем не менее анализ археологических данных [Потемкина, 1985, с. 319–320] позволил предположить, что земледелие уже было знакомо древнему населению, но в силу примитивности техники могло носить только весьма ограниченный или даже эпизодичный характер. При мотыжной обработке земли невозможно возделывать большие площади и собирать достаточный урожай. Однако именно к рубежу II–I и началу I тыс. до н.э. относятся более частые палеоботанические находки, свидетельствующие о земледелии. В это время в южных районах Западной Сибири почти синхронно существовали бархатовская культура на юго-западе, сузгунская на севере, ирменская на востоке, алексеевско-саргаринская на юге.

В лесостепном Приобье выявлены явные свидетельства знакомства носителей ирменской культуры с земледелием в начале I тыс. до н.э. Кроме сравнительно-типологических, трасологических и экспериментальных исследований найденных здесь орудий (наконечник мотыги, секач, зернотерки), интерес вызывают обмазанные глиной ямы, интерпретированные как зернохранилища. По отпечаткам растений на керамике с поселения Милованово-3 определены голозерная гексаплоидная пшеница (*Triticum antiquorum*) и предположительно просо (определения Р.А. Удачина) [Сидоров, 1986]. Это достаточно архаичный вид пшеницы, предшествовавший не только современной мягкой *T. aestivum* L., но и карликовой голозерной *T. compactum*, которая, по мнению Р.А. Удачина, на территории Средней Азии формирует свой ареал уже в эпоху бронзы. Существование выявленного вида пшеницы объясняется очень ранним проникновением земледелия на территории Западной Сибири [Там же]. Позднее на ирменском поселении Искок при флотации культурного слоя получен комплекс семян сорных растений, в т.ч. сеgetальных [Баштанник, 2006].

В материалах бархатовского керамического комплекса с Коловского городища в Приисетье обнаружен отпечаток зерна пшеницы (*Triticum* sp.) [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с. 150]. На керамике с поселения Заводоуковское-10 в Притоболье встречен похожий отпечаток, однако культурное происхождение растения не доказано специалистами [Корочкова, Стефанов, 1991, с. 61]. Целенаправленный поиск подобных отпечатков в материалах других бархатовских памятников Зауралья не дал положительных результатов. Непосредственно в бархатовском культурном слое памятника Щетково-2 пыльца культурных злаков также не обнаружена, однако в перекрывающих его слоях единичные пыльцевые зерна выявлены [Зах и др., 2008, с. 59], вероятно, они связаны с наиболее поздним этапом функционирования этого поселения. Если носителям бархатовской культуры и были знакомы зачатки земледелия, единичная находка не может достоверно свидетельствовать о его существенной роли в жизнеобеспечении населения.

Возможно, наличие отпечатка зерна пшеницы на керамике в Южном Зауралье объясняется контактами бархатовцев с населением сопредельных территорий Казахстана. Обгорелые зерна пшеницы (точное определение отсутствует) на жертвенном месте у Алексеевского поселения алексеевско-саргаринской культуры в Северном Казахстане [Кривцова-Гракова, 1948] говорят в пользу того, что этот злак там выращивался. На территории Северного, Центрального и Восточного Казахстана с позднебронзового времени были широко распространены ирригационные сооружения, при раскопках встречаются зернотерки, мотыги и бронзовые серпы [Маргулан, 1979]. Известный в восточно-казахстанских материалах [Черников, 1960] бронзовый серп с многочисленными отпечатками листьев и стеблей злаков (осок?), к сожалению, не обеспечен более точными ботаническими определениями, неясно происхождение и возраст отпечатков, поэтому сомнительно его использование в качестве аргумента в пользу существования земледелия.

Чрезвычайно интересным представляется регулярное обнаружение пыльцы культурных злаков (в основном пшеницы, иногда ячменя/овса, ржи) в южных районах Тоболо-Ишимья, причем в слоях, не содержащих культурных остатков [Зах и др., 2008, с. 6–59]. Она найдена в археологически «стерильных» почвенных отложениях, перекрывающих бархатовский культурный слой (поселение Щетково-2), а также в подстилающих саргатские (поселение Нижне-Ингалское-3) и журавлевские (городище Ласточкино Гнездо-1) культурные слои. Пыльца культурных злаков встречена в почвенном профиле, сформировавшемся над энеолитическими грунтовыми захоронениями Бузан-3 и над культурным слоем культового места Остров-2. Сопоставление радиоуглеродных и палиностратиграфических данных позволяет отнести все эти слои к интервалу 2 900–2 500 л.н., т.е. к переходному времени от бронзового к железному веку. Несмотря на то что в отложениях IX–VI вв. до н.э. отмечены только единичные пыльцевые зерна культурных злаков, обнаруженная с ними пыльца сеgetальных сорняков (*Chenopodium album* L., *Centaurea cyanus* L., *Sonchus* sp.) дает основание говорить об элементах земледелия в хозяйстве населения Южного Зауралья в указанный период. Однако ввиду редкости палинологических исследований на памятниках этого времени достоверно сопоставить находки с конкретной археологической культурой пока не представляется возможным.

В первой половине субатлантического периода голоцена, по археологической шкале соответствующей раннему железному веку, в юго-западных районах Западной Сибири традиция выращивания злаков слабо прижилась и постепенно угасала во времена господства носителей саргатской культуры и сарматов. Флотация саргатских культурных слоев в лесостепи дала

отрицательные результаты [Матвеев, Матвеева, Корона, 1998]. Однако есть интересные, но плохо документированные данные об обнаружении зерен ячменя, овса и сеgetальных сорняков в курганах саргатов около Подчевашского городища (раскопки конца XIX в. под г. Тобольском) [Баштанник, 2006].

Более убедительные данные получены о земледелии тагарской культуры, существовавшей практически одновременно с саргатской. В могильнике Серебряковский в Томско-Енисейском междуречье [Мартынов, 1979, с. 100] обнаружены сохранившиеся зерновки ячменя (*Hordeum* sp.) и проса (*Panicum* sp.). Многие тагарские орудия могут быть отнесены к земледельческим, в т.ч. и 200 серпов, найденных в Красноярском крае [Черников, 1960]. К сожалению, утверждения о земледелии других культур в предгорьях Алтая и Барнаульско-Бийском Приобье не подкреплены палеоботаническими данными.

В более поздние – раннесакский, сакский и хуннский – периоды, с доминированием кочевого и полукочевого скотоводства, существование земледелия в юго-восточной части Западной Сибири спорно. Однако есть данные, подтверждающие возрождение земледельческой традиции в северных предгорьях Алтая у носителей майминской культуры (начало I тыс. н.э.). Найденные на поселениях Майма-1 и Ушлеп-5 россыпи зерна проса и ячменя, а также мотыги, зернотерки и серпы свидетельствуют о мотыжном земледелии в это время [Абдулганеев, 1997].

Палеокарпологический материал получен из кургана Бирюзовая Катунь-1, относящегося к катандинскому этапу древнетюркской культуры Горного Алтая (вторая половина VII – первая половина VIII в. н.э.). Определена основная зерновая культура – просо посевное (*Panicum miliaceum* L.), встречены также зерна сорных растений, часть из которых сопутствует пропашным культурам: *Galeopsis speciosa* Mill., *G. ladanum* L., *Sinaps arvensis* L., *Stachys palustris* L., *Stellaria media* L., *Potentilla* cf. *supina* L., *Carex* cf. *acuta* L. Этот же комплекс видов встречается и в настоящее время в посевах яровых культур в непосредственной близости к месту захоронения [Кирюшин и др., 2006].

Позднее в хозяйстве населения Алтая черты земледелия исчезают, вероятно, из-за усиления влияния кыргызов, киманов и других кочевников [Абдулганеев, 1997]. Благоприятные военно-политические условия для его возобновления появились только в средневековье ок. XIII–XIV вв. Россыпи зерна ячменя и проса, а также наконечники железных мотыг (и, возможно, лемех) обнаружены на сrostкинских памятниках – городище Елбанка, могильниках Иня-1 и Телеутский Взвоз-1 (определения Е.А. Пономаревой) [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003]. Симптоматично, что керамический комплекс городища Елбанка близок керамике с поселения Ушлеп-5, жители этих поселе-

ний выращивали одни и те же культуры, т.е. есть основания предполагать некую преемственность. Однако, в отличие от майминцев, носители сrostкинской культуры, вероятно, были знакомы с простейшим плугом, поэтому их земледелие можно трактовать как мотыжное и пашенное [Абдулганеев, 1997].

Южный Казахстан, как показывают археологические, письменные и палеоботанические источники [Баштанник, 2007], в VI–XIV вв. н.э. был крупным земледельческим районом. Палеоботанические данные о земледелии в средние века получены из культурного слоя городища Талгар VIII–IX вв. (предгорья Заилийского Алатау) [Гольева, 2008], где обнаружены фитолиты шелухи и листьев проса, ячменя, овса, а также шелухи зерен риса. По мнению А.А. Гольевой, это указывает на импортное происхождение риса и культивирование ячменя, проса и овса. Здесь же найдены карбонизированные зерновки двурядного плечатого ячменя (*Hordeum vulgare* L.), зерновки проса (*Panicum milliaceum*), несколько зерен карликовой разновидности пшеницы мягкой (*Triticum aestivum*) [Баштанник, 2002]. На городище Каялык (Антоновка) XI–XIII вв. доминируют зерна пшеницы, ячмень и просо представлены меньшим количеством. Есть серия карпологических определений, свидетельствующих о возделывании плодовых культур и злаков (ячменя, проса, реже пшеницы), для городищ IX–XV вв. в Таласской долине (Акыртас, Орнек, Куйрук-тобе, Караспан-тобе) [Баштанник, 2007].

В центральных районах Западной Сибири известны археоботанические находки, указывающие на земледелие в позднем средневековье. Безусловно, для этого периода их было бы значительно больше, если бы археологи отдавали растительные остатки на исследование специалистам. Наиболее детально изучены археоботанические находки из одного погребения Зырянского могильника XVI–XVII вв. (Причудымье, Томская обл.), где среди растительных остатков выявлен целый комплекс пищевых и сорных растений (определения Е.А. Пономаревой) [Беликова, 2003]. Особый интерес представляет овес (*Avena sativa* L.) и сеgetальный сорняк, сопутствующий его посевам, – куколь обыкновенный (*Agrostemma githago* L.). Растительные остатки овса принадлежат культурной, но примитивной форме, предназначенной, вероятно, для фуражных целей.

Заключение

Анализ пространственно-временного распределения палеоботанических индикаторов земледелия в Западной Сибири (рис. 3) показал, что пока сложно выделить какой-то район и этап, где и когда этот вид деятельности был основным в жизнеобеспечении.

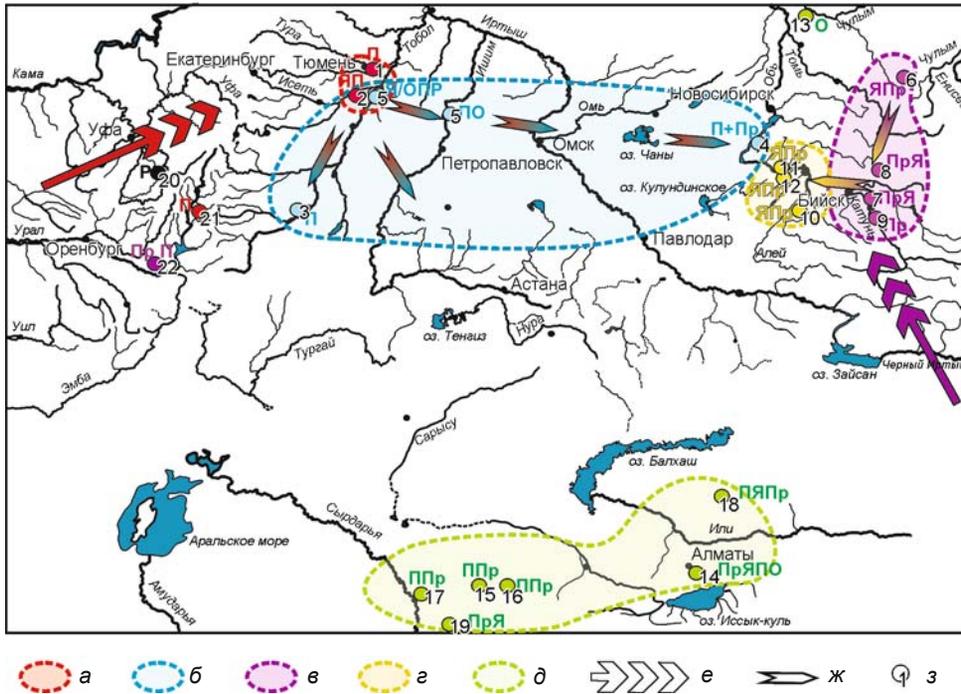

Рис. 3. Реконструкция очагов культивирования злаков на территории Западной Сибири, Южного Казахстана и Южного Урала в бронзовом веке – средневековье.

a-d – условные ареалы земледелия: *a* – поздний бронзовый век, *b* – финал бронзового века – переходное время к раннему железному веку, *в* – ранний железный век, *г* – раннее средневековье, *д* – позднее средневековье; *e* – вероятное направление продвижения сельскохозяйственной традиции на территорию Западной Сибири; *ж* – распространение земледелия в пределах Западной Сибири; *з* – археологические памятники с палеоботаническими находками: 1 – поселение Курья-1; 2 – поселение Ольховка; 3 – поселение Алексеевское; 4 – поселение Милованово-3; 5 – почвенные отложения 2 900–2 500 л.н. (без культурной привязки); 6 – могильник Серебряковский; 7 – поселение Майма-1; 8 – поселение Ушлеп-5; 9 – курган Бирюзовая Катунь-1; 10 – городище Елбанка; 11 – могильник Иня-1; 12 – могильник Телеутский Взвоз-1; 13 – могильник Зырянский; 14 – городище Талгар; 15 – городище Акыртас; 16 – городище Орнек; 17 – городище Куйрук-тобе; 18 – городище Каялык (Антоновка); 19 – городище Караспан-тобе; 20 – поселение Кага; 21 – селище Черкассы; 22 – могильник Новый Кумак-2. Палеоботанические следы земледелия (зерна, отпечатки зерен, пыльца): П – пшеница, Пр – просо, Я – ячмень, О – овес, Р – рожь.

В отличие от Русской равнины, для Западно-Сибирского региона земледелие было не характерно вплоть до Нового времени.

Выделение археологами пастушеско-земледельческих культур в Западной Сибири с начала бронзового века исключительно на основании обнаруженных «земледельческих орудий», вероятно, преждевременно, оно пока не аргументировано палеоботаническими находками. Немногочисленные очаги культивирования злаков, возможно, появились только в финале бронзового века в Южном Зауралье. По имеющимся данным, наиболее ранний из них, вероятно, был в Среднем Притоболье (междуречье рек Туры и Исети). Ограниченный ареал, очерченный по двум памятникам, и отсутствие в их материалах земледельческих орудий позволяет предположить только вспомогательный, пробный характер производства зерна. Традиция выращивания пшеницы и ячменя в XVIII–XIII вв. до н.э. (федоровская и черкаскульская культуры) могла проникнуть из Волго-Уральского региона. Здесь единичные зерна пшеницы

и проса обнаружены на памятнике срубной культуры в Среднем Поволжье, а позднее зерна пшеницы и ячменя преобладали в материалах сусканской культуры Южного Урала и средней Волги [Лебедева, 2005].

Более убедительным кажется предположение о начале земледелия в лесостепной и степной зонах Западной Сибири в конце II – начале I тыс. до н.э. Возможно, это изменение в хозяйстве возникло как адаптация древних людей к меняющимся природным условиям. В западных, центральных и восточных районах на археологических памятниках данного периода (бархатовской, ирменской, алексеевско-саргаринской культур) обнаружены зерна, их отпечатки и пыльца преимущественно пшеницы, а также ячменя/овса и ржи. Именно рубеж II и I тыс. до н.э. – наиболее вероятное время включения земледелия в структуру производящего хозяйства населения лесостепной полосы Западной Сибири. Хотя палеоботанические находки этого времени единичны, появление зернотерок, мотыг и серпов, а также ирригационных сооружений позволяет включить

в условный ареал земледелия лесостепное Притоболье, Северный Казахстан, Барабу и лесостепное Приобье.

С раннего железного века специфика и вектор развития земледелия меняются. В западных и центральных районах Западной Сибири не обнаружено ни одного достоверного палеоботанического свидетельства земледелия, что, вероятно, указывает на его угасание или блокирование его развития узкоспециализированным скотоводческим направлением. Однако в Томско-Енисейском междуречье (тагарская культура), а позднее и в северных предгорьях Алтая (майминская культура) обозначается ареал производства проса и ячменя. Вероятно, доминирование в археоботанических материалах проса – древнейшей культуры Китая и Дальнего Востока – связано с импортом зерна и, возможно, с попытками самостоятельного культивирования. Ареал земледелия сохранился в предгорьях Алтая и в раннем средневековье (древнетюркская и сrostкинская культуры).

Формирование земледельческого очага в Южном Казахстане, выявленного по палеоботаническим находкам в позднесредневековых культурных слоях, вероятно, не связано с алтайским. Сюда традиция культивирования злаков могла проникнуть из Центральной Азии.

Отсутствие палеоботанических свидетельств земледелия в Северном и Центральном Казахстане, Барабинской лесостепи (по почвенно-климатическим условиям наиболее благоприятных для этих целей) не позволяет в настоящее время представить целостную картину его развития в Западной Сибири. В дальнейшем новые палеоботанические данные могут кардинально изменить первоначальные выводы о времени появления и основных ареалах земледелия в этом регионе. Объективной реконструкции земледельческого направления в хозяйстве древнего населения Западной Сибири будет способствовать понимание археологами важности сбора и специализированного анализа палеоботанических индикаторов земледелия.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. О наличии земледелия у населения лесостепного и предгорного Алтая в эпоху железа // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: мат-лы Всерос. науч. конф. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1997. – С. 138–141.

Абрамова Т.А. Палинологические и археологические характеристики природной среды центральной Мещеры в позднем голоцене // Мат-лы I Междунар. семинара «Пыльца как индикатор состояния окружающей среды и палеоэкологических реконструкций». – СПб.: ВНИГРИ, 2001. – С. 11–13.

Акбулатов И.М. Экономика кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.). – Уфа: Нац. музей Респ. Башкортостан, 1999. – 102 с.

Александровский А.Л., Анненков В.В., Глушко Е.В., Истомина Э.Г., Николаев В.И., Постников А.В., Хотинский Н.А. Антропогенные индикаторы в пыльцевых спек-

рах голоценовых отложений // Источники и методы исторических реконструкций изменений окружающей среды. Сер. География. – 1991. – Т. 8. – С. 7–18.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. – 2005. – № 4. – С. 70–78.

Баштаник С.В. Археоботанические находки на средневековых памятниках Семиречья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 122–130.

Баштаник С.В. Растения в культуре народов Сибири // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 161–163.

Баштаник С.В. Земледельческая культура Южного Казахстана эпохи средневековья. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т культуры и искусства, 2007. – 126 с.

Баштаник С.В. Археоботанические находки в раннесредневековых слоях городищ Отрарского оазиса // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 3. – С. 327–330.

Беликова О.Б. Комплекс с палеорастительными остатками из таежного Причумылья // Экология древних и современных обществ: докл. конф. – Тюмень: Изд-во ИППОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 104–109.

Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н. Раскопки многослойного поселения Курья-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2007. – № 8. – С. 240–243.

Гольева А.А. Взаимодействие человека и природы в северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М.: ГИМ, 2000. – С. 10–29.

Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. – М.: Ин-т географии РАН, 2001. – 200 с.

Гольева А.А. Информационные возможности биоморфного анализа для реконструкции природной среды древних обществ // Экология древних и современных обществ: докл. конф. – Тюмень: Изд-во ИППОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 21–24.

Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.

Гуман М.А. Антропогенные изменения растительности юга Псковской области в голоцене (по палинологическим данным) // Ботанический журн. – 1978. – Т. 63, № 10. – С. 34–46.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 330 с.

Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Антропология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 75–90.

Кирушин А.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

- Кирюшин К.И., Силантьева М.М., Семибратов В.П., Терехина Т.А.** Палеоботанические данные по материалам исследования кургана Бирюзовая Катунь-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 211–217.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.** Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: тез. науч. конф. – Уфа, 1991. – С. 59–62.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.
- Косарев М.Ф.** Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.
- Кривцова-Гракова О.А.** Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. 17. – С. 55–172.
- Крупенина Л.А.** Признаки антропогенного влияния на растительный покров Среднерусской возвышенности в голоцене // Палинология голоцена и маринопалинология. – М.: Наука, 1973. – С. 91–97.
- Кузьмин Я.В.** Распространение древнего земледелия в Северо-Восточной Азии и его воздействие на природную среду в голоцене // Проблемы археологии каменного века. – Уссурийск: Изд-во Уссурийск. гос. пед. ин-та, 1997. – С. 98–106.
- Кузьмин Я.В.** Природная среда и человек в позднем палеолите и неолите умеренного пояса Восточной Азии: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – Владивосток, 2006. – 45 с.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 484 с.
- Куприянова Л.А.** Морфология пыльцы однодольных // Флора и систематика высших растений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Вып. 7. – С. 106–117.
- Лебедева Е.Ю.** Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: ИА РАН, 2005. – Вып. 4. – С. 50–64.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.
- Маргтынов А.И.** Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 280 с.
- Маргтынова Г.С.** Земледелие и некоторые виды домашнего хозяйства в раннегунское время в Марининской лесостепи по материалам поселений // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. – С. 128–131.
- Матвеев А.В.** Новые данные о системе жизнеобеспечения черкаскульского населения Приисетья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 121–124.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Корона О.М.** Исследования по изучению земледелия древнего населения лесостепного Притоболья (предварительное сообщение) // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. – Вып. 3. – С. 63–66.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.** Древности Ингальской Долины. – Новосибирск: Наука, 2003. – 176 с.
- Нейштадт М.И.** История лесов и палеогеография СССР в голоцене. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 182–207. – 404 с.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Рябогина Н.Е.** Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. – Тюмень, 2004. – 16 с.
- Рябогина Н.Е.** Антропогенные индикаторы в спектрах голоценовых отложений лесостепного Тоболо-Ишимья // Тез. XI Всерос. конф. «Палинология: теория и практика». – М., 2005. – С. 127–128.
- Сафарова С.А.** Восстановление ландшафтных условий обитания древнего человека // Палинология голоцена и маринопалинология. – М.: Наука, 1973. – С. 100–105.
- Сидоров Е.А.** О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 54–66.
- Спирidonova Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.** Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. – М.: Воентехиниздат, 2008. – 248 с.
- Федорова Р.В.** Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях // КСИИМК. – 1958. – Вып. 72. – С. 17–28.
- Федорова Р.В.** Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // Тр. Ин-та географии АН СССР: мат-лы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. – 1959а. – Вып. 77. – С. 166–186.
- Федорова Р.В.** Рассеивание воздушным путем пыльцы злаков // Тр. Ин-та географии АН СССР: мат-лы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. – 1959б. – Вып. 77. – С. 187–195.
- Федорова Р.В.** Применение спорово-пыльцевого анализа в изучении археологических объектов лесостепной и степной зон // СА. – 1965. – № 2. – С. 121–131.
- Федорова Р.В.** Природные ландшафты голоцена и их изменение под влиянием деятельности человека (по палинологическим данным археологических памятников с. Костенок Воронежской области) // История биогеноценозов СССР в голоцене. – М.: Наука, 1976. – С. 132–149.
- Чемякина М.А., Дергачева М.И.** О существовании земледелия в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы – переходного времени от бронзы к железу // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 194–205.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА; № 88).
- Эпоха** бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – 417 с.
- Firbas F.** Der pollenanalytische Nachweis des Getreidebaus // Zeitschr. f. Botan. – 1937. – Bd. 31, H. 9/10. – S. 447–478.
- Joly C., Barille L., Barreau M., Mancheron A., Visset L.** Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2007. – Vol. 146. – P. 221–233.
- Zohary D., Hopf M.** Domestication of plants in the Old World: The origin and spread of cultivated plants in west Asia, Europe and Nile Valley. – 2nd ed. – Oxford: Calendon Press, 1994. – 245 p.

УДК 903.27

Е.П. Маточкин

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина
ул. Чорос-Гуркина, 46, Горно-Алтайск, 649000, Россия
E-mail: pallady@ngs.ru

КРАСНЫЕ МАРАЛЫ САТАКУЛАРА (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)

Статья посвящена новому петроглифическому памятнику у речки Сатакулар в Онгудайском р-не Республики Алтай. Рисунки выявлены на двух участках в желобе огромного монолита. Это несколько выбитых изображений и две уникальные фигуры маралов, выполненные красной краской. Они находят аналогии в петроглифах минусинской традиции на среднем Енисее, а также афанасьевской культуры на горе Калбак-Таиш и в гроте Куילו. Из анализа калбак-таишских аналогов следует, что в Сатакуларе изображена разнополая пара маралов. Крашенные рисунки, исполненные на высоком художественном уровне, и каменный монолит с необычным желобом являются в целом уникальным памятником.

Ключевые слова: петроглифический памятник, крашенные рисунки, минусинская традиция, афанасьевская культура, эпоха ранней бронзы.

Введение

В марте 2007 г. чабан Сумер Туктушев из с. Инегень показал мне рисунки, выполненные красной краской. Еще ранее, осенью 2006 г., о них рассказала мне английская журналистка Джоан Добсон. Ввиду малочисленности подобного материала каждое новое открытие крашенных петроглифов вызывает повышенный интерес ученых, занимающихся проблемами культурно-хронологической принадлежности древних изобразительных памятников.

Обнаруженные рисунки находятся в Онгудайском р-не Республики Алтай, в долине Аргута, примерно в 3 км от его впадения в Катунь, недалеко от первого правого притока – небольшой речки Сатакулар. Географические координаты памятника по GPS-приемнику: 50°13'22,6" с.ш., 086°42'20,3" в.д. Высота 801 м над ур. м. (по балтийской системе высот). Долина возле речки расширяется, на ее сравнительно ровной площадке, по рассказам чабанов, ранее жили люди. По фамилии одного из алтайцев это место стали называть Сатакулар-Оозы. Чуть ниже по течению Аргута весь склон усеян огромными камнями крупнозернистого биотитового гранита. Один из них напомина-

ет человеческую голову с рельефными чертами лица (рис. 1). В 30 м вверх от тропы лежит большой монолит (5×3 м, высота 3 м), выделяющийся необычной формой. Порода камня здесь подвержена размывам, в результате чего монолит оказался прорезан желобом винтообразной формы, расширяющимся и углубляющимся книзу. Желоб настолько большой, что в него можно легко залезть (рис. 2). Несомненно, этот уникальный природный феномен рядом с камнем-головой не мог не привлечь внимание древнего человека. Поверхность желоба достаточно ровная, однако только в редких местах гладкая, покрытая скальным загаром, большая ее часть шероховатая, с выщербинами из-за процессов десквамации. С течением времени желоб расширяется, и то, что ранее находилось под прикрытием верхнего массива монолита, теперь подвергается воздействию осадков и заселяется разнообразными лишайниками от светлого до черного цвета. Свободны от них лишь юго-западная плоскость у выхода желоба и несколько маленьких плоскостей слева вверху. Только в этих местах и просматриваются рисунки. Поэтому в настоящее время можно говорить о двух участках петроглифов: один в левой верхней части, другой – в нижней.

Рис. 1. Камень-голова.

Рис. 2. Монолит с желобом и рисунками.

Описание петроглифов

Первый участок. В верхней северной части желоба сохранились три небольшие узкие вертикальные плоскости, покрытые коричневым скальным загаром. На левой размером 40×20 см просматриваются изображения козла и животного с выгнутой спиной и длинным хвостом, обращенных головами вправо; вокруг них – небольшие аморфные пятна и нечитаемые фрагменты выбивки. Динамичная фигура козла выбита по силуэту мелкоточечной техникой. Его большой рог смыкается с хвостом и вместе с прогнутой спиной образует круг. Верхнее изображение животного выбито широкой и неглубокой линией, обнажившей светлую породу камня (рис. 3).

На средней плоскости, суживающейся книзу, размером 90×20 см представлена фигура козла, головой обращенного влево. Его профильное изображе-

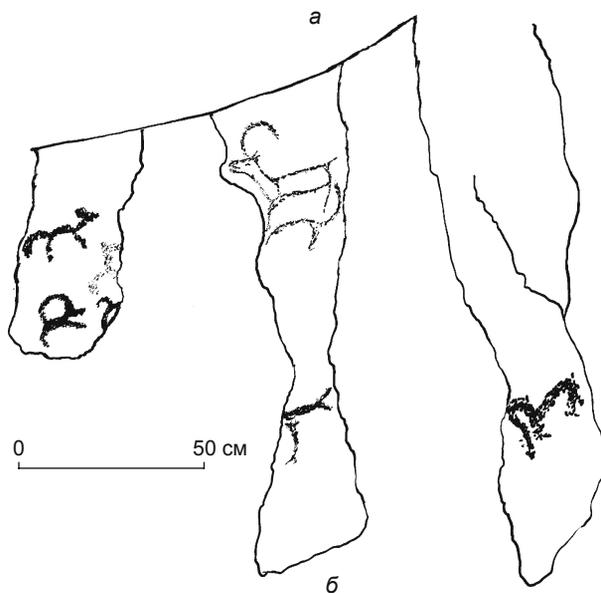

Рис. 3. Петроглифы участка 1 (а) и их прорисовка (б).

ние выполнено неглубокой выбивкой по контуру с несмыкающимися лунками. На корпусе заметна вертикальная полоска. Под фигурой козла просматривается несколько линий.

Правая плоскость, расположенная несколько ниже первых двух, имеет размер 80×20 см. На ней изображено животное, обращенное головой влево, видовую принадлежность которого определить затруднительно из-за грубой выбивки.

Второй участок. Плоскость овальной формы размером 200×100 см находится в полутора метрах ниже и южнее. Обнаруженные здесь крупные рисунки сохранились частично из-за покрывающих их лишайников. Ранее, надо полагать, нависающий козырек был больше, осадки сюда не попадали, и слегка вогнутую плоскость камня покрывал ровный коричневый скальный загар. Теперь же от него остались лишь отдельные маленькие островки, практически вся поверхность камня

шероховатая, в мелких ямочках, местами покрыта лишайником. На участке 2 зафиксировано семь зооморфных изображений. Все они представлены фрагментарно и просматриваются с трудом. Центральную часть плоскости занимает оленный фриз с фигурами двух животных. Эти рисунки, выполненные красной краской, представляют особый интерес (рис. 4).

Лосеподобный бык. Довольно крупное изображение синкретичного животного (длина ок. 80 см) расположено в самом верху, под нависающим козырьком, и менее всего пострадало от времени. Выбивка производится по контуру с дополнительной шлифовкой желобка. Лося напоминает заостренная параболическая морда и небольшой горб на спине. Необычен удлиненный экстерьер с закругленным крупом и двумя тонкими ногами. Задняя нога просматривается плохо, и совсем не виден хвост: на его месте растут лишайники. На голове показаны развернутые в фас бычьи рога, хотя все изображение профильное. В рисунке соединены реализм и условность, сочетающая изображения разных существ. Животное представлено как бы спускающимся в левую сторону вниз по течению Аргута.

Фрагментарное изображение. Расположено под передней ногой фигуры быка и очерчено двумя волнообразными желобками. Выбивка просматривается плохо из-за поверхностных разрушений и не находит однозначного прочтения.

Левый олень. Рисунок расположен слева в центральной части плоскости. Видовое определение животного – алтайский марал (*Cervus elaphus sibiricus*). Просматривается только передняя часть фигуры, остальное скрыто под лишайником. Ориентация направо, вверх по Аргуту. Длина видимой части ок. 0,5 м. Изображение профильное, контурное, выполнено полупрозрачной краской слабого тона без предварительной выбивки. Ширина линии контура ок. 1 см, в районе груди достигает 3,5 см. Изображение в значительной мере стилизовано и построено с помощью дугообразных линий, имеющих разную кривизну на груди и спине. Голова маленькая, являющаяся завершением узкой и чрезвычайно длинной шеи. Изображение рогов отсутствует, над головой видны только отдельные пятна. Линия от ушей до рта прямая. Внизу рисунок плавно переходит в линию груди и передней ноги. Рядом просматривается отрезок параллельно спускающейся линии. Изображение статичное, хотя вытянутая вперед шея своими изогнутыми линиями создает впечатление движения. Судя по размерам сохранившейся части, длина всего рисунка должна превышать 1 м.

Правый олень. Рисунок расположен справа в центральной части плоскости. Выполнен красной краской. Видовое определение животного – алтайский марал (*Cervus elaphus sibiricus*). Фигура видна почти полно-

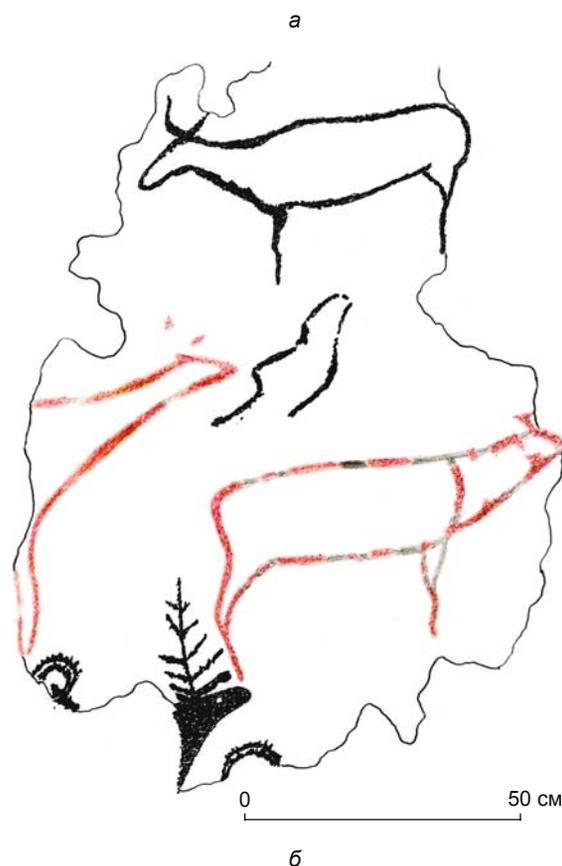

Рис. 4. Петроглифы участка 2 (а) и их прорисовка (б).

стью, лишь передняя часть головы скрыта лишайником. Высота ок. 0,5 м, длина ок. 80 см. Изображение профильное, контурное, за исключением головы, которая была покрашена по силуэту. Ориентация направо, вверх по Аргуту. Рисунок был частично выбит, а затем покрашен. Краска местами утратилась,

покрылась лишайниками, тем не менее изображение восстанавливается по желобку, кроме шеи и головы, где выбивка отсутствует. Рога не просматриваются из-за больших утрат поверхностного слоя в этой части плоскости, заметен лишь один небольшой отросток. Шею отделяет от груди вертикальная линия. Рисунок конечностей начинается двумя линиями, которые смыкаются на уровне колена и далее идут вместе под небольшим наклоном, отчего ноги выглядят, говоря словами И.В. Ковтуна, как бы «подкошенными» [2001, с. 143]. Для облика животного характерна подпрямоугольная форма туловища. Ровный абрис спины оканчивается чуть приподнятыми шейей и головой, что придает статичному изображению животного некоторую динамику. В рисунке реализм сочетается с известной долей схематизма. При этом сохраняются основные зоометрические пропорции: шея соразмерна туловищу.

Левый козел. Изображение фрагментарное. Находится под ногами левой фигуры оленя. Видны лишь часть головы и большие закругляющиеся рога с выделенными зубцами. Выбивка силуэтная. Ориентация направо.

Нижний марал. Изображение фрагментарное. Находится внизу у границы лишайников. Просматривается лишь верхняя часть корпуса с рогом на голове в виде елочки. Выбивка силуэтная. Фигура обращена головой вправо.

Правый козел. Изображение фрагментарное. Находится внизу справа от нижней фигуры марала. Видны лишь большие рога с зубцами. Ориентация неясна.

Датировка изображений

Изображения на первом участке значительно моложе, чем на втором. Выбивка слабо патинизирована. Самую раннюю здесь фигуру козла на средней плоскости, по-видимому, следует отнести к скифскому времени: в рисунке заметно декоративное начало.

Изображения козлов и марала с рогом в виде елочки, расположенные в нижней части второго участка, характерны для конца II – начала I тыс. до н.э. Синкретичные образы быков встречаются на памятниках эпохи развитой бронзы. Лосеподобные изображения смешанной природы датируются исследователями ранним бронзовым веком [Кубарев В.Д., 2000, с. 15].

Особый интерес представляет датировка двух центральных фигур маралов, выполненных красной краской. Следует отметить, что крашенных рисунков в Горном Алтае известно немного. Это Первая [Окладников, Молодин, 1978] и Вторая [Маточкин, 1986] Турочакские писаницы на р. Бии, фигуры коней на скале Калтак, в 30 км от Сатакулара вверх по Аргуту [Маточкин, 1998], и фрагментарное изображение у подно-

жия горы Курман-Тау [Кубарев Г.В., 2003]. Турочакские писаницы датировались эпохой развитой бронзы [Молодин, Маточкин, 1992; Молодин, 1993]. Изображение у горы Курман-Тау Г.В. Кубарев сравнивает с петроглифами Ярминского порога и относит к энеолиту – раннему бронзовому веку, хотя не исключает и более ранней даты [2003, с. 387]. Рисунки на скале Калтак значительно меньше по размерам и прокрашены по силуэту сухим красителем. Из-за отсутствия каких-либо аналогий на Алтае они датированы в широком диапазоне от середины I тыс. до н.э. до середины II тыс. н.э. [Маточкин, 1998, с. 59]. Хронологическими ориентирами послужили изображения, выполненные красной краской, в соседних регионах. Известно, что на Урале рисунки краской создавались с палеолита до середины II тыс. н.э. [Оборин, Чагин, 1988, с. 16–18]. Восточные аналоги – девять комплексов в бассейне р. Маны, притока Енисея, – исследователи, учитывая случаи палимпсеста, датируют I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. [Заика, Кузнецов, 2008].

Красные маралы Сатакулара – новый феномен в древнем искусстве Горного Алтая: впервые персонажами писаниц предстали благородные олени, изображения которых столь заметно отличаются по исполнению от ранее известных крашенных рисунков. Крупные размеры фигур и стилистические особенности – массивный корпус, маленькая голова с вытянутой вперед мордой, как бы «свисающие» ноги, схематизм в сочетании с реалистичностью – сближают сатакуларские образы с изображениями, которые исследователи связывают с минусинским стилем [Советова, Миклашевич, 1999, с. 53]. Наскальные рисунки, выполненные в этом стиле, были впервые выделены как «енисейская (минусинская)» изобразительная традиция Н.А. Подольским [1973, с. 270–272]. Впоследствии Я.А. Шер более подробно охарактеризовал ее особенности и отнес такие петроглифы «к числу наиболее ранних рисунков Среднего Енисея, не исключая и их верхнепалеолитического возраста» [1980, с. 190–193]. Сам же Н.А. Подольский считал маловероятным возникновение или проникновение в Минусинскую котловину енисейской статично-геометризованной традиции ранее начала энеолита [1973, с. 271].

Подобные параллели между рисунками в минусинском стиле и петроглифами Алтая не прошли мимо внимания исследователей. И.В. Ковтун подметил совпадение ряда базовых деталей среднеенисейских и горноалтайских изображений (Калбак-Таш, Кучерла I, грот Куюз), сходство в конфигурации и пропорциях корпуса животных, своеобразном положении передних ног, подтреугольном абрисе приподнятой головы и морды, вытянуто-прогнутых шеях [2001, с. 142]. В то же время исследователь замечает, что «горноалтайская серия изображений оставляет впечатление

более гомогенного комплекса с меньшей амплитудой иконографических вариаций. Ее отличает устойчивая изобразительная грациализация форм, а равно неестественно вытянутые, гипертрофированные шеи зооморфных образов» [Там же].

«Древнейший стилистический горизонт эпохи палеометалла, представленный горно-алтайскими и, возможно, рядом среднеенисейских комплексов петроглифов “минусинской” традиции» И.В. Ковтун связывает с обнаруженным в гроте Куйлю оленным фризом [Там же, с. 170]. Проведенные там раскопки позволили сопоставить появление рисунков с афанасьевским слоем кучерлинского культового комплекса [Деревянко, Молодин, 1991, с. 5]. На основе материалов этого опорного памятника было выделено еще несколько изображений, близких к кучерлинским. Аналогии им В.И. Молодин [1996, с. 181] находит в изображениях лося и маралов у д. Куюс на средней Катунь (грот Куюс), которые были датированы эпохой неолита [Окладникова, 1984, табл. 9, 1, 2], в крупной фигуре марала на оз. Музды-Булак [Молодин, Черемисин, 2002], а также в многочисленных рисунках на горе Калбак-Таш, в частности в некоторых изображениях оленей [Молодин, Черемисин, 2007, с. 93]. Д.В. Черемисин дополнил этот список открытыми им на р. Джазатор петроглифами Рыбинское I и II [1998], а также петроглифами Узунгура [2000].

Таким образом, на основе параллелей с выделенной минусинской традицией и сопоставления их с кучерлинским материалом можно говорить о синхронности сатакуларских изображений маралов и оленного фриза в гроте Куйлю. Конечно, подобная датировка требует верификации, что возможно при помощи микроанализа связующего вещества красителя. В будущем такой анализ должен быть произведен, и тогда петроглифы Сатакулара станут опорным памятником для многих стилистически однородных выбитых наскальных изображений.

Отнесение сатакуларских крашенных рисунков к кругу афанасьевских древностей позволяет сравнить их с более многочисленными петроглифами Калбак-Таша периода ранней бронзы. Это тем более уместно, что необходимо разобраться с вопросом, одновременны ли сами сатакуларские изображения маралов, различающиеся по размерам, технике исполнения и стилистическим особенностям? Априори можно полагать, что эти различия связаны с половой принадлежностью животных. Однако решить вопрос напрямую не представляется возможным, т.к. рога – мужской признак марала – на сатакуларских петроглифах не просматриваются. Вероятно, они были изображены у правого марала, но не сохранились из-за утрат поверхностного слоя. Попытаемся обнаружить корреляцию иконографических особенностей с половой принадлежностью животных на материале калбак-

ташских аналогов, тех рисунков, которые исследователи относят к эпохе ранней бронзы.

В.И. Молодин и Д.В. Черемисин среди петроглифов афанасьевской культуры выделяют изображения безрогих самок (fig. 220, 228, 307*) [2002, с. 62]. И.В. Ковтун приводит в качестве аналогов изображений минусинской традиции фигуры семи рогатых самцов (fig. 138, 141, 169, 208, 215, 238, 566) и четырех безрогих самок (fig. 196, 289, 368, 381) [2001, с. 143–147]. В.Д. Кубарев к изображениям безрогих животных относит fig. 235, 264, 306, 340, 662, а с рогами – fig. 156, 393, 566 [2003, с. 17–18]. В итоге сформировался массив калбак-ташских аналогов: 9 рисунков представляют рогатых самцов, 12 – безрогих самок. Для этих аналогов нами определялись размеры выбитых изображений по их прорисовкам с указанием масштаба [Kubarev, Jacobson, 1996]. Вычисления дали следующий результат: средняя длина фигуры самки 47 см, самца – 39 см, т.е. изображения безрогих животных в среднем в 1,2 раза крупнее, чем рогатых. Этот очевидный результат связан с тем, что шеи у самок изображались более длинными, очерченными плавной дугой. Изяществу удлинённой линии подчинялся и общий рисунок, отчего иконографическая модель самки отличается особой красотой и «грациализацией».

На петроглифах Сатакулара левая фигура марала также примерно в 1,2 раза крупнее правой. По аналогии с калбак-ташскими петроглифами можно заключить, что левое изображение с длинной шеей, изящное по рисунку представляет самку, а правое – самца. Надо полагать, у него были нарисованы рога, но от них сохранился лишь небольшой отросток. Вероятно, различия в стилистике образов сатакуларского оленного фриза обусловлены сложившимися иконографическими особенностями в изображении разнополых особей, а не одновременностью рисунков.

Заключение

В свое время А.П. Окладников и В.И. Молодин назвали Турочакскую писаницу одним из первоклассных памятников искусства Северной Азии [1978, с. 21]. С открытием каракольских росписей [Кубарев В.Д., 1988] и петроглифов Зеленого озера [Маточкин, 2006] Алтай предстал родиной не только шедевров скифского времени, но и блестящих творений эпохи развитой бронзы. После обнаружения Сатакуларской писаницы можно говорить о том, что и в раннем бронзовом веке в Горном Алтае было создано замечательное в эстетическом плане, прекрасное по своей художест-

*Здесь и далее указаны рисунки в кн.: [Kubarev, Jacobson, 1996].

венной выразительности произведение искусства. И эти монументальные образы сатакуларских маралов, выполненные красной краской, и сам монолит с необычным по форме желобом являются в целом уникальным памятником.

Список литературы

- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-I (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. конф. – Барнаул, 1991. – С. 3–7.
- Зайка А.Л., Кузнецов А.Л.** Зимняя археология: Полевые исследования петроглифов. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2008. – 76 с.
- Ковтун И.В.** Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д.** Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая: Изв. Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2000. – № 5. – С. 15–21.
- Кубарев В.Д.** Наскальное искусство Алтая (из экспедиционных заметок археолога). – Новосибирск; Горно-Алтайск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 95 с.
- Кубарев Г.В.** Исследования в Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 384–388.
- Маточкин Е.П.** Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 20–23.
- Маточкин Е.П.** Красные кони Калтака // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 57–59.
- Маточкин Е.П.** Петроглифы Зеленого озера – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 104–114.
- Молодин В.И.** Еще раз о датировке Турачакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. – С. 4–25.
- Молодин В.И.** Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: мат-лы IV Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 178–181.
- Молодин В.И., Маточкин Е.П.** Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. – 1992. – № 8. – С. 80–83.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Палимпсест на валуне с озера Музды-Булак (плато Укок) // Первобытная археология: Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 59–62.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Петроглифы Укока // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 91–101.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с.
- Окладников А.П., Молодин В.И.** Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11–21.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы средней Катунь. – Новосибирск: Наука, 1984. – 111 с.
- Подольский Н.Л.** О принципах датировки наскальных изображений: По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. – 1973. – № 3. – С. 265–275.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А.** Хронологические и стилистические особенности среднеенеисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: [б.и.], 1999. – С. 47–74.
- Черемисин Д.В.** Исследование петроглифов Южного Алтая в 1998 г. // Вестн. САИПИ, 1998. – Вып. 1. – С. 19–20.
- Черемисин Д.В.** Петроглифы Узунгура (Горный Алтай) // Обзорение 1994–1996 гг. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 52–56.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Kubarev V.D., Jacobson E.** Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altaï). – P.: De Boccard, 1996. – 68 p., 662 fig., 15 pl. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 3).

Материал поступил в редколлегию 23.03.09 г.

В.Н. Добжанский*Кемеровский государственный университет**ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия**E-mail: kafoi@history.kemsu.ru*

«КИРГИЗСКИЙ РУБЕЖ» И ПОРУБЕЖНЫЕ ВОЛОСТИ ТОМСКОГО УЕЗДА В XVII ВЕКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ*

В статье рассматриваются имеющиеся в литературе точки зрения на историко-географические термины «киргизский рубеж» и «порубежные волости», которые неоднократно встречаются в русских документах XVII в., относящихся к истории Томска. Длительное время общепринятой была точка зрения В.С. Синяева. Однако после публикации А.Х. Элртом историко-географических описаний Томского и Кузнецкого уездов Г.Ф. Миллера стало очевидно, что этот вопрос требует пересмотра. Установление истинного значения «киргизского рубежа» и его локализации возможно только при глубоком и тщательном анализе актового материала.

Ключевые слова: «киргизский рубеж», порубежные волости, ясачные волости Томского уезда, Томский уезд.

Постановка проблемы

В русских документах XVII в., относящихся к истории Томска, неоднократно встречаются историко-географические термины «киргизский рубеж» и «порубежные волости». Одно из наиболее ранних упоминаний «киргизского рубежа» содержится в отписке томского воеводы князя И.Ф. Шаховского, датированной декабром 1620 г. Воевода сообщает, что возвращающиеся из Москвы монгольские и киргизские послы «Тархан-лоба с товарищи» 5 октября «129 году» приехали в Томск, откуда они были отпущены «в их земли» в сопровождении 20 конных казаков во главе с десятником А. Губой «до киргисково рубежа... октября в 8 день» [Русско-монгольские отношения..., 1959, № 53, с. 108–109]. Каким виделся этот рубеж в конце XVII в., передал на «Чертеже земли Томского города» С.У. Ремезов, однако и он не совсем точно отразил сложившиеся к тому вре-

мени реалии [1882, л.11]. Еще меньше мы знаем о «киргизском рубеже» в середине и начале столетия. Возможно, его изображения появились уже на первых чертежах Томского уезда, которые, к сожалению, до нас не дошли.

В пределах «киргизского рубежа» находились и порубежные волости. В той же отписке И.Ф. Шаховского говорится: «И Ондрюшка Губа с товарищи, приехав, государь, в Томской город октября в 22 день, нам, холопом твоим, сказали, что де они Алтына-царя и Мугальские земли и киргиских послов Тархан-лобу с товарищи до киргисково рубежа проводили здорово. Да нам же, холопом твоим, Ондрюшка Губа с товарищи сказали, что де, государь, приказывал к нам, холопом твоим, киргисково рубежа князек Курчейко по своей шерти...» [Русско-монгольские отношения..., 1959, № 53, с. 109]. Таким образом, рассмотрение вопроса о локализации «киргизского рубежа» и порубежных волостей в отрыве друг от друга невозможно. Точная локализация последних поможет уточнить юго-восточную границу Томского уезда с «Киргизской землицей»,

*Локализация «киргизского рубежа» и порубежных волостей будет рассмотрена нами отдельно.

а выявление основных координат «киргизского рубежа» – территориальные границы порубежных волостей. В литературе существует мнение, что этот рубеж на протяжении всего XVII в. почти не претерпел изменений. Лишь в середине столетия в его конфигурации произошли незначительные перемены. Линия рубежа немного сдвинулась с юга на север, что привело и к изменениям территории ясачных волостей, в т.ч. и «порубежных» [Резун, 1984, с. 27–28]. Насколько обоснованно это мнение и соответствовало ли реалиям того времени?

Историография

З.Я. Бояршинова, отмечая сложность установления границ Томского уезда в первой половине XVII в., в связи с русской колонизацией Сибири и разграничением «сфер влияния между русскими колонизационными центрами – городами и острогами», указывает также, что в это время «не были постоянными и территории ясачных волостей, входивших в состав уезда». Очерчивая приблизительные границы уезда, она далее пишет: «Южная граница была еще более неопределенной. Здесь находились “порубежные” волости, бывшие постоянно в сфере влияния киргизских княжеств. Киргизские князьки считали жителей порубежных волостей своими “кыштымами”. Эти “порубежные” волости на протяжении всего XVII века являлись объектом напряженной борьбы между томскими воеводами и киргизскими князьками, борьбы за право эксплуатации местного населения, за право сбора ясака. В Томский город жители порубежных волостей вносили неокладной ясак» [Бояршинова, 1950, с. 31–32]. Автор даже приблизительно не очерчивает южную границу уезда, но отмечает: «...на южном рубеже Томского уезда, в так называемых “неокладных волостях”, имелись небольшие группы шустов и камларов» [Там же, с. 40]. Из этого следует, что к порубежным З.Я. Бояршинова относил Шуйскую и Камларскую волости. Однако представления не только о местонахождении порубежных ясачных волостей, но и их количестве в ее работе все же не очень определены. Ниже автор отмечает, что упоминания в ясачных книгах о поступлении пушнины из порубежных волостей появляются главным образом с 30-х гг. XVII в., и приводит следующие записи: «И в нынешнем же 140 году собрано мягкой рухляди с новых волостей... Шушской волости... з горной с Чоинской волости...» (1632 г.); в 1637 г. «приисканы в порубежной в Соксунской волости два человека...» [Там же, с. 102].

З.Я. Бояршинова не делает никаких попыток установить хотя бы приблизительно местонахождение указанных волостей. И дело не в том, что данная

проблема не входит в круг ее задач. Ученая убеждена, что «население порубежных волостей было непостоянным; туземные жители порубежного района то прикочевывали на территорию Томского уезда и здесь должны были выплачивать ясак в государеву казну, то уходили на киргизскую территорию и становились там “кыштымами” киргизских князьков» [Там же].

Попытку локализовать ясачные волости Томского уезда предпринял А.П. Дульзон. Его, как лингвиста, интересовали в первую очередь вопросы происхождения и классификации языка чулымских татар, и специально вопроса о «киргизском рубеже» и «порубежных волостях» он не рассматривал. Однако для характеристики чулымского языка и его локальных особенностей автору потребовалось составить карту ясачных волостей Причулымья. На основе имевшихся в то время опубликованных письменных документов А.П. Дульзон по среднему Чулыму и его притокам Яе, Чети и Кие указал Ячинскую, Корюковскую, Курчикову, Мелетскую и Туталову, а по верхнему течению Чулыма Ачинскую, Басагарскую, Камларскую, Шуйскую и Кызыльскую волости [1952, с. 83–85]. При этом под верхним Чулымом им понималась часть реки от устья Урюпа до слияния Белого и Черного Июсов. Такие порубежные волости, как Курчикова и Корюковская, отмечены на карте в бассейне р. Ки, Камларская – в южной части Аргинской луки, а Шуйская – в бассейне р. Урюп и Белого озера.

Уточнить южную границу Томского уезда в XVII в. попытался томский исследователь В.С. Синяев. В основу своих построений он положил «актовый материал», который «позволяет значительно уточнить не только границу XVII века с южносибирскими кочевниками, но и сравнительно верно нанести на карту почти все волости лесных тюркоязычных групп населения, улусы кочевников и отдельные русские и туземные поселения» [Синяев, 1956, с. 82]. Правда, в силу объективных обстоятельств весь «актовый материал» ограничился несколькими документами, известными автору на тот момент. Это воеводские отписки, опубликованные в приложении к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, в «Дополнениях к Актам историческим» и «Памятниках сибирской истории».

В.С. Синяев вычерчивает две линии «рубежа» – на середину и конец XVII в. Они немного отличаются друг от друга. Поскольку в распоряжении исследователя был единственный ориентир, относящийся к самому концу XVII в., – «Чертеж земли Томского города» из атласа С.У. Ремезова [1882, л.11], – то он и был взят за основу. Согласно «Чертежу», «рубеж» начинался примерно от устья Сисима, правого притока Енисея, затем пересекал Чулым в районе впадения Большого и Малого Сыров, продолжался до Белого озера, где поворачивал на юг в сторону Малого и

Большого Божьих озер, проходил между ними, далее шел к северо-западу и пересекал р. Кию в месте впадения в нее Б. Кожуха [Синяев, 1956, с. 80–82].

В середине столетия «рубеж» начинался также от устья Сисима. На полпути между Чулымом и р. Серж, не доходя до Белого озера, он поворачивал на юго-запад. В районе слияния Черного и Белого Июсов, на правом берегу последнего, В.С. Синяев, руководствуясь «Картой Сибири первой половины XVII в.», составленной К.Н. Сербиной по материалам второго тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера [Там же, с. 80; Сербина, 2000], поместил Ачинский острог 1641 г. В связи с этим на данном участке «рубежа» автор был вынужден сделать выступ, направленный острием на юг, обогнув который граница шла дальше строго на север в сторону Белого озера, где вновь поворачивала на запад, пересекая р. Кию в районе устья Кожуха. Как утверждает В.С. Синяев, «киргизский рубеж» в этом виде наметился уже в первом десятилетии XVII в. и в дальнейшем происходили лишь частичные изменения, связанные со строительством Каштацкого острога, уничтожением старого Ачинского острога и другими событиями [1956, с. 87].

Относительно «порубежных волостей» автор пишет, что они находились «севернее Божьего озера вдоль “рубежа”» [Там же, с. 82]. Ниже он уточняет, кто относился к этим волостям: камлары, шусты и кызыльцы, жившие соответственно к северу, западу и востоку от Белого озера [Там же, с. 83–85].

В 1955 г. увидела свет большая статья С.В. Бахрушина «Енисейские киргизы в XVII в.». В ней термина «киргизский рубеж» нет. Однако автор подробно характеризует понятие «Киргизская земля», очерчивая основные ее территории [Бахрушин, 1955а, с. 176–177], что позволяет при наличии других материалов наметить примерные контуры этого «рубежа». Кроме того, С.В. Бахрушин большое внимание уделил взаимоотношениям енисейских киргизов с русскими. Он подробно описал несколько походов казаков в «Киргизскую землю», в т.ч. и под руководством Я.Е. Тухачевского в 1641 г. Как отмечает С.В. Бахрушин, воеводе «удалось выполнить свою основную задачу – поставить на Чулыме Ачинский острог», ставший «на границе Киргизских степей» новым оборонительным форпостом «для дальнейшего продвижения на юг» [Там же, с. 205]. Однако что исследователь понимал под «границей Киргизских степей», не ясно. По всей видимости, в вопросе о местонахождении Ачинского острога С.В. Бахрушин, как и В.С. Синяев, опирался на карту К.Н. Сербиной. В таком случае южную границу «Киргизских степей» он помещал в районе слияния Белого и Черного Июсов.

Для характеристики «киргизского рубежа» важен еще один момент в работе С.В. Бахрушина. Следствием похода против киргизов, состоявшегося в

1680 г. под руководством томских детей боярских Р.И. Старкова и И.М. Гречанинова, явилось установление границы между русскими и киргизскими владениями, каковой была признана р. Июс. Исследователь приводит фрагмент неопубликованного договора, заключенного между русскими властями и киргизскими князьями, из Сибирского фонда РГАДА: «...а русским де было людем в их землю за Июс войною не ходить, и им де под государевы города и остроги также за Июс не ходить» [Там же, с. 219]. Какая именно река имелась в виду, С.В. Бахрушин не пояснил, полагая, видимо, что в документе речь идет о Белом и Черном Июсах. По крайней мере, в «Указателе географических и этнографических названий» данного тома трудов историка гидронима Июс нет, но есть «Июсы (Белый, Черный)» [Бахрушин, 1955б, с. 290]. В таком случае «Киргизский рубеж» в понимании С.В. Бахрушина мало чем отличается от схемы В.С. Синяева. В то же время из контекста другой его работы вытекает иное представление о границе с киргизскими владениями: «Незначительное развитие горных промыслов в Красноярском уезде... объясняется также и тем, что богатые залежами металла районы – железные руды в бассейне Тубы и на верхнем течении Абакана, золотые россыпи на Июсах и по рекам Сисиму, Тубе, Амылу и Кызыру, сделавшиеся впоследствии известными, в XVII в. были в руках киргизов и недоступны для русского капитала. Об условиях, при которых началась разработка руды на границах с Киргизской землей, дают представление первые опыты Леванданиса на Каштаке» [Бахрушин, 1959, с. 119].

В работе Л.П. Потапова о результатах похода 1680 г. было сказано: «Здесь на Июсе шел разговор и о территориальной границе между русскими владениями и кочевьями киргизов. Этой границей были признаны реки Белый и Черный Июсы: “по сию сторону Июсов”, т.е. по северную, прилегающую к Томску, была русская земля, а по другую “Киргизские кочевья”» [1957, с. 50]. По мнению автора, «во 2-й половине XVII в. границы кочевий енисейских киргизов сместились на юг и как будто бы расширились за счет южного направления. Краем Киргизской земли теперь на севере считался район Белого озера. А южным краем Киргизской земли теперь считались, как это следует из отписки Красноярского воеводы 1655 г., территории по Абакану и Енисею – “по сию сторону (т.е. северную. – Л.П.) Саянского камня”» [Там же, с. 16].

Относительно первой половины XVII столетия Л.П. Потапов писал: «...кочевья киргизов были разбросаны по обширной территории бассейна верхнего течения Чулыма и рек Белого и Черного Июсов, которые при слиянии образуют Чулым. Эта территория захватывала течение Урюпа (левый приток Чулыма), районы, прилегающие к Божьему и Белому озерам, и

на севере достигала Ачинска. <...> Вследствие того, что князец Кийской волости Курчейко в документах этого времени именуется “киргизского рубежа князец Курчейко”, можно утверждать, что западной границей Киргизской земли считалась р. Кия (левый приток Чулыма). На востоке граница подходила близко к р. Енисей» [Там же, с. 15].

Основное внимание в своей работе Л.П. Потапов уделит уточнению местоположения чулымских волостей. Он впервые отметил, что в одном документе начала 40-х гг. XVII в. «Кызыльская... волость стоит посреди киргизской земли на реке Июсе», а в другом – «сидит по Июсе по Белому у Каменного городка в двух днищах...». Кроме того, Л.П. Потапов указал еще один документ из Сибирского фонда РГАДА, где говорится, что в «Кызыльской земле протекала речка Еник, которая находилась неподалеку от Красноярска (“в двух днищах”))». Вслед за И.Е. Фишером он отождествил Еник с р. Индзул (Инчул или Изындчул), впадающей в р. Сереж. Никак не комментируя указания документов, автор далее пишет: «...на карте Ремезова Кызыльская волость значится на правом берегу Чулыма в районе впадения рек Большого и Малого Сыров». Относительно Басагарской волости Л.П. Потапов также привел указания документов, согласно которым в начале XVII столетия басагарцы жили «“в Чулымских вершинах” вместе с кызыльцами, что дает основание считать басагарцев обитающими в течении Белого Июса». В документе 1659 г. говорится, что «Басагарская волость расположена по Чулыму близ речки Кангалы», а на карте Ремезова она «показана на левобережье Урюпа, близ впадения его в Чулым». Об Ачинской волости Л.П. Потапов пишет: «...она также относилась к волостям, проживающим в верхнем течении Чулыма, “впереди киргизские земли... на Белом Июсе и на Сызырине озере”»; «у Ремезова Ачинская волость обозначена на правом берегу Сережа, а Мессершмидт в 1721 г. отметил население этой волости по р. Тай» [Там же, с. 146–147]. Анализ всего вышеизложенного позволяет сделать вывод, что Л.П. Потапов поддерживал точку зрения З.Я. Бояршиновой, согласно которой территории указанных ясачных волостей не были постоянными на протяжении XVII столетия.

Б.О. Долгих в целом принял предложенную З.Я. Бояршиновой локализацию ясачных волостей Томского уезда. Он внес лишь некоторые уточнения, руководствуясь указаниями «атласа С.У. Ремезова и сведениями о расселении потомков членов томских волостей XVII в. в конце XIX в., взятыми у С.К. Патканова». Как считал Б.О. Долгих, «в целом... удалось установить местоположение всех волостей Томского уезда за одним исключением. А именно, у нас не оказалось достаточного материала для установления территории всех в отдельности горных по-

рубежных волостей, и нам пришлось все эти шесть волостей показать одним контуром. Более или менее определенные указания мы имеем лишь о местоположении Шушской (Шуйской) волости, находившейся в верховьях р. Кии по речкам Тисульке и Каштаку (Кайчаку). Известно, что Каштацкий острог был построен на земле шушцев. Население Кымнойской волости кочевало на р. Большой Китат. Надо также заметить, что бассейн верховьев Кии, если на нем не показать горные порубежные волости, остается пустым. Исходя из этого соображения, а также учитывая данные о кочевках шушцев, о расселении соседних волостей Томского и Кузнецкого уездов и о расселении других народов (сагайцев, киргизов), мы и определили территорию горных порубежных волостей» [Долгих, 1960, с. 100] (см. также: [Долгих, 1968]). Вопрос о «киргизском рубеже» в работе не рассматривался, однако автор сделал оговорку: «...в ряде случаев мы не смогли избежать схематизма в определении территории отдельных волостей Томского уезда, особенно в верховьях Чулыма на рубеже с киргизами. В 1661 и 1681 гг. жители горных порубежных волостей (Шушской, Камларской, Чоинской, Тастарской) убежали от киргизов на р. Томь, в частности, в Тюлюберскую волость» [Долгих, 1960, с. 100]. Надо полагать, что под «киргизским рубежом» Б.О. Долгих понимал все верхнее течение современного Чулыма. К горным порубежным волостям Томского уезда он относил, кроме указанных, еще Горную волость, но без попытки ее локализации [Там же, табл. 33]. Все порубежные волости, по мнению автора, вошли в состав Томского уезда только в 60-х гг. XVII в. [Там же, с. 97, 99].

Итоговой работой по данному вопросу стала книга Д.Я. Резуна. Его вывод был категоричен: «В течение долгого времени основным пороком методики определения местонахождения ясачных волостей и рубежей Русского государства была мысль о том, что этот рубеж постепенно продвигался на юг и, чем ближе к концу XVII в., тем якобы дальше уходил на территорию Хакасии. В трудах Потапова и Бахрушина эта мысль была поколеблена*, и полный ее пересмотр был проделан в статье В.С. Синяева о южных границах Томского уезда в XVII в. Согласно его схеме, русские пределы в первой половине XVII в. доходили до слияния Черного и Белого Июсов и даже чуть дальше, где и находился с 1641 г. Ачинский острог, а в конце XVII в. “киргизский рубеж” проходил уже по Божьему озеру. <...> Такой подход и нам представляется правильным, хотелось лишь добавить, что к концу XVII в. территории ясачных

*Ни С.В. Бахрушин, ни Л.П. Потапов ничего подобного не утверждали. Наоборот, вывод ученых однозначен: киргизы были вынуждены, хотя и очень медленно, сдвигать свои кочевья к югу, к р. Абакан.

волостей могли не только сдвинуться на север, но и поменяться между собой» [Резун, 1984, с. 27].

Отталкиваясь от указания Г.Ф. Миллера, что Я.О. Тухачевский поставил острог вблизи оз. Сызырим, Д.Я. Резун локализовал Ачинский острог 1641 г. «на р. Белый Июс, недалеко от современного оз. Билё, но в непосредственной близости от оз. Сызырим» [Там же, с. 33]. Неясно было только, с каким из современных озер Хакасии автор отождествляет загадочное оз. Сызырим. Однако вскоре он меняет свою точку зрения и пишет, что «как постоянное русское поселение Ачинский острог возник в 1641 г. в результате похода тарского воеводы Я.О. Тухачевского возле озера Сизирим или же Сызырим-куль недалеко от р. Чулым, напротив нынешнего села Дорохова, в 5 верстах выше западного притока Чулыма р. Ададым» [Резун, Васильевский, 1989, с. 90]. Для большей ясности укажем, что это примерно в 30 км к западу от современного г. Назарова Красноярского края и примерно в 150 км к северу от слияния Белого и Черного Июсов. Исследователь не поясняет, почему он поменял свою точку зрения*.

В связи с темой нашей работы следует немного остановиться на уже упоминавшейся выше историко-географической карте Сибири, составленной К.Н. Сербиной [2000], поскольку она оказала определенное влияние на формирование взглядов исследователей относительно «киргизского рубежа» и «порубежных волостей», хотя прямо на нее почти никто не ссылается. Доверять этой карте надо осторожно. На ней достаточно много ошибок, которые нельзя объяснить только тем, что К.Н. Сербина не была специалистом по истории Сибири. Так, Ачинский острог 1641 г. на карте локализован на правом берегу Белого Июса в месте его слияния с Черным Июсом, что неверно. Правда, в данном случае в определенной мере повинен и сам Г.Ф. Миллер, который, говоря о строительстве Ачинского острога, не отметил ни одного географического ориентира для его локализации [Миллер, 2000, с. 98]. Абинская волость, расположенная на р. Аба, на карте показана в бассейне р. Абакан. Неверно локализованы и некоторые чулымские волости. Река Кия вообще отсутствует на карте, а Корюковская волость помещена в степной части Чулыма. Подобные примеры можно продолжить.

Заключение

Из представленного обзора видно, что у исследователей нет единого мнения ни о локализации «киргизско-

*Вероятно, это было связано с публикацией в 1988 г. «Историко-географического описания Томского уезда Г.Ф. Миллера» [Элерт, 1988, с. 75].

го рубежа», ни о количестве и местонахождении «порубежных волостей». В свете вышеизложенного этот вопрос требует пересмотра. Локализация «киргизского рубежа» и «порубежных волостей» должна основываться не на вырванных из контекста отдельных цитатах, а на скрупулезном анализе имеющихся в нашем распоряжении документов в сочетании с историко-географическими и этнополитическими реалиями XVII – начала XVIII в.

Прежде всего, решение данного вопроса невозможно вне контекста представлений служилых людей о территориальных пределах киргизских кочевий на протяжении всего XVII в. При чтении достаточно скупых строк воеводских отписок, статейных списков, «распросов» и челобитных служилых людей, бывавших в «Киргизской земле», постепенно вырисовываются и история русско-киргизских отношений этого времени, и расширение пространственного представления о самой «землице». Принимая во внимание литературу [Абдыкалыков, 1968, с. 6–10; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 9–28; Кызласов, Копкоев, 1993, с. 135–145; Потапов, 1957, с. 11–69; Бахрушин, 1955а, с. 176–180], в которой освещен вопрос о территории обитания енисейских кыргызов в XVII в., следует все же отметить один ее существенный недостаток. Авторы этих работ дают статичную картину киргизских кочевий, игнорируя территориальные изменения на протяжении всего столетия и их причины. Между тем анализ имеющихся документов в хронологической последовательности показывает, как постепенно формировались представления служилых людей о территории кочевания киргизов, и выявляет сначала почти незаметную, но к концу XVII в. все более явно проявляющуюся тенденцию к отходу последних на юг, к Абакану.

Список литературы

- Абдыкалыков А.** Енисейские киргизы в XVII в.: (исторический очерк). – Фрунзе: Илим, 1968. – 138 с.
- Бахрушин С.В.** Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955а. – Т. 3, ч. 2. – С.176–224.
- Бахрушин С.В.** Указатель географических и этнографических названий // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955б. – Т. 3, ч. 2. – С. 287–297.
- Бахрушин С.В.** Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 4. – С. 7–192.
- Бояршинова З.Я.** Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
- Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.** Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. – Абакан: Хакас. гос. ун-т, 1995. – 257 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Долгих Б.О. Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. // История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Карта-вкладыш.

Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. зап. ТГПИ. – 1952. – Т. 9. – С. 76–211.

Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – С. 135–195.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – Т. 2. – 796 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – 307 с.

Резун Д.Я. Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв.: (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – 196 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – СПб.: Археогр. комиссия, 1882. – 58 с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. докл. / сост. Л.М. Гагаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 352 с.

Сербина К.Н. Карта Сибири первой половины XVII в. // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – Т. 2. – Карта-вкладыш.

Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Тр. Том. обл. краев. музея. – 1956. – Т. 5. – С. 79–88.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 65–101.

Материал поступил в редколлегию 09.11.09 г.

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИСКУССТВО ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: АРТЕФАКТЫ САХАЛИНА

В статье рассматривается суть сакральности искусства, отражающего естественные витальные потребности коренного населения о-ва Сахалин. Изучаются материальные артефакты: Рукутамский жезл, сделанный из рога оленя, из воздушного захоронения уйльта района р. Рукутама (Поронайский р-н Сахалинской обл.), и керамика VIII–XIII вв. н.э., обнаруженная на территории Поронайского и Корсаковского р-нов, а также сохранившиеся в языке и мифах «словесные артефакты». Сопоставляются этнологические данные, собранные автором за 20 лет экспедиций в Сахалинской обл., и артефакты, хранящиеся в музеях Сахалинской обл., Санкт-Петербурга, Осаки и Хоккайдо. В качестве дополнительного источника широко используются тунгусо-маньчжурские словари. Подробно анализируются основные сюжеты сакрального мира уйльта: ритуальное отношение к огню, собаке, медведю, птице кори. Переданное посредством изобразительного искусства восприятие пространства отражает и раскрывает многогранную связь этнической культуры уйльта о-ва Сахалин и иных тунгусо-маньчжурских общностей материка: нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей. Многочисленные черты сходства в мировоззрении уйльта и эвенков свидетельствуют о единстве их происхождения.

Ключевые слова: сакральное пространство, жезл, рог оленя, остров Сахалин, Северная Азия, тунгусо-маньчжуры, эвенки, уйльта.

Введение

Взаимосвязь искусства, представлений о сакральном пространстве и витальных потребностей человека очевидна и неисчерпаема. Она рассматривается в многочисленных исследованиях этнических общностей различных территорий и эпох. Широко известны труды Л.Я. Штернберга, А.П. Окладникова, А.П. Дервянко, С.А. Арутюнова, С.В. Иванова, Я.А. Шера, А.В. Головнева, Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет и др. Тема сакрального искусства и сакрального пространства обсуждается на многих международных научных форумах*. Подобная проблематика находит отражение

на страницах данного журнала [Черемисин, 2009; Балуло, 2009; Жульников, Кашина, 2010].

Очертим круг рассматриваемых научных вопросов: что есть жизненное пространство в мировоззрении одного из коренных малочисленных народов Сахалина; какие стихии природы играли главную роль в цикле жизненного обеспечения данных этнических общностей; как человек вписывал свою жизнь в сакральное (т.е. изученное) пространство; отделимо ли сакральное пространство от общего жизненного пространства или это и есть суть самого пространства; что такое остров в мировоззрении коренного насе-

*Рассматриваемая в статье гипотеза излагалась автором на Международном III Северном археологическом конгрессе, который состоялся 8–13 ноября 2010 г. в г. Ханты-

Мансийске [III Северный археологический конгресс, 2010, с. 187–188], а также на Международной научной конференции «Историко-культурное наследие народов Севера и Сибири», проходившей в Москве 21–22 декабря 2010 г.

ления; как мифоритуальная практика наследовалась поколениями жителей острова и сохраняла память сакральности своих предков, живших на материке; какова роль орнамента как части этнического искусства в наследовании мировоззрения освоенного жизненного пространства.

Артефакты, в частности Сахалина, служат источником для изучения сакральности искусства; они дают возможность приобщиться через это искусство к ежедневному быту, охватывающему все естественные витальные потребности человека прошлых эпох. И именно эти потребности объединяют человека прошлого и настоящего в обращениях к Земле, Небу, Морю, Воде, Реке, Тайге, Огню, Полярной звезде и т.д.

Материальные артефакты, как и «словесные артефакты» прошлого, позволяют в комплексе понять структуру мировоззрения коренного населения о-ва Сахалин. Возможно сопоставление этнологического материала, собранного в Поронайском и Ногликском р-нах Сахалинской обл. в ходе экспедиций в 1990–2009 гг., с артефактами, хранящимися в музеях Сахалинской обл., Санкт-Петербурга, Хоккайдо и Осаки*.

Для раскрытия заявленной темы особый интерес представляют Рукутамский жезл**, а также фрагменты керамических сосудов с изображениями ритуального женского танца***.

*Исследование материалов, собранных в библиотеках и музеях Японии, проводилось автором данной статьи в рамках проекта «Программа работы зарубежных исследователей в статусе приглашенного профессора Славянского исследовательского центра Университета Хоккайдо. Саппоро. Япония. 2008–2009» («Foreign Visitors Fellowship Program. 2008-2009» of the SRC of Hokkaido University – A Specially Appointed Professor of Hokkaido University. Slavic Research Center. Sapporo. Japan»). В Городской художественной галерее г. Абасири, Мемориальной галерее г. Хакодате представлено творчество Сёдзи Кимура, оно отражено также в семейном архиве сына художника Хироки Кимура, в Городском музее Абасири и Музее Ширетокко – фотоколлекция Хандзава Чу, в Национальном музее этнологии МИНПАКУ – коллекция этнолога Миямото Кштаро и уникальные книги первой половины XX в. Юю Ямамото, Коити Тамануки и др.

**Найден в Поронайском р-не Сахалинской обл. Воздушное захоронение. Хранится в Поронайском краеведческом музее (Сахалинская обл.), кол. № 194-1.

***Фрагмент керамического сосуда с изображением танцующих женщин, VIII–X вв. н.э., обнаружен на памятнике Промысловое-2 на южном берегу оз. Невского в Сахалинской обл. С.В. Горбуновым. Хранится в Поронайском краеведческом музее, кол. № 429-1500. Фрагмент венчика керамического сосуда с изображением танцующих девушек, X–XIII вв. н.э., найден на стоянке Верхняя Санносава-1 (пос. Третья Падь) в Корсаковском р-не Сахалинской обл., подъемные сборы А.А. Василевского, 1991 г. Представлен в экспозиции археологического музея Сахалинского государственного университета, кол. 158-32.

Пространство в мировоззрении и его отображение в этническом искусстве

Рассмотрим гипотезу восприятия сакрального пространства уйльта – одного из тунгусо-маньчжурских народов, населяющего уже несколько веков Сахалин. В его жизненное пространство входило реальное географическое пространство, наделенное сакральным смыслом, а также весь мифологический Космос, включающий земной и неземные миры [Ермолова, 2007, с. 87]. Именно такое восприятие отражено в Рукутамском жезле.

Жезл, сделанный из верхней половины левого рога оленя (рис. 1), был обнаружен охотником в 1972 г. на р. Рукутама (район традиционного расселения южной группы уйльта), точнее на старом ее рукаве – р. Ангуровке, впадавшей ранее в оз. Невское. Рог, по словам охотника, лежал фронтальной стороной вверх рядом с опорными столбами воздушного захоронения, около которого находились также обрывки погребальной одежды и расколотый чугунный котел на трех ножках с кованой дугой-ручкой (первая публикация о жезле: [Федорчук, 1995, с. 128]). Вполне возможно, это было захоронение одного из последних уйльтинских шаманов.

Охотник пытался распилить рог, чтобы сделать ручку ножа, но «почувствовал сильное воздействие рога» и оставил это занятие*. Позднее находка была передана в музей г. Поронайска. К сожалению, возраст рога-жезла не определен; захоронение можно отнести по очень приблизительным подсчетам к 1930–1940-м гг., позднее власти не позволили бы произвести воздушное захоронение, но сколько поколений шаманов могло использовать этот жезл – неизвестно.

Анализ жезла необходимо предварить замечаниями об особенностях карт прошлых веков. Так, карты XVII в. отличаются от современных, в частности, обозначением сторон света: север – внизу, юг – вверху, запад – справа и восток – слева. В качестве примера назовем «Чертеж древний вся Сибири (Годуновский). 1667 год» с изображением о-ва Сахалин в устье Амура [Высоков, Василевский, Костанов, Ищенко, 2008, с. 286] или «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря. Служебная Чертежная книга С. Ремезова и сыновей. Первая русская карта, на которой изображены лежащие к югу от Камчатки Курильские острова и Япония» с обозначением острова [Там же, с. 295]. Изучая Рукутамский жезл как воплощение восприятия пространства, перевернем его и сопоставим с очертаниями Сахалина на «Карте полуострова Сахалина И.Ф. Крузенштерна. 1805 год» (рис. 2) [Там же, с. 328]. Очевидно совпадение по пропорциям острова и жезла. Такое же совпадение контуров наблюдается при сопоставле-

*Насечка, сделанная охотником, в данном исследовании не рассматривается.

Рис. 1. Рукутамский жезл.

нии отдельных зон острова на карте и жезле. Обозначим три основные исследуемые зоны на жезле: районы п-ва Шмидта, залива Терпения и залива Анива. При наложении фотокопии жезла на карту острова очевидна пропорциональность верхней части рога очертаниям п-ва Шмидта, средней – контуру залива Терпения (рис. 3, 1), нижней – залива Анива (рис. 3, 2). Небольшое будто бы несовпадение (см. рис. 3, 1 – заштрихованный участок на карте-схеме) объясняется тем, что в этом месте расположено оз. Невское (недалеко отсюда был найден жезл), выемка на жезле четко повторяет очертания озера (рис. 3, 1, а). Обращаем внимание на единственную насечку на жезле (рис. 4, 1, а), которая сделана инструментом, ориентированным не перпендикулярно к поверхности предмета, а под наклоном. Если наложить фотокопию жезла на

карту, то в месте насечки по очертаниям нижняя часть жезла полностью совпадет с нижней зоной острова, а сама насечка будет соответствовать месту перевала Поясок на карте. Насечка, находящаяся немного выше, совпадет с перевалом Никольского на карте.

Можно предположить, что шаман держал жезл, повернув лицевой стороной с изображениями от себя. При наклоне жезла над водой хорошо прочитывались все сакральные сюжеты, которые, согласно традиционным представлениям, сопутствовали связи шамана с иными неземными мирами. Вода в сакральных представлениях играет важную роль.

Рассмотрим сюжет на жезле, зафиксированный в зоне, соответствующей пространству между перевалами на карте: здесь четко видны три значимые вершины гор. На карте именно в этом месте обозначены три самые высокие горы (рис. 4, 2, а). Разница по высоте между г. Ичара и г. Арсеньева и между г. Ичара и г. Краснова 71 м. Эти горы можно наблюдать, если смотреть со стороны перевала Никольского (т.е. с севера на юг); четвертая высокая гора в данной проекции не видна, а пятая находится за горным Камышовым хребтом Западно-Сахалинских гор. Расстояния между ними на карте пропорциональны удаленности гор, показанных на жезле.

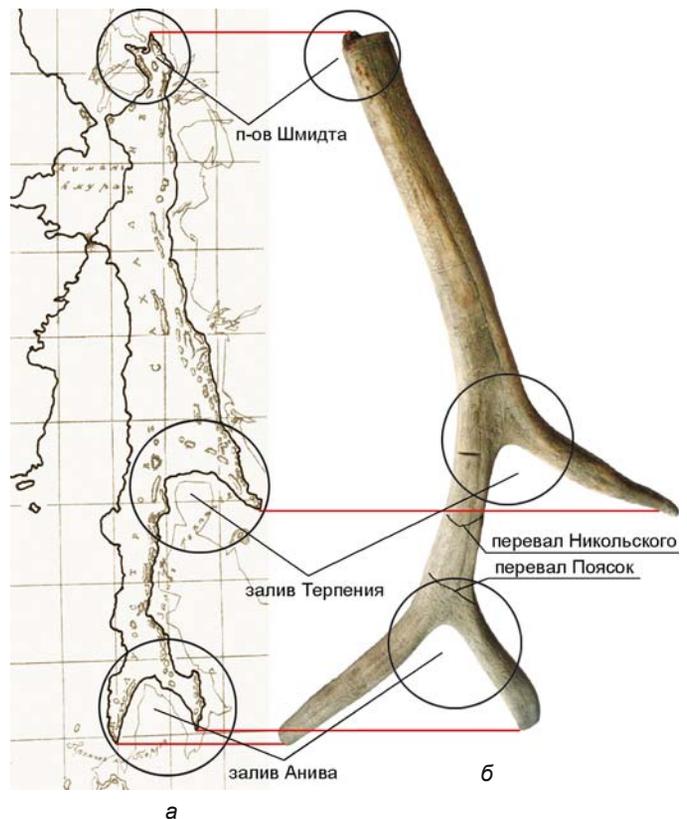

Рис. 2. Сопоставление «Карты... И.Ф. Крузенштерна. 1805 год» (а) и Рукутамского жезла (б).

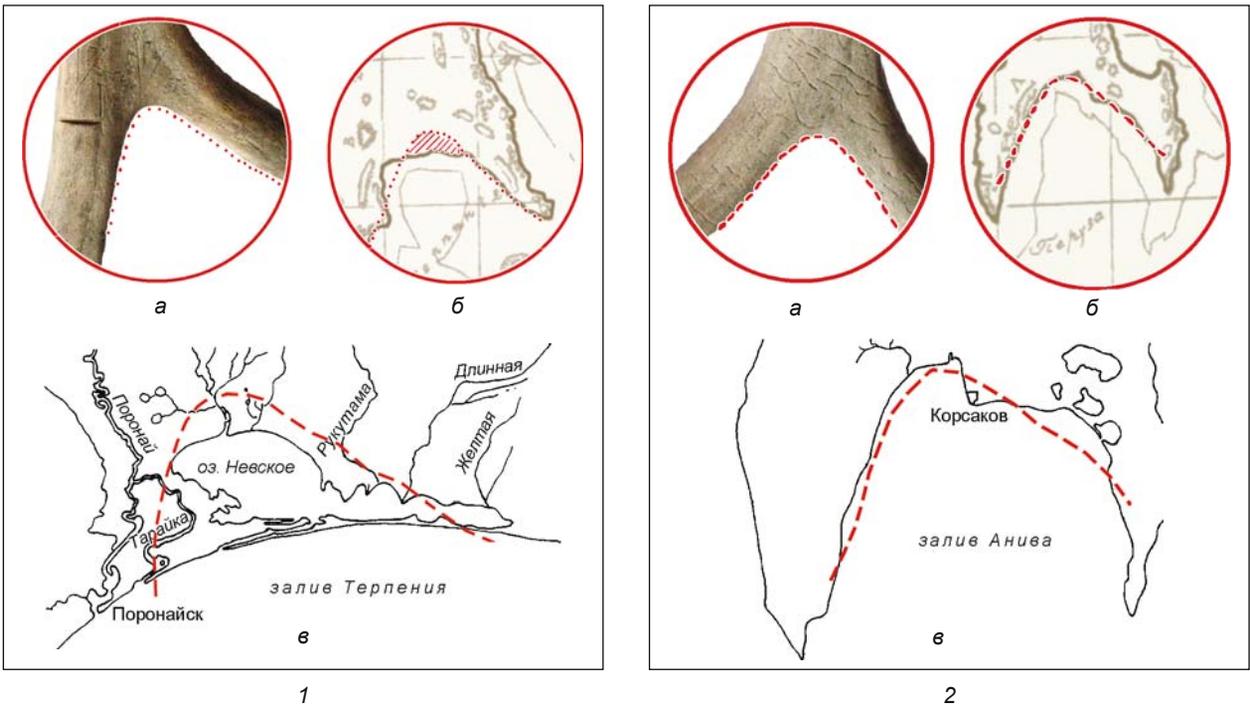

Рис. 3. Основные очертания о-ва Сахалин в районе заливов Терпения (1) и Анива (2). а – Рукутамский жезл; б – «Карта... И.Ф. Крузенштерна. 1805 год»; в – современная карта-схема.

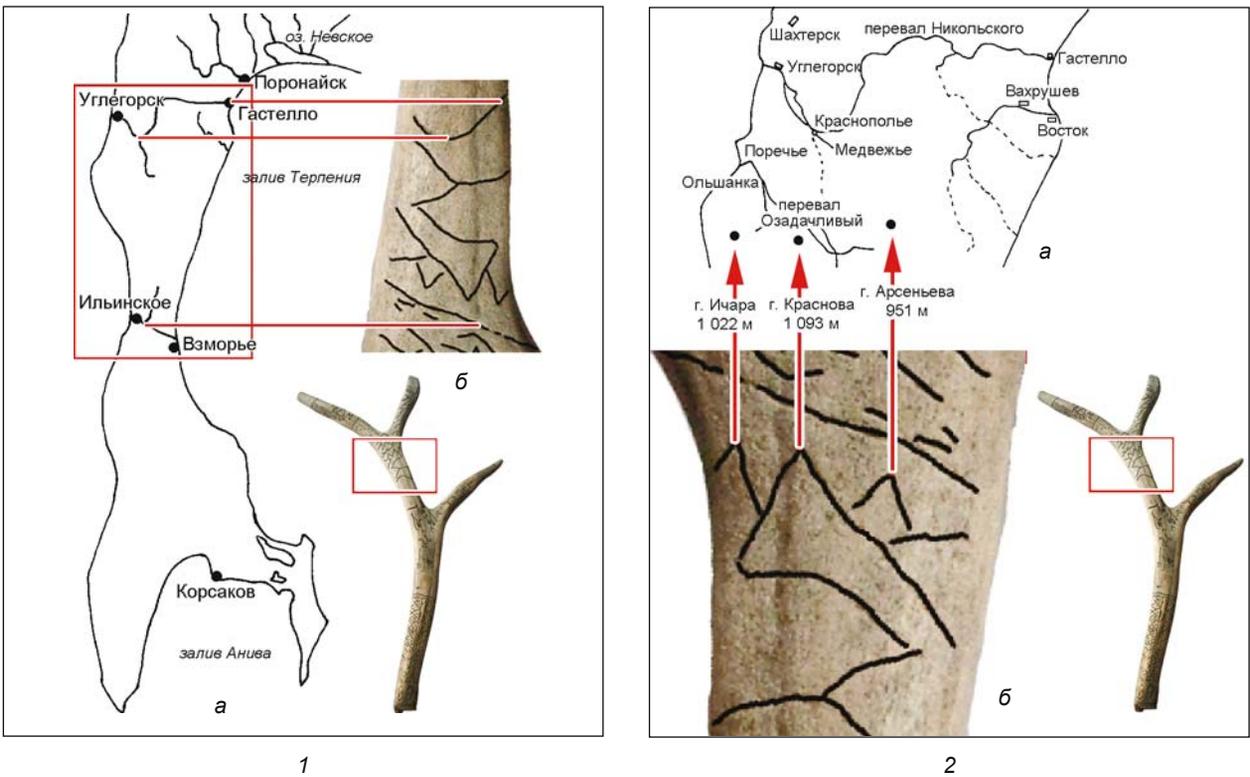

Рис. 4. Пространство между перевалами Поясок и Никольского (1); обозначение трех значимых горных вершин между ними (2). а – фрагмент карты Сахалинской обл.; б – Рукутамский жезл.

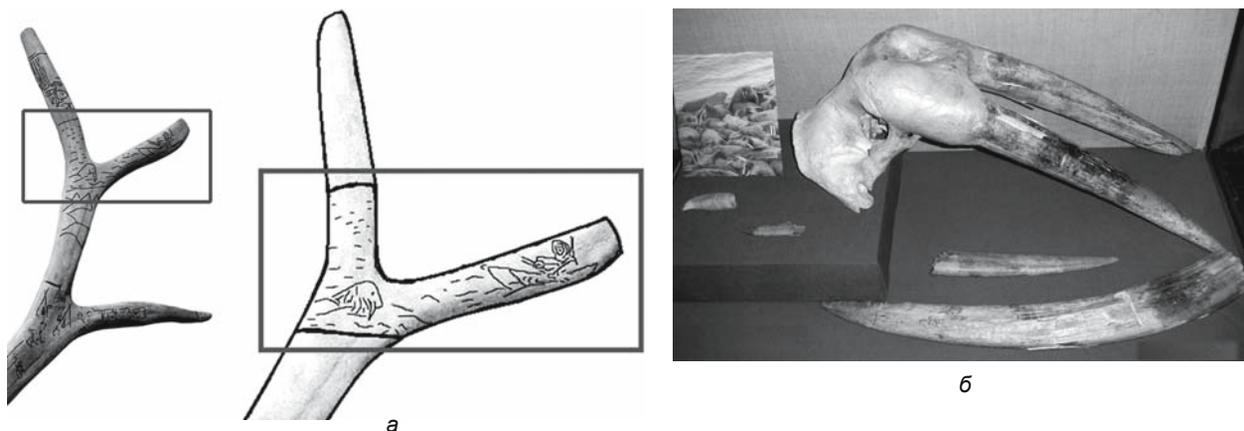

Рис. 5. Изображение сцены охоты на моржа на участке жезла, соответствующем заливу Анива на карте (а); череп, бивни, зубы, клыки моржа с оз. Невского и с поселения Промысловое-2 в экспозиции Поронайского краеведческого музея (б).

Следующий сюжет – морж (рис. 5, а). В настоящее время этого представителя ластоногих в заливе Анива нет. Но по историческим источникам середины XVII в., фольклорным и лингвистическим материалам ранее здесь занимались его промыслом [Бурыкин, 2001]. В зоне залива неоднократно находили останки моржа [Василевский, 2008, с. 58]. В музее г. Поронайска хранятся черепа, бивни, зубы и клыки этого млекопитающего (VIII–X вв.), обнаруженные недалеко от устья пролива Невский, на оз. Невском, Невской косе, а также поселении Промысловое-2 (рис. 5, б). В экспозиции Сахалинского областного краеведческого музея в Южно-Сахалинске имеется окаменевший пенис моржа со вставками из острых пластин обсидиана, использовавшийся, вероятно, в качестве составного орудия. По мнению В.О. Шубина, обсидиан, скорее всего, с о-ва Хоккайдо. Орудие было найдено в горном массиве Вайда на территории Смирныховского и Поронайского р-нов Сахалинской обл. среди ребер медведя. Видимо, этим орудием разделяли тушу медведя. Видимо, этим орудием разделяли тушу медведя. Видимо, этим орудием разделяли тушу медведя. По заключению В.О. Шубина, типологически находка относится, вероятно, к позднему палеолиту – раннему неолиту (12–8 тыс. л.н.) [Там же, с. 175].

В сцене охоты на моржа в традиционной лодке на жезле показан уйльта – его опознают современные информаторы – жители Сахалина – по традиционной шапке *метака* (ПМА, Л.Н. Конусова, И.Г. Курушина, И.Я. Федяева, пос. Вал; Е.А. Бибикова, пгт. Ноглики; Минато Сирюко, г. Поронайск, 2009). Аналогичные изображения сцен охоты можно найти и у других народов. Например, в чукотской резьбе по кости запечатлен охотник, мечущий с лодки гарпун; к гарпуну привязан льня, соединенный с надутым бурдюком из цельноснятой шкуры нерпы, который служил поплавком после попадания наконечника гарпуна в животное. Подобный способ используется для охоты на

льду (на берегу) на разные виды морских животных (см.: напр.: [Тишков, 2008, с. 38, 96, 101; Бурыкин, 2001; Пирогов, 1999]).

На жезле в зоне, которой на карте о-ва Сахалин И.Ф. Крузенштерн соответствуют места традиционной охоты российского и японского населения на нерпу и сивуча в районе Невельска [Высоков, Василевский, Костанов, Ищенко, 2008, с. 328], где и в настоящее время есть лежбища сивуча и нерпы [Василевский, 2008, с. 58], имеется изображение охотника (рис. 6, а, даны прорисовки в двух ракурсах). На охотнике уйльтинская *метака* – ее легко определяют многие пожилые представители народа уйльта (ПМА, Л.Н. Конусова, И.Г. Курушина, И.Я. Федяева, пос. Вал; Е.А. Бибикова, пгт. Ноглики; Минато Сирюко, г. Поронайск, 2009). Для традиционного забоя нерпы на лежбище (на берегу) он использует копьё.

На Рукутамском роге обозначены еще две зоны, которые на карте соответствуют району р. Поронай и Лодочному перешейку на п-ове Терпения (рис. 7). На р. Поронай уйльта жили издавна [Миссонова, 2006, с. 7–9]. На соответствующем месте жезла изображены сцены бытовой жизни южной группы уйльта (рис. 8, а). Четко видна олениводческая стоянка с четырьмя *аундау* – традиционными жилищами уйльта. Изображены также предметы хозяйственного быта, коробки, ребенок, собака, подставка для ружья. Подобная бытовая сцена запечатлена на фотографии (открытке) этих мест, сделанной в начале XX в. Ханзава Чу [Уни Йосикадзу, 1999]*. Показаны также четыре

*В период Карафутто, когда Южный Сахалин входил в состав Японии, фотостудия Ханзава Чу находилась в Сисукэ, а сувенирная лавка, где продавали изготовленные по фотографиям открытки, – в пос. Отасу – районе, где найден жезл.

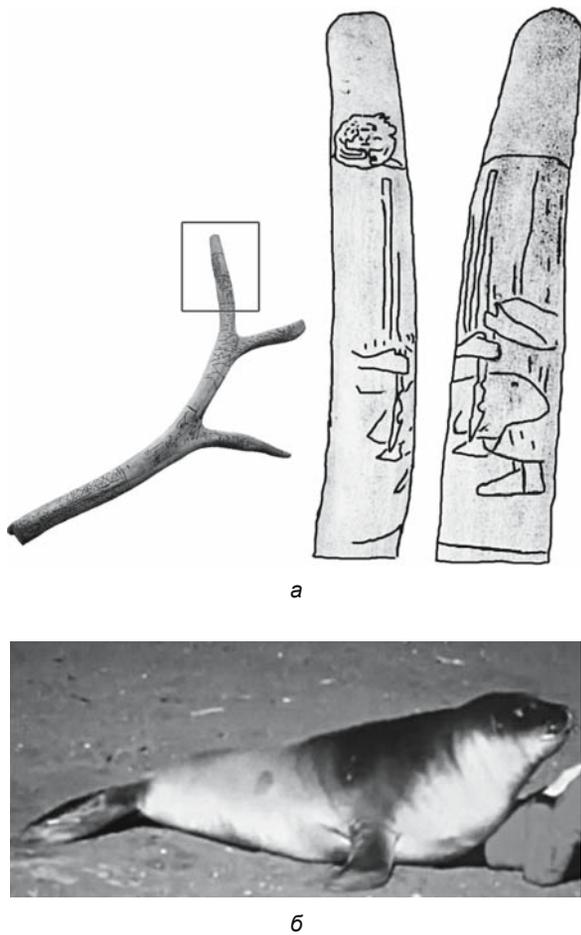

Рис. 6. Изображение сцены охоты на нерпу на жезле (а); фотография животного (б).

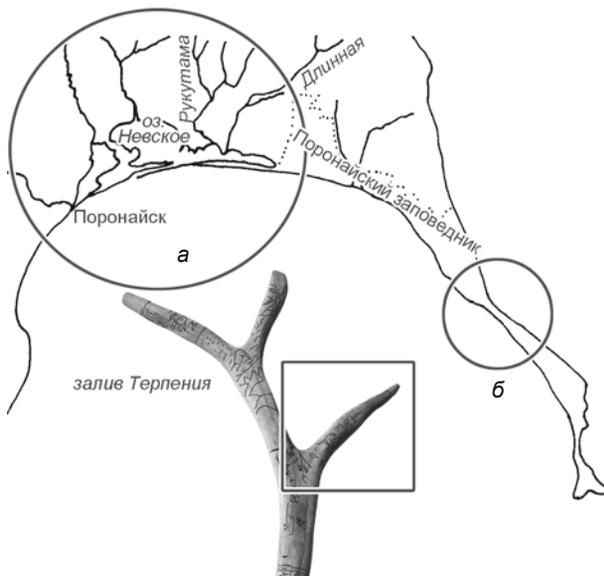

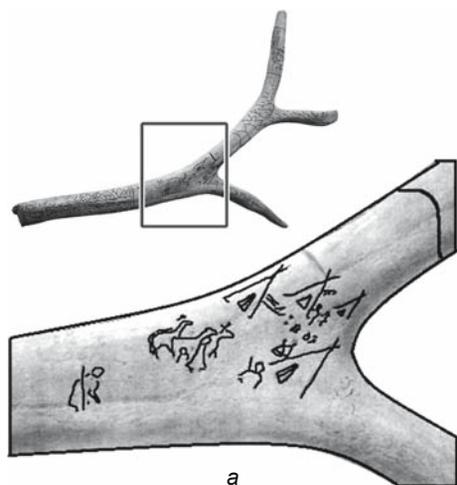
Рис. 7. Район оз. Невского с отметкой места обнаружения жезла (а) и перешеек Лодочный на п-ове Терпения (б).

оленя* (на языке уйльта *Žürэгдэ* (дзирэгдэ) – «четверка») (рис. 8, а (три оленя на переднем плане, контуры четвертого – на заднем) и, вероятно, оленеводческая семья. Рядом с оленями – очертания женщины, ребенка (слева) и мужчины (справа). Аналогичная сцена жизни оленеводческой семьи изображена на деревянной дощечке, привезенной в 1895 г. с Сахалина лейтенантом Леонтовичем [Иванов, 1954, с. 388]**.

Особое внимание следует обратить на силуэт женщины (точнее женского платья) на жезле (рис. 8, а (фигурка рядом с оленями)). Характерные по очертаниям уйльтинские платья можно видеть на различных артефактах Сахалина. Рассмотрим фрагмент венчика керамического сосуда с изображением танцующих девушек (X–XIII вв.), найденный на стоянке Верхняя Санносава-1 (пос. Третья Падь) в Сахалинской обл. (рис. 9, а). Безусловно, встает вопрос о правомерности использования этой находки при сопоставлении материалов по уйльта. Поселок Третья Падь расположен в южной части острова, где во второй половине XIX – начале XX в. уйльта не жили. Однако неизвестно, была ли эта территория местом их кочевания в более ранний период. По опубликованной информации, в 1980-е гг. в летний период северные олени кочевали на территории, которая находится южнее 48° с.ш., и проникали до района залива Анива [Воронов, 1998, с. 281; Еремин, 1989]. Сохранилась фотография, на которой олени стоят рядом с построенным в 1911–1913 гг. синтоистским Храмом Анива дзиндзя в Одомари (ныне г. Корсаков) [Самарин, 2005, с. 17]. Если эта территория пригодна для жизнедеятельности дикого северного оленя, то правомерно предположить, что в прошлые века здесь были стоянки общностей, которые вели оленеводческий образ жизни. Во всяком случае несомненно сходство танцующих, изображенных на керамике и на фотографии первой половины XX в. (рис. 9, б). На археологической находке видно, что один край женского платья заострен, а другой – как бы развеивается во время движения (рис. 9, а). Вероятно, во время подобного ритуального танца запечатлел уйльта (ороков) японский исследователь [Тамануки Коити, 1944, с. 432]. У уйльта ритуальный танец огня был женским. Именно хозяйка огня (очага), например, в XIX – начале XX в. занималась кормлением огня (ПМА, Минато Сирюко, Поронайск, 2007; подробнее см.: [Миссонова, 2010]). Известен ритуальный женский танец уйльта *мэури* (ПМА, И.Я. Федяева, пос. Вал, 2009), для которого характерны плавные

*Упряжка из четырех оленей характерна для этого народа.

**До 1950-х гг. хранилась в Музее антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кол. № 8-40.

а

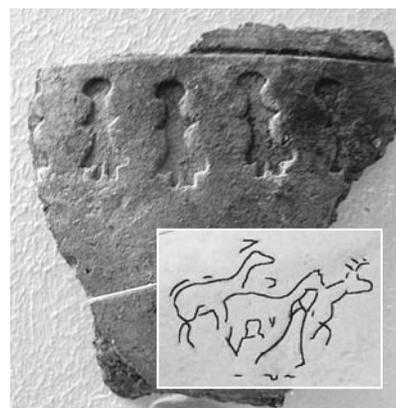
б

Рис. 8. Стойбище уйльта, изображенное на жезле (а) и на фото (б).

движения всем телом и тазом назад. Исполнительницы этого танца с большой точностью изображены на венчике керамического сосуда и на фотографии Тамануки Коити (рис. 9, б). И на керамике, и на снимке танцующие двигаются против часовой стрелки, пропорциональны рост фигур, угол наклона туловища, расстояние между ногами, которые показаны до края платья, ритуальный головной убор, длина платья, разворот платья во время движения, уровень локтей левой и правой рук, уровень шеи. На фотографии изображен также шаман (рис. 9, б), «сама комучипни, *jajjéni* (йайэни), шаман бьет в бубен, поет» (ПМА, Е.А. Бибикина, пгт. Ноглики, 2009). Артефакты, на которых изобразительными средствами передано «движение» вообще и в частности «по кругу» против часовой стрелки, широко представлены в разных регионах. Например, на поселении Суньцзя в уезде Датун в пров. Цинхай в 1973 г. был найден керамический сосуд (примерный возраст 5 тыс. лет) с изображением юношеского ритуального кругового танца (см.: [Медведев, 1986, с. 178]).

Женщины,двигающиеся по кругу во время танца с уйльтинскими погремушками *ёдопу*, показаны также на фрагменте керамического сосуда VIII–X вв., обнаруженном на памятнике Промысловое-2 (бывш. поселение уйльта Тарайка) на южном побережье оз. Невского (рис. 10). То, что уйльта использовали глиняные вещи, не вызывает сомнений; в их языке есть, например, слово *тоқсома* (*токсомо*), которое означает глиняный, из глины [Озолина, 2001, с. 347].

Медведь – одно из культовых животных уйльта. На жезле он показан в месте, которое на карте соответствует участку между притоками двух самых крупных рек Сахалина – Поронай и Тымь (см. рис. 8, а). Оба притока (Лонгари и приток Громова) берут начало на склонах г. Водораздельной (высота 1 428 м). Между

а

б

Рис. 9. Фрагмент венчика керамического сосуда с изображением танцующих девушек, найденный на стоянке Верхняя Санносава-1 в Сахалинской обл. (а); фото уйльта (ороков), исполняющих танец огня, сделанное в районе обнаружения жезла [Тамануки Коити, 1944, с. 432] (б).

реками Поронай и Тымь находились основные места кочевания уйльта, например, в XIX–XX вв. Здесь реки растекаются в противоположные стороны (на юг и север), по мифологии это распутье двух миров.

Рис. 10. Фрагмент керамического сосуда VIII–X вв. с фигурами танцующих женщин с погремушками с памятника Промысловое-2 на южном берегу оз. Невского (а); фрагмент картины «Танец огня» («Тава пэкини»), вырезанной из кожи кеты в мастерской уйльтинского родового хозяйства В.В. Осиповой, пгт. Ноглики, 2009 г. (б); погремушки *ёдопу* работы современной уйльтинской мастерицы Е.А. Бибиковой, пгт. Ноглики, 2007 г. (в). Фото автора.

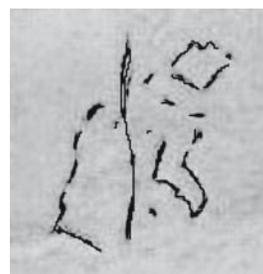
Известны два медвежьих праздника уйльта: *зунури* (*һунури*) и *хуриаци* (*хуриуачи*). Первый отмечали летом, если происходило убийство медведя, второй, основной, – зимой или ранней весной [Пилсудский, 1989, с. 62; Озолиня, 2010, с. 160]. «Давно в старину ульта, убив медведя, устраивали медвежий праздник (халән-да горопчиду ул’та бэжомбо вәписсә, хураччуккил биччи)», «устроивая медвежий праздник, из других селений людей приглашали (хурәчилу-писсә гој гасандү нәрилба нарроккилил биччи)». На жезле показаны столбы для привязывания ритуального медведя на медвежьем празднике (рис. 11). На языке уйльта они назывались *тудэ* или *лэдүңза* [Сравнительный словарь..., 1975, т. 1, с. 496; Озолиня, 2001, с. 161, 354, 171]. Ритуальные столбы *тудэ* с раздвоенными концами Б. Пилсудский описывает так: «Медведя привязывают к двум виллообразным вкопанным в землю жердям-столбам... Вверху к ним подвязаны иляу (ритуальная стружка. – Л.М.)» [1989, с. 58]. *Хуриаци* (*хуриуачи*) сопровождался совместным по-

еданием медвежьего мяса, гонками на оленях, национальной борьбой и играми [Там же, с. 57, 62; Озолиня, 2010, с. 162].

Тема сопряженности смерти и нового рождения у тунгусов раскрывается в мифе о медведе-первопредке [Ермолова, 2007, с. 124]. Медведь дал людям необходимые орудия труда и, пожертвовав собой, научил приемам их использования: войдя в реку, он скрылся в ней (утонул). Река, забрав медведя в мир мертвых, даровала в обмен на это основы человеческой жизни.

В тунгусской мифологии в одном из вариантов вселенная изображалась в виде некоей мифической реки, называемой эвенками Энгдеkit – «место полного исчезновения» [Ермолова, 2010, с. 152–153]. Эта река объединяла своим течением все три уровня вселенной в единое космическое пространство. Она брала начало в Верхнем мире, расположенном на востоке, и текла сначала на запад, а потом на север, где впадала в подземное море. Там и находился мир мертвых – *буни* (в переводе с языка уйльта – место смерти). Данное мифическое представление точно отражено на жезле (см. рис. 1, нижняя половина). Как отмечают Н.В. Ермолова [Там же, с. 142–151], А.Ф. Анисимов [1958, с. 60–61] и Г.М. Василевич [1969, с. 245–247], оно характерно для эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски и территории между Енисеем и Леной, а также для некоторых олекминских и забайкальских групп эвенков.

Рассмотрим фигуры человека и собаки, изображенные на роге в месте, соответствующем на карте

а

Рис. 11. Ритуальный медведь на медвежьем празднике (Поронайский краеведческий музей; а), изображение культового животного на жезле (прорисовка; б).

б

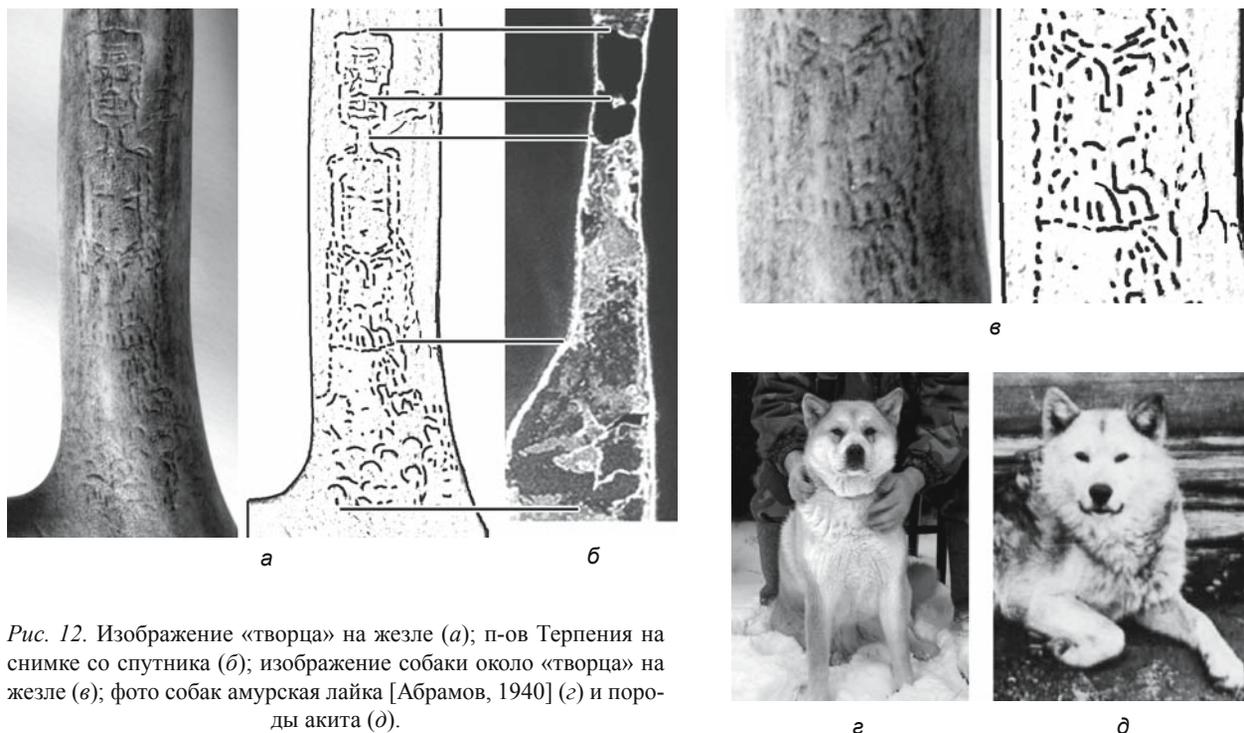

Рис. 12. Изображение «творца» на жезле (а); п-ов Терпения на снимке со спутника (б); изображение собаки около «творца» на жезле (в); фото собак амурская лайка [Абрамов, 1940] (з) и породы акита (д).

п-ову Терпения и району оз. Лодочного (см. рис. 7). Интересно, что при наложении фото п-ова Терпения, сделанного из космоса [Спутниковая карта...], на изображение на жезле очертания головы и шеи человека полностью совпадают с границами оз. Лодочного (рис. 12, а, б). Причем отмеченный на карте остров в озере соответствует изображению носа человека на жезле (рис. 12, б). По тунгусской мифологии в середине пути в Нижний мир шаман отдыхает на «шаманском» острове [Ермолова, 2010, с. 143]. Изображенная на жезле собака (рис. 12, в), по мнению В.Е. Раскина – президента кинологического клуба «Акита ину» (г. Москва), по основным характеристикам относится к японским акита (рис. 12, д) [Кинологический клуб...], которые произошли, возможно, от амурских лаек (рис. 12, з) или сахалинских карафуту-кен.

При детальном сравнении очертаний п-ова Терпения на карте и силуэта человека на жезле можно заметить, что линии у ног соответствуют каменистым местам на карте (рис. 12, а). Чтобы понять, чей образ воплощен в человеческой фигуре, обратимся к тунгусо-маньчжурской мифологии [Мифы..., 1988, т. 2, с. 533]. Согласно древнему варианту эвенкийского мифа о сотворении мира, вначале были только вода и два брата (по другой версии две птицы; см. рис. 12, в (справа от головы)). Младший брат достал со дна немного земли и положил ее на поверхность воды, затем сел и заснул. Старший брат стал вытаскивать из-под него землю и растянул ее настолько, что она превратилась в большую землю. Потом младший

брат начал делать из глины и камня изображения людей и полезных человеку животных, а старший брат – вредных человеку зверей. У младшего была собака (варианты: ворон, медведь), которая в отсутствие «творца» должна была охранять сделанные им изваяния, чтобы их не увидел старший брат. Но однажды страж, поддавшись на соблазны, показал старшему брату творения хозяина. Старший наделил изваяния разными болезнями либо поломал их. Вернувшись, младший брат наказал помощника и продолжил свое дело, завершив его, ушел на небо. Посредником между людьми и собой он оставил ворона (медведя). А старший брат ушел под землю. Появившиеся позже шаманы называли младшего брата *сэвэки*, а старшего *харги*. Таким образом, можно говорить о том, что на жезле изображен Творец Мира.

Обратимся к изображению предположительно шаманской птицы на жезле (рис. 13, а). Подобные фигуры птиц у тунгусо-маньчжурских народов декорируют шаманский головной убор (рис. 13, в). Изображения таких птиц имеются на шаманском бубне уйльта *дали* (рис. 13, б). Прообразом мифической птицы могла быть кайра (рис. 13, з, д*).

*Эскиз Кимура Сэджи (хранится в личном архиве художника, ныне у сына художника Хироки Кимура), создан в 1938 г. на Отасу, ныне Поронайский р-н Сахалинской обл., где найден жезл. По традиционным представлениям, «когда души улетают, они превращаются в птиц» (ПМА, И.Я. Федяева, пос. Вал, 2009).

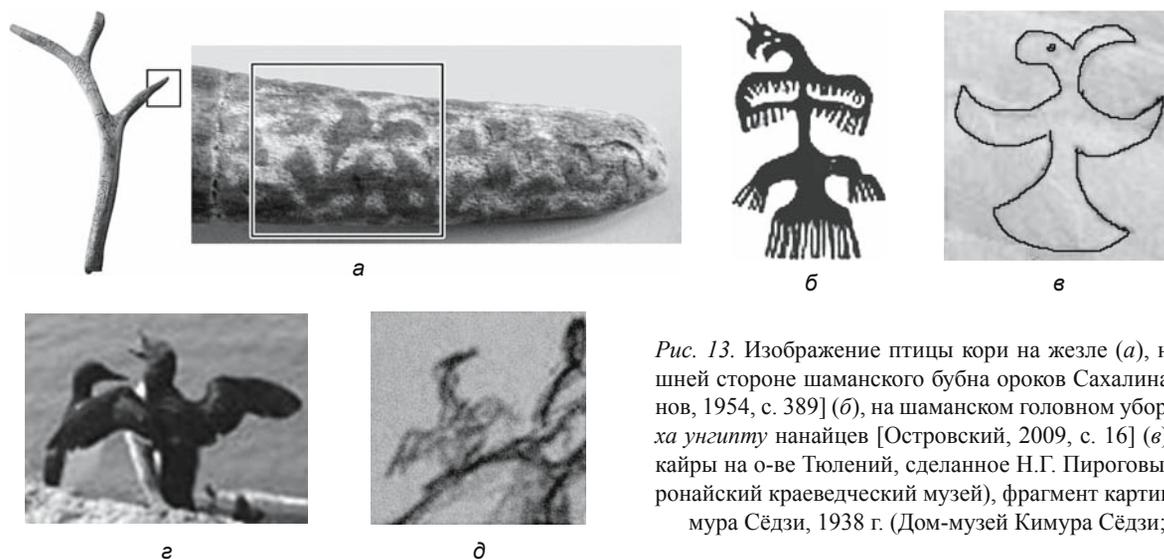

Рис. 13. Изображение птицы кори на жезле (а), на внешней стороне шаманского бубна ороков Сахалина [Иванов, 1954, с. 389] (б), на шаманском головном уборе *нюрха унгитту* нанайцев [Островский, 2009, с. 16] (в), фото кайры на о-ве Тюлений, сделанное Н.Г. Пироговым (Поронайский краеведческий музей), фрагмент картины Кимура Сёдзи, 1938 г. (Дом-музей Кимура Сёдзи; д).

У уйльта мифическая птица называлась кори, или *корь*. В мифологии орочей так называлась железная птица, у которой крылья в виде сабель и хвост, имеющий форму копья для охоты на медведя. Это дух-помощник шамана, орел. По орокским (уйльта) и нанайским представлениям, птица кори живет в загробном мире, на ней шаман перевозит души умерших [Сравнительный словарь..., 1975, т. 1, с. 415; Озолиня, 2010, с. 161]. Кроме того, птица кори была покровителем рода Торися. «Род Торися имеет покровителем большую птицу кори, которая, если бы стала летать, то закрыла совершенно солнце» [Пилсудский, 1989, с. 14]. Логично предположить, что птицу, как покровителя рода (часто орла), изображали и на бубнах уйльтинских шаманов. Кроме того, у уйльта, негидальцев, ульчей и нанайцев *корь* – помещение в виде сруба для содержания медведя, а также клетка для птицы. В языке ульчей данное слово обозначает гробницу [Сравнительный словарь..., 1975, т. 1, с. 415]. Образы птицы и медведя одинаково сакральны. Для уйльта (ороков) кори – это и большая птица с железным оперением, и клетка для медведя, и сруб для покойника [Пилсудский, 1989, с. 14, 52; Озолиня, 2010, с. 161–162]. Кроме того, в языке уйльта имеется слово *сикаторо*, обозначающее птицу-дьявола (с медвежьими лапами) или дьявола в облики огромной птицы [Пилсудский, 1989, с. 49; Озолиня, 2010, с. 164].

Выводы

На Рукутамском жезле искусно представлены все основные сюжеты сакрального мира. Жизненно важными районами и позициями пространства о-ва Сахалин оказываются следующие: реки Рукутама, Поронай, Тымь, Мифическая река, Камышовый хребет Западно-

Сахалинских гор, п-ов Шмидта, п-ов Терпения, залив Терпения, залив Анива, оз. Невское, оз. Лодочное, жилище в виде чума, олени, нерпа, морж, морской промысел, собака, медведь, ритуальный танец огня, мифическая птица кори, глиняный сосуд.

При рассмотрении всех сакральных территорий, которыми становились освоенные территории, определяются места расселения этнической общности уйльта в прежние века. Напрашивается предположение о давнем освоении этой общностью большей территории острова, включая районы проживания в XIX–XXI вв. Абсолютно очевидно, что в прошлом оленеводческий образ жизни уйльта сочетался с охотой и морским рыболовным промыслом гораздо более тесно, чем в настоящее время. Олени были главным средством передвижения и освоения пространства.

Получившее воплощение в изображениях на Рукутамском жезле знание территории острова, необходимое для выживания, свидетельствует об очень давнем переселении данной общности на Сахалин (для определения даты необходимо дальнейшее изучение археологического, исторического и этнологического материалов). Вместе с тем отображение восприятия сакрального пространства на жезле однозначно доказывает, что предки данного малочисленного народа переселились на остров, впитав многочисленные элементы культуры Северной Азии, а точнее – тунгусо-маньчжурской. Значит, был пройден длительный путь познания всех сторон этой культуры и общения с представителями отдельных общностей: нанайцами, ульчами, негидальцами, орочами. Восприятие сакральности уйльта находит особенно четкие соответствия в мифологии эвенков, что свидетельствует о едином происхождении двух общностей. В продолжение темы данного исследования на страницах журнала автор предполагает рассмотреть тему о многомерности

пространства в мировоззрении и искусстве тунгусо-маньчжурской малочисленной этнической общности о-ва Сахалин.

Список литературы

- Абрамов К.Г.** Промысловая лайка Приамурья. – Хабаровск: Дальгиз, 1940. – 40 с.
- Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
- Бауло А.В.** Сокровища священной реки // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 95–100.
- Бурыкин А.А.** Моржи в охотоморском ареале (по материалам исторических источников, фольклора, этнографии и лингвистики) // Пространство культуры в ареально-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: мат-лы XII Зап.-сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2001. – С. 18–20.
- Василевич Г.М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Василевский А.А.** Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Кн. изд-во, 2008. – 412 с. – (Историческая библиотека Сахалина и Курильских островов).
- Воронов Г.А.** Основные причины деградации и пути восстановления популяции дикого северного оленя на Сахалине // Вестн. Сахалин. музея. Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея. – 1998. – № 5. – С. 281–287.
- Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И., Ищенко М.И.** История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / отв. ред. М.С. Высоков. – Южно-Сахалинск: Кн. изд-во, 2008. – 712 с.
- Еремин Ю.П.** О численности и распространении северного оленя на Сахалине // Тез. докл. Всесоюз. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира. – Уфа, 1989. – Ч. II. – С. 195–197.
- Ермолова Н.В.** Река в трех мирах эвенкийской Вселенной // Реки и народы Сибири / отв. ред. Л.Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2007. – С. 87–127.
- Ермолова Н.В.** Представления о душе, смерти и загробной жизни в традиционном мировоззрении эвенков // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки / отв. ред. Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2010. – С. 93–158.
- Жульников А.М., Кашина Е.А.** «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 71–78.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 839 с. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Н.с.; т. XXII).
- Кинологический клуб** Акита ину: [сайт]. – URL: www.japanakita.ru
- Миссонова Л.И.** Уйльта Сахалина: Большие проблемы малочисленного народа. – М.: Наука, 2006. – 295 с.
- Миссонова Л.И.** «Социальная природа огня» и «социальное опосредование огненной сферы»: теория С.А. Токарева и жизнь аборигенов Сахалина // Кафедра этнологии исторического факультета МГУ – 70 лет / отв. ред. А.А. Никишенков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2010. – С. 229–238.
- Мифы народов мира.** Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Энциклопедия, 1988. – Т. 2. – 719 с.
- Озолия Л.В.** Орокско-русский словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 422 с.
- Озолия Л.В.** Этнографическое описание Б.О. Пилсудского «Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г.» как источник лингвистических сведений // Pilsudskiana de Sapporo. – 2010. – N. 4. – С. 157–165.
- Островский А.Б.** Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 195 стр.
- Пилсудский Б.** Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. / публикация текста, ввод. статья и коммент. В.М. Латышева / Сахалин. обл. краевед. музей. – Препринт. – Южно-Сахалинск, 1989. – 76 с.
- Пирогов Н.Г.** Морж (*odobenus rosmarus*) в Охотском море // Вестн. Сахалин. музея. Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея. – 1999. – № 6. – С. 279–284.
- Самарин И.А.** «Путь богов» по островам. Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. – Хабаровск: Издат. дом «Приамурские ведомости», 2005. – 64 с., илл. + 8 с. вкл.
- Сахалинская область /** Общегеографические карты Российской Федерации. Федеральная служба геодезии и картографии России. Хабаровск, 2001; а также Россия. Карта Сахалина. – URL: <http://www.suvenirograd.ru/impressions.php?id=70&lang=1>
- III Северный археологический конгресс:** тез. докл. – Екатеринбург: Издат. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – 374 с.
- Спутниковая карта** п-ова Терпения. – URL: <http://api.yandex.ru/maps/agreement.xml> (дата обращения: 03.06.2010).
- Сравнительный словарь** тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука. – 1975. – Т. 1. – 672 с.
- Тамануки Коити.** Карафуту Хакубуцуси (Естественная история Карафуту). – Токио: Кобундо Сёбо, 1944. – 451 с. (на яп. яз.).
- Тишков В.А.** Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости. – М.: Индрик, 2008. – 160 с.
- Федорчук В.Д.** Шаманские культовые жезлы из оленьего рога с озера Невского // Вестн. Сахалин. музея. Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея. – 1995. – № 1. – С. 127–135.
- Черемисин Д.В.** О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 85–94.
- Уни Йосикадзу.** Фотограф Хандзава Чу из г. Сисука на Карафуту: его жизнь и сочинения // Сирэтоко Хакубуцукан Кэнкю Хококу (Тр. Сиретокского музея.) – 1999. – № 20. – С. 61–84. (на яп. яз.).

Н.Ю. Петрова

Государственный Исторический музей
Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия
E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА БАЛХАР В ДАГЕСТАНЕ

В статье приводятся этнографические сведения об архаичном гончарном производстве в с. Балхар Акушинского р-на Республики Дагестан. Дается ассортимент изделий и инструментария, используемого на различных этапах гончарного производства. Рассматриваются вопросы, касающиеся исходного сырья, технологии изготовления сосудов, их дальнейшей обработки и декорирования. Подробно описывается обжиг изделий в горне, проводимый совместно несколькими женщинами-гончарами. Приводятся фольклорные данные о происхождении гончарства в селе, а также сведения о некоторых обрядовых действиях, связанных с процессом изготовления посуды.

Ключевые слова: этнография, с. Балхар, женское гончарство, ручной гончарный круг, керамика, технология конструирования, гончарный горн, обжиг.

К настоящему времени сохранилось очень мало очагов архаичного гончарного производства, которые могли бы помочь археологам правильно понять соответствующий материал из археологических раскопок. В феврале–марте 2006 г. мне удалось познакомиться с одним из них в лакском селе Балхар Акушинского р-на Республики Дагестан. Предыдущие исследования, посвященные балхарской керамике, были связаны с изучением изменений росписи на сосудах, их форм, а также рынков сбыта [Кильчевская, Иванов, 1959; Магомедова, 1986; и др.]. Важной является работа Е. Шиллинга, где приведены также сведения о технологии изготовления керамических изделий [1936]. Цель данной статьи – по возможности подробно описать технологические традиции гончарного производства в с. Балхар, сохраняющиеся в настоящее время. К сожалению, не все его стороны удалось выяснить достаточно детально. Помимо собранных во время поездки данных, использована также присланная мне А.К. Газимагомедовым видеозапись процесса обжига сосудов, т.к. увидеть лично мне его не удалось*.

*Выражаю благодарность за содействие, оказанное мне при изучении современного гончарства в с. Балхар, руководи-

Балхар издавна славился производством керамических изделий, и еще совсем недавно гончарное производство в нем процветало. В 30-х гг. XX в. исследователь промыслов Дагестана Е. Шиллинг писал: «...присмотревшись внимательнее к массе развернувшихся перед вами построек, вы различите в ней, в разных местах не менее 25–30 разбросанных куполообразных сооружений, напоминающих купола шиитских мечетей Дербента. Это именно то, чем, собственно, глубоко интересен и своеобразен Балхар. Каждый купол – это чара – печь для обжига гончарных изделий» [Там же, с. 3]. По сообщению Р.Г. Магомедова, еще в 1960-х гг. женщины и мужчины развозили балхарскую керамику по селам Дагестана на лошадях и ослах и, чтобы дети не кидали в изделия камешки, дарили каждому по свистульке. Изготовление глиняных игрушек также издавна практиковалось в Балхаре. По легенде, гончарное производство появилось здесь благодаря местному жителю по имени Кал-кучи, который случайно открыл

телю комбината по производству гончарных изделий А.К. Газимагомедову, ведущему сотруднику Института истории и археологии ДНЦ РАН Р.Г. Магомедову, а также моему мужу Д.В. Петрову. Везде, где это не отмечено особо, термины на лакском языке записаны со слов А.К. Газимагомедова.

необходимые для этого свойства глины [Там же, с. 4–6], о чем до сих пор рассказывают местные жители.

По сообщению Е. Шиллинга, в 1930-х гг. было «около 360 дворов с населением до 1500 человек. Основные занятия – сельское хозяйство земледельческого уклона и кустарное керамическое производство, охватывающее почти поголовно всю женскую часть Балхара, которая, разумеется, не освобождена и от обычных домашних и полевых работ» [Там же, с. 6]. В настоящее время в Балхаре находится комбинат по производству гончарных изделий, которым руководит А.К. Газимагомедов. В селе, как на комбинате, так и дома (но не постоянно) изготовлением керамики занимаются ок. 30 гончаров-женщин. Традиционно здесь гончарное дело – сугубо женское занятие, для мужчин оно считалось постыдным [Там же]. В Балхаре девочек с семи-восьмилетнего возраста начинали обучать их бабушки. Сейчас можно осваивать гончарное дело и на комбинате. Обучение продолжается 14–15 лет. Современные гончары разного возраста: есть как очень молодые, так и достаточно пожилые. А.К. Газимагомедов, местный житель, окончил художественное учебное заведение в Москве, вернулся в село, обучился, несмотря на традиции, гончарному делу, и всю свою жизнь посвятил оживлению постепенно умирающего производства.

Сами дагестанцы уже редко пользуются в быту керамическими изделиями, заменяя их более современными. Поэтому производство керамики в основном рассчитано на туристов, а их в Дагестане, по понятным причинам, сейчас немного. Еще одним стимулом производства являются персональные заказы богатых людей, вкусы которых не всегда отличаются изысканностью. В результате изготавливаются громоздкие изделия, их художественные качества оставляют желать лучшего, что с сожалением констатируют и сами изготовители сосудов. Иногда мастера привозят свой товар на ремесленные ярмарки в Москву.

Ассортимент изготавливаемой в Балхаре керамики достаточно разнообразен (рис. 1). До сих пор производятся многие традиционные виды посуды: *накршицу* – кувшин для хранения молока и сбивания масла (в сосуд наливали молоко, накрывали крышкой и долго взбалтывали); *кьуткъя* – кувшин для хранения жидкости, который также использовали для того, чтобы носить на поля работающим там воду и хлебный квас; *кьукъу* – сосуд для хранения сыпучих продуктов и молока; *калла* – емкость для молока, бузы и творога; *уриша* – кувшин для переноса воды из родника; *кьюнари* – сосуд для умывания и питья воды; *чачжисин* и *кларпташи* – кувшины, используемые для хранения бузы и разли-

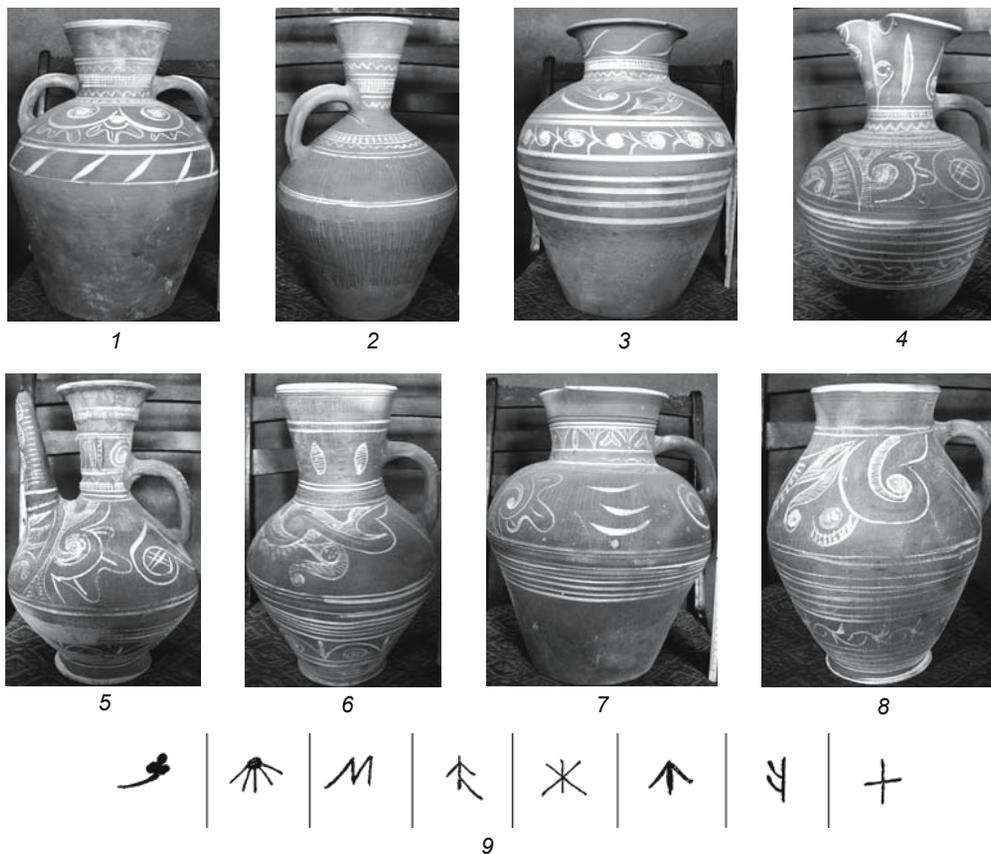

Рис. 1. Традиционные сосуды, изготавливаемые в с. Балхар, и некоторые знаки гончаров.
1 – *накршицу*; 2 – *кьуткъя*; 3 – *кьукъу*; 4 – *уриша*; 5 – *кьюнари*; 6 – *чачжисин*; 7 – *кларпташи*; 8 – *кутча*; 9 – знаки гончаров.

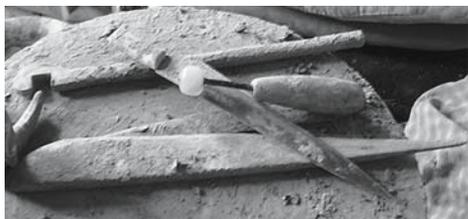
вания из них по маленьким кружкам; *кутча* – сосуд для молока, используемый во время доения; *хЯлларту* – емкость для процеживания бузы. Новшеством является производство декоративных ваз и горшков для цветов, а особой сферой производства – изготовление разнообразных игрушек и сувениров. Лет десять назад в Балхар привезли заграничное оборудование с целью усовершенствовать процесс изготовления керамических изделий, поскольку у балхарцев сохранилось очень много архаичных черт в техническом оснащении производства. Но это нововведение не прижилось.

1

2

3

4

Рис. 2. Инструменты для изготовления сосудов. 1 – старый низкий гончарный круг; 2 – современный гончарный круг; 3 – деревянные и железные ножи, сердолик на стержне с рукоятью и инструмент для придания сосуду формы; 4 – инструмент для формовки носика сосуда.

Исходное сырье. По сообщению А.К. Газимагомедова, в районе Балхара имеется более 15 видов глин. В основном глину добывают в 2 км от села в долине (глина – *арци*, глинище – *кунарйялу*). Для придания формовочной массе необходимых свойств в ее состав вводят различные виды глин: тощие и жирные. Затем ее замачивают и перемешивают ногами. По сообщению А.К. Газимагомедова, раньше в селе бытовало мнение, что «жениться надо на женщине с большой стопой, т.к. она лучше будет месить глину».

Инструментарий. Для изготовления сосудов используются следующие инструменты (рис. 2).

1. Ручной гончарный круг (*жуллаг*). Его высота ок. 30 см, и во время работы за ним гончар сидит на подушках. Используются круги как с динамической (вращающейся), так и со статической центровочной осью. Рабочий диск сделан из древесины, центровочная ось и опорный подшипник центрального действия – из металла. Остальные части круга могут быть как металлическими, так и деревянными. Толщина диска 4 см, диаметр 36 см. Еще недавно использовался гончарный круг, который был настолько низким, что его вращали не только рукой, но и «мягкими толчками правой ноги» [Там же, с. 16]. По свидетельству гончара Х.А. Алибечевой, от такого способа вращения отказались, потому что «так тяжелее». Зафиксированный мной подобный гончарный круг высотой примерно 18 см был полностью деревянным (кроме подшипника), имел статическую центровочную ось и диск толщиной 3 см, диаметром ок. 36 см. Аналогичный круг, описанный Е. Шиллингом, вращался просто «вокруг деревянного гвоздя (вертикальной оси)» [Там же, с. 15].

2. Простые железные и деревянные (*таннучлия*) [Там же, с. 16] ножи. Они используются для обстругивания стенок сосуда; срезания его с гончарного круга; нанесения насечек для лучшего соединения частей изготавливаемого изделия; удаления остатков глины с гончарного круга.

3. Деревянный инструмент в виде стержня с серповидным окончанием (*пальчан*) [Там же]. Он может быть разных размеров и применяется для придания изделию нужной формы, в основном для расширения стенок сосуда.

4. Сердолик, насаженный на металлический стержень с рукоятью, для лощения изделия.

5. Кусок войлока для заглаживания сосуда, придания окончательной формы отдельным его частям.

6. Волос из хвоста лошади, используемый для среза кромки венчика.

7. Заостренная деревянная палочка с глиняным ограничителем для конструирования носика сосуда.

8. Емкость с двумя подтреугольными прорезями по бокам (*куц*), используемая в качестве подставки при изготовлении поддона, а также росписи сосуда.

9. Кисти из волос гривы осла. Ими расписывают изделия. Гончары делают эти кисти сами.

Изготовление сосудов (рис. 3). Перед началом работы гончарный круг смачивают водой и ножом соскребают остатки глины, оставшейся от предыдущей работы. Затем в центр круга насыпают золу из домашней печи, чтобы проще было потом снять с него изделие.

Приемы вытягивания глины не используются. В руках из комка глины делается круглая заготовка для днища (*члан*). Затем она помещается в центр круга на золу и разравнивается кулаком. Днище примазывается к поверхности круга и центрируется: одной рукой крутится круг, а пальцем другой отсекается по краям излишек глины. Затем выдавливается начало емкости (донно-емкостный начин). К нему по спирали изнутри наращивается первый жгут (его длина 15–20 см, толщина 2–4 см). Место соединения сразу же замазывается, но только с внутренней стороны сосуда. Затем так же наращиваются последующие жгуты. При создании закрытой формы они наращиваются только изнутри, но гончар одновременно надавливает на стенки сосуда, расширяя их. Когда конструирование тулова (*чурх* (*ку*)) завершено, стенки обстругиваются ножом и все тулово заглаживается куском войлока. Перед наращиванием более узкой верхней части сосуда (шейка – *сурссу*) на поверхность кромки нижней части с внешней стороны ножом наносятся насечки. Венчик (*барм*) выравнивается путем срезания его кромки либо ножом, либо волосом и также заглаживается куском войлока. После этого внутрь сосуда вставляют деревянный инструмент с серповидным окончанием и с его помощью, надавливая на стенки изнутри, расширяют изделие. Более сложная форма придается сосуду путем моделирования его профиля куском войлока при медленном вращении круга. Аналогичным образом отгибается наружу и венчик.

На месте будущей ручки (*кёй*) на стенке сосуда делаются насечки и небольшое вдавление. Затем из глины раскатывается жгут, на его конце делается конусовидный выступ, который вставляется в углубление на стенке, после чего ручке придается необходимая форма.

Для создания носика берется кусок глины конусовидной формы и протыкается в центре специальной заостренной палочкой, снабженной ограничителем. На этой палочке носику придается окончательная форма. В стенке сосуда ножом вырезается круглое отверстие, к нему приставляется носик и примазывается с внешней стороны.

1

2

3

4

Рис. 3. Рабочее место гончара и некоторые технологические операции.

1 – рабочее место; 2 – обстругивание сосуда ножом; 3 – придание формы сосуду при помощи инструмента *пальчан*; 4 – изготовление поддона с использованием емкости *куц*.

В конце работы с придонной частью сосуда ножом срезают лишнюю глину и снимают изделие с гончарного круга. Только спустя сутки к частично подсохшему сосуду приделывают поддон. Для этого изделие ставят кверху дном в емкость *куц* так, чтобы выступающие детали (ручки, носик) попали в ее прорезы, и закрепляют глиной. Сама емкость, в которой стоит сосуд, также примазывается к кругу. Затем с придонной части изделия срезают верхний подсохший слой глины. На днище делают насечки ножом. На это место накладывается и примазывается новый жгут, из которого формируется поддон. Затем поддон и придонную часть изделия вновь заглаживают войлоком.

Сосуды сушатся только в помещении. В процессе сушки их поворачивают. Спустя один-два дня слегка подсушенную поверхность подвергают лощению.

После того как сосуд полностью высох, его расписывают белой и красной тонко отмученной глиной. Но если изделие должно иметь ручку, то его верхняя часть расписывается сразу после изготовления, а уже потом приделывается ручка. Это хорошо заметно на

всех изделиях. Роспись посуды сугубо традиционная. На внутренней стороне венчика рисуется знак мастерицы.

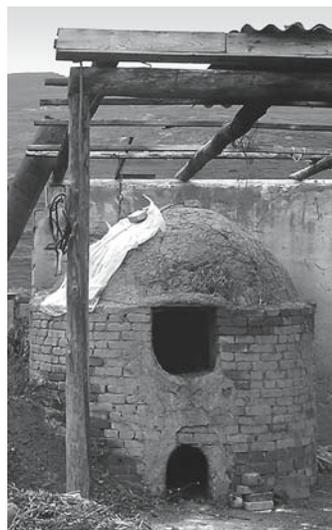
Обжиг посуды. Он производится как на комбинате, так и в горнах, находящихся во дворах гончаров рядом с домами (рис. 4). У комбината имеются два слегка углубленных в землю горна (*чара*). Первый – по объяснению А.К. Газимагомедова, «балхарский» – традиционный, с вертикальным движением горячих газов (его высота 240 см, диаметр 210 см). Внизу располагается топочная камера (*лувалу*), которая отделена от обжиговой (*ялаву*) теплопроводно-разделительным блоком (дно – *члан*). Горн сложен из кирпичей, обмазанных смесью глины с соломой (толщина стенок 50 см). Кирпичная кладка внутри обмазана глиной. Теплопроводно-разделительный блок, подпертый снизу столбом, по сообщению мастера, сделан из прутьев, которые укладывались как спицы колеса в момент возведения горна, после сооружения топочной камеры. Прутья обмазывались толстым слоем глины, потом промежуточные пространства закрывались таким образом, что оставались только отверстия-продухи (*кутру*) для прохода горячих газов из топочной камеры в

обжиговую. Центральные продухи круглые, диаметром 10–15 см, а боковые полукруглые – 20 см. Теплопроводно-разделительный блок мастер назвал колосником. Дымоотвода и смотрового отверстия нет. Эти функции выполняет отверстие (55×54 см) для загрузки керамики (*хуллу*), которое во время обжига закрывается не полностью. Строго под ним в топочной камере находится загрузочное отверстие (46×37 см) для топлива. Одна стенка горна составляет единое целое со стеной комбината.

Подобный горн находится во дворе дома одной женщины-гончара и вплотную примыкает к каменной ограде. Сложен он из камня, снаружи обмазан глиной, смешанной с соломой. Наверху обжиговой камеры, в том месте, где ее сужение переходит в плоскую крышу горна, имеется небольшое отверстие со вставкой в виде металлической пластины с загнутыми краями,

1

2

3

4

Рис. 4. Подготовка кизячного топлива для обжига и гончарные горны.

1 – подготовка кизяка; 2 – традиционный «балхарский» горн во дворе комбината; 3 – горн во дворе дома женщины-гончара; 4 – гончар Х.А. Алибечева у горна для обжига игрушек.

выполняющее роль дымоотвода. Аналогичный по конструкции, но маленький каменный горн со сводчатой крышей, предназначенный для обжига игрушек, находится на краю селения.

Второй горн на территории комбината, по словам А.К. Газимагомедова, усовершенствованный (высота 280 см, диаметр 390 см). От первого он отличается наличием трубы для отвода дыма, расположенной в центре купола горна, и смотрового отверстия для наблюдения за ходом обжига. Кроме того, обжиговая камера имеет двойные стенки, в пространство между которыми поступают горячие газы из топочной камеры. В обжиговую камеру они попадают благодаря многочисленным квадратным отверстиям (*кутру*) во внутренней стенке. Внешний свод сделан из арматуры (железной решетки, согнутой в дугу), обмазанной смесью глины с соломой. Стенки горна, а также внутренний свод обжиговой камеры сложены из кирпичей. Кирпичная кладка изнутри обмазана глиной, а снаружи – глиной, смешанной с соломой.

Рядом с действующими горнами находятся остатки старого, кирпичи от которого пошли на постройку новых. Над «балхарским» горном имеется недостроенный навес. Дополнительно горн накрывается полиэтиленом. Время службы горна 20–30 лет, в течение которых он несколько раз обмазывается смесью глины с соломой. Раньше все горны делали из камня, и они достигали 4 м в высоту [Там же, с. 19]. Сооружали их те же люди, которые строили дома.

Изготовлением керамических изделий занимаются с сентября по май, т.е. в период, свободный от полевых работ. По словам А.К. Газимагомедова, зимой обжиг обычно проходит лучше, чем весной. Производится он сразу несколькими женщинами (6–7 чел.) в одном большом горне, владельцу которого платят сосудами – по 7–8 шт. с человека. Топить горн начинают в 5–6 часов утра, и продолжается обжиг до 12 часов ночи. Существует разделение труда: более опытные мастерицы осуществляют самые ответственные операции. Раскладывает изделия в горне старшая по возрасту. Для этого она забирается внутрь. Остальные подают ей свои изделия, которых, по всей видимости, сотни. Сосуды укладываются друг на друга – сначала большие, потом меньшего размера. Изделия одной мастерицы складываются вместе. Сначала сосуды ставятся вокруг теплопроводных отверстий, которые далее постепенно закрываются новыми сосудами. Затем старшая мастерица выбирается из горна, а укладывание изделий заканчивает более молодая (но не самая молодая), после чего старшая закрывает загрузочное отверстие обжиговой камеры черепками разбитых сосудов примерно на половину высоты.

До обеда горн топится кизяком, в результате чего сильно нагревается. Затем кизяк заменяют соломой, сеном и ветвями кустарников, т.к., по словам гончара

Х.А. Алибечевой, сосуды не выдерживают слишком высокой температуры и трескаются. Первичной растопкой занимается одна из старших женщин, но не та, которая укладывала сосуды. В дальнейшем за поддержание огня в горне отвечают более молодые. Они загружают в топку большое количество соломы и ветвей кустарников. Для этого используют специальное железное приспособление в виде пластины с ручкой длиной ок. 2 м и вилы.

Кизяк предварительно особым образом подготавливается. Его либо разбрасывают на крыше дома и топчут ногами, а когда высохнет, режут на квадраты, либо в свежем виде кусками лепят на стенки домов. Причем заготавливают кизяк зимой, т.к., по словам Х.А. Алибечевой, он промерзает, а к весне становится более мягким и лучше подходит для топки.

А.К. Газимагомедов рассказывал, что ранее перед началом обжига осуществлялись обрядовые действия: главная женщина (пожилая, ответственная за обжиг) брала щепотку соли, плевала на нее, затем обходила всех присутствующих мастериц, которые также должны были туда плюнуть, и бросала эту щепотку в огонь. Кроме того, мастерицы должны были перед обжигом справиться малую нужду перед горном. На горн вешался бараний череп. На чем основаны эти обычаи, установить не удалось.

В заключение отмечу, что за 70 лет, прошедших со времени посещения с. Балхар Е. Шиллингом, в технологических приемах производства керамики мало что изменилось. Прежними остались способы обработки сырья, обжига изделий в горнах и, что особенно интересно, навыки конструирования сосудов – сохранилась налепная технология изготовления посуды без применения методов вытягивания на гончарном круге. Изменения коснулись в основном технических приспособлений: гончарный круг обогатился металлическими деталями, в т.ч. подшипником; усложнилась конструкция горна. Приведенные этнографические данные могут помочь в интерпретации археологического материала, связанного с гончарным производством.

Список литературы

Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. – М.: Всесоюз. кооп. изд-во, 1959. – 176 с.

Магомедова С.Г. Бытовая керамика Дагестана: (К вопросу о сложении регионально-художественных традиций в народном искусстве): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1986. – 25 с.

Шиллинг Е. Балхар: Женские художественные промыслы дагестанского аула Балхар. – Пятигорск: Сев.-Кавказ. краев. гос. изд-во, 1936. – 23 с.

Материал поступил в редколлегия 13.01.10 г.

Т.А. Воронина

Институт этнологии и антропологии РАН
 Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия
 E-mail: russkie2@iea.ras.ru

РАЦИОН ПИТАНИЯ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В ДНИ ПОСТА (XIX ВЕК)

Статья посвящена традиционному питанию русских крестьян в Сибири, включавшему много- и однодневные посты, которые предполагали ограничения в повседневном пищевом рационе, частичное или полное голодание в течение календарного года. Повседневный стол сибирских крестьян сохранял как черты, присущие русской кухне в целом, так и местные особенности питания. Показательно, что в народной кухне сибиряков наряду с общеизвестными блюдами (уха, пельмени, пироги) важное место занимали дикорастущие растения. Пост соблюдали даже в суровых климатических условиях, например, в Якутии, в местах заключения на Сахалине. С постами были связаны полевые работы, а также отхожие промыслы и неземледельческие занятия крестьян. Даже детей приучали поститься с раннего детства. Важность постов заключалась не только в отказе от определенного набора блюд, они способствовали укреплению нравственности, воспитанию многих положительных качеств и т.п. Привлекая широкий круг источников, автор показывает большую роль постов в жизни сибирских крестьян.

Ключевые слова: русский народ, крестьяне Сибири, традиционное питание, материальная культура, пост.

Со времен принятия христианства питание русских в течение года четко разделялось на постные дни, когда запрещалось есть скоромное – мясные, молочные и другие продукты животного происхождения (а в отдельные дни и рыбу), и мясоед – дни, когда состав употребляемой пищи не ограничивался. Чтобы нагляднее представить, какое место занимали одно- и многодневные посты (Великий, Петров, Успенский, Рождественский) в жизни русского народа, достаточно вспомнить, что большая часть года – 200 из 365/6 календарных дней – приходилась на посты и в рационе питания преобладали постные блюда. Посты были приурочены к определенным христианским праздникам.

Практика воздержания от приема определенного рода пищи всегда находилась в кругу проблем отечественной науки, связанных с изучением проявлений религиозности: «все своеобразие четырех длительных постов, еженедельных и особых постных дней со всей их местной, сезонной, половозрастной и, особенно, духовной спецификой – обширное поле этнографиче-

ского изучения» [Громько, 1996, с. 176–177]. Особый интерес представляет исследование практики поста в различных социальных группах России, поэтому цель статьи – дать краткий обзор особенностей соблюдения постов сибирскими крестьянами в XIX в.

Этнически многокомпонентное население Сибири состояло из местного и пришлого. В первой половине XIX в. за счет переселенцев активно увеличивалась доля русских: если в 1795 г. они составляли 69,24 % всего населения, то в 1858 г. – до 76,77 %. В некоторых областях Западной Сибири преобладали выходцы из славян. Например, в формировании населения Среднего Прииртышья, согласно переписи 1897 г., принимали участие выходцы почти из всех губерний Европейской России, причем основную роль в заселении сыграли жители черноземных губерний. Во всех округах Тобольской губ. русские преобладали по численности [Сатлыкова, 1983]. В пище населения Дальнего Востока сохранились традиции питания жителей России, Украины и Белоруссии, переселившихся сюда в 50-е гг. XIX в.

Русские, осваивая обширные территории Сибири, приспособлялись к новым условиям жизни, но сохраняли традиции родных мест. Крестьяне соблюдали практически все обряды и обычаи, связанные с церковными установлениями, поэтому неудивительно, что «в сибирских деревнях строго соблюдались посты» [Миненко, 1991, с. 192]. «К вере и церкви прибежен, наипаче жители Красноярские и Енисейские», – сообщал в 1809 г. о сибиряках губернатор Томской губ. В. Хвостов [1809, с. 6]. «Об усердии к церкви» крестьян Пермской губ. писал в начале XIX в. Н. Попов [1804, с. 227, 338]. Составитель географо-статистического описания Пермской губ. в середине XIX в. подполковник Х. Мозель отмечал, что местный крестьянин «усердно ходит в церковь по всем праздничным дням, исполняет строго все христианские обряды, говееет и приобщается каждый год... соблюдает все посты» [1864, с. 331].

В XIX в. слова «пост», «пощенье», «постованье», «постничанье», «поститься» и их производные составляли часть повседневного лексикона русских. Но в разных местах бытовали местные слова и выражения. Русские, проживающие в Сибири, говорили «постовать», а в других регионах чаще употребляли глагол «поститься». Слово «говение» означало благочестивый обычай быть умеренным в пище, не есть скоромное и даже сладкое (обычно не меньше трех дней), посещать храм. Известны и другие производные слова: «говельный» – «до говения относящийся», «говельщик» или «говельщица» – тот, кто говееет; «разговляться» – есть скоромное в первый раз после поста (отсюда «разговенье», «разговины»). Соответственно «заговенье» означало последний день накануне поста, когда еще можно употреблять скоромную пищу [Даль, т. I, 1989, с. 364; т. III, 1990, с. 345].

Питание сибиряков носило в целом ярко выраженный земледельческий характер, что обуславливало наличие в традиционном пищевом рационе растительных продуктов, особенно много хлеба: «Был бы только хлеб ржаной – крестьянин больше ни о чем не заботится» [Потехин, 1986, с. 271–272]. Вместе с тем местные природные и климатические условия существенно влияли на характер питания, поэтому пища населения всего края не была одинаковой [Липинская, 1997]. Соответственно разным был и постный стол сибирских крестьян, в котором прослеживались черты, присущие русской кухне в целом, а также местная специфика питания. Наличие у крестьян собственного хозяйства значительно облегчало соблюдение постов. Известная поговорка «щи да каша – пища наша» достаточно емко характеризует особенности русской национальной кухни. В Сибири ни один крестьянин не обходился без щей и каши. Основной пищей в дни поста были капустные щи с мучной заправкой, похлебки, блюда из картофеля,

капусты, гороха, фасоли, чечевицы, грибов с добавлением льняного или конопляного масла, рыбы в отварном, жареном и запеченном виде, кисели, ягоды, мед, квас, а также дикоросы.

Крестьяне Восточной Сибири, как писал Н.С. Щукин, «посты соблюдают строго в смысле неядения скоромного». Здесь в большом количестве культивировали картофель, получивший широкое распространение в России с конца XVIII в. Летом, когда пища была более скудной, по лесистым склонам собирали черемшу, медвежий лук (*Allium ursinum* L.) – дикорастущее растение из семейства лилейных со съедобными, пахнущими чесноком листьями, которые толкли и, немного посолив, ели с квасом. Стол дополнялся прошлогодними запасами картофеля и редьки, соленых и сушеных грибов, ягод. В праздники, если они приходились на пост и можно было есть рыбу, пекли пироги с рыбой, варили шербу (уху), жарили на масле тельное из рыбного фарша, делали пельмени с рыбой. Варили также пшеничный, гороховый и ягодный (в основном из облепихи) кисели, пекли блины, оладьи, пряженики – пирожки с фаршем, жаренные на конопляном или кедровом масле [Щукин, 1859, с. 36, 44, 47; 1990, с. 216].

Много русских проживало в Ялуторовском, Туринском, Тарском, Тюменском и Тобольском округах Тобольской губ. М.М. Громыко, используя в качестве источника ответы на вопросы анкеты Русского Географического общества 40-х г. XIX в., приводит интересные сведения о том, как соблюдали посты жители степного района Восточной Сибири. Крестьяне Каинского уезда готовили просяную или ячную кашу с конопляным или рыжиковым маслом (из семян рыжика (*Camelina Crantz*) – маслянистого растения из семейства крестоцветных), а также с рыбьим жиром, щи («шти») из рубленой капусты с ячменной крупой. Ели также картофельницу (картофельную похлебку), вареный горох, репницу с маком (похлебку из репы), репные или морковные паренки с сусликом (суслик – сладковатый навар на муке и солоде, использовался в качестве подливы), морковницу (похлебку из моркови), редьку, капусту, квашеную свеклу, пили густой квас. В числе повседневных блюд отмечена кулага – смесь ржаной муки и солода, заваренная кипятком, пропаренная и выдержанная на холоде; среди постных блюд она считалась лакомством. Постный праздничный стол, как правило, отличался разнообразием рыбных и мучных блюд. В том же уезде пекли пироги со щукой, чебаком, язём, окунем, карасем, налимом, линем, готовили жаркое из этих же видов рыбы. Уху (по-местному шарбу) варили из ершей и пескарей либо из той же рыбы, что шла в пироги. Оладьи и блины из пшеничной муки ели с конопляным и рыжиковым маслом. Каша тоже входила в праздничное угощение. Завершался постный вариант праздничного

стола блюдами из клюквы, черной смородины и «глубники» в сусле. В основе рациона крестьян Тарского уезда, Минусинского и Ишимского округов был тот же набор блюд с некоторыми дополнениями. Близкая картина складывается по описанию питания населения Шушенской и Тесинской волостей Минусинского округа [Громыко, 1973].

Жители Алтайского края, как сообщает В.А. Липинская, в посты ели дикий или огородный зеленый лук с квасом, затирки из муки, каши, отварной картофель, крупяные щи, болтушки, блюда из гороха, тюрю из хлебного крошева с квасом и водой, соленые грибы, огурцы и капусту. Местной особенностью была отварная лапша из ржаного теста. В праздники жарили рыбу, пекли пироги, варили щербу из свежей рыбы, похлебки с сушеной рыбой; пищу сдабривали льняным, конопляным, рыжиковым и кедровым маслом [Липинская, 1987, с. 180, 188].

Постный рацион крестьян, проживавших в юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губ., включал холодное из тертой редьки с луком, картофелем и огурцами, белую капусту («серая» капуста из зеленых листьев в пищу не употреблялась), пирог из рыбы или груздей, густые щи из «толстой яшной» крупы, кашу из той же, но мелкой крупы, уху из свежей, а чаще из сухой рыбы, репные паренки и сушеную вишню в сусле, сладкие пироги с маком, толченой черемухой, вишней, густой квас из сусли. Суп и похlebка с рыбой, заправленные растительным маслом, считались полупостными блюдами. Традиционные для сибиряков «пельняни» (пельмени) начинялись груздями и капустой [Успенский, 1859, с. 29].

В Верхотурском уезде «пища, ежедневно употребляемая в постные дни, – щи с ячной крупой, картофель, репа, морковь, соленая капуста, а в праздники – рыба. В Ирбитском уезде в постные дни всегда ели черный или ячменный хлеб, щи из толстой ячменной крупы, просяную или овсяную кашу с постным маслом, соленую капусту, огурцы, грузди, вареный картофель, редьку с квасом, по праздникам в постные дни ели белый хлеб, пирог с рыбой, вареную рыбу, жаркое из рыбы или картофеля, горошницу, гороховый кисель с постным маслом, просяную кашу с маслом» (Архив Русского географического общества. Р. 29. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об.; Д. 21. Л. 1 об.).

В некоторых сибирских губерниях перед Петровками (так называли Петров пост), как и перед Филипповым постом, праздновали «яичное заговенье» – варили яйца. Петровки заканчивались празднованием дня памяти святых апостолов Петра и Павла (29 июня), который еще называли днем Петра-рыболова. Почитание апостола Петра как покровителя рыбных промыслов было принято в Западной и Восточной Сибири [Громыко, 1975, с. 191]. В Тюменском окр. в день праздника рыбаки служили молебен, в

некоторых местах существовал обычай собирать «Петру-рыболову на мирскую свечу», которую ставили в храме [Максимов, 1994, с. 393]. Крестьяне Приангарья, садясь за праздничную щербу (уху), приговаривали: «Петры-Павлы! Садитесь хлеба-соли кушать: вам каша, нам чаша; вам рыбка, нам щербка» [Макаренко, 1913, с. 88]. В деревнях Бутурлинской вол. на Алтае в дни заговенья накануне Петрова и Рождественского поста отмечали праздники «съезжих» [Миненко, 1991, с. 203].

Из всех дней Страстной седмицы выделялся Великий, или Чистый, четверг (Великий Четверток). По народной традиции, большое значение придавали четверговому хлебу. Крестьяне верили, что в Великий четверг Господь невидимо благословляет даже тот хлеб, который пекли и подавали к обеду [Максимов, 1994, с. 322]. Уроженец с. Усть-Ницы Тюменского окр. Ф. Зобнин вспоминал: «Утром в Четверг только что встанем – видим, что на божнице, около икон, стоит коврига хлеба и большая резная деревянная солонка: это четвережный хлеб и четвережная соль» [Зобнин, 1894, с. 40].

Важно, что после окончания Великого поста к скоромной пище приступали не сразу. Ф. Зобнин вспоминал, что после Христовой обедни на столе сначала появлялось масло: «Мы пробовали было заявить, что масла не хотим. Но отец с матерью стояли на своем, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе после поста-то сердце будет давить. После масла стали молосными шами разговляться» [Там же, с. 43].

Известно, что крестьяне в течение постов копили молочные продукты, которые нередко продавали или обменивали на другие продукты питания, что давало немалую экономическую выгоду. Так поступали чаще всего в Петров пост. Например, в с. Усть-Ницы Тюменского окр. заботливые хозяйки копили творог для т.н. кислого молока, сметану и масло. Чем длиннее были Петровки, тем выгоднее это становилось для крестьянок, потому что в промежговенье – время между постами – ни сметаны, ни масла накопить не удавалось. Поскольку пост приходился в основном на июнь, носивший название «межень», масло называлось «меженным». Оно считалось самым лучшим и доброкачественным [Там же, с. 55]. В Сибири и на Дальнем Востоке излишки молока в постные дни замораживали [Аргудяева, 2001, с. 81].

В дни постов почти все крестьяне старались пользоваться «постной» посудой – горшками, мисками, ложками. Известно, что семейские Забайкалья также ревностно относились к посуде и разделяли ее на чистую и нечистую, на постную и скоромную («молосную») [Болонев, 1984, с. 32].

Детей приучали к посту довольно рано, причем материнским молоком ребенка кормили три поста, не считая Филипповский и Петров. Например, если

младенец родился зимой, то кормили два Великих и один Успенский, а если весной, до Успенского поста, тогда кормили два Успенских поста и один Великий. После на малыша распространялась необходимость соблюдения постов (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1725. Л. 4; Д. 583. Л. 4 об.). У крестьянок, проживавших на Дальнем Востоке (Приамурье, Приморье), как и у многих русских женщин, промежуток между родами был связан с обычаем кормить ребенка грудью «два Великих поста», а иногда и весь период лактации [Аргудяева, 2001, с. 196]. Крестьяне Западной Сибири отсутствие скоромятой пищи в Великий пост объясняли детям тем, что все молоко и масло сгорело на масленичных кострах: «Сожгли все, теперь ни масла, ничего нет» [Новоселова, 1974, с. 40].

Житель с. Усть-Ницы Тюменского окр. Ф. Зобнин вспоминал, насколько строго соблюдали пост в их семье. Накануне Пасхи каждый из детей получал от родителей яйца – «по паям», и никому из них не приходило в голову съесть их, не дожидаясь праздника. Тем более непонятным для детей казался рассказ отца о том, «что он в городе видел “господ”, которые и в Великий пост “кушали мяско”» [1894, с. 42].

Помимо обязательных постов, время проведения которых регламентировалось уставом Русской Православной церкви, часть верующих добровольно налагала на себя дополнительный пост в понедельник – «понедельничанье». «Кто понедельник, – говорили в народе, – возрадуется заступничеству архангела Михаила». Жители Усть-Ницынской слободы Тюменского окр. воздерживались также от употребления мясной и молочной пищи по средам и пятницам, а старики еще и по понедельникам [Зобнин, 1898, с. 125]. Многие пожилые крестьяне Шадринского уезда свято соблюдали посты, установленные церковью, а также по понедельникам [Успенский, 1859, с. 14–15].

На Крайнем Севере Восточной Сибири пост соблюдали жители Русского Устья Верхоянского окр., расположенного на р. Индигирке в 80 в. от Ледовитого океана, в зоне тундры. Важным моментом в жизни индигирцев, проживавших в болотистой местности, лишенной растительности, где морозы зимой доходили до -50°C , был приезд священника. Это случалось только перед Пасхой, поэтому все необходимые требы – крещение, венчание (несмотря на пост) и отпевание – исполнялись разом. «Работы священнику много; отовсюду съезжаются постники с семьями; говеют каждогодно». Для женщин говенье и «гощенье» были единственной возможностью увидеть друг друга, хотя мужчины виделись чаще на промыслах [Зензинов, 1913, с. 176–177].

Хлеб, крупитчатую и ржаную муку, кирпичный чай, сахар, пшеничные или ржаные сухари привозили из Якутска. Основным продуктом питания была рыба –

чир, омуль, муксун. Из нее варили преимущественно уху (здесь слово «щербá» произносили с ударением на последнем слоге). Рыбу использовали и в вяленом виде (юкола). С рыбой пекли пирожейники, но такие пироги могли позволить себе только богатые. Чаще всего делали топтаники – пироги, у которых и начинка, и тесто были только из рыбы. Круглые лепешки из мятой «сельдятки» назывались «тельно». Из мороженой и мятой икры, лучше всего «сельдятки», готовили барбаны – толстые лепешки типа оладий и тонкие большие (во всю сковороду) блины. Иногда в тесто блинов и барбанов добавляли безвкусные сладковатые корни дикорастущей макарши (макаршино корне, змеин-корень (*Polygonum Bistorta*)) [Даль, 1989, т. II, с. 290], отчего они немного темнели. С вареной и толченой макаршей жарили также «сельдяжки пупки», это блюдо называлось «макаршиный кавардак». Ягоды – морошка и «дикуша» (род черной смородины (*Ribes*)) [Даль, 1989, т. I, с. 436] – здесь были очень редки. Летом собирали щавель и жарили его в рыбьем жире. Вместо чая использовали бруснику, иногда пили просто горячую воду [Зензинов, 1913, с. 163–166]. В.М. Зензинов обнаружил много общего в культуре насельников Русского Устья и жителей с. Марково на Анадыре, которые, как и индигирцы, соблюдали посты [Зензинов, 1914, с. 155].

Жители Русского Устья при ловле рыбы ориентировались на посты. Так, омулевый ход продолжался весь Петров пост до Петрова дня, ход «сельдятки» и муксуна начинался до Успения и длился до Воздвижения. Метать икру рыба начинала к Иванову дню (29 августа). На Успенский пост ориентировались при промысле больших белолобых гусей: они возвращались на время гусевания к Успенью, или «Ивану» (29 августа) [Зензинов, 1913, с. 149, 150, 156].

С постами были связаны некоторые сельскохозяйственные работы: по народным приметам, погодные условия изменялись в определенные дни календарного года. На посты, например, ориентировались при определении начала сенокоса, уборки зерновых и огородных культур. Лен выбирали во время Успенского поста незадолго до Успеньева дня (15 августа), потом наступала пора утренних холодных рос. Коноплю убирали до Иванова дня, когда соблюдали однодневный пост в память о святом пророке Иоанне Предтече (29 августа). После него начинались легкие морозы, и крестьяне спешили с уборкой картофеля. Таким образом, посты в известной степени разграничивали время года и были связаны с сельскохозяйственным кругом занятий. В зимние посты мужчины занимались подледным ловом рыбы, вывозкой леса и подготовкой к сплаву. В марте с установлением наста начиналась охота на медведей и лосей.

Сибирские крестьяне часто уходили на различного рода заработки. С начала Великого поста до Рождест-

венского поста часть мужского населения нанималась на камнетесные работы. Крестьяне также дожидались окончания Петрова поста и в Петров день (29 июня) начинали косить, а потом уходили на заработки («на сторону»). Рабочий год крестьян, занимавшихся отхожим промыслом, начинался между 8 сентября и 1 октября и длился до Петрова дня, поэтому для некоторых ведение промысла приостанавливалось между Петровым днем (29 июня) и Преображением (6 августа) – временем окончания покоса.

В Сибири был очень развит такой промысел, как сбор кедровых орехов (из них били масло для себя и для продажи), а также дикорастущих растений. В северных районах Сибири сбор кедровых орехов и дикорастущего хмеля совпадал с окончанием Успенского поста [Громыко, 1975, с. 222, 228; Сатлыкова, 1983, с. 166]. Жители Курганского окр. к началу Великого поста приурочивали строительство избы. Считалось, что тем, кто начал рубить дом ранней весной и в новолуние, будет сопутствовать удача [Громыко, 1975, с. 236–237].

Пост соблюдали и в местах заключения на о-ве Сахалин в Охотском море, территория которого по природно-климатическим условиям не везде была пригодна для поселения. На 1 января 1890 г. на острове насчитывалось 5 905 каторжных обоюго пола [Чехов, 1987, с. 229]. Большинство составляли прибывшие из Тамбовской, Самарской, Черниговской губерний и др. [Там же, с. 242]. А.П. Чехов, изучая быт сахалинских ссыльных, отмечал, что из всех учтенных им обитателей 86,5 % составляли православные, которые продолжали соблюдать церковные таинства [Там же, с. 306]. «Поселенцы говеют, венчаются и детей крестят в церквях, если живут близко, – отмечал он. – В дальние селения ездят сами священники и там “постят” ссыльных» [Там же, с. 303]. Конечно, необычные условия жизни сказывались и на возможностях посещения храма: «В Великом посту каторжные говеют; на это дается им три утра. Когда говеют кандалные или живущие в Воеводской и Дуйской тюрьмах, то вокруг церкви стоят часовые, и это, говорят, производит удручающее впечатление. Каторжные чернорабочие обыкновенно в церковь не ходят, так как каждым праздничным днем пользуются для того, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; к тому же церкви здешние тесны, и как-то само собою установилось, что ходить в церковь могут только одетые в вольное платье, то есть одна так называемая чистая публика» [Там же].

В соответствии с «Табелем о довольствии ссыльнокаторжных мужчин и женщин пищею», составленным на основании положения о провиантском и приварочном довольствии войск от 31 июля 1871 г., сахалинские ссыльные тоже состояли на казенном довольствии и получали ежедневно печеный хлеб, крупу

и разные приварочные продукты на 1 коп.; в постный день мясо заменялось рыбой. Арестанты получали еду в бараках или в пристройке, в которой помещалась кухня, но качество продуктов оставляло желать лучшего. Постились и солдаты, которых называли «пионерами Сахалина», потому что они появились здесь до учреждения каторги. Солдаты жили на западном, южном и юго-восточном побережье острова и питались так же плохо, как и арестанты. Летом к ним приходило судно с провиантом, а зимой приезжал «попостить» их священник [Там же, с. 292, 293, 308, 309].

Данная статья дает лишь небольшое представление о пищевом рационе сибирских крестьян в дни поста. Приведенные сведения позволяют сделать вывод о строгом и неукоснительном соблюдении постов. Даже детей крестьяне приучали поститься с раннего детства. Воздержание от скоромной пищи давало значимую экономическую выгоду. Общеизвестны такие блюда сибиряков, как уха, пельмени, пироги и т.д. Однако в пищу сибирские крестьяне широко употребляли и дикорастущие растения. Пост соблюдали даже в суровых климатических условиях, например, в Якутии, а также в местах заключения на Сахалине. С постами были связаны некоторые полевые работы крестьян, отхожие промыслы и некоторые неземледельческие занятия сибиряков (охота, рыболовство, сбор кедровых орехов, хмеля).

В целом, как показывают источники, в XIX в. посты, определявшие ограничения в пищевом рационе, вносили большие изменения в обычную жизнь сибирских крестьян. И хотя в соблюдении поста у них было много общего, некоторые блюда составляли локальные особенности, т.е. вариативность в кулинарии определялась природной зональностью. Постный стол составлял существенную часть традиционного пищевого рациона, можно сказать, что на чередовании поста и мясоеда зиждилась русская национальная кухня. Изучение практики поста имеет большое значение для определения национальных черт народа, связанных с его традиционным питанием. Это позволяет рассматривать пост как важный компонент материальной культуры этноса.

Список литературы

Аргудяева Ю.В. Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – 132 с.

Болонев Ф.Ф. О гончарстве русского населения Забайкалья // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 30–39.

Громыко М.М. Новые данные по материальной культуре русских крестьян Каинского уезда в 40-х годах XIX в. //

Изв. Новосиб. отд. Геогр. об-ва СССР. – Новосибирск, 1973. – Вып. 6. – С. 155–158.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1975. – 351 с.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М.: Наука, 1986. – 280 с.

Громыко М.М. Православие у русских: проблемы этнологического исследования // Православие и русская народная культура. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. – Кн. 6. – С. 160–185.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1989. – Т. I. – 699 с.; Т. II. – 1989. – 779 с.; Т. III. – 1990. – 555 с.

Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа // Этногр. обозрение. – 1913. – № 1/2. – С. 110–235.

Зензинов В.М. Марковцы и русско-устынцы (Этнографические параллели и сравнения) // Этногр. обозрение. – 1914. – № 1/2. – С. 155–161.

Зобнин Ф. Из года в год (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа) // Живая старина. – СПб., 1894. – Вып. 1. – С. 37–64.

Зобнин Ф. Из года в год. Усть-Ницынская слобода, Тюменского уезда, Тобольской губ. // Живая старина. – СПб., 1898. – Вып. 2. – С. 125–157.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1987. – 224 с.

Липинская В.А. Пища (XI–XX вв.) // Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 354–397.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь, Енисейская губерния. – СПб., 1913. – 292 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Полисет, 1994. – 446 с.

Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. – СПб., 1864. – Ч. 1. – 60 с.

Новоселова Л.В. Народный календарь и его поэзия в Западной Сибири (По старым и новым записям) // Фольклор и литература Сибири. – 1974. – Вып. 1. – С. 24–42.

Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. – Ч. 2. – 403 с.

Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. – М.: Современник, 1986. – С. 226–311.

Сатлыкова Р.К. Культурно-бытовые взаимодействия населения Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 163–174.

Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. – М., 1859. – Кн. 1, раздел IV: Смесь. – С. 3–41.

Хвостов В. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги, до Иркутской границы. – СПб.: Изд-во Имп. академии наук, 1809. – 107 с.

Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок) // Чехов А.П. Собр. соч.: В 18 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 14/15. – С. 39–372.

Щукин Н.С. Быт крестьянина Восточной Сибири // Журнал министерства внутренних дел (СПб.). – 1859. – Кн. 2, отд. 3. Материалы для статистики России. – С. 32–53.

Щукин Н. Житие сибирское в древних преданиях и нынешних впечатлениях // Записки иркутских жителей. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 218–224.

Материал поступил в редколлегию 25.03.10 г.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНО-ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.)*

Краниологические серии, полученные из усть-ишимских могильников, позволили охарактеризовать антропологический облик средневекового населения южно-таежной зоны Среднего Прииртышья. Судя по косвенным данным, в V–XIII вв. здесь проживали племена, схожие с низколицыми монголоидами, присутствие которых прослеживается в составе населения лесостепи Западной Сибири в эпоху раннего железа. Кроме преобладающего западно-сибирского антропологического пласта, зафиксирована очень небольшая монголоидная примесь южно-сибирского облика. Однако в целом усть-ишимское население можно соотнести с тоболо-иртышской группой популяций обь-иртышского антропологического типа западно-сибирской расы. Из современных этносов к устьишимцам ближе всего тоболо-иртышские татары, поэтому роль средневекового населения в их расогенезе несомненна.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, средние века, усть-ишимская археологическая культура, антропологический тип, расогенетические процессы.*

Введение

Проблема изучения антропологического состава населения Западной Сибири эпохи средневековья является ключевой для понимания генезиса современных этносов этого региона. Именно тогда происходило формирование антропологического облика групп, соотносимых с теми или иными этнолингвистическими общностями. Палеоантропологические исследования важны и для решения общих вопросов истории этнокультурных образований, особенно тех, источником информации о которых служат преимущественно археологические данные. Изучение новых палеоантропологических источников из южно-таежной части Прииртышья позволит не только очертить направление расогенетических связей древнего населения, но

и определить степень участия средневековых популяций в сложении физического облика современных тюркоязычных групп Среднего Прииртышья.

Памятники усть-ишимской культуры IX–XIII вв. обнаружены на достаточно обширной территории – от г. Омска до г. Тобольска и от среднего течения Ишима до водораздела Иртыша и Оби, т.е. в лесостепной, подтаежной и южно-таежной частях Прииртышья. Однако для палеоантропологического исследования оказались доступны только материалы из могильников на территории южной тайги и подтайги (рис. 1). По археологическим данным, в эпоху раннего и развитого средневековья здесь проживали потчевашские, а затем усть-ишимские племена, связь между которыми отмечена многими исследователями [Конилов, 2007; Могильников, 1987]. На сегодняшний день в археологической науке существует несколько точек зрения о культурно-генетических процессах, протекавших на данной территории в это время. Исследователи отме-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00045-А).

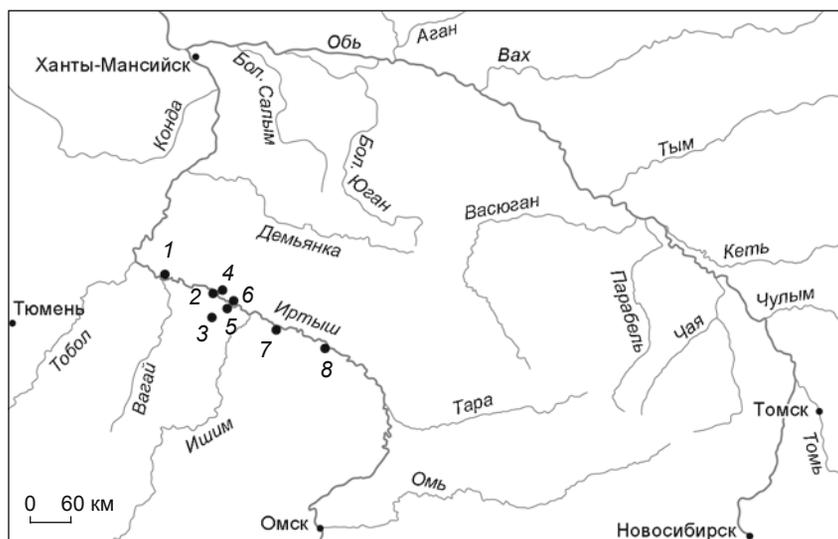

Рис. 1. Расположение памятников, антропологический материал из которых привлечен к анализу.

1 – городище, 2–8 – могильники.

1 – Долговское; 2 – Масарлы-1; 3 – Нугай-1; 4 – Малая Бича; 5 – Малая Тебендя; 6 – Паново-1; 7 – Кип-1; 8 – Иванов Мыс-1.

чают некоторую близость потчевашских и пришедших им на смену усть-ишимских древностей с культурами раннего железного века – саргатской, богочановской и кулайской [Конилов, 2007]. Высказаны разные точки зрения относительно этнической принадлежности потчевашских и усть-ишимских племен. Одни исследователи относят их к уграм [Чернецов, 1957], другие – к самодийцам [Генинг, 1972], третьи говорят о сложном угорско-самодийском составе [Могильников, 1987]. Ряд ученых отстаивает тезис о южно-хантыйской принадлежности этих племен, высказывая предположение о миграции южных хантов в эпоху средневековья в Прииртышье [Молодин, 2005; Конилов, 2007]. Кроме того, в потчевашской и усть-ишимской культурах выделяется коми-зырянский и древнерусский компоненты, связанные исключительно с торгово-обменными контактами прииртышского населения с приуральским и поволжским [Конилов, 2007]. Бурные политические события в Центральной Азии и Южной Сибири в средние века сопровождалась вторжениями тюрков в соседние регионы, в т.ч. и на территорию Среднего Прииртышья [Савинов, 1984]. Поэтому вопрос о роли тюркоязычного населения в этногенезе потчевашских и усть-ишимских племен остается по-прежнему дискуссионным [Могильников, 1981; Конилов, 2007].

Материал

В 1988 г. А.Н. Багашевым были опубликованы данные по 17 мужским и 5 женским черепам из усть-ишимских могильников Малая Бича, Малая Тебен-

дя и Кип-1 [1988]. Автор описал антропологический тип выборки, определил связи с современными народами Западной Сибири и наметил направление расогенетических связей. В настоящее время палеоантропологические источники из рассматриваемого района существенно пополнились, в связи с чем потребовалась их перегруппировка и анализ на популяционном уровне. Это в основном небольшие серии из курганных могильников Иванов Мыс-1, Паново-1 (раскопки Б.А. Конилова), Масарлы-1, Нугай-1 и городища Долговского-1 (раскопки А.А. Адамова). Серию из усть-ишимских могильников IX–XIII вв. составили 46 мужских и 22 женских черепа. В силу плохой сохранности краниологические материалы из могильника Малая Тебендя и с Долговского городища не учитывались при изучении усть-ишимского населения на уровне групп, однако при проведении внутригруппового исследования они были включены в сборную выборку.

Морфологические особенности населения южно-таежного Прииртышья

Несмотря на относительную малочисленность серий черепов, чем может объясняться повышенная межгрупповая изменчивость, имеющиеся материалы позволяют охарактеризовать физический облик ряда усть-ишимских групп. Свообразие мужской выборки из Панова-1 определяют следующие признаки: субдолихокrania, очень высокий череп, высокое и среднеширокое лицо, средние величины

Таблица 1. Средние размеры и указатели мужских черепов из могильников усть-нишмской культуры

Признак (номер по Мартину или условное обозначение)	Паново-1		Нугай-1		Масарлы-1		Малая Бича		Кип-1		Иванов Мыс-1		Долговское		Сборная серия		
	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	s
1. Продольный диаметр	183,5	6	176,7	3	177,8	5	177,0	4	180,0	9	177,0	4	191,0	4	179,4	34	8,2
8. Поперечный диаметр	140,5	6	142,3	3	148,2	5	141,0	3	141,1	7	144,2	5	136,0	5	142,6	31	5,5
17. Высотный диаметр (ba-b)	141,5	2	134,3	3	138,5	4	130,7	3	132,1	9	127,3	3	149,0	3	133,8	27	7,0
20. Высотный диаметр (po-b)	120,0	3	112,0	2	119,8	4	116,7	3	119,2	5	115,0	3	125,0	3	118,0	21	5,1
8 : 1. Черепной указатель	77,0	5	80,7	3	83,2	5	78,9	3	77,3	7	81,2	4	71,0	4	79,4	29	5,4
17 : 1. Высотно-продольный указатель	75,0	2	75,7	3	77,0	4	73,1	3	73,1	9	72,0	3	78,0	3	74,4	26	3,5
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	97,5	2	93,7	3	93,2	4	92,8	3	95,1	7	86,0	3	109,0	3	93,8	24	5,8
5. Длина основания черепа	102,5	2	98,5	2	104,0	4	102,0	3	103,0	6	100,3	3	112,0	3	102,4	23	4,6
11. Ширина основания черепа	128,3	3	127,7	3	134,2	4	128,0	3	134	5	134,7	3	126,0	3	131,3	22	5,1
9. Наименьшая ширина лба	93,0	7	93,7	3	97,1	7	99,0	4	96,7	7	95,8	5	94,0	5	95,7	35	4,0
Sub.Nр : 29. Указатель выпуклости лба	19,0	6	22,3	3	21,5	6	23,8	4	23,1	8	22,5	4	17,0	4	21,8	32	3,0
∠лпл. Угол поперечного изгиба лба	138,7	7	142,3	3	141,0	7	141,3	4	141,5	5	141,8	5	127,8	5	140,7	33	5,6
32. Угол профиля лба от п	82,0	2	77,0	1	77,0	1	84,0	1	78,8	4	85,5	2	-	2	80,7	11	5,6
40. Длина основания лица	95,0	1	98,0	1	98,0	2	100,0	1	98,8	4	97,0	3	-	3	98,1	15	2,3
40 : 5. Указатель выступа лица	92,0	1	97,0	1	93,0	2	98,0	1	96,8	4	96,3	3	-	3	96,0	13	4,0
43. Верхняя ширина лица	106,3	7	104,3	3	107,6	7	105,5	2	108,3	6	107,4	3	100,0	3	106,8	34	3,4
46. Средняя ширина лица	99,5	2	95,7	3	99,5	4	102,0	1	105,3	3	104,6	7	-	7	101,5	21	5,0
45. Скуловой диаметр	136,3	3	130,3	3	141,2	4	135,0	2	141,2	6	140,7	4	-	4	138,4	22	6,3
45 : 8. Поперечный фацио-церебральный указатель	94,0	3	91,0	3	94,8	4	94,0	2	99,3	5	95,5	4	-	4	95,3	21	4,0
48. Верхняя высота лица	74,5	2	69,0	2	67,5	4	70,0	1	68,5	6	70,7	7	-	7	69,6	23	4,6
47. Полная высота лица	-	-	109,0	1	107,3	3	-	-	118,0	2	115,3	3	-	3	112,6	9	6,8
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,0	2	51,5	2	48,5	2	52,6	1	51,8	6	56,3	3	-	3	52,2	17	4,5
48 : 45. Верхний лицевой указатель	54,5	2	52,0	2	47,0	2	55,6	1	50,4	4	51,0	4	-	4	51,2	15	4,3
72. Общий лицевой угол	83,5	2	84,0	1	88,0	1	85,0	1	87,5	2	87,0	2	-	2	85,9	9	3,4
73. Средний лицевой угол	87,5	2	88,0	1	92,0	1	88,0	1	88,5	2	91,5	2	-	2	89,2	9	4,0
74. Угол альвеолярной части	73,5	2	70,0	1	72,0	1	77,0	1	84,0	2	73,5	2	-	2	75,7	9	5,9
77. Назомаллярный угол	143,7	6	145,0	3	146,2	7	143,2	3	143,8	7	145,3	5	136,0	5	144,6	33	4,4
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	126,9	1	134,5	1	141,5	1	135,4	1	138,0	4	133,8	4	-	4	135,5	12	6,3
51. Ширина орбиты от mf	44,5	2	42,0	3	42,0	4	44,0	1	44,9	7	43,7	7	43,0	7	43,6	26	2,6
52. Высота орбиты	41,5	2	32,7	3	32,2	5	35,5	1	32,4	7	33,4	7	-	7	32,9	26	1,8
52 : 51. Орбитный указатель	73,5	2	78,0	3	74,8	4	80,7	1	70,9	7	76,3	7	-	7	74,8	25	5,5
55. Высота носа	51,0	2	52,5	2	51,0	3	52,0	1	51,2	6	52,1	7	-	7	51,6	22	2,9

54. Ширина носа	24,5	4	24,5	2	24,0	5	24,8	2	26,5	6	25,0	6	24,0	25,0	27	1,3
54 : 55. Носовой указатель	47,0	2	46,5	2	47,3	3	47,1	1	52,1	6	48,0	6	—	49,0	21	3,7
75 (1). Угол выступления носа	22,1	2	22,0	2	24,5	2	20,0	1	20,0	6	23,3	6	—	22,0	19	4,3
SC. Симотическая ширина	7,9	4	9,05	2	7,6	4	4,8	2	6,94	8	8,1	6	7,4	7,4	28	2,0
SS. Симотическая высота	3,8	4	4,65	2	4,2	4	2,7	2	3,74	8	3,3	6	2,5	3,6	28	1,0
SS : SC. Симотический указатель	48,2	4	50,0	2	56,0	4	56,0	2	55,4	8	42,0	6	34,0	49,8	28	10,7
∠S. Симотический угол	92,5	4	90,1	2	83,9	4	87,1	2	86,2	8	100,1	6	111,9	91,8	28	12,0
DC. Дакриальная ширина	21,0	2	20,20	2	21,6	1	21,4	2	21,88	5	20,6	6	20,0	21,1	20	2,3
DS. Дакриальная высота	11,4	2	11,15	2	10,7	1	10,4	2	10,86	5	11,0	6	12,0	11,0	20	1,0
DS : DC. Дакриальный указатель	54,4	2	55,0	2	49,0	1	48,8	2	50,3	5	53,7	6	60,0	52,2	20	6,0
∠D. Дакриальный угол	85,6	2	84,3	2	90,5	1	92,1	2	88,2	5	86,0	6	79,6	87,4	20	7,0
FC. Глубина клыковой ямки	4,0	2	4,5	1	3,8	1	3,7	1	4,5	5	3,4	7	—	4,1	17	1,5
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	103,4	5	107,3	3	105,0	6	—	—	106,8	4	107,3	3	—	105,6	21	5,8
68. Длина нижней челюсти от углов	76,6	5	77,3	3	81,5	6	—	—	83,5	4	81,2	4	—	80,1	22	6,3
65. Мыщелковая ширина	114,0	3	116,0	3	121,0	4	—	—	121,7	3	126,0	2	—	119,4	15	7,0
66. Угловая ширина	104,5	4	103,5	4	108,0	7	—	—	105,0	4	107,3	3	—	105,9	22	7,0
69 (3). Толщина тела	13,2	6	11,2	4	11,9	7	13,3	3	13,8	5	13,0	4	—	12,7	29	1,5
79. Угол ветви нижней челюсти	119,2	5	121,7	3	114,7	6	—	—	117,2	4	112,0	4	—	116,6	22	7,1
∠C. Угол выступления подбородка	68,8	4	71,3	3	69,5	6	65,0	2	71,7	3	78,0	3	—	70,7	21	6,3

профилировки лица и переноса в сочетании с малым углом выступления носовых костей. Для черепов мужчин, погребенных на могильнике Нугай-1, характерны суббрахикrania, средневысокие череп, лицо и нос, средние широтные размеры черепа, лица, орбит и носа, мезопротопия, уплощенное на верхнем уровне лицо и средневысокое переносье в сочетании с малым углом выступления носовых костей. Мужскую выборку из могильника Масарлы-1 характеризуют брахикrania, высокий свод, но в то же время низкое лицо и орбиты, большие широтные размеры лица и черепа, эурипротопия, профилированное переносье, узкий нос, средний угол выступления носовых костей; последние признаки не сочетаются с плоским по горизонтали лицевым скелетом. Черепа мужчин из Малой Бичи имеют мезокranную форму, малую высоту свода, среднепрофилированный лицевой скелет, средние высотные и широтные размеры орбит и носа. Переносье на симотическом уровне низкое и узкое, а на дакриальном – средних размеров, профилировано умеренно, угол выступления носовых костей малый. Своеобразие морфологического типа мужской выборки из Кипа-1 определяют следующие признаки: низкий субдолихокranный череп, широкие и низкие, умеренно профилированные лицо и переносье, малый угол выступления носовых костей. Черепа мужчин, погребенных на могильнике Иванов Мыс-1, характеризуются суббрахикranией, очень малым высотным диаметром, при этом широким средневысоким уплощенным лицом. Средневысокое переносье профилировано умеренно, угол выступления носовых костей малый (табл. 1).

Женские черепа, с учетом полового диморфизма, по некоторым размерам и пропорциям имеют ряд отличий. Разница в морфологическом строении черепов мужчин и женщин наиболее выражена в материалах из Кипа-1. Так, женскую выборку из этого могильника отличают долихокranная форма и средняя высота. Все широтные размеры лица меньше, чем у мужчин, а высотные больше. Это хорошо сочетается с профилированными лицом, переносьем и средним углом выступления носовых костей. Для женской выборки из Панова-1 характерны мезокrania, малые широтные и продольные диаметры, средняя высота свода. Более широкое и низкое лицо слабо профилировано в горизонтальной плоскости, так же как и переносье. Женские черепа из могильника Нугай-1 шире мужских и более брахикranной формы; широтные размеры лица и носа относительно больше, переносье профилировано гораздо слабее (табл. 2).

Таблица 2. Средние размеры и указатели женских черепов из могильников усть-ишимской культуры

Признак (номер по Мартину или условное обозначение)	Паново-1		Нугай-1		Масарлы-1		Кип-1		Иванов Мьис-1		Долгов-ское		Сборная серия	
	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	n	\bar{x}	s
1. Продольный диаметр	167,2	5	166,5	2	177,0	1	176,5	2	164,0	2	149,0	14	167,5	8,4
8. Поперечный диаметр	133,4	5	140,5	2	142,0	1	131,5	2	135,0	1	132,0	13	135,3	5,5
17. Высотный диаметр (ва-b)	128,0	4	125,5	2	122,0	1	129,0	2	132,0	1	-	11	127,3	3,8
20. Высотный диаметр (ро-b)	109,3	4	117,5	2	93,0	1	112,0	1	118,0	1	-	9	112,4	5,1
8 : 1. Черепной указатель	79,2	5	84,5	2	-	-	74,6	2	82,0	1	89,0	12	80,6	5,6
17 : 1. Высотно-продольный указатель	76,5	4	75,0	2	68,0	1	73,2	2	80,0	1	-	11	74,9	3,4
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	97,0	4	89,5	2	68,0	1	98,2	2	97,0	1	-	11	92,6	9,8
5. Длина основания черепа	98,5	4	93,5	2	93,0	1	100,5	2	99,0	1	-	11	97,3	4,8
11. Ширина основания черепа	123,7	3	126,0	2	-	-	119,0	1	117,0	1	-	8	123,6	4,3
9. Наименьшая ширина лба	92,3	4	92,5	2	-	-	95,0	4	90,0	2	92,0	14	92,5	3,9
Sub.Nß : 29. Указатель выгнутости лба	22,6	5	21,5	2	-	-	22,0	4	23,0	2	23,4	15	22,2	2,6
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	141,8	4	140,6	2	-	-	137,6	3	143,8	2	135,0	13	140,0	4,2
32. Угол профиля лба от n	77,0	1	86,5	2	-	-	85,0	1	-	-	-	4	83,8	4,7
40. Длина основания лица	98,3	3	92,0	2	93,0	1	98,5	2	101,0	1	-	9	96,7	4,1
40 : 5. Указатель выступа лица	97,0	3	98,5	2	100,0	1	98,2	2	102,0	1	-	9	98,5	2,6
43. Верхняя ширина лица	104,3	4	104,5	2	-	-	100,2	4	100,0	2	101,0	14	101,9	3,3
46. Средняя ширина лица	97,3	3	97,5	2	-	-	93,5	2	92,0	1	-	8	95,8	5,3
45. Скуловой диаметр	126,5	4	131,5	2	-	-	122,0	1	124,0	1	-	9	127,4	3,6
45 : 8. Поперечный фацио-церебральный указатель	97,3	3	93,5	2	-	-	90,4	1	91,0	1	-	8	94,4	3,6
48. Верхняя высота лица	63,0	4	66,5	2	67,0	1	67,2	4	68,0	1	-	12	65,8	3,7
47. Полная высота лица	104,3	4	108,5	2	-	-	107,0	2	-	-	-	8	106,0	7,2
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	48,8	4	53,0	2	54,0	1	51,6	2	51,0	1	-	10	50,9	3,1
48 : 45. Верхний лицевой указатель	48,3	3	50,5	2	-	-	50,8	1	54,0	1	-	7	50,1	2,8
72. Общий лицевой угол	80,0	1	92,0	2	-	-	82,0	1	84,0	1	-	5	86,0	5,8
73. Средний лицевой угол	86,0	1	92,5	2	-	-	72,0	1	86,0	1	-	5	88,4	3,8
74. Угол альвеолярной части	59,0	1	86,5	2	-	-	72,0	1	77,0	1	-	5	76,2	11,7
77. Назомалярный угол	148,9	4	145,0	2	-	-	142,4	3	145,3	2	144,0	13	145,6	3,4
∠zmt'. Зигмаксиллярный угол	131,0	2	135,9	2	-	-	128,0	1	137,2	1	-	6	133,2	5,1
51. Ширина орбиты от mf	41,5	4	42,5	2	39,0	1	43,2	4	42,0	1	-	12	42,1	2,4
52. Высота орбиты	33,5	4	32,0	2	31,0	1	33,4	3	34,0	1	-	11	33,0	2,2
52 : 51. Орбитный указатель	80,5	4	75,0	2	79,0	1	77,2	3	80,0	1	-	11	78,4	5,0
55. Высота носа	48,8	4	50,5	2	51,0	1	50,0	4	51,0	1	-	12	49,8	2,8

54. Ширина носа	24,3	6	25,0	2	26,0	2	25,5	3	26,0	1	-	25,0	14	1,0
54 : 55. Носовой указатель	49,5	4	49,5	2	50,0	1	51,7	3	51,0	1	-	50,3	11	3,2
75 (1). Угол выступания носа	16,3	3	18,0	2	21,0	1	20,0	3	18,0	1	-	18,4	10	4,1
SC. Симотическая ширина	7,4	4	9,25	2	6,6	1	6,93	4	3,6	1	-	7,2	12	2,1
SS. Симотическая высота	2,9	4	3,20	2	3,50	1	3,32	4	2,5	1	-	3,1	12	0,5
SS : SC. Симотический указатель	38,8	4	35,0	2	53,0	1	51,01	4	69,0	1	-	45,9	12	13,7
∠S. Симотический угол	104,4	4	110,4	2	86,6	1	90,8	4	71,5	1	-	96,7	12	16,3
DC. Дакриальная ширина	18,9	3	22,60	2	20,10	1	20,45	4	18,2	1	-	20,2	11	2,0
DS. Дакриальная высота	10,4	3	10,25	2	10,0	1	10,08	4	11,0	1	-	10,3	11	0,7
DS : DC. Дакриальный указатель	55,3	3	46,0	2	49,0	1	49,4	4	60,0	1	-	51,3	11	6,5
∠D. Дакриальный угол	84,1	3	95,6	2	90,3	1	90,9	4	79,2	1	-	88,8	11	7,6
FC. Глубина клыковой ямки	3,5	2	2,0	2	-	-	2,3	3	-	-	-	2,6	7	0,9
68 (1). Длина нижней челюсти от мыщелков	93,0	3	110,0	1	98,0	1	99	2	104,0	4	-	100,1	11	7,1
68. Длина нижней челюсти от углов	76,0	3	77,0	1	73,0	1	76,5	2	82,3	4	-	78,2	11	4,4
65. Мыщелковая ширина	112,0	3	117,0	1	118,0	1	-	-	111,5	2	105,0	112,4	7	4,9
66. Угловая ширина	93,8	4	93,0	1	99,0	1	96	2	89,0	2	89,0	93,3	11	4,2
69 (3). Толщина тела	11,2	5	13,0	1	12,0	1	11,7	2	12,3	4	11,0	11,7	14	1,0
79. Угол ветви нижней челюсти	110,7	3	120,0	1	124,0	1	114,0	2	115,5	4	-	115,1	11	7,6
∠C'. Угол выступания подбородка	67,4	5	68,0	1	65,0	1	76,7	3	72,0	4	70,0	70,5	15	5,6

Однако мужские и женские черепа объединенной серии в целом сходны по своим морфологическим характеристикам. Первые – мезокранной формы, вторые – мезосуббрахикранной. Мозговая капсула средней ширины и высоты, длина женских черепов малая, мужских – средняя. Мезопрозопное лицо средневысокое и широкое на всех уровнях, лицевой скелет на верхнем уровне уплощен, на среднем более профилирован. Орбита широкая, у мужских черепов низкая, у женских средневысокая. Нос по пропорциям мезоринный, средней высоты и ширины. Среднепрофилированное переносье на симотическом уровне узкое и средневысокое, на дакриальном имеет средние размеры, при этом угол выступания носовых костей небольшой (см. табл. 1, 2).

Судя по отмеченным морфологическим особенностям, рассматриваемые группы занимают промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, об этом же говорят и показатели уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярные фацио-церебральные указатели (ПФЦ) [Дебец, 1968]. Однако крайние варианты условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) по выборкам существенно различаются. Мужские черепа из Панова-1 по строению самые европеоидные благодаря сильной профилированности лица, однако модуль профилированности переносья и угол выступания носовых костей не самые большие. По УЛС нугайская серия очень близка пановской за счет степени профилировки лица и модуля профилированности переносья, однако по ПФЦ она чуть монголоидней выборки из могильника Масарлы-1. Серии из Малой Бичи и Кипа-1 сходны по всем показателям и занимают почти одинаковое положение по отношению к самой монголоидной выборке с памятника Иванов Мыс-1 (табл. 3). Таким образом, мужские черепа из могильников Малая Бича, Кип-1 и Иванов Мыс-1 близки к монголоидам Западной Сибири, а пановская, нугайская и масарлыкская выборки более европеоидные [Дрёмов, 1998а]. Разница в строении женских и мужских черепов обусловила тяготение женских выборок из могильников Паново-1 и Нугай-1 к монголоидному варианту. В серии из Кипа-1 зафиксирована противоположная ситуация. Мужские и женские черепа объединенной усть-ишимской выборки по всем показателям занимают сходное положение между европеоидными и монголоидными вариантами (табл. 3). Однако степень уплощенности лицевого скелета средняя, а преаурикулярный фацио-церебральный указатель имеет малые значения, характерные для монголоидов Западной Сибири [Там же].

Таблица 3. Показатели уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярные фацио-церебральные указатели (ПФЦ), условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) [Дебец, 1968] и модуль профилированности переносья в градусах (МПП) [Гохман, 1980] усть-ишимских выборок

Группа	УЛС		ПФЦ		УДМЭ		МПП	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
Паново-1	49,1	68,9	90,8	91,8	33,7	61,6	89,1	94,2
Нугай-1	59,0	63,8	91,1	94,8	46,5	71,2	87,2	103,0
Масарлы-1	69,6	–	90,3	–	54,6	–	87,2	–
Малая Бича	71,2	–	92,0	–	65,0	–	89,6	–
Кип-1	70,1	44,6	93,0	90,2	68,8	25,7	87,2	90,8
Иванов Мыс-1	62,3	–	95,4	–	72,5	–	93,1	–
Сборная серия из южно-таежного Прииртышья IX–XIII вв.	64,7	60,9	92,2	93,0	58,8	58,7	89,6	92,7
Мезокранный морфотип	52,4	–	93,7	–	52,6	–	88,4	–
Брахикранный морфотип	77,9	–	93,5	–	80,7	–	86,2	–

Выявляемые различия в морфологии черепов из усть-ишимских могильников обусловили необходимость проведения анализа изменчивости на микропопуляционном уровне. Результаты показали, что выборки дифференцируются в основном по размерам мозговой коробки, ширине лица, орбиты и переносья, их кластеризация наглядно демонстрирует наибольшую близость серий из могильников Иванов Мыс-1, Кип-1 и Малая Бича, именно они составляют ядро всей усть-ишимской выборки (рис. 2). Остальные группы представляют крайние варианты изменчивости носителей усть-ишимской культуры по этим показателям.

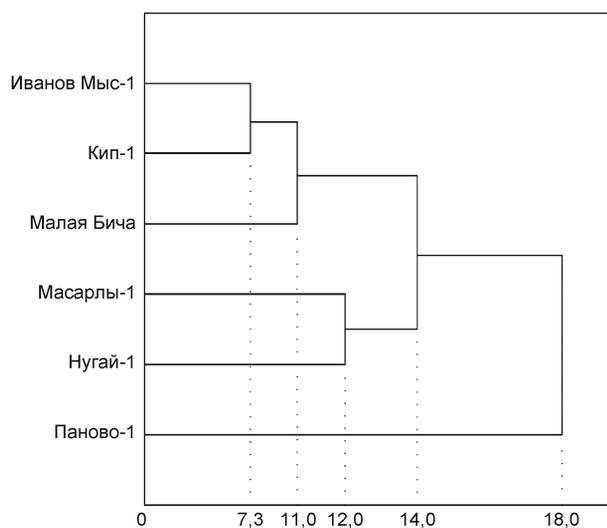

Рис. 2. Результаты кластеризации усть-ишимских групп на основе расстояний Махаланобиса.

Внутригрупповой анализ

Зафиксированные различия в морфологии усть-ишимских черепов указывают на неоднородность антропологической структуры палеопопуляции в целом и, возможно, ее сложный состав. Для определения характера внутригрупповой изменчивости и выделения тех или иных морфологических типов индивидуальные данные мужских черепов были проанализированы с помощью метода главных компонент (ГК). Черепа дифференцируются по длине, ширине и высоте мозговой коробки и лица, по ширине переносья и степени уплощенности лицевого скелета (табл. 4). Крайние варианты характеризуются относительно длинной и высокой мозговой капсулой, высоким профилированным лицом (фактор 1) и широким лицом, орбитой и узким переносьем (фактор 2).

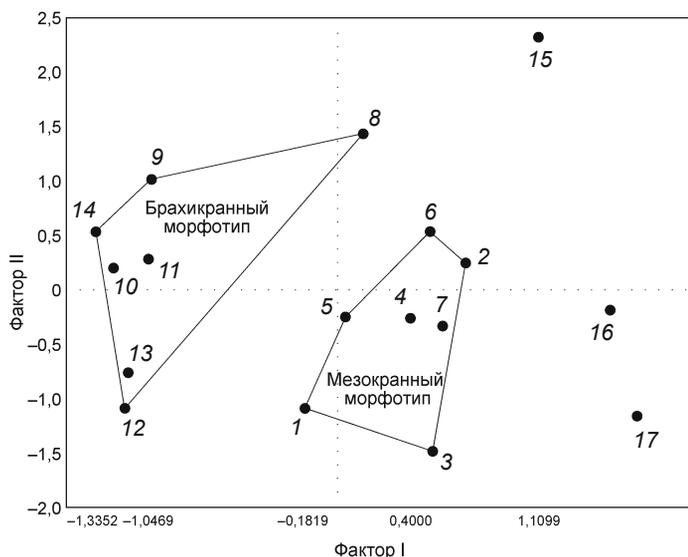
По степени внутреннего морфологического сходства в анализируемой совокупности выделяются две группы (рис. 3). В первую попадают мезокранные черепа с мезоморфным лицом, во вторую – брахикранные с эуриформным лицевым скелетом (табл. 5). Обе группы, несмотря на ряд морфологических различий, в целом занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами (см. табл. 3). Три черепа расположились обособленно и на достаточном расстоянии друг от друга. В их строении наблюдается дисгармоничное сочетание признаков: условная доля монголоидного элемента и другие показатели характерны для «чистых европеоидов», а широкое и низкое переносье в сочетании с малым углом выступания носовых костей свойственны монголоидным формам. Проведенное сопоставление с

Таблица 4. Величины факторных нагрузок

Признак (номер по Мартину)	Индивидуальные данные		Древние и средневековые группы		Близкие к современности популяции	
	I ГК	II ГК	I КВ	II КВ	I КВ	II КВ
1. Продольный диаметр	0,8176	0,2329	0,2186	0,1558	0,0923	0,0115
8. Поперечный диаметр	-0,4840	0,3159	0,3174	-0,4052	0,2281	0,3361
17. Высотный диаметр	0,6490	0,1933	0,2717	0,3712	-0,3423	0,6598
9. Наименьшая ширина лба	0,3044	0,4076	-1,1927	-0,0857	-0,2256	-0,2363
45. Скуловой диаметр	-0,1184	0,7021	0,1044	0,0206	0,0070	-0,2610
48. Верхняя высота лица	0,6483	-0,2767	0,4979	-0,2989	0,5967	0,2649
72. Общий лицевой угол	-	-	0,1444	-0,1187	0,0227	0,1497
51. Ширина орбиты от mf	0,3223	0,7966	-0,0725	0,4155	-0,2693	0,0494
52. Высота орбиты	0,3873	0,4385	-0,1789	-0,0185	0,2530	-0,2697
54. Ширина носа	-	-	0,1848	0,0726	-0,1193	-0,0944
55. Высота носа	-	-	0,2011	0,3760	0,0429	-0,1458
SC. Симотическая ширина	0,1238	-0,6410	-	-	-	-
SS. Симотическая высота	-0,2805	-0,5361	-0,0778	-0,0891	-0,1033	0,3016
DC. Дакриальная ширина	-	-	-0,2691	0,0426	-0,1909	0,0034
DS. Дакриальная высота	0,4975	-0,0897	0,0805	-0,0295	-0,2461	0,0952
75 (1). Угол выступания носа	-0,0598	0,0647	0,3190	-0,2376	0,3787	0,1707
77. Назомалярный угол	-0,8376	-0,0745	0,3254	0,3965	0,0496	0,0131
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	-0,4518	0,5029	0,2375	0,1367	-0,0930	-0,0180
Собственное число	3,3557	2,7229	9,0930	7,7972	18,1191	17,6730
Доля изменчивости, %	24,0	19,5	20,8	17,8	22,9	22,4

Рис. 3. Взаиморасположение мужских черепов из могильников усть-ишимской культуры в пространстве I и II главных компонент.

1 – Иванов Мыс-1, кург. 10, погр. 1; 2 – Кип-1, кург. 12, погр. 2; 3 – Кип-1, кург. 18, погр. 2; 4 – Малая Бича, кург. 1, погр. 2; 5 – Иванов Мыс-1; 6 – Паново-1, кург. 15, погр. 2; 7 – Кип-1, кург. 25, погр. 2; 8 – Иванов Мыс-1, кург. 11, погр. 2; 9 – Кип-1, кург. 9, погр. 1; 10 – Иванов мыс-1, кург. 1, погр. 1; 11 – Масарлы-1, кург. 3, погр. 8; 12 – Нугай-1, кург. 1, погр. 2; 13 – Масарлы-1, кург. 3, погр. 8б; 14 – Кип-1; 15 – Паново-1, северо-восточный сектор (гл. -141); 16 – городище Долговское-1; 17 – Кип-1, кург. 18, погр. 3.

широким кругом источников по древним и современным популяциям Северной Евразии показало, что данная группа черепов не имеет исторических аналогов. Дендрограмма, построенная по результатам факторного анализа индивидуальных данных мужских черепов из усть-ишимских могильников, наглядно

демонстрирует степень их близости и реальность морфологических комплексов (рис. 4).

Сравнение эуриморфного брахикранный морфотипа с древними и современными группами Северной Евразии показало, что он тяготеет к средневековым и современным представителям томско-нарымских

Таблица 5. Краниометрические характеристики морфологических типов, выделенных в составе мужской сборной серии IX–XIII вв. из южно-таежного Прииртышья

Признак (номер по Мартину или условное обозначение)	Мезокранный морфотип			Брахикранный морфотип		
	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>	\bar{x}	<i>n</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	180,4	7	5,9	176,1	7	3,5
8. Поперечный диаметр	142,0	7	4,3	146,5	6	3,4
17. Высотный диаметр (ba–b)	131,3	7	5,3	129,3	6	2,7
8 : 1. Черепной указатель	78,2	6	4,0	83,4	6	2,7
5. Длина основания черепа	101,5	5	0,8	101,2	6	4,3
11. Ширина основания черепа	132,2	4	6,0	132,8	5	3,0
9. Наименьшая ширина лба	97,2	6	2,4	94,9	7	2,7
32. Угол профиля лба от п	81,0	3	6,1	82,0	5	4,6
40. Длина основания лица	100,2	5	2,2	97,0	6	1,7
40 : 5. Указатель выступления лица	99,7	3	1,5	95,8	6	4,2
45. Скуловой диаметр	136,0	6	5,5	141,2	5	5,4
45 : 8. Поперечный фацио-церебральный указатель	95,2	6	3,6	94,5	4	4,4
48. Верхняя высота лица	72,9	7	3,2	66,1	7	4,4
48 : 45. Верхний лицевой указатель	53,7	6	2,4	47,3	5	1,2
72. Общий лицевой угол	83,0	3	4,4	86,5	4	1,7
73. Средний лицевой угол	85,3	3	3,8	90,8	4	2,8
74. Угол альвеолярной части	77,0	3	6,0	72,2	4	4,8
77. Назомалярный угол	142,7	7	3,5	145,9	7	3,1
$\angle zm'$. Зигмаксиллярный угол	131,7	5	4,3	140,6	5	4,7
51. Ширина орбиты от mf	44,6	7	1,1	44,0	7	2,9
52. Высота орбиты	33,2	7	1,5	32,3	7	2,0
55. Высота носа	52,9	7	3,2	49,3	6	2,7
54. Ширина носа	25,2	7	1,2	25,7	6	1,2
75 (1). Угол выступления носа	22,4	7	4,5	21,4	7	4,7
SC. Симотическая ширина	7,5	7	2,9	6,8	7	1,3
SS. Симотическая высота	3,7	7	0,8	3,5	7	0,6
$\angle S$. Симотический угол	89,4	7	11,6	88,4	7	7,4
DC. Дакриальная ширина	22,8	6	2,0	19,1	6	1,8
DS. Дакриальная высота	11,9	6	0,6	10,3	6	0,7
$\angle D$. Дакриальный угол	87,5	6	6,3	83,9	6	5,1

популяций, в т.ч. и тем, которые имеют южно-сибирскую примесь. Аналогии, выявленные для мезокранного компонента, указывают на разнонаправленность его связей, соответственно, и на его гетерогенность. Наблюдается сходство с большинством современных популяций объ-иртышского типа (кроме барабинцев) и средневековыми группами, имеющими его примесь. Выявлена особая близость с тоболо-иртышскими татарами. Другое направление связей – с некоторыми современными группами южно-сибирского типа и ме-

тисными популяциями со значительной его примесью (хакасы-кызыльцы, северные шорцы и некоторые группы башкир). Данный компонент близок к средневековому населению таежной части Западной Сибири, антропологический тип которого характеризуется чертами западно-сибирской расы [Багашев, 2001, 2003; Чикишева, Ким, 1988; Багашев, Пошехонова, 2007]. Необходимо отметить, что мезокранный морфотип преобладает в структуре популяции, оставившей могильник Иванов Мыс-1, а брахикранный – Кип-1.

Межгрупповой анализ

Особенности изменчивости некоторых древних, средневековых групп, усть-ишимской выборки и морфотипов исследованы с помощью канонического анализа. Для межгруппового сопоставления были привлечены следующие древние и средневековые серии:

1. Каменный Мыс, ранний железный век, новосибирский вариант кулайской культуры [Багашев, 2000];
2. Монголоидный низколиций долихокранный компонент, выделенный в материалах западно-сибирской лесостепи эпохи раннего железа [Там же];
3. Монголоидный низколиций компонент, выделенный в тех же материалах [Там же];
4. Монголоидный высоколицый компонент, выделенный в тех же материалах [Там же];
5. Сургутское Приобье, Сайгатинские могильники (VI–XV вв. н.э.) [Багашев, Пошехонова, 2007];
6. Нарымское Приобье, могильник Алдыган (XI–XIII вв. н.э.) [Багашев, 2001];
7. Нарымское Приобье, могильник Тискино, ранняя группа (XII–XIV вв. н.э.) [Там же];
8. Нарымское Приобье, могильник Тискино, средняя группа (XV–XVII вв. н.э.) [Там же];
9. Нижнее Притомье, могильник Астраханцево (XIII–XIV вв. н.э.) [Багашев, 2003];
10. Среднее Приобье, рёлкинская культура, могильник Молчаново (VI–VIII вв. н.э.) [Дрёмов, 1967];
11. Нижнее Притомье, могильник Басандайка (IX–XIV вв. н.э.) [Чикишева, Ким, 1988];
12. Новосибирское Приобье, фоминский этап большереченской культуры (VII–VIII вв. н.э.) [Дрёмов, 1967];
13. Лесостепное Прииртышье, сrostкинская культура (конец I – начало II тыс. н.э.) [Багашев, 1988];
14. Лесостепное Прииртышье (XIV–XVI вв. н.э.) [Там же];
15. Новосибирское Приобье, басандайская культура, могильник Ташара-Карьер-2 (XI–XIII вв. н.э.) [Поздняков, 2008];
16. Новосибирское Приобье, басандайская культура, могильник Санаторный-1 (XI–XIII вв. н.э.) [Там же];
17. Минусинская котловина, «енисейские кыргызы» (VII–XI вв. н.э.) [Алексеев, 1963];
18. Горный Алтай (VI–X вв. н.э.) [Алексеев, 1958];
19. Предгорный Алтай, бийский вариант сrostкинской культуры (VII–X вв. н.э.) [Дебец, 1948; Алексеев, 1958];
20. Кузнецкая котловина, кемеровский вариант сrostкинской культуры, могильник Ур-Бедари (VIII–X вв. н.э.) [Алексеев, 1974];
21. Степной район Северо-Западного Алтая, сrostкинская культура, могильник Гилево (VIII–X вв. н.э.) [Чикишева, Ким, 1988];

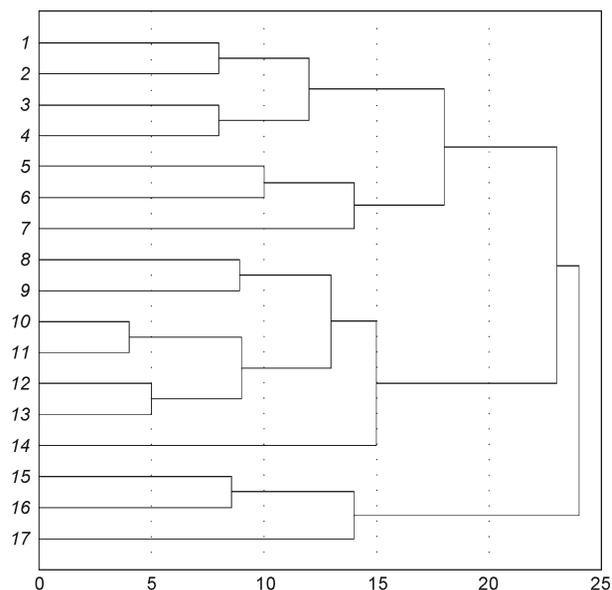

Рис. 4. Результаты кластеризации мужских черепов из могильников усть-ишимской культуры. Усл. обозн. см. рис. 3.

22. Барнаульско-Каменский район Верхнего Приобья, барнаульско-каменский вариант сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) [Там же];
23. Барабинская лесостепь, сrostкинская культура (IX–X вв. н.э.) [Там же];
24. Северная Башкирия (IX–X вв. н.э.) [Акимова, 1968];
25. Кустанайское Притоболье, кимаки (VIII–X вв. н.э.) [Гинзбург, 1963];
26. Павлодарское Прииртышье, кимако-кыпчаки (VII–XII вв. н.э.) [Исмагулов, 1970];
27. Восточно-Казахстанское Прииртышье, кимако-кыпчаки (VIII–XII вв. н.э.) [Там же].

На графике группы анализируемой совокупности расположились двумя крупными скоплениями, которые дифференцируются по удельному весу монголоидного компонента в их составе: 1) с относительно более широким черепом, высоким и широким профилированным лицом, узким переносьем и выступающим носом; 2) с более узким черепом, низким, узким и уплощенным лицом, широким переносьем и менее выступающим носом (см. табл. 4, рис. 5). Разграничивает группы и фактор наличия или отсутствия европеоидной примеси. Интересно отметить, что скопления, за некоторым исключением, имеют географическую приуроченность. Группы с низколицим западно-сибирским монголоидным компонентом тяготеют к подтайге и таежной зоне Западной Сибири, а с европеоидным компонентом и примесью центрально-азиатского происхождения – к степи и лесостепи Западной и Южной Сибири.

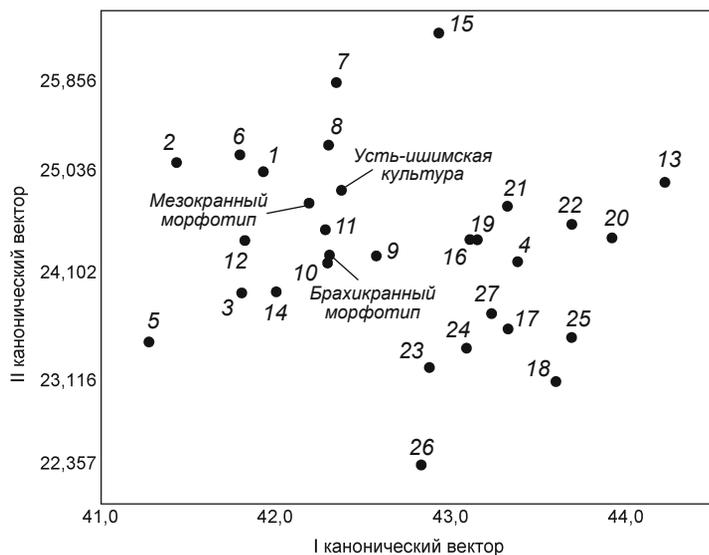

Рис. 5. Расположение мужских серий раннего железного века и средневековья в пространстве I и II канонических векторов (номера групп в соответствии с перечнем в тексте).

Серии раннего железного века из лесостепных районов Западной Сибири расположились в поле графа таким образом, что можно уверенно судить о степени участия монголоидной части носителей саргатской и других культур этого времени в генезисе племен средневековья. Локализация выборок свидетельствует о связи низколицего и долихокранного монголоидных компонентов со средневековыми западно-сибирскими монголоидами, в т.ч. и с усть-ишимцами. Интересно, что выборка из могильника Каменный Мыс, относимая к новосибирскому варианту кулайской культуры [Троицкая, 1979], расположилась почти в центре скопления западно-сибирских серий. Именно в ней отмечена наибольшая доля низколицего монголоидного компонента [Багашев, 2000]. Высоколицый монголоидный компонент эпохи раннего железа расположился в скоплении средневековых групп, имеющих примесь южно-сибирских и центрально-азиатских элементов. Отмечено, что приток мигрантов центрально-азиатского облика на территорию Западной Сибири происходил с разной интенсивностью и в эпоху бронзы, и в предшествующие периоды, влияя перманентно в диахронном аспекте на формирование антропологического облика населения раннего железного века [Там же].

Расположение средневековых групп в границах изменчивости, характерной для западно-сибирских низколицых монголо-

идов, показывает, насколько этот компонент преобладает в их антропологической структуре. Выборки из могильников Сайгатинских (средняя тайга, Приобье), Тискино и Алдыган (южная тайга, Приобье), соотносимые соответственно с уграми и самодийцами, находятся на периферии скопления, представляя крайние варианты изменчивости западно-сибирских групп [Багашев, 2003; Багашев, Пошехонова, 2007]. Серии из могильников Басандайка, Астраханцево (подтайга, Притомье) и Молчаново (подтайга, Приобье) имеют более сложный состав. Можно говорить, как минимум, о двух морфологических типах в их антропологической структуре: один, с большим удельным весом, связан с низколицыми западно-сибирскими монголоидами, другой – с тюркоязычными народами Южной Сибири [Чижишева, Ким, 1988; Багашев, 2003; Дрёмов, 1967]. Эти выборки, соотносимые с современными представителями томско-

чулымских тюрков, расположились на графике достаточно близко к южно-сибирским группам, но в пределах изменчивости западно-сибирских монголоидов. Сборная серия из могильников лесостепной части Прииртышья рубежа I и II тыс. н.э. попала в скопление южно-сибирских европеоидно-монголоидных групп, отражая крайний вариант изменчивости популяций с центрально-азиатской примесью, а сборная серия из этого района середины II тыс. н.э. локализовалась в пределах изменчивости запад-

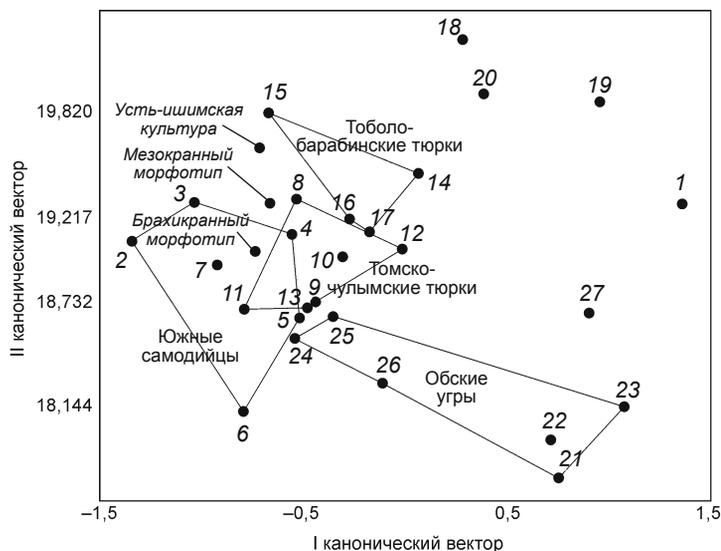

Рис. 6. Расположение мужских выборок, близких к современности, и сборной серии из южно-таежного Прииртышья IX–XIII вв. в пространстве I и II канонических векторов (номера групп в соответствии с перечнем в тексте).

но-сибирского населения. Усть-ишимская выборка расположилась между сериями с южно-сибирской примесью и группами, в которых этот компонент практически не фиксируется. Оба морфотипа, выделенные в ее составе, тяготеют к первым. Именно этот субстрат с отдельными чертами, характерными для южно-сибирских популяций, придает своеобразие усть-ишимской выборке.

Для выяснения положения устьишимцев в системе современных антропологических типов Западной Сибири и для определения степени участия средневекового населения в генезисе современных групп данные по мужским сериям были исследованы с помощью канонического анализа. Привлечены следующие группы:

1. Ненцы [Дебец, 1951];
2. Селькупы, Мигалка (неопубликованные данные);
3. Селькупы, Тискино, поздняя серия [Багашев, 2001];
4. Селькупы нарымские [Дрёмов, 1984];
5. Селькупы, бассейн Чулыма [Там же];
6. Селькупы, Бедеровский Бор (неопубликованные данные);
7. Селькупы, Кеть [Багашев, 2002];
8. Чулымцы, Яя-Кия [Дрёмов, 1998б];
9. Чулымцы, Ясашная Гора [Там же];
10. Чулымцы, Тургай-Балагачево [Там же];
11. Томские татары, Козюлино [Там же];
12. Томские татары, Тоянов городок [Там же];
13. Томские татары, обские [Там же];
14. Барабинские татары (невзвешенные средние) [Ким, 1998];
15. Саргатская группа тоболо-иртышских татар [Багашев, 1998];
16. Тобольская группа тоболо-иртышских татар [Там же];
17. Тюменская группа тоболо-иртышских татар [Там же];
18. Северные алтайцы [Дрёмов, Ким, 1998];
19. Хакасы [Там же];
20. Северо-восточные башкиры, Старо-Халилово [Юсупов, 1989];
21. Манси северные [Дебец, 1951];
22. Ханты северные, Обдорск [Дрёмов, Багашев, 1998];
23. Ханты северные, Халас-Погор [Дебец, 1951];
24. Ханты восточные, Васюган [Дрёмов, Багашев, 1998];
25. Ханты восточные, Балык [Там же];
26. Ханты восточные, Салым [Там же];
27. Кеты [Гохман, 1982].

Величины нагрузок, которые описывают 45,3 % изменчивости, дифференцируют группы по ширине и высоте черепной коробки, высоте лица и переноса,

степени выступания носовых костей (см. табл. 4), т.е. по тому же принципу, что и рассмотренные выше древние и средневековые выборки. На графике серии сгруппировались в соответствии с принадлежностью к основным антропологическим типам Западной и Южной Сибири (рис. 6). Группы, относящиеся к уральскому (восточные и северные ханты, манси) и обь-иртышскому (селькупы, томско-чулымские и тоболо-барабинские татары) типам западно-сибирской расы, расположились относительно компактно. Отдельно локализовались южно-сибирские популяции, башкиры и представители енисейского варианта североазиатской расы (ненцы и кеты). Усть-ишимская выборка расположилась между ареалами селькупов, тоболо-барабинских и томско-чулымских татар. Ее брахикранный морфотип находится в границах изменчивости селькупов, а мезокранный – в непосредственной близости от томско-чулымских тюрок. Следовательно, можно полагать, что антропологические комплексы, участвовавшие в формировании устьишимцев, весьма близки к современным представителям томско-нарымских популяций, особенно к тюменской и коурдакско-саргатской группам тоболо-иртышских татар.

Обсуждение результатов

При реконструкции расогенетических процессов в южно-таежной части Прииртышья после распада саргатской культурной общности ряд проблем по-прежнему остается открытым из-за отсутствия палеоантропологических материалов V–IX вв. с этой территории. Однако некоторые предположения уже можно сформулировать. Судя по косвенным данным, в V–XIII вв. здесь проживали племена, схожие по облику с низколицыми монголоидами, присутствие которых прослеживается в составе населения лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке. Особенно это очевидно при сравнении устьишимцев с кулайской каменноысской группой. Косвенным подтверждением влияния племен эпохи железа на формирование средневековых популяций является распространение среди потчевашцев обычая искусственной деформации черепов (курганский могильник Усть-Тарский-7) [Данченко, 2008]. Четкая связь с низколицыми монголоидами предшествующего периода не позволяет говорить, что формирование усть-ишимского и, соответственно, потчевашского населения детерминировано миграцией каких-либо племен на территорию Прииртышья, а наводит на мысль об автохтонности их генезиса.

Но в составе усть-ишимского населения, кроме преобладания западно-сибирского антропологического пласта, зафиксирована монголоидная примесь и иного облика. В лесостепной части Прииртышья на рубеже I и II тыс. н.э. проживали племена, во

многим отличавшиеся от их южно-таежных соседей. Эти племена соотнесены со сросткинской археологической культурой. Появление сросткинских древностей на территории Прииртышья обусловлено проникновением в Обь-Иртышское междуречье мигрантов монголоидно-европеоидного облика из Южной Сибири [Алексеев, 1958, 1974; Могильников, 1981; Савинов, 1984; Чикишева, Ким, 1988; Багашев, 1988]. В результате метисации с местным населением лесостепного Прииртышья в состав последнего проникали как европеоидный компонент, так и монголоидный субстрат центрально-азиатского происхождения. Уже к XIV–XVI вв. н.э. ситуация на данной территории изменилась: приток мигрантов из Южной Сибири, судя по всему, прекратился, и дальнейшее формообразование протекало без заметного участия пришлого населения [Багашев, 1988, 1993]. Эти процессы не могли не повлиять на формирование усть-ишимской популяции. Согласно антропологическим данным, какая-то часть пришлого населения в конце I тыс. н.э. осваивала территорию подтаежного и южно-таежного Прииртышья, смешиваясь с местными группами, что и обусловило появление некоторого своеобразия устьишимцев, особенно четко зафиксированное по связям выделенных морфотипов. Именно поэтому усть-ишимская серия близка к выборкам из таежных могильников Астраханцево, Басандайка и др., где примесь южно-сибирского происхождения также присутствует [Багашев, 2003; Чикишева, Ким, 1988]. Интересно, что наиболее отчетливо этот компонент ощущается в краниологических материалах из могильника Иванов Мыс-1, расположенного в подтаежной зоне, южнее остальных исследуемых усть-ишимских погребальных памятников. Имели место и военные столкновения с пришлым населением: на черепах из этого могильника зафиксированы соответствующие повреждения [Ражев, Пошехонова, 2009]. Однако доля южно-сибирского субстрата в структуре усть-ишимской палеопопуляции была очень небольшая по сравнению с долей компонента, связанного с западно-сибирской линией развития, уходящей в эпоху железа, поэтому в целом средневековое население южно-таежного Прииртышья можно соотнести с тоболо-иртышской группой популяций обь-иртышского антропологического типа западно-сибирской расы [Багашев, 1988, 1993].

Из современных этносов Западной Сибири к усть-ишимцам по антропологическому типу ближе всего тоболо-иртышские татары, проживающие на данной территории. Несмотря на то что у разных этнотерриториальных групп зафиксированы незначительные примеси различного происхождения, расовая основа, уходящая в эпоху средневековья, была единая для всех [Багашев, 1993]. Поэтому роль средне-

векового населения таежного Прииртышья в расогенезе тоболо-иртышских татар несомненна. То есть в XIII–XIV вв. н.э. на обширной территории Среднего Прииртышья произошла смена культуры и языка на тюркские, что не повлекло за собой изменение антропологического типа.

Заключение

Таким образом, в зоне подтайги и южной тайги Западной Сибири в эпоху раннего и развитого средневековья проживало население, имевшее много общего с таежными племенами раннего железного века. Несомненно, столь обширная территория не могла быть заселена популяциями с абсолютно одинаковой антропологической структурой. Различные группы, соотносимые с той или иной археологической культурой, обладали некоторым своеобразием в физическом строении. Но общим для них было преобладание западно-сибирского субстрата, определявшего специфику физического облика каждой популяции. При этом те или иные черты своеобразия территориальных групп могут быть объяснены метисационными процессами. Несмотря на гетерогенность средневекового населения в целом, конкретные популяции отчетливо соотносятся с определенными антропологическими вариантами западно-сибирской расы, другими словами, с теми или иными современными этнолингвистическими общностями Западной Сибири.

Список литературы

- Акимов М.С.** Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 120 с.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология Алтая эпохи железа // СА. – 1958. – № 1. – С. 45–49.
- Алексеев В.П.** Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 135–164.
- Алексеев В.П.** К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // Изв. Лаборатории археологических исследований / Кем. гос. ун-т. – 1974. – Вып. 5. – С. 112–118.
- Багашев А.Н.** Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 22–54.
- Багашев А.Н.** Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 152 с.
- Багашев А.Н.** Тоболо-иртышские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – Т. 4. – С. 94–110.

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.

Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2001. – Вып. 3. – С. 159–174.

Багашев А.Н. Антропологический состав населения Прикетья (Лукьяновский и Максимоярский могильники) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: мат-лы итоговой научной сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. – Тюмень, 2002. – Вып. 3. – С. 40–43.

Багашев А.Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притомыя (могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: мат-лы итоговой научной сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2002 г. – Тюмень, 2003. – Вып. 4. – С. 68–73.

Багашев А.Н., Пошехонова О.Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2007. – Вып. 8. – С. 87–96.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 221–295.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. – 1963. – Т. 21. – С. 297–337.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 5–34.

Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропологических и краниологических исследований // Кетский сборник. – Л.: Наука, 1982. – С. 9–42.

Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: мат-лы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск: Рифей, 2008. – С. 45–60.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с. – (ТИЭ; т. 4).

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с. – (ТИЭ; т. 17).

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 13–22.

Дрёмов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СА. – 1967. – № 6. – С. 53–56.

Дрёмов В.А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 106–132.

Дрёмов В.А. Обзор географической изменчивости признаков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998а. – Т. 4. – С. 174–246.

Дрёмов В.А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998б. – Т. 4. – С. 67–84.

Дрёмов В.А., Багашев А.Н. Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – Т. 4. – С. 111–124.

Дрёмов В.А., Ким А.Р. Население северных предгорий Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – Т. 4. – С. 44–67.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 240 с.

Ким А.Р. Барабинские татары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: Расогенез коренного населения. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – Т. 4. – С. 84–94.

Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Могильников В.А. Сrostкинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 45–46.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.

Молодин В.И. От древних культур к современным народам // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. – М.: Наука, 2005. – С. 18–56.

Поздняков Д.В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н.э. // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 340–402.

Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии / ИПОС СО РАН. – 2009. – Вып. 10. – С. 83–89.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 176 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 125 с.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–245.

Чикишева Т.А., Ким А.Р. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 129–163.

Юсупов Р.М. Краниология башкир. – Л.: Наука, 1989. – 200 с.

Материал поступил в редколлегию 19.03.10 г.

ВНИГРИ – Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей палеолитического искусства
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
УрО РАН – Уральское отделение РАН

- Алонсо-Алькальде Р.** – главный менеджер по дидактике и динамизации Музея эволюции человека, Бургос, Испания. Museo de la Evolución Humana. Paseo Sierra de Atapuerca, s/n, 09002, Burgos, Spain. E-mail: ralonso@museoevolucionhumana.com
- Бенито-Кальво А.** – доктор наук, руководитель группы геоморфологии и палеогеографических реконструкций Национального центра исследования эволюции человека, Бургос, Испания. Centro Nacional sobre Evolución Humana, Paseo Sierra de Atapuerca, s/n, 09002, Burgos, Spain. E-mail: alfonso.benito@cenieh.es
- Берсенева Н.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: bersnatasha@mail.ru
- Волков П.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: volkov100@yandex.ru
- Воронина Т.А.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: russkie2@iea.ras.ru
- Деревянко А.П.** – академик, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Диес К.** – доктор наук, преподаватель Университета Бургоса, Бургос, Испания. Universidad de Burgos, Edificio I+D+i, Plaza Misael, Bañuelos, s/n, 09001, Burgos, Spain. E-mail: clomana@ubu.es
- Добжанский В.Н.** – кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия. E-mail: kafoi@history.kemsu.ru
- Епимахов А.В.** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: eav74@rambler.ru
- Жамбалгарова Е.Д.** – кандидат исторических наук, хранитель Музея Бурятского научного центра СО РАН, ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ, 670047, Россия. E-mail: dashievna@yandex.ru
- Иванов С.Н.** – научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: ivasenik@rambler.ru
- Исламов У.И.** – академик АН РУз, заведующий Ташкентским отделом Института археологии АН Республики Узбекистан, ул. Академика В. Абдуллаева, 3, Самарканд, 140051, Узбекистан. E-mail: utkur_islamov@mail.ru
- Кайзер Э.** – доктор археологии, сотрудник Свободного университета г. Берлина, Германия. Freie Universität Berlin, Hittorfstraße, 18, Berlin, 14195, Deutschland. E-mail: elke.kaiser@topoi.org
- Карбонелл Э.** – доктор наук, директор Каталонского института палеоэкологии человека и социальной эволюции, Таррагона, Испания. Institut Català de Paleoecologia Humana i Evolució Social, Area de Prehistòria, Universitat Rovira i Virgili, Plaça Imperial Tarraco 1, 43005, Tarragona, Spain. E-mail: eudald.carbonell@urv.net
- Киришин К.Ю.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kirill-kirushin@mail.ru
- Колобова К.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kolobovak@yandex.ru
- Корякова Л.Н.** – доктор исторических наук, заведующая сектором Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия; профессор Уральского Федерального университета, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: Ludmila.Koryakova@usu.ru; Koryakova.Ludmila@gmail.com
- Краева Л.А.** – кандидат исторических наук, заведующая учебно-методическим кабинетом Оренбургского государственного педагогического университета, ул. Советская, 19, Оренбург, 460844, Россия. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru

- Краузе Р. (Krause R.)** – профессор, руководитель Археологического института Университета им. Й.-В. Гете, Германия. Institut für Archäologische Wissenschaften der J.W. Goethe-Universität, Grüneburgplatz, 1, Frankfurt am Main, 60323, Deutschland. E-mail: R.Krause@em.uni-frankfurt.de
- Кривошапкин А.И.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru
- Маточкин Е.П.** – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им А.В. Анохина, ул. Чорос-Гуркина, 46, Горно-Алтайск, 649000, Россия. E-mail: musey_anohin@mail.ru
- Миссонова Л.И.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Ленинский пр., д. 32А, Москва, 119991, Россия. E-mail: missmila@iea.ras.ru
- Митько О.А.** – кандидат исторических наук, заведующий сектором Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: omitis@gf.nsu.ru
- Молчанов И.В.** – аспирант Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: kolis@mail.ru
- Навасо М.** – доктор наук, преподаватель Университета Бургоса, Бургос, Испания. Universidad de Burgos, Edificio I+D+i, Plaza Misael, Bañuelos, s/n, 09001, Burgos, Spain. E-mail: mnavazo@ubu.es
- Пантелеева С.Е.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: spanteleyeva@mail.ru
- Перес-Гонсалес А.** – доктор наук, координатор программ по геохронологии Национального центра исследования эволюции человека, Бургос, Испания. Centro Nacional sobre Evolución Humana, Paseo Sierra de Atapuercas, s/n, 09002, Burgos, Spain. E-mail: alfredo.perez@cenieh.es
- Петрова Н.Ю.** – научный сотрудник Государственного Исторического музея, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия. E-mail: petrovanatalya7@mail.ru
- Пошехонова О.Е.** – научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: ethno@ipdn.ru
- Рябогина Н.Е.** – кандидат геолого-минералогических наук, ученый секретарь Института проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: ryabogina@rambler.ru; secretar1@ipdn.ru
- Ситников С.М.** – кандидат исторических наук, доцент Алтайской государственной педагогической академии, ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия. E-mail: sitn@uni.altai.ru
- Ступан Ю.С.** – хранитель фондов Государственного Владимиро-Суздальского историко-культурного и художественного музея-заповедника, ул. Большая Московская, 43, Владимир, 600000, Россия. E-mail: stayinfreedom@yahoo.com
- Федорова Н.В.** – кандидат исторических наук, заместитель директора Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского, ул. Чубынина, 38, Салехард, 629008, Россия. E-mail: mvk-fedorova@mail.ru
- Форнасье Й.** – доктор археологии, сотрудник Археологического института Университета им. Й.-В. Гете, Германия. Institut für Archäologische Wissenschaften der J.W. Goethe-Universität, Grüneburgplatz, 1, Frankfurt am Main, D-60323, Deutschland. E-mail: fornasier@em.uni-frankfurt.de
- Чечушков И.В.** – лаборант-исследователь Южно-Уральского государственного университета, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: chivpost@gmail.com
- Чистякова А.Н.** – кандидат исторических наук, доцент Сибирского института международных отношений и регионоведения, ул. Ватутина, 17/1, Новосибирск, 630078, Россия. E-mail: feng@yandex.ru
- Шарапова С.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: svetlanasharapova@rambler.ru

- Аксянова Г.А.** Этнодемография Западной Сибири в конце XX века 2011, № 2 (46)
- Бар С., Розенберг Д.** Недавно открытые стоянки ярмукской культуры и культуры Вади Раба в южной части Иорданской долины и пустынных районах Самарии (VII–VI тыс. до н.э.): Предварительные результаты исследования 2011, № 3 (47)
- Бердников И.М.** Деревянный нателный крест из захоронения на Спасском некрополе XVIII века в Иркутске 2011, № 3 (47)
- Бобров В.В.** Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус 2011, № 1 (45)
- Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г.** Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье 2011, № 2 (46)
- Бурнаков В.А.** Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов 2011, № 1 (45)
- Васильева И.Н.** Раннеэолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) 2011, № 2 (46)
- Влад А.-М., Никулеску Г., Вилья И., Каспер Г.У., Кирьяк К., Сырге Й.** Определение источников свинцового сырья методом масс-спектрометрии (по археологическим материалам) 2011, № 1 (45)
- Власова В.В.** Медное литье в повседневной жизни и обрядовой практике коми-староверов 2011, № 1 (45)
- Волков П.В., Жамбалгарова Е.Д.** Кинжалы фофановского могильника (из коллекции музея Бурятского научного центра СО РАН): экспериментально-трасологический аспект 2011, № 4 (48)
- Воронина Т.А.** Рацион питания сибирских крестьян в дни поста (XIX век) 2011, № 4 (48)
- Воропаева Н.Н.** Культовые комплексы городища Большое Сторожевое на среднем Дону 2011, № 1 (45)
- Востриков С.С., Лукьяшко С.И.** Опыт применения теоретически и информационно обоснованной системы управления базой данных для памятников предскифского периода на нижнем Дону 2011, № 1 (45)
- Гасс А.** К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований 2011, № 3 (47)
- Дашковский П.К., Усова И.А.** Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) 2011, № 3 (47)
- Дервянко А.П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материковой части Восточной Азии 2011, № 1 (45)
- Дервянко А.П.** Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий третий: переход от среднего к верхнему палеолиту в Африке и проблема заселения Евразии человеком современного антропологического типа 2011, № 2 (46)
- Дервянко А.П.** Формирование человека современного анатомического вида и его поведения в Африке и Евразии 2011, № 3 (47)
- Добжанский В.Н.** «Киргизский рубеж» и порубежные волости Томского уезда в XVII веке: постановка проблемы и историография 2011, № 4 (48)
- Добровольская М.В., Медникова М.Б.** «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса 2011, № 2 (46)
- Зиливинская Э.Д.** Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды 2011, № 2 (46)
- Зориктуев Б.Р.** Якутские хоролоры: кто они? (К проблеме этнической идентификации) 2011, № 2 (46)
- Зубова А.В.** Одонтологические данные по проблеме происхождения носителей алакульской культуры 2011, № 3 (47)
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** К проблеме истоков кочевничества в азиатских степях 2011, № 3 (47)
- Кардаш О.В.** Посох жреца из Надымского городка XVI–XVII веков 2011, № 3 (47)
- Кирюшин К.Ю., Ситников С.М.** Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников неолита Кулунды 2011, № 4 (48)
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.** Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая 2011, № 1 (45)
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т.** Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии в III тыс. до н.э. 2011, № 2 (46)

- Ковтун И.В., Марочкин А.Г.** Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи 2011, № 1 (45)
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Дервянко А.П., Исламов У.И.** Верхнепалеолитическая стоянка Дюдакатым-2 (Узбекистан) 2011, № 4 (48)
- Королева Э.А.** Палеолитическое искусство Карпато-Днестровского региона 2011, № 1 (45)
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В.** Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) 2011, № 4 (48)
- Краева Л.А.** Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья 2011, № 4 (48)
- Курто О.И.** Желтугинская республика: опыт социального обустройства на границе России и Китая 2011, № 3 (47)
- Лычагина Е.Л.** О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья 2011, № 1 (45)
- Маточкин Е.П.** Красные маралы Сатакулара (Республика Алтай) 2011, № 4 (48)
- Медникова М.Б.** К антропологии древнейшего населения Алтая: проксимальная фаланга стопы из раскопок Денисовой пещеры 2011, № 1 (45)
- Миссонова Л.И.** Сакральное пространство и искусство его изображения в этнической культуре Северной Азии: артефакты Сахалина 2011, № 4 (48)
- Митько О.А., Ступан Ю.С.** Огниво с китайской надписью 2011, № 4 (48)
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И.** К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 2011, № 3 (47)
- Мурыгин А.М.** Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралья 2011, № 3 (47)
- Навасо М., Алонсо-Алькальде Р., Бенито-Кальво А., Диес К., Перес-Гонсалес А., Карбонелл Э.** Хундидеро – неандертальская стоянка открытого типа периода морской кислородно-изотопной стадии 4 (Сьерра де Атапуэрка, Испания) 2011, № 4 (48)
- Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И., Лозей Р.Дж., Савельев Н.А.** Использование бухты Улан-Хада на озере Байкал в голоцене (по фаунистическим материалам) 2011, № 2 (46)
- Окладникова Е.А.** Решетчатые фигуры на горе Калбак-Таш (Горный Алтай) 2011, № 3 (47)
- Панкратова Л.В.** Запечатленные в бронзе образы Саровского культового комплекса: реконструкция семантики 2011, № 1 (45)
- Петрова Н.Ю.** Гончарное производство жителей села Балхар в Дагестане 2011, № 4 (48)
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д., Эрдэне-Очир Н.** Серебряные украшения конской упряжи из кургана 20 могильника Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия) 2011, № 2 (46)
- Пошехонова О.Е.** Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.) 2011, № 4 (48)
- Рафикова Т.Н., Берлина С.В.** Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища 2011, № 2 (46)
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н.** Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов 2011, № 4 (48)
- Салмин А.К.** Собака в традиционных представлениях чувашей 2011, № 1 (45)
- Салугина Н.П.** Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения 2011, № 2 (46)
- Тур С.С.** Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая 2011, № 1 (45)
- Федорова Н.В.** Костяная антропоморфная скульптура со святилища Усть-Полуй 2011, № 1 (45)
- Федорова Н.В.** Серебряное блюдо со сценами борьбы из Нижнего Приобья 2011, № 4 (48)
- Худавердян А.Ю.** Эпохальная изменчивость некоторых морфологических особенностей зубной системы: эволюционные и экологические аспекты 2011, № 1 (45)
- Чистякова А.Н.** Анализ лаковых чашек эпохи Западная Хань по иероглифическим надписям (Ноин-Ула, Монголия) 2011, № 4 (48)
- Чудова Т.И.** Символика пищи в контексте свадебной обрядности коми (зырян) 2011, № 3 (47)
- Шарганова О.Л.** Сырье и формовочные массы круговой керамики из Гнэзовского могильника 2011, № 1 (45)
- Шитова Н.И.** Яркость и аскетизм в одежде уймонских кержачек (XX – начало XXI века) 2011, № 2 (46)
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.** Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм 2011, № 3 (47)